

№ 1606. гр. б.

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА ВСѢ СЛУЧАИ ВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

(СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ).

СОСТАВИЛИ

В. О. Горданъ и О. М. Дембинская.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

1р50к

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ ИВАНА ФЕДОРОВИЧА МОРОЗОВА.

1884.

Подарено бы мануск
визит и мануск французск
на 2-й Дебриневу.

Ф. М.

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ.

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ.

№ 1606 ор. б.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ, НА ВСѢ СЛУЧАИ ВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

(СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ).

СОСТАВИЛИ

В. О. Иорданъ и О. М. Дембинская.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Типографія В. О. Рихтеръ, Тверская, Ст. Триумф. в., д. Локотникова.

1884.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ лежащей передъ читательницей книгѣ мы представляемъ рядъ литературныхъ и научныхъ статей, раскрывающихъ тѣ стороны всендневной дѣвической, замужней, хозяйственной и общественной жизни, съ которою не знакомить ни семья, ни школа и изученіе которой пріобрѣтается женщиной долговременнымъ, иногда горькимъ и тяжелымъ опытомъ. Изученіе этихъ реальныхъ сторонъ жизни избавляетъ женщину отъ промаховъ и ошибокъ, увеличиваетъ и упрочиваетъ матеріальное ея благосостояніе и вноситъ въ ея жизнь избытокъ, довольство и счастье.

Масса практическихъ, систематически расположенныхъ со- вѣтовъ, наставленій, свѣдѣній, указаній, замѣтокъ, и рецептовъ, по всѣмъ отраслямъ женскаго хозяйства и домоводства, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, составляютъ цѣль и суть женской жизни и дѣятельности.

Цѣль изданія—дать русскимъ женщинамъ такое сочиненіе, которое знакомило-бы ихъ съ дѣйствительною жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ и моментахъ и такимъ образомъ расширило бы ея умственный кругозоръ, упрочивъ въ то-же время нравственные устои и трезвый взглядъ на жизнь. Въ этихъ видахъ въ изданіе вошла масса тѣхъ практическихъ свѣдѣній, съ которыми родители и воспитатели почему-то считали предосудительнымъ знакомить дѣвушку въ періодъ ея совершеннолѣтія и незнаніе которыхъ впоследствии заставляеть женщину совершать бездну промаховъ и ошибокъ, дѣлаясь такимъ образомъ тяжелой обузой, а не помощницей своему мужу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ родительскою кровлею.

Два афоризма о женщинѣ. — Въ чемъ состоитъ призваніе женщины и гдѣ ей мѣсто. — Пагубныя заблужденія и увлеченія мнимою свободою. — Историческій взглядъ на судьбу дочери въ семьѣ и роль ея въ домашнемъ быту. — Дочь бремя для семьи. — Кто въ этомъ виновать? — Первоначальное воспитаніе. — У насъ нѣтъ матерей. — Рациональное воспитаніе, какъ подготовка къ практической жизни. — Возраженія мнимыхъ эмансипаторовъ. — Американская леди и американская система воспитанія. — Плодотворныя результаты этой системы. — Что даетъ школа и чего требуетъ жизнь? — Реальное воспитаніе. — Закрытыя учебныя заведенія. — Сословныя предразсудки — Первые шаги на житейскомъ поприщѣ. — Розовыя надежды и горькое разочарованіе.

„Женщина — перлъ созданія!“

П. Вейберъ.

„О, женщины, — ничтожество вамъ имя!...“

В. Шекспиръ.

Какъ рѣзко, какъ діаметрально противоположны эти два афоризма! Женщина и перлъ созданія, и ничтожество въ одно и тоже время. Можетъ-ли существовать подобное противорѣчіе?... Увы, да! Женщина, точно исполняющая высокое назначеніе, данное ей провидѣніемъ и природою, — это перлъ созданія, это царица міра; но когда женщина не сознаетъ своего святаго назначенія и забываетъ свой великій долгъ, тогда она становится ничтожествомъ, достойнымъ всеобщаго презрѣнія, становится рабой....

Въ чемъ же состоитъ призваніе женщины?

„Призаніе женщины!“.. При звукъ этихъ словъ въ нашемъ воображеніи тотчасъ рисуются картины, одна другой привлекательнѣе.

Вотъ невѣста въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ изъ миртъ, съ развивающимся вуалемъ на изящно причесанныхъ волосахъ, подъ руку съ женихомъ, окруженная подругами, благословляемая двойною парой родителей. Она привлекаетъ всеобщее вниманіе; всѣ слѣшаютъ привести ей свои поздравленія; она царица праздника; эти цвѣты, гирлянды, пѣсни, все это относится только къ ней. Женихъ, какъ водится, одѣтъ во все черное, въ не поэтической цвѣтъ, дѣлается незамѣтнымъ и занимаетъ второстепенное мѣсто; все-же вниманіе, всѣ доказательства привязанности и удивленія, обращаемыхъ на невѣсту, какъ-бы имѣютъ цѣлью внушить жениху, какое сокровище пріобрѣтается имъ.

Но вотъ проходитъ нѣсколько времени и первая картина смѣняется другой, не менѣе привлекательной.

Жена въ простомъ, но изящномъ нарядѣ хлопочетъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Все, что только окружаетъ ее, все ново, все блещетъ чистотой, опрятностью и стройнымъ порядкомъ. Уютныя комнаты убраны искусною и заботливою рукою; мебель проста, не затѣйлива, но удобна и комфортабельна; даже кухня невольно привлекаетъ къ себѣ опрятностью. На простой деревянной посудѣ незамѣтно пятнышка, жестяная блеститъ, плита и самоваръ такъ чисты, какъ будто къ нимъ не прикасались ни дымъ, ни сажа. Вотъ мужъ возвратился домой отъ своихъ занятій; сидя вмѣстѣ съ ней за столомъ, онъ цѣлуетъ ей руку, ту самую руку, которую она за нѣсколько минутъ передъ этимъ обожгла можетъ быть по его же милости; онъ ѣсть съ аппетитомъ, все находитъ вкуснымъ. Онъ увѣряетъ, что подобнаго обѣда никогда не ѣдалъ ни въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Кончился обѣдъ и мужъ крѣпкимъ, долгимъ поцѣлуемъ благодарить жену за ея хлопоты. У нихъ впереди еще цѣлый вечеръ, чтобы вмѣстѣ наслаждаться жизнью.

Но самая блестящая картина въ жизни женщины—это жизнь матери въ кругу дѣтей. Тутъ женщина является въ вѣнцѣ ея славы, въ ея необходимости для семьи, въ ея высшемъ, святомъ назначеніи. Она или носитъ на рукахъ груднаго ребенка, или укачиваетъ его, засыпающаго въ колыбели подъ

звуки пѣсенки, или читаетъ что-либо дѣтямъ, плотно облѣпившихъ ее со всѣхъ сторонъ, или слѣдить за приготовленіемъ уроговъ старшими дѣтками. Во всѣхъ этихъ моментахъ мать одинаково прекрасна, величественна, одинаково внушаетъ къ себѣ чувство глубокаго уваженія, переходящаго порою въ благоговѣніе.

Наступила старость, сыновья женились, дочери вышли замужъ, явилось новое поколѣніе—внуковъ и внучатъ, но если женщина честно выполнила свое призваніе, она все еще бодрa, не смотря на свои лѣта и старость ея безпредѣльно счастлива. Для нее бываетъ лучшимъ праздникомъ тотъ день, когда около ея очага собираются ея дѣти и внуки. Дѣти уже самостоятельны, но главенство старушки и ея непоколебимый авторитетъ чувствуется во всемъ. Она окружена всеобщимъ, искреннимъ уваженіемъ. Къ ней прибѣгаютъ всѣ члены семьи, когда у нихъ бываетъ тяжело на душѣ, когда кого-нибудь постигнетъ житейская буря; въ этой старушкѣ, въ ея добротѣ и опытности отводятъ несчастные свою душу, въ ней находятъ и успокоеніе. Къ этой почтенной старушкѣ прибѣгаютъ всѣ для полученія благословенія, зная, что вся ея жизнь была направлена къ тому, чтобы удалить изъ дому неприятность и горе, чтобы водворить и распространить спокойствіе и любовь.

Счастлива та, которой досталась такого рода жизнь, которая удостоилась такого призванія и въ состояніи была его исполнить!

Ея святое назначеніе—

Нашъ геній отъ пеленъ принять,

Направить душу поколѣнья,

Отличаѣ гражданъ воспитать.

Мѣсто женщины въ семьѣ и тутъ она можетъ оказывать незамѣнимыя и неизмѣримыя услуги человечеству. Тутъ, въ роли матери, жены, воспитательницы и хозяйки, она можетъ царить надъ міромъ, управлять его судьбами, трудиться надъ усовершенствованіемъ человѣческаго рода, двигать цивилизацію и прогрессъ. Трудно себѣ представить, какъ велико и безпредѣльно вліяніе женщины въ од-

ной лишь роли воспитательницы подростящихъ поколѣній, не только на повседневную жизнь каждаго отдѣльнаго семейства, но и на судьбы цѣлыхъ народовъ и государствъ. Государства слагаются изъ семействъ, а такъ какъ въ каждомъ изъ послѣднихъ преобладаетъ, или по крайней мѣрѣ должно преобладать вліяніе женщины, то и оказывается, что женщина управляетъ міромъ посредствомъ сосредоточенія въ своихъ рукахъ одного только воспитательнаго дѣла. „Измѣните воспитаніе и вы измѣните видъ земли,“ сказали Лейбницъ, и такъ какъ великая и святая обязанность воспитанія дѣтей возложена самою природою на матерей, то г-жа Неккеръ-де-Соссюръ имѣла полное основаніе сказать: „если бы женщина послушала голоса природы, то ея истиннымъ призваніемъ было-бы усовершенствованіе человѣческой природы“ *). Итакъ, черезъ вліяніе на своихъ дѣтей, женщины могли-бы быть истинными владѣльцами міра и побуждать его, но не насиліемъ, а неотразимымъ мечемъ женской силы и красоты, какъ истинный геній человѣчества. Но кромѣ дѣятельности воспитательной, для женщинъ остаются еще другія сферы: матери, жены, сестры, дочери, хозяйки и наконецъ гражданки. Тутъ также открывается широкое поле для плодотворной дѣятельности, которая еще болѣе усилила бы вліяніе и значеніе женщинъ. Отчего-же однако, это вліяніе на самомъ дѣлѣ, не столь значительно? Отвѣтъ очень простъ. Оттого, что наши женщины плохія матери, плохія воспитательницы, плохія жены, плохія хозяйки. И при томъ какъ мало женщинъ, сознающихъ свое высокое призваніе и честно выполняющихъ свой долгъ, но за то какъ много женщинъ, вѣчно недовольныхъ своимъ положеніемъ, требующихъ, чтобы для нихъ былъ расширенъ кругъ дѣятельности, чтобы для нихъ былъ открытъ доступъ въ тѣ области труда, на которыхъ всегда подвизался мужчина! Смѣшно, конечно, становиться въ ряды противниковъ женской эмансипаціи, но нельзя также не замѣтить, что всѣ эти назойливыя требованія основаны исключительно на непониманіи женщинами

*) M-me Necker-de-Saussure, L'éducation progressive, liv. 1. ch. III.

и злыя дѣйствія человѣка недостаточны, что-бы привести его послѣ смерти къ жилищу радостей, или къ мѣсту страданій: не отъ него одного зависѣло его спасеніе; оно зависѣло отъ его потомковъ и душа праотца блуждала съ тоскою вокругъ блаженнаго жилища, пока его потомки не отправляли въ его честь похороннаго жертвоприношенія. А этого благочестиваго жертвоприношенія, этого дѣла спасенія дочери не могли исполнять. Онѣ были отдѣлены даже отъ своего семейства, бесполезны для существъ, которыхъ больше всего любили и ихъ бесплодная нѣжность знала страданія отцевъ, вѣрила имъ, оплакивала и не знала чѣмъ облегчить. Въслѣдствіе этого, во время самаго рожденія ожиданія вокругъ ложа страданій были чрезвычайно противоположны. Если родился сынъ, прежде, такъ сказать, его крика, когда онъ еще не отдѣлился отъ материнской утробы, отецъ бѣжалъ искать всего, что природа имѣетъ сладчайшаго и что земля содержитъ въ себѣ драгоценнѣйшаго: меду и золота. Онъ натиралъ ими губы новорожденнаго и, при звукѣ священныхъ словъ, торжественно прочитанныхъ, онъ давалъ ему самыя выразительныя названія, которыя дѣлались его именами; онъ называлъ его Путра, спаситель ада, или дитя долга, потому что, благодаря ему, долгъ относительно праотцевъ очищался. Мать также принимала участіе въ этихъ почестяхъ; и въ этой индійской семьѣ, имѣвшей семь или восемь женъ разныхъ званій, мать сына занимала въ силу этого титула первое мѣсто. Напротивъ рожденіе дочери встрѣчалось угрюмымъ молчаніемъ. Ни пѣсенъ священныхъ, ни религіознаго праздника. Какою пищею введутъ ее въ жизнь? Молокомъ? Медомъ? Даже религіозный законъ не говоритъ объ этомъ. Что ему за дѣло—вѣдь это дѣвочка! Какое прозвище дадутъ ей? Никакого, такъ какъ она ничего не представляетъ; только имя ея *) должно быть плавное и легкое для произношенія; вотъ все чего требуетъ для нее законодатель. Мать же плакала и дрожала; ея пребываніе въ домѣ мужа становилось не такъ вѣрно съ рожденіемъ этого

*) Законы Ману, кн. II в. 33.

ребенка: женщина, дававшая въ свѣтъ только дочерей могла быть удаляема на одиннадцатомъ году. Въ Аѳинахъ, отецъ съ рожденіемъ дочери со злостью приказывалъ повѣсить надъ своею дверью шерстяную кудель, *) вмѣсто оливковыхъ гирляндъ, которыя должны были говорить всему городу: „сынъ родился въ этомъ домѣ“.

Въ Спартѣ, на десять дѣтей, брошенныхъ на произволь судьбы, или даже убитыхъ за невозможностью воспитывать, или по трудности устроить ихъ, бывало семь дѣвочекъ; ихъ полъ считался наравнѣ съ безобразіемъ.

Въ Римѣ, новорожденнаго клали въ ноги отца, который могъ по произволу поднять его или оставить. Сколько разъ патрицій, со всѣмъ гнѣвомъ обманутой гордости, отверчивался отъ несчастнаго созданія, лежавшаго передъ нимъ на землѣ, кричавшаго, плакавшаго, звавшаго... напрасный зовъ,—это была дочь!

У французовъ, при феодальномъ управленіи, рожденіе дѣвочки казалось отцу бѣдствіемъ.

Французскій простолюдинъ, на своемъ языкѣ, проникнутомъ духомъ вещей, выставляетъ въ смѣшномъ видѣ и отчасти лишаетъ мужеской способности человѣка, который производитъ только дѣвочекъ. Спросите такого крестьянина о его семействѣ, онъ вамъ отвѣтитъ: „У меня нѣтъ дѣтей, сударь, у меня только дочери“. Бретонецъ-фермеръ, котораго жена производитъ на свѣтъ дочь, еще и теперь говоритъ: „моя жена родила преждевременно.“

У насъ, въ Россіи, родители, къ какому-бы состоянію и слою общества не принадлежали, всегда встрѣчаютъ рожденіе мальчика съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ дѣвочки. Тутъ играетъ роль не суетность и не предразсудокъ, а просто житейскій расчетъ. Заботы отца и матери никогда не останавливаются на настоящей минутѣ ребенка; они всегда видятъ своихъ дѣтей за десять лѣтъ впередъ. Вотъ именно это чувство предусмотрительности, которое лежитъ въ основаніи родительской любви, и испускаетъ тревожный крикъ

*) Antiquités grecques. t. II ch. 15. Aristophane, Les Grenouilles.

при рожденіи дочери. Всякій истинно благоразумный отецъ, принимая въ первый разъ на свои руки только что родившееся дорогое созданіе, долженъ спросить себя съ тоскою болѣе глубокою, чѣмъ если-бы дѣло касалось сына, что будетъ съ нею? Жизнь такъ сурова и неизвѣстна для дѣвочки! Если она для поддержанія себя должна будетъ трудиться, то какимъ образомъ дать ей то положеніе, которое прокормило бы ее? Если она не имѣетъ приданого, то какъ отдать ее замужъ? Если она не выйдетъ замужъ, то какъ предохранить ее отъ столькихъ случаевъ паденія? Богатство, блескъ, положеніе, здоровье, красота, душевныя качества недостаточны для того, чтобы успокоить отца, такъ какъ онъ не можетъ, при нынѣшнемъ положеніи вещей, предусмотрѣть всѣ случайности. Слово-же „старая дѣва“ окончательно ужасаетъ родителей. Дочь-обуза, таково общее мнѣніе. Богатый аристократъ въ дочери прежде всего не видитъ продолженія своей громкой фамиліи и напротивъ, при рождаемости однихъ дочерей, долженъ опасаться за то, что громкій родъ прекратится и исчезнетъ безслѣдно со страницъ исторіи. Подобный исходъ наноситъ жестокой ударъ его честолюбію, его аристократической гордости. Богатый купецъ въ каждомъ сынѣ видитъ своего преемника, который продолжитъ и расширитъ начатое имъ торговое или промышленное дѣло. И аристократъ, и купецъ знаютъ, что при выдачѣ дочери замужъ, придется выдѣлять ей приданное, т. е. дробить или родовое, или благопріобрѣтенное имѣніе. Чиновникъ, мелкій торговецъ, разночинецъ, духовное лицо, богатый крестьянинъ ужасаются одной мысли о расходахъ, которые придется понести на воспитаніе и образованіе дочери и затѣмъ на то, чтобы „пристроить“ ее, т. е. обезпечить ея существованіе по достиженіи зрѣлаго возраста. Словомъ, всѣ взгляды на дочь одинаковы: дочь налагаетъ массу самыхъ разнообразныхъ заботъ, каждый шагъ ея даетъ поводъ къ опасеніямъ за ея будущность; она—тяжелое бремя.

Бѣдныя дочери! Не сами-ли родители виноваты въ томъ, что вы становитесь имъ въ тягость? Не сами-ли они уродуютъ, коверкаютъ, ломаютъ васъ и путемъ долгой, трудной

работы доводить васъ, прекрасныхъ и нѣжныхъ, до такого состоянія, при которомъ вы дѣйствительно дѣлаетесь тяжелымъ бременемъ?..

Въ этой ужасной несправедливости въ отношеніи дочерей виновато наше безобразное домашнее воспитаніе и наши возмутительные, варварскіе взгляды на ту роль, какую дочь должна занимать въ семействѣ. Изъ маленькой дѣвочки у насъ систематически, шагъ за шагомъ готовятъ тунядку, набиваютъ ей голову всякимъ вздоромъ, приучаютъ къ мотовству, развиваютъ страсть къ нарядамъ и чувственнымъ удовольствіямъ, воспитываютъ въ ней отвращеніе къ труду и вообще создаютъ безхарактерное, несчастное существо, которое вѣчно въ тягость роднымъ до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается въ тягость мужу. Хорошо еще, если удастся выйти замужъ, а если не удастся, дѣвушка гибнетъ. И эту порчу, эту ломку мать производитъ надъ дочерью, дочь, въ свою очередь ставъ матерью, ломаетъ слѣдующее поколѣніе и такъ до безконечности.

Любящая мать, готовая жертвовать жизнію за свою дочь, сама того не вѣдая, создаетъ ея несчастье.

— Старыя системы воспитанія ни къ чему не годятся, сказалъ какъ-то Наполеонъ I въ разговорѣ съ г-жею Кампанъ. Чего недостаетъ для хорошаго воспитанія?

— Матерей, отвѣчала госпожа Кампанъ.

Такой отвѣтъ поразилъ Императора.

— Да, сказалъ онъ, въ этомъ одномъ словѣ заключаются всѣ системы воспитанія. Старайтесь-же образовать матерей такъ, чтобы онѣ умѣли воспитывать дѣтей.

Императоръ былъ тысячу разъ правъ. Дѣйствительно, сама природа назначила мать первою и лучшею наставницею своихъ дѣтей и въ особенности дочерей. Только мать способна воспитать въ дѣтяхъ сознаніе всей внѣшности и строгости долга; только она способна вселить въ нихъ благородныя чувства и возвышенныя идеи. Правила нравственности, преподаваемые въ школахъ, не производятъ ни малѣйшаго дѣйствія, если мы не прониклись вліяніемъ первыхъ уроковъ и первыхъ материнскихъ ласкъ. Отъ матери совер-

шенно зависить будущность ея дѣтей. Конечно, женщины тщеславныя и жадныя до удовольствій, не имѣютъ времени жить съ дѣтьми, заниматься ихъ воспитаніемъ. О, какъ глубоко они унижаютъ имя женщины!.. Не лучше и тѣ женщины, вялыя и неспособныя, которыя не знаютъ съ чего начать, не имѣютъ истиннаго понятія о своей обязанности. Будь даже такая женщина отъ природы доброю и разумною— этого недостаточно; нужно еще отчетливое сознаніе того, что должно дѣлать для блага дѣтей. Наконецъ встрѣчаются матери, которыя живутъ только своими дѣтьми и отъ всей души желаютъ сдѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ общества; но много-ли такихъ, которыя въ умственномъ отношеніи могутъ имѣть на нихъ вліяніе и не только въ дѣтствѣ, но и позже.

Да, г-жа де Кампанъ была права: у насъ нѣтъ матерей и въ этомъ заключается величайшее несчастіе нашихъ женщинъ. Дѣвочка съ самыхъ раннихъ лѣтъ нуждается въ опытной, умной руководительницѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣвочку необходимо уже готовить къ тѣмъ обязанностямъ, которыя ожидаютъ ее въ будущемъ. Впослѣдствіи, сдѣлавшись взрослой дѣвушкой и женщиной, она не сознаетъ своего высокаго призванія именно потому, что мать не позаботилась или не умѣла вселить въ ней этого сознанія. Она остается чуждой и домашнему быту, и міру духовному, тогда какъ лишь въ совокупности этихъ двухъ сферъ заключается возможность всесторонняго исполненія женщиной своего призванія.

Вліяніе матери очень сильно, какъ на сыновей, такъ и на дочерей. Достаточно вспомнить, что всѣ великіе люди имѣли замѣчательныхъ матерей, но вліяніе это еще сильнѣе на дочь, чѣмъ на сына. Дочери мать должна служить лучшимъ примѣромъ въ теченіе всей жизни. Дѣвушка не станетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на домашнія обязанности, если ея мать исполняетъ ихъ съ заботливостью и постоянствомъ. Гордость, страсть къ нарядамъ, бездѣлю и кокетству не можетъ явиться въ дѣвушкѣ, если любимая мать отличается простотою. Какое несчастіе для молодой дѣвушки, если у ней

пустая и тщеславная мать, только и ожидающая, когда наступит пора вывозить дочь въ свѣтъ! Мать, лишенная чувства собственнаго достоинства, не можетъ возбудить его въ дочери.

Материнское чувство должно-бы спасти отъ легковѣрія и кокетства и тѣхъ женщинъ, которыя стоятъ уже на краю пропасти. Многіе женщины думаютъ, что будетъ время перемѣниться, когда подрастутъ ихъ дочери, но увы! тогда уже поздно. Дитя, подобно растенію, развивается соотвѣтственно той атмосферѣ, которою дышетъ. Никакая строгость впоследствии не исправитъ того, что было испорчено раннимъ знакомствомъ съ пустыми и ничтожными людьми. Особенно для дѣвочки важнѣе всего при воспитаніи примѣръ. Ея нѣжная натура воспринимаетъ хорошія и дурныя впечатлѣнія съ удивительной быстротою и они дѣйствуютъ на нее несравненно сильнѣе, чѣмъ на мальчика. Какъ часто бросаемъ мы камнемъ въ легкомысленную женщину, а если спросить о ея матери и обстоятельствахъ ея молодости, то нерѣдко негодованіе ваше смѣняется чувствомъ глубокаго сожалѣнія.

Итакъ, мать должна быть воспитательницей, наставницей и руководительницей дочери съ перваго момента появленія ея на свѣтъ и затѣмъ въ теченіе всей жизни должна служить для нея примѣромъ. Въ этомъ состоитъ главнѣйшая, величайшая обязанность матери, предназначенная ей самою природою. Но исполненіе этой святой обязанности мыслимо лишь при томъ условіи, если мать знакома съ сущностью раціональнаго воспитанія. Недостаточно еще любить своего ребенка, недостаточно желать ему добра и быть готовою на всевозможныя пожертвованія для своей дочери. Чтобы сдѣлать ее счастливою, чтобы выработать изъ нея полезнаго и дѣятельнаго члена семьи и общества, необходимо поставить воспитаніе на раціональныя начала и умѣть примѣнить раціональную систему воспитанія.

Воспитаніе должно состоять въ подготовкѣ дѣвочки къ предстоящимъ ей впоследствии обязанностямъ матери, жены и хозяйки.

„У всѣхъ народовъ, говоритъ Луиза Бюхнеръ*) на какой бы степени образованности они не находились, вездѣ женщины занимаются мелочными, ежедневно возобновляющимися хлопотами и заботами о домашнемъ хозяйствѣ, тогда какъ болѣе трудныя и тяжелыя занятія достаются на долю мужчинамъ. Это порядокъ естественный и не можетъ измѣниться. Чтобы мужъ дома стряпаль, или шиль, а жена за-сѣдала въ судѣ, или говорила проповѣди—это просто б р е д н и. Устранить женщину отъ хозяйства значило бы вывести ее изъ сроднаго ей круга дѣятельности и бросить ее на такое поприще, гдѣ подъ часъ она можетъ быть терпима, но никогда не будетъ господствовать. Только въ предѣлахъ мирной домашней жизни душа женщины можетъ развиваться благотворно и безопасно. Домашній очагъ, гдѣ горитъ священный пламень, возженный сознаниемъ ея обязанностей и поддерживаемый удовольствіемъ, какое всегда доставляется честнымъ трудомъ,—вотъ мѣсто и занятіе женщины. Такова ея природа“.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что наша семейная жизнь доставляетъ съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе наслажденій; при постоянно увеличивающихся нуждахъ и претензіяхъ женщинъ, для многихъ мужчинъ основаніе собственной, домашней осѣдлости дѣлается почти невозможнымъ. Причина этого печальнаго явленія очевидна; нравственное недовольство и матеріальныя затрудненія проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ отъ чрезмѣрнаго стремленія женщинъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ и неспособности ихъ къ исполненію домашнихъ обязанностей. Въ виду этого постоянно возбуждаются вопросы: „въ чемъ же заключается призваніе женщины: въ развитіи-ли ума, или въ однихъ хозяйственныхъ занятіяхъ и работахъ“? На это женщины обыкновенно возражаютъ „главнѣйшая обязанность наша состоитъ во все не въ томъ, чтобы стряпать, шить, или гладить. Мы хотимъ имѣть большее значеніе, хотимъ, подобно мужчинамъ, наслаждаться наукою и искусствомъ!“ Это требованіе одно-

*) Л. Бюхнеръ, „Призваніе женщины“.

стороннее, неблагоразумное и недобросовѣстное. Женщина, также какъ и мужчина, имѣть свой опредѣленный кругъ обязанностей, имѣть свое важное призваніе и только по исполненіи его, она вправѣ требовать наслажденій жизни.

Да, женщина имѣть равное право съ мужчиною на всякое духовное наслажденіе, но также въ равной мѣрѣ обязана и ежедневно трудиться. Воспитаніе должно постоянно имѣть въ виду такое назначеніе ея и дать ей средства преодолевать трудности. А есть-ли для этого другое средство, кромѣ полнаго знанія и умѣнія того, что по справедливости можно требовать отъ женщины въ семействѣ, каково бы не было его положеніе. Не хочется, но надо сознаться, что если бы непременно приходилось выбрать что либо одно, т. е. умственное или практическое развитіе женщины, отъ чего зависѣла бы участь семейства, то мы безусловно выбрали бы послѣднее. Мы сдѣлали бы этотъ выборъ ради спасенія семейства, въ интересахъ цѣлости и неприкосновенности семейнаго начала и наконецъ ради счастья подрастающихъ поколѣній. Въ семьи новыя поколѣнія должны нравственно погибнуть, а это слишкомъ большая жертва. Наконецъ нужно помнить, что умственное развитіе возможно лишь при матеріальномъ довольствѣ и потому прежде нужно заручиться послѣднимъ, чтобы имѣть возможность пользоваться первымъ. Дѣвушкѣ, въ особенности принадлежащей къ среднему сословію, съ точки зрѣнія практической, важнѣе изучить весь родъ домашнихъ занятій, чѣмъ фортепянную скалу, научиться лучше стирать, чѣмъ говорить на иностранныхъ языкахъ, шить рубашки, чѣмъ готовить самое тонкое вышиваніе. Но такой исключительный выборъ либо умственнаго образованія, либо чисто хозяйственнаго обученія въ наше время болѣе не нуженъ; обѣ сферы, повидимому враждебныя, могутъ миролюбиво совмѣститься въ женщинѣ, которой суждено быть украшеніемъ всенедневной жизни. Возможность этого соединенія не подлежитъ сомнѣнію; были и есть женщины, достигшія этой степени развитія, а что возможно нѣкоторымъ, должно быть доступно и всѣмъ.

Дайте дѣвущкѣ дѣльную мать—наставницу, которая сама основательно знаетъ то, чему должна учить и можетъ служить хорошимъ примѣромъ; научите дѣвущку сознавать долгъ и въ томъ, что до сихъ поръ ей казалось пустымъ; прибавьте ей нѣсколько лѣтъ для способнаго развитія; не дѣлайте ребенка уже въ 15—16 лѣтъ свѣтскою дамою; дайте ему время умственно и практически стать на извѣстную степень образованности и цѣль будетъ достигнута. „Человѣкъ входитъ въ готовый міръ, но надобно отыскать путь въ немъ“, говорить Рахель. Это-то и есть задача воспитанія. Укажите путь ребенку, дайте природѣ его правильное направленіе, уму его твердое основаніе и онъ пойдетъ безопасно и спокойно по своей дорогѣ, подобно природѣ въ ея органическомъ развитіи. Пускай каждая дѣвочка знаетъ, что она должна изучить, какъ азбуку, всѣ хозяйственныя работы и занятія, что она не будетъ отдана замужъ прежде, чѣмъ не выучится исполненію обязанностей, возложенныхъ на нее самою природою и вы увидите, что она добровольно и съ удовольствіемъ подчинится такому общему для всѣхъ порядку. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что всѣ женщины должны быть одинаково воспитываемы. Склонности, таланты, остоятельства непримѣнно возьмутъ свое въ дальнѣйшемъ развитіи и по прежнему найдутся женщины, съ особеннымъ пристрастіемъ подчиняющіяся хозяйственнымъ обязанностямъ, тогда какъ другія будутъ стремиться къ умственнымъ занятіямъ, но учебные годы каждой дѣвицы должны доставить образованіе и теоретическое и практическое. Цѣль такого образованія—внутренняя и внѣшняя самостоятельность женщины при правильномъ сознаніи и исполненіи ею своихъ обязанностей. Какъ скоро это достигнуто и уяснена цѣль ее существованія, то женщина одаренная особеннымъ умомъ и чувствомъ, будетъ имѣть всѣ средства бороться съ повседневною жизнію и никогда не сдѣлается добычею пошлости; а женщина, которая имѣетъ болѣе практическое направленіе, сознавая духовныя потребности семейства и получивъ въ воспитаніи средства къ ихъ удовлетворенію, никогда не унизится до того односторон-

няго, мелочнаго направленія, которое дѣлаетъ изъ женщины бесполезное и въ сущности очень несчастное созданіе.

Многіе думаютъ, что хозяйству можно научиться и послѣ вступленія въ замужество. Но у кого тогда учиться? Какъ пріобрѣсти умѣніе управлять всёмъ домомъ? Всякое дѣло мастера боится; его нужно изучать, въ немъ нужно упражняться? Не у прислуги-ли учиться? Но не пристойнѣ-ли учиться дѣвушкамъ у матери, чтобы впослѣдствіи не становиться въ положеніе ученицы въ отношеніи прислуги?

Да и вообще каждая дѣвушка должна быть заранѣе приготовлена, чтобы не собираться кормить собакъ, когда уже выѣхали на охоту. Она должна знать каждую работу, понимать весь составъ хозяйства и не учиться тогда уже, когда настала минута нужды и безпорядка. Каждая дѣвица должна имѣть надлежащій къ тому навыкъ и тогда ей легко будетъ обезпечить семейное довольство. Оно поддерживается порядкомъ, опрятностью, бережливостью и правильнымъ распределеніемъ занятій и времени; гдѣ не достаетъ одной изъ этихъ опоръ, тамъ нѣтъ домашняго довольства; съ помощью-же этихъ полезнѣйшихъ средствъ хозяйство представляется стройнымъ цѣлымъ, безъ различія: подъ соломенною-ли оно кровлею, или въ богатыхъ хоромахъ.

Разумная, достойная мать, которая сама можетъ научить дѣтей хозяйственнымъ занятіямъ, однимъ присутствіемъ своимъ удаляетъ всякую мысль о пошлости или низости этихъ занятій. Да и вообще мнѣніе о пошлости и недостойности хозяйственныхъ занятій—это колоссальный абсурдъ, созданный сторонниками той женской свободы, противъ которой такъ горячо ратуетъ Лигуве. Никакой трудъ не можетъ быть пошлымъ, недостойнымъ, а тѣмъ болѣе трудъ на пользу семьи, на пользу своихъ близкихъ, трудъ у семейнаго очага. Технические трудности также не должны никого пугать. Законъ, требующій преодоленія простой технической трудности, повторяется при каждомъ техническомъ занятіи, какъ большемъ, такъ и маломъ; тому-же закону подчиняется исполненіе хозяйственныхъ обязанностей; но управленіе, а тѣмъ болѣе созданіе благоустроеннаго хозяйства не дается даромъ;

напротивъ къ нему надобно приготовиться и употребить на это много доброй воли, много сознанія истинныхъ потребностей и обыкновенный свѣтскій доскъ остается безъ пользы въ кухнѣ и домашнемъ быту. Притомъ вѣдь не только глупенькія, но и самыя смышленныя женщины также желаютъ выйти замужъ; а въ такомъ случаѣ всѣмъ безъ исключенія необходимо приобрести навыкъ къ хозяйству.

„Да, женщины, восклицаетъ Луиза Бюхнеръ *), въ вашихъ хозяйственныхъ обязанностяхъ есть такой источникъ силы, какого лишень мужчина, которому вы такъ завидуете! Не удались его стремленія и вотъ онъ стоитъ безнадежный, всѣми оставленный; въ его дѣятельности сосредоточились всѣ его свѣдѣнія и способности; вамъ-же остается въ домѣ тихое, мирное поприще, куда вы возвращаетесь послѣ самыхъ тяжелыхъ испытаній и гдѣ вы всегда можете творить и дѣйствовать съ несомнѣнною пользою. Умъ возрождается среди тихихъ хозяйственныхъ занятій и то, что вы считаете унизительнымъ, возвращаетъ вамъ потерянную силу, подобно великану, который становится сильнѣе и сильнѣе отъ одного прикосновенія къ родной землѣ“.

Итакъ, первоначальное домашнее воспитаніе дочери должно состоять въ подготовленіи ее съ самаго ранняго возраста къ предстоящимъ обязанностямъ хозяйки. Конечно, въ первые года ребенка мать должна обратить все свое вниманіе на чисто физическое воспитаніе, затѣмъ на развитіе умственныхъ способностей, инстинктивнаго чувства прекраснаго, совѣсти и склонностей, — словомъ, на развитіе ума и сердца. Эта специальная часть воспитанія составить предметъ особой главы. Но лишь только дѣвочка начнетъ сознавать себя, необходимо тотчасъ начать готовить ее къ серьезнымъ хозяйственнымъ занятіямъ; прежде всего она должна изучить домъ и домашнее хозяйство, чтобы потомъ перейти къ изученію другихъ обязанностей жены и матери.

Но неужели, возражать сторонники „женской свободы“, женщина должна быть лишь кухаркой, нянькой и прачкой

*) Ibid. стр. 26.

своего мужа?!... Нисколько, но женщина будетъ только тогда счастлива, когда наряду съ умственными занятіями, она займетъ надлежащее мѣсто въ семьѣ. А какъ совмѣстимо занятія матери, жены и хозяйки,—это блестящимъ образомъ доказываютъ американскія женщины, съ положеніемъ которыхъ читательницы познакомятся ниже.

Идеаломъ полноправной, независимой и строго вѣрной своему долгу женщины могутъ служить американская lady. Уваженіе, которымъ женщина пользуется въ Америкѣ, доходитъ до того, что если женщина идетъ по тротуару, то встрѣчные мужчины должны не только давать ей дорогу, но и бросать сигары. Если извозчикъ, увидя переходящую черезъ улицу женщину, не остановитъ свою лошадь, то ближайшій констабль (полицейскій) долженъ отправить его въ полицейскую префектуру. Чувство личной безопасности и свободы можно прочесть на лицѣ любой американки. Вѣчно бодрья, веселыя, подвижныя, онѣ никогда не носятъ на себѣ отпечатка боязни, или страха. Каждая американка, не исключая самыхъ молоденькихъ дѣвушекъ, отправляются въ самыя далекія путешествія безъ всякихъ провожатыхъ въ полной увѣренности, что она не только не натолкнется ни на какую неприятность, но напротивъ встрѣтитъ всюду услужливость, почтеніе и безпредѣльное уваженіе. По обычаю страны, путешествующая леди можетъ обратиться къ любому изъ сидящихъ въ вагонѣ или каютѣ джентльмену съ просьбой сопроводить ее, быть ея протекторомъ. Дѣлается это очень просто и непринужденно.

— Милостивый государь, я ѣду въ Х., говоритъ леди выбранному ею джентльмену. Не будете-ли вы добры быть моимъ товарищемъ въ дорогѣ?

— Къ вашимъ услугамъ, леди, спѣшитъ отвѣтить джентльмень и этимъ все дѣло оканчивается. Съ этого момента джентльмень вступаетъ въ обязанности протектора, которыя состоятъ въ томъ, что онъ долженъ молчать, если его не спрашиваютъ и предупреждать услугой малѣйшее желаніе леди. Въ награду за это онъ имѣетъ право, или лучше сказать—обязанъ слѣдовать за леди всюду, не оставлять ее ни

на минуту, ожидать ее за столомъ, — словомъ исполнять все, что такъ или иначе можетъ доставить леди удовольствіе или удобство. При этомъ протекторъ не имѣетъ права даже спросить имя той леди, съ которой онъ путешествуетъ.

Въ домѣ женщины вполнѣ господствуютъ. Послѣ матери, старшая дочь имѣетъ право выбрать для себя лучшую комнату въ домѣ. Женщины-же раздѣляютъ между собою труды по хозяйству. Мать опредѣляетъ программу занятій дѣтей, причемъ она или сама исполняетъ ее, или поручаетъ старшей дочери, которой младшіе братья и дочери обязаны такимъ же повиновеніемъ, какъ матери.

Въ каждомъ американскомъ семействѣ встаютъ рано, лѣтомъ обыкновенно около 5 часовъ, а зимою въ 6. Отъ 7 до 8 часовъ продолжается завтракъ, по окончаніи котораго каждый членъ семьи начинаетъ свои занятія. Мужчины уходятъ изъ дому, дѣти въ школу, а мать и взрослые дочери принимаются за хозяйство. Одна изъ нихъ идетъ на кухню, другая помогаетъ уборкѣ комнатъ, третья распоряжается порученіями и т. д. Благодаря прачешнымъ и вязальнымъ машинамъ, американки избавлены отъ мытья бѣлья и вязанія чулковъ; точно также онѣ не занимаются вышиваніемъ и шитьемъ, то и другое производится машиною и во всякомъ большомъ семействѣ есть такая машина. Въ Америкѣ содержаніе прислуги обходится очень дорого и потому ladies берутъ на себя болѣе легкія работы: онѣ сами убираютъ комнаты, наблюдаютъ за чистотой и исполняютъ другія работы по хозяйству.

Адольфъ Колачекъ, авторъ книги „Женщина въ Америкѣ“, придя однажды къ довольно извѣстной американской музыкантшѣ и композиторшѣ, былъ очень удивленъ, заставъ ее на лѣстницѣ разстилающей коверъ. Колачекъ хотѣлъ удалиться, но леди удержала его, сказавши:

— Проходите, проходите. Вечеромъ я lady, а теперь я горничная.

Это соединеніе горничной и lady придаетъ американкѣ особенную прелесть, которую она сама отлично сознаетъ. Надо замѣтить, что американки всѣми силами стараются раз-

вить такое направлѣніе: мать воспитываетъ свою дочь какъ горничную и какъ леди; дочь въ свою очередь дѣлаетъ это съ своею дочерью и т. д. Словомъ, идеализмъ и реализмъ, принципъ и фактъ, согласно идя вмѣстѣ, служатъ главной основой культуры общества.

Окончивъ хозяйственныя занятія, женщины приступаютъ къ научнымъ занятіямъ, чтенію, рисованію, музыкѣ. Вечеромъ возвращаются мужчины; вся семья обѣдаетъ и проводитъ вечеръ вмѣстѣ. Нѣтъ примѣра, чтобы американецъ семьянинъ проводилъ время въ трактирахъ и этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, какъ разумно устроена домашняя жизнь въ Америкѣ.

Но не думайте, что занятія по хозяйству составляютъ единственный удѣлъ американскихъ женщинъ и что домашнія заботы отвлекаютъ ихъ отъ занятій науками, искусствами и общественною дѣятельностью. Нѣтъ, американки находятъ достаточно времени заниматься и тѣмъ и другимъ и въ этомъ заключается ихъ громадное превосходство надъ европейскими женщинами.

Въ Америкѣ женщины принимаютъ самое дѣятельное, хотя и не непосредственное участіе въ политикѣ. Всѣ онѣ прекрасныя патріотки и съ самымъ теплымъ участіемъ слѣдятъ за судьбой своего отечества. Тѣмъ не менѣе практическое участіе въ политическихъ дѣлахъ принимаютъ только немногія, исключительныя личности; большинство-же женщинъ остаются въ своей сферѣ и въ ней находятъ средство исполнить назначеніе челоуѣка, какъ гражданина отечества. Онѣ подготавливаютъ разумнымъ воспитаніемъ новыхъ гражданъ.

За то въ педагогикѣ женщины Америки имѣютъ преобладающее вліяніе. Онѣ поддерживаютъ какъ домашнее, такъ и школьное воспитаніе, причемъ преподаваніемъ въ школахъ занимаются почти исключительно женщины. Въ 1861 году въ штатѣ Масачузетсѣ насчитывали 4.000 учительницъ и всего только 1.500 учителей; въ Нью-Йоркѣ было 7.538 учителей и 18.715 учительницъ. *)

*) M. de Laveleye, Revue des Deux Mondes, 15 Nov. 1865.

Послѣ политики и педагогій американскія женщины имѣютъ большое вліяніе на дѣла религіи. Здѣсь ихъ дѣятельность проявляется болѣе осязательно и результаты его выражаются въ образованіи прозелитизма и новыхъ сектъ. Можно смѣло сказать, что каждое новое вѣроученіе обязано своимъ происхожденіемъ женщинамъ.

Вліяніе американскихъ женщинъ на искусство распространяется главнымъ образомъ на музыку. Самобытныхъ талантовъ въ Америкѣ, какъ извѣстно, нѣтъ, но у всѣхъ американцевъ и американокъ существуетъ сильная склонность и любовь къ музыкѣ; большинство-же музыкальныхъ кружковъ состоитъ изъ женщинъ. Успѣхи женщинъ въ литературѣ очень значительны. Одинъ сборникъ Грисвальда „Женщины — поэты въ Америкѣ“ вмѣщаетъ въ себѣ произведенія 70 писательницъ. Третья область искусства — скульптура въ Европѣ совершенно чужда женщинамъ, въ рукахъ-же американокъ она получила сильное развитіе. Въ научномъ отношеніи американки пріобрѣли огромную извѣстность, онѣ съ особенною любовью занимаются медициной: въ Бостонѣ въ *Temale medical College*, сотни женщинъ получаютъ медицинское образованіе и выходятъ врачами. Нѣкоторыя изъ нихъ для дальнѣйшихъ ученыхъ занятій отправляются въ европейскіе университеты. Въ астрономіи американки также сдѣлали значительные успѣхи и многія изъ нихъ, принадлежа къ составу ученыхъ обществъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ основательныхъ научныхъ работахъ.

Казалось-бы, что въ Америкѣ, этой по преимуществу торговой и промышленной странѣ, женщины должны были-бы принимать большое участіе въ торговыхъ дѣлахъ; тѣмъ не менѣе участіе американокъ въ коммерціи самое ограниченное. Здѣсь женщины занимаются только мелочной торговлей; американки — модистки оказываютъ въ своемъ дѣлѣ весьма мало искусства и вкуса. Чаще всего женщина въ Америкѣ находитъ занятіе при редакціяхъ и типографіяхъ; существуютъ даже редакціи и типографіи, всѣ дѣла которыхъ ведутся исключительно женщинами. Въ послѣднее время, женщинамъ въ Америкѣ открытъ доступъ въ государственную служ-

бу, на которую онъ поступаютъ на правахъ всѣхъ чиновниковъ.

Такое высокое положеніе женщины въ Америкѣ обуславливается воспитаннымъ въ ней сознаниемъ собственнаго достоинства и независимости, въ связи съ правильнымъ образованіемъ и высокимъ умственнымъ развитіемъ. Нигдѣ не обращаютъ такого вниманія на воспитаніе дочерей какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Тамъ воспитаніе дѣвицы продолжается не только больше времени чѣмъ въ Европѣ, но оно и ведется гораздо лучше и основательнѣе. Обыкновенно дѣвушка посѣщаетъ школу до 18—20 года. Въ это время она изучаетъ научные предметы не въ начальныхъ основаніяхъ, но въ полномъ ихъ объемѣ. Большая часть учебнаго времени употребляется на практическія науки, исторію, естествознаніе и особенно ботанику. Особенное вниманіе обращается также на математику. Главнѣйшее положеніе американской системы женскаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы давать способностямъ дѣвочки полную свободу самостоятельно развиваться, а потому учителя употребляютъ всѣ старанія, чтобы дѣти собственнымъ самосознаніемъ воспринимали изучаемое. Затѣмъ при воспитаніи обращаютъ вниманіе на развитіе убѣжденій больше, чѣмъ на приобрѣтеніе знаній.

Что касается внѣшняго распредѣленія занятій, то обыкновенно они начинаются утромъ съ 7—8 часовъ и продолжаются часа три или четыре, а послѣ полудня начинаются въ два и оканчиваются въ 4. Въ школу ходятъ даже дѣвушки, близкія къ замужеству. Въ высшихъ женскихъ школахъ существуетъ очень интересное обыкновеніе, состоящее въ томъ, что мужчины имѣютъ право присутствовать при занятіяхъ леди. Такимъ образомъ джентльмены имѣютъ случай наблюдать и изучать своихъ будущихъ подругъ жизни; и дѣйствительно, благодаря этому обыкновенію, множество очень счастливыхъ браковъ является результатомъ посѣщенія мужчинами женскихъ школъ.

Когда дѣвушка окончитъ школьное образованіе, она не начинаетъ погоню за женихами, какъ у насъ. Въ Европѣ

дѣйствительно взрослой дѣвушкѣ не остается ничего другаго, какъ выдти замужъ какъ можно скорѣе. Въ Америкѣ другое дѣло; нигдѣ легче нельзя найти жениха, какъ здѣсь; жениховъ всегда множество, такъ какъ каждый американецъ старается поскорѣе обзавестись собственнымъ домашнимъ очагомъ. Препятствій для дѣвушки, желающей выдти замужъ, не можетъ быть никакихъ; даже родные принимаютъ въ брачномъ союзѣ дочери весьма незначительное участіе. По большей части оно ограничивается совѣтомъ, границы котораго, впрочемъ, очень не велики и ограничены. Приданаго и свадебныхъ подарковъ не существуетъ. Для совершенія обряда церковнаго вѣнчанія не требуется никакихъ формальностей за исключеніемъ заявленія, что женихъ и невѣста любятъ другъ друга. Понуженіе или запрещеніе отца или матери приносить вредъ только имъ самимъ. Въ Америкѣ даже ребенокъ привыкъ къ самосознанію, такъ что одинъ видъ понужденія можетъ оскорбить его. И потому если дѣвушка, замѣтивъ со стороны родителей насиліе, скажетъ: *Wele, then I take my hat and go* (теперь, я беру шляпу и ухожу)—все кончено; она дѣйствительно уходитъ къ родственникамъ, къ подругѣ, къ знакомымъ и ее никто не въ силахъ вернуть домой. Въ случаѣ-же, если-бы родители вздумали дѣйствовать силою закона, то это было-бы совершенно бесполезно, такъ какъ общественное мнѣніе, защищая свободу дѣвушки, всегда становится противъ родителей. Не смотря, однако, на все это, американская леди не особенно спѣшитъ замужествомъ и вотъ почему. Въ Америкѣ каждая дѣвушка очень хорошо знаетъ, что если, съ одной стороны, она совершенно свободна въ выборѣ мужа, то съ другой — на ней одной лежитъ вся отвѣтственность за будущую семейную жизнь; хороша-ли будетъ эта жизнь или нѣтъ—виновата только она. Изъ этого сознанія важности семейныхъ обязанностей и вытекаетъ та борьба, та нерѣшительность, которая постоянно преслѣдуетъ американскую леди и окончаніе которой составляетъ существенную заботу ея дѣвической жизни. Ея осторожность въ выборѣ мужа еще болѣе должна увеличиться вслѣдствіе того, что въ Америкѣ поня-

тіе о бракѣ имѣть особенное высокое значеніе, какого ему не придаютъ въ Европѣ. Тамъ, въ этомъ свободномъ морѣ жизни, каждой, будучи предоставленъ собственнымъ силамъ, можетъ найти только одну точку опоры—семейство, которое и составляетъ едва-ли не единственный консервативный элементъ, связывающій общество и служащій главнымъ основаніемъ американской республики. Лучше всѣхъ понимаютъ это американскія женщины и такъ какъ онѣ опредѣляютъ семейство, то имъ и дается полная свобода въ выборѣ мужа; поэтому-же, одна только любовь можетъ заставить американку выйти замужъ; американская леди никогда не обращаетъ вниманія на средства своего жениха. Но если американка не чувствуетъ особенной склонности къ кому-нибудь изъ своихъ поклонниковъ, то она скорѣй рѣшится остаться на всегда старой дѣвой, чѣмъ выйти замужъ. Но и старыя дѣвы въ Америкѣ не имѣютъ никакого сходства съ нашими старыми дѣвами, озлобленными, сварливыми, желчными и вѣчно сплетничающими. Незамужнія леди въ Америкѣ посвящаютъ все свое время или на школы и различныя полезныя общества, или-же на литературную работу и тому подобныя занятія, которыя имѣютъ высшую филантропическую, или патріотическую цѣль.

Выше уже было упомянуто о томъ безпредѣльномъ уваженіи, которымъ пользуется въ Америкѣ женщина... Во мнѣніи мужчинъ она стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ Европѣ. Такъ напр., одинъ американскій писатель говоритъ: „трудно представить себѣ, какія могутъ встрѣтиться препятствія каждому мужчинѣ, если-бы онъ пожелалъ воспользоваться любовью женщины, не имѣя намѣренія на ней жениться. Личный произволь и нарушеніе нравственности наноситъ ретроградный ударъ обществу, которое тотчасъ-же отбиваетъ его тѣмъ, что выбрасываетъ виновнаго изъ своей среды“. Вообще каждый американецъ смотритъ на женщину только съ одной нравственной точки зрѣнія. Если онъ сходится съ ней, то только для того, чтобы жениться; простое же удовлетвореніе раздраженнаго чувства ему незнакомо. Если американецъ не имѣетъ возможности жениться, то ос-

тается въ сторонѣ отъ близкаго знакомства съ женщиной и скорѣе рѣшится на послѣднее, нежели нарушить честность своихъ отношеній къ женщинѣ. Выборъ жены и счастливая семейная жизнь характеризуетъ американца какъ человѣка и гражданина. Манера, съ которою американецъ приступаетъ къ этому выбору, очень проста и естественна. Долгія при-готовленія и поиски невесты не нужны. Молодой человѣкъ имѣетъ свободный доступъ во все семейные дома. Американки отличаются глубокимъ знаніемъ мужчинъ и потому продолжительныя знакомства дѣлаются совершенно лишними. Женщина по большей части съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, тѣмъ болѣе что американцы имѣютъ общій типъ и различаются одинъ отъ другаго только индивидуальностью характера, а такъ какъ разнообразіе характеровъ не велико, то изученіе ихъ продолжается недолго.

Когда поклонникъ леди увидитъ, что она узнала его хорошо, тогда онъ приступаетъ къ развязкѣ, которыя въ высшей степени сора и коротка.

— Миссъ Сара, говорить онъ, дайте мнѣ положительный отвѣтъ.

— На что вамъ дать отвѣтъ, мистеръ Штеель?

— Вы знаете меня, знаете мое положеніе въ обществѣ. Я ищу жену и потому скажите, могу-ли я рассчитывать на васъ.

— Можете.

При этомъ она даетъ ему свою руку и затѣмъ... ни поцѣлуя, ни объятія, ни взгляда, ничего кромѣ пожатія руки.

Въ основаніи американскаго брака лежатъ три главныхъ элемента: уваженіе, чувство долга и любовь. Въ Европѣ начинаютъ любовью и затѣмъ приходятъ къ чувству долга и уваженію; въ Америкѣ совершенно наоборотъ—начинаютъ уваженіемъ и приходятъ къ любви. Бракъ безъ любви будетъ несовершенный, безъ чувства долга — несчастливый и наконецъ безъ уваженія къ женщинѣ—невозможный. Такимъ образомъ американская логика идетъ отъ нравственнаго къ чувственному, а европейская совершенно обратно. Конечно, можно смѣло сказать, что американская логика даетъ самыя

счастливые результаты въ жизни. Этотъ характеръ американскаго брака имѣетъ огромное вліяніе на семейную жизнь и обусловливаетъ прочность и нравственную связь американской семьи.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать американскую леди и показать, какое высокое положеніе она занимаетъ въ обществѣ, остается сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Отношенія эти до такой степени чисты и нравственны и проникнуты такимъ уваженіемъ къ женщинѣ, о какомъ мы, въ Европѣ, не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Всякое оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ съ удивительной энергіей. Оскорбитель лишается права гражданства, права поступленія въ высшія учебныя заведенія и, исключенный такимъ образомъ изъ общества, долженъ искать счастья на чужбинѣ. Строгая организація американскаго общества дѣлаетъ такой приговоръ неизмѣнимымъ. Ловеласы существуютъ вездѣ, а слѣдовательно и въ Америкѣ, хотя ихъ тамъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Каждаго ловеласа, который вздумаетъ похвастаться дѣйствительнымъ, или воображаемымъ успѣхомъ у женщины, исколачиваютъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно собираются два—три товарища и совершаютъ надъ ловеласомъ такую экзекуцію, что онъ долго и долго не можетъ забыть силу ихъ кулаковъ. Публичное оскорбленіе женщины наказывается еще строже; если оно случается въ вагонѣ, то всѣ присутствующіе немедленно выталкиваютъ вонъ виновнаго, хотя-бы поѣздъ шелъ полнымъ ходомъ. Но горе тому, кто осмѣлится обругать женщину или затронуть ея честь: братъ, отецъ, мужъ или хорошій знакомый сочтеть непремѣнной обязанностью пустить обидчику пулю въ лобъ и хотя убійство преслѣдуется закономъ, но сила общественного мнѣнія заставляетъ судей смягчать въ этомъ случаѣ приговоръ надъ подсудимымъ. Мужья, извѣстные дурнымъ обращеніемъ съ женами, не избѣгаютъ общественнаго суда, всѣ теряютъ вѣру въ ихъ способности къ серьезному труду и порядочной жизни, всѣ сомнѣваются въ ихъ честности, словомъ они повсюду теряютъ кредитъ и дѣлаются вполнѣ отверженниками общества.

Само собою разумѣется, что положеніе женщинъ въ Америкѣ имѣеть огромное вліяніе на ихъ собственное сознание достоинства и независимости. Каждая американка знаетъ, что она защищена общественнымъ мнѣніемъ и что на эту защиту она можетъ разсчитывать вездѣ; отсюда въ ней является полная самоувѣренность и сознание своего достоинства. Американка никогда не имѣеть надобности въ проводникѣ и всюду ходитъ одна. Дочь семейства имѣеть свои особья знакомства; она принимаетъ у себя кого ей угодно и иногда ея знакомые совершенно неизвѣстны ея родителямъ. Это не мало удивляетъ европейцевъ, путешествующихъ по Америкѣ, которые никакъ не могутъ понять свободной жизни молодыхъ республиканокъ и объясняютъ ихъ вольное обращеніе вѣтренностью и неумѣніемъ держать себя. Но подобный взглядъ доказываетъ лишь незнакомство съ американскою леди; не смотря на вѣшнюю смѣлость и какъ-бы вѣтренность, она всегда отличается глубокою нѣжностью, благородствомъ чувства и женскимъ достоинствомъ. Этимъ чувствомъ глубоко проникнута каждая американка; оно слилось съ ея природой и всей обстановкой. Всѣ ея отношенія тамъ, въ школь, на улицѣ, въ путешествіи, всегда и вездѣ, напоминаютъ о ея собственномъ достоинствѣ. Отецъ говоритъ съ нею какъ джентльмэнъ, мать какъ подруга, учитель или учительница стараются развить въ ней ея достоинство. Такимъ образомъ женское достоинство есть главная идея каждой женщины Америки и если Монтекугули, говоря о войнѣ, сказалъ: „война требуетъ денегъ, денегъ и денегъ“, то американка, говоря о ladyship, можетъ сказать, что „для ladyship нужно достоинство, достоинство и достоинство“.

Вотъ вамъ блестящій примѣръ того, какъ легко и удобно совмѣщается въ женщинѣ хорошая хозяйка, отличная мать, превосходная жена, образцовая дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ благородная женщина, умная, честная, образованная, независимая, самостоятельная, полноправная и безпредѣльно преданная своему долгу. Занятія въ кухнѣ, стирка, возня съ дѣтьми, даже мытье бѣлья не только не роняютъ этихъ образцовыхъ, идеальныхъ гражданокъ, но напротивъ возвышаютъ

ихъ какъ въ своемъ собственномъ, такъ и въ общественномъ мнѣнїи. Онѣ въ одно и тоже время бываютъ и политиками и кухарками, на все находятъ время, но никогда ни на одну минуту не забываютъ своего великаго, святаго призванія. Семья у нихъ на первомъ планѣ. И посмотрите, какъ серьезно смотритъ американская lady на замужество, на свои семейныя обязанности! Сколько въ ней чувства долга, чести, простоты и естественности! И за то, какимъ безпредѣльнымъ уваженіемъ она пользуется, какъ чисто и нравственно относятся къ нимъ мужчины! Вотъ идеаль женщина! Такой высоты, такой степени развитія умственнаго и нравственнаго американская lady достигла путемъ рациональнаго воспитанія въ нѣдрахъ той-же семьи и путемъ разумнаго, практическаго образованія. Такую идеальную женщину создала, во-первыхъ, мать, какъ воспитательница, какъ центръ семьи и, во-вторыхъ, школа. Посмотрите же вы, какъ наши матери воспитываютъ своихъ дочерей. Имъ съ малыхъ лѣтъ твердятъ, будто семейныя занятія унижаютъ достоинство женщины. Имъ внушаютъ отвращеніе къ труду. Вышнїи, мишурный блескъ, наряды, балы, сплетни, вздорныя понятія — вотъ чѣмъ набиваютъ молодыя головки.

На ряду съ воспитаніемъ идетъ образованіе. Въ чемъ же однако, должно состоять образованіе женщины? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ: природа дала женщинѣ высокое назначеніе — быть женою, матерью и хозяйкой; стало быть и образованіе женщины точно также какъ и воспитаніе должно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ дѣвочки хорошую жену, хорошую мать, хорошую хозяйку, т. е. сдѣлать изъ нее дѣятельнаго и полезнаго члена общества. Почти 200 лѣтъ тому назадъ извѣстный Фенелонъ писалъ: „женщину слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу ея жизни. Ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей—сыновей до извѣстнаго возраста и дочерей до ихъ замужества, наблюдать за образомъ жизни, за нравственностью и службою домочадцевъ, наблюдать за всѣмъ ходомъ хозяйства, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями. Но

даютъ-ли наши женскія школы такія свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, ни высшія, ни среднія, ни низшія женскія школы не стремятся къ тому, чтобы образовывать женщинъ *для жизни*.“ „Онѣ, говоритъ знаменитый Вирховъ *), быть можетъ развертываютъ умственные способности воспитанницы для впечатлѣній искусства и науки; онѣ можетъ быть доставляютъ имъ обильный запасъ знаній, выучиваютъ ихъ разнымъ художествамъ, изоцряютъ ихъ въ различныхъ отрасляхъ женскаго рукодѣлія; онѣ можетъ быть приготавливаютъ даже хорошихъ учительницъ, но онѣ не образуютъ женъ, матерей и хозяйекъ“. Съ этимъ взглядомъ почтеннаго ученаго нельзя не согласиться. Отличительный характеръ воспитанія и образованія женщинъ заключается въ совершенномъ отсутствіи серьезнаго на него возрѣнія, какъ на средство приготовленія къ жизни. Въ этомъ именно и состоитъ громадная разница между образованіемъ, которое дается мальчику и дѣвочкѣ. Лишь только начинаютъ учить мальчика, ему постоянно внушаютъ, что „ученіе свѣтъ, а неученіе—тьма“, что посредствомъ ученія онъ достигнетъ обезпеченнаго положенія въ обществѣ, что ученіе ему необходимо какъ воздухъ, какъ пища. Съ самого ранняго возраста, мальчика стараются подготовить къ извѣстному роду дѣятельности и сообразно съ этимъ даютъ ему то, или другое образованіе. Ему постоянно твердятъ: „ты долженъ работать, добиваться, стремиться, сознать всю важность, сущность жизни“. Дѣвочкѣ же толкуютъ: „ты рождена быть существомъ нѣжнымъ, поэтическимъ, слабымъ, заниматься пустяками, рядиться, играть на фортепьяно, болтать по французски и т. д.“. Это направленіе господствуетъ не только въ высшихъ слояхъ общества, но даже все среднее сословіе пронизано этимъ чопорнымъ предразсудкомъ и только незначительное меньшинство матерей исполнены дѣятельности и строгаго сознанія долга, ограничивающаго ихъ отъ современныхъ предразсудковъ.

*) Рѣчь Вирхова „О воспитаніи женщины“, сказанная въ Берлинѣ, 20 февраля, 1865 г.

Обыкновенно дѣвочекъ начинаютъ учить съ 5—6-ти лѣтняго возраста сначала дома, потомъ отдають въ школу, затѣмъ въ гимназію, или институтъ; все образованіе оканчивается въ 16—17 лѣтъ, т. е. въ ту самую пору, когда умъ только что начинаетъ созрѣвать; да и самая-то система образованія, въ особенности въ закрытыхъ заведеніяхъ, направлена къ тому, чтобы образовать не женщинъ, а свѣтскихъ дамъ, умѣющихъ лишь блистать въ обществѣ. Больше всего требуется, чтобы съ перваго взгляда на дѣвицу выказывались ея внѣшняя благопристойность и благонравіе и для этого дѣвицы приучаются къ однимъ внѣшнимъ, изысканнымъ формамъ обращенія. Образованіе же характера почти никогда не составляетъ предмета особеннаго вниманія. Въ концѣ концовъ женскія учебныя заведенія порождаютъ два, въ одинаковой мѣрѣ вредныхъ направленія: или дѣвушки въ 17—18 лѣтъ, съ смѣшною самоувѣренностью, хвастаются своею книжною ученостью, надѣваютъ очки, стригутъ волосы и записываются въ нигилистки, или же выходятъ бездушными куклами, вся цѣль жизни которыхъ состоитъ въ выѣздахъ, нарядахъ и мотовствѣ. Въ лучшемъ, счастливѣйшемъ случаѣ изъ нихъ выходятъ тѣ именно „дѣвицы“⁴, о которыхъ Фамусовъ говорилъ:

Его Величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравью, а не лицамъ.
И точно, можно-ли воспитанье быть!
Умѣютъ-же онъ себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
Словечка въ простотѣ не скажутъ,—все съ ужимкой;
Французскіе романы вамъ поютъ
И верхній выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.

А вѣдь для большинства этихъ благонравныхъ дѣвицъ, выводящихъ высокія нотки во французскихъ романахъ, наступитъ когда-либо такое время, когда имъ придется нянчить дѣтей, ухаживать за больными, завѣдывать кухней, погребомъ или садомъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно

думать, что все это дѣлается само собою, что все это изучается въ одну минуту? Сколько горькихъ опытовъ приходится тутъ пережить, какъ много тяжелыхъ заботъ приходится перенести! Какое множество браковъ было-бы гораздо счастливѣе, если-бы время перваго ученія было пережито раньше свадьбы! Какъ часто случается, что положеніе супруги было-бы гораздо самостоятельнѣе, если-бы она во время своей дѣвической жизни была-бы лучше приготовлена къ супружеству! Много необходимыхъ свѣдѣній можно усвоить себѣ теоретически; ко многому можно протготовиться посредствомъ теорій; заботы объ этой теоретической части женскаго воспитанія составляютъ, конечно, прямую обязанность женскихъ школъ. Школы эти должны давать женщинамъ тѣ именно свѣдѣнія, которыя ей постоянно нужны въ повседневной будничной жизни.

„Чтобы завѣдывать кухней правильнаго хозяйства, говорить, напр., Вирховъ, надо-же знать, что удобоваримо и что нѣтъ. Хозяйка обыкновенно усвоиваетъ себѣ это знаніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредствомъ опыта. Для этого нѣсколько членовъ семейства должны сначала неоднократно испортить себѣ желудки, но почему именно они себѣ испортили желудки, этого хозяйка все таки не узнаетъ и черезъ нѣсколько времени, это происшествіе повторяется снова и такимъ образомъ набирается запасъ опытныхъ знаній. На сколько, однако, этотъ родъ опытовъ недостаточенъ для того, чтобы на нихъ можно было основать цѣлесообразное, приготовленіе кушаньевъ, это очень ясно видно изъ того обстоятельства, что во вседневной жизни считается удобоваримымъ все, что не производитъ боли въ желудкѣ, или въ животѣ. А между тѣмъ удобоваримо только то, что дѣйствительно переваривается, т. е. растворяется и входитъ въ кровь. Удобоваримое можетъ сдѣлаться вреднымъ, а неудобоваримое можетъ только быть потрачено даромъ. А пища маленькихъ дѣтей—какъ ошибоченъ бываетъ часто ея выборъ! И сколько кушаньевъ, которыя можно было-бы ѣсть безъ вреда, подаются на столъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ-бы это нужно было для успѣшнаго хода пищева-

ренія!“ *) Такимъ образомъ наши хозяйки учатся физиологiи надъ членами своихъ семействъ; онѣ производятъ химическіе опыты надъ желудками своихъ дѣтей, заставляя ихъ играть ту пассивную роль, которую выполняютъ кролики и собаки на столѣ у профессора экспериментальной физиологiи. Для того-же чтобы судить объ этихъ простѣйшихъ вещахъ, надо-же по крайней мѣрѣ знать, какъ устроенъ желудокъ и какимъ манеромъ онъ ухитряется переваривать пищу и питье и изъ какихъ частей состоятъ кушанья и напитки, что дѣлается съ этими составными частями, когда онѣ поступаютъ въ человѣческой организмъ и т. д. А для того, чтобы знать это, необходимы хотя бы даже самыя элементарныя свѣденія изъ физиологiи, химiи и ботаники. И это знаніе должно быть не внѣшнимъ знаніемъ, собраннымъ изъ отрывковъ, не такимъ, при которомъ нужно было бы долго размышлять какъ, что и почему и додумываться до того, какъ нужно дѣйствовать; это знаніе должно быть цѣльнымъ, живымъ знаніемъ, такъ чтобы оно во всякую минуту было подъ руками и чтобы оно постоянно само собою поддерживало и поправляло работу мысли. Въ такомъ же точно положеніи находятся вопросы о согрѣваніи и о пріученіи организма къ холоду, о вентиляціи и объ отопленіи, объ одѣваніи и т. д. Всѣ эти вопросы могутъ быть обработаны теоретически и основные принципы ихъ могутъ быть изложены такъ просто, что самое посредственное пониманіе усвоить ихъ легко и отчетливо ихъ запомнить. Все это можно было-бы преподавать въ каждой школѣ дѣвушкамъ старшаго возраста“.

Нельзя не согласиться съ взглядами Вирхова на этотъ предметъ. Женщина въ семьѣ должна быть хозяйкой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она не должна ограничиваться только отдаваніемъ приказаній что должно быть приготовлено къ обѣду и какъ подано, но сама должна смотрѣть за кухней, за способомъ приготовленія всего, что идетъ къ домашнему столу, что подается ей, ея мужу и дѣтямъ.

*) Рѣчь Вирхова, *ibid.*

Тѣмъ изъ нашихъ читальницъ, которыя презрительно улыбаются, прочитавши эти строки и подумаютъ „намъ рекомендуютъ заняться такой пошлой прозой и тратить на это наши силы, когда мы способны достигнуть многого, что стоитъ неизмѣримо выше!“ мы отвѣтимъ, что достигнуть этого „многого“ можетъ иногда сильно помѣшать—несвареніе желудка отъ скверно приготовленнаго блюда!

Въ одномъ изъ отдѣленій Виндозрскаго дворца устроена образцовая кухня. Всѣ требованія кулинарнаго искусства нашли здѣсь себѣ примѣненіе. Высокія окна даютъ массу свѣта, отличная вентиляція постоянно очищаетъ воздухъ и уноситъ малѣйшій угаръ, мраморные столы блестятъ поразительной чистотой. Это кухня Ее Величества королевы Викторіи, гдѣ Императрица Индіи, сплошь и рядомъ, забывши на время дебаты и рѣчи своихъ лордовъ и депутатовъ, вмѣстѣ съ принцессами крови занимается приготовленіемъ своихъ любимыхъ кушаньевъ. Чопорныя леди, приближенныя королевы, въ простыхъ удобныхъ костюмахъ прислуживаютъ своей повелительницѣ и помогаютъ ей въ приготовленіи обѣда.

Примѣръ двора находитъ себѣ подражаніе и въ высшихъ, аристократическихъ семействахъ Лондона и для англійской аристократки нисколько не shocking, если ее застанутъ въ кухнѣ, за приготовленіемъ бекштуса къ завтраку мужа. Далеко въ этомъ отношеніи нашимъ дамамъ большаго свѣта до англійскихъ леди!

Въ Царствѣ Польскомъ существуютъ искони вѣка, въ большинствѣ семействъ слѣдующій весьма похвальный обычай.

Если въ одной семьѣ живутъ вмѣстѣ нѣсколько женщинъ, то онѣ одна за другою, по очереди, по два по три дня сряду, дежурятъ на кухнѣ, принимая самое непосредственное участіе въ приготовленіи обѣда. Дѣвушка съ 14-ти лѣтъ уже наравнѣ съ матерью дѣлитъ это дежурство, и для нея составляетъ большую гордость и льститъ ея самолюбію, если гости отзовутся съ похвалою объ обѣдѣ въ день ея очереди.

Желаніе чтобы женщина въ семьѣ была образцовой хо-

хьяйкой нисколько не исключаетъ другаго желанія, чтобы женщина была мыслящей, образованной женщиной. Какъ для одного, такъ и для другаго необходимо образованіе, которое дало бы ей возможность какъ и хозяйничать, такъ и мыслить, идти впередъ къ дѣлу саморазвитія. Вирховъ, на слова котораго мы ссылались нѣсколько выше доказываетъ, это ясно до очевидности. Благоразумное хозяйничаніе немислимо безъ основательной теоретической подготовки, которая должна состоять въ изученіи природы вообще и человѣческаго организма въ особенности т. е. въ реальномъ образованіи.

Программа Вирхова вѣрна еще и въ томъ отношеніи, что она соединяетъ въ себѣ всѣ выгодныя, хорошія стороны, какъ спеціальнаго, такъ и общаго образованія—такого, которое должно выпускать женщину прямо изъ школы въ жизнь и такого, которое должно приготовить ее для болѣе серьезныхъ научныхъ занятій. Дѣйствительно, выйдя изъ такой школы, построенной по программѣ Вирхова, дѣвушка, сообразно съ своими наклонностями и дарованіями, сдѣлается или хорошей хозяйкой, подготовленной къ этому теоретическимъ, экспериментальнымъ путемъ, или же заручившись первыми, элементарными свѣдѣніями, замѣтитъ въ себѣ способности и силы продолжать далѣе свое образованіе. И вотъ передъ ними открыта широкая дорога; онѣ могутъ сдѣлаться и медиками, технологами, натуралистами и т. д. Наконецъ и вообще эти первыя семена реального образованія, даже сами по себѣ, могутъ составить для нихъ прочный фундаментъ здравой мысли, дать такой матерьялъ, которой всегда и вездѣ можетъ быть имъ полезенъ въ повседневной, обыденной жизни.

Всякое спеціальное образованіе, говорятъ, ограничивая умственный кругозоръ, ставя, такъ сказать, рамки въ которыхъ вращается мысль, требуетъ людей, дѣлая ихъ только ремесленниками, не способными подняться выше уровня ихъ ремесла. Но то спеціальное образованіе, которое рекомендуетъ Вирховъ женщинамъ, не можетъ повлечь за собой этихъ невыгодныхъ сторонъ спеціализаціи знаній, такъ

какъ оно основывается на всестороннемъ изученіи природы во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ.

Путемъ опыта и анализа чисто хозяйственныхъ потребностей, съ которыми придется знакомиться молодой хозяйкѣ день за день, въ сферѣ домашней ея дѣятельности, легко и незамѣтно выработается въ ея головѣ цѣльное, живое, законченное знаніе, которое можетъ быть приложимо ко всякому дѣлу. И, несомнѣнно, знаніе это будетъ неизмѣримо выше того, которое въ заученныхъ на память формулахъ высказывается учениками и ученицами разныхъ учебныхъ заведеній на торжественныхъ экзаменахъ.

Кромѣ этихъ элементарныхъ свѣдѣній въ области естествознанія, которыхъ требуетъ отъ женщины жизнь въ сферѣ ея домашняго хозяйства, таже жизнь предъявляетъ ей еще болѣе важныя требованія, когда она становится матерью, требованія, къ которымъ наша современная школа не даетъ также никакой подготовки. Матери должна быть знакома наука воспитанія.

Въ своей лекціи „О воспитаніи женщины“ Вирховъ подробно останавливается на этомъ вопросѣ.

„Основные принципы душевной гигиѣны, въ приложеніи къ дѣтямъ, говоритъ онъ, могутъ быть безъ труда развиты въ общихъ чертахъ. Педагогическихъ образцовъ имѣется достаточно; ихъ можетъ быть болѣе, чѣмъ діѣтическихъ и гигиеническихъ образцовъ; и молодая мать стала бы смотрѣть съ большею смѣлостью и самоувѣренностью на своего перзаго ребенка, если бы она не принуждена была сознаться самой себѣ, что онъ ея пробный ребенокъ, надъ которымъ она болѣе или менѣе самостоятельно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, должна производить свои педагогическія эксперименты. Нечего грѣха таить, наше домашнее воспитаніе стоитъ до сихъ поръ на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ народилось въ прошломъ столѣтіи народное хозяйство. Это—чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ жизнь науку воспитанія, которая положила бы конецъ производству безконечныхъ педагогиче-

скихъ экспериментовъ въ воспитаніи дѣтей по неопредѣленнымъ слухамъ“.

Знакома-ли нашимъ матерямъ эта наука, руководятся-ли онѣ какой бы то ни было системой при воспитаніи своихъ дѣтей? На этотъ вопросъ никакого другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго быть не можетъ. Онѣ, какъ мѣтко выразился Вирховъ, воспитываютъ по неопредѣленнымъ слухамъ. Причина того лежитъ, конечно, въ отсутствіи какихъ бы то ни было, хотя самыхъ поверхностныхъ теоретическихъ свѣдѣній, научныхъ данныхъ, которыя должны бытъ примѣнены въ дѣлѣ воспитанія.

Всмотритесь внимательно къ одному, другому семейству, гдѣ есть маленькія дѣти, понаблюдайте, какъ относятся къ этимъ юнымъ членамъ человѣческаго общества и вездѣ вы замѣтите одну отличительную черту въ этихъ отношеніяхъ. Мы не признаемъ въ ребенкѣ будущаго человѣка, мы отрицаемъ въ немъ человѣческую личность!

Ребенокъ плачетъ—мы не задаемъ себѣ труда обратить вниманіе, отчего эти слезы, чѣмъ онѣ вызваны. Мы ограничиваемся или требованіемъ замолчать, перестать плакать, грозимъ; если же эта мѣра оказывается недѣйствительной, сразу отъ угрозы мы переходимъ къ ласкѣ, или наоборотъ. Ребенку весело, онъ рѣзвится, шалить;—намъ почему-либо это неприятно и мы авторитетно заставляемъ его сидѣть смиренно, не шумѣть. На каждомъ шагу мы подамливаетъ волю ребенка, убѣждая его, что у него нѣтъ никакихъ правъ, что онъ игрушка нашего произвола; между тѣмъ у него не только есть эти естественныя, неотъемлемыя права, но онъ даже хорошо ихъ чувствуетъ и сознаетъ.

Ребенокъ со дня своего рожденія носитъ въ себѣ, въ видѣ зародыша, все то, изъ чего въ послѣдствіи должна развиться его психическая организація, весь складъ ума, весь темпераментъ, всѣ привычки, весь характеръ будущаго взрослого, и дѣло матери, на рукахъ которой развивается этотъ зародышъ, позаботиться о томъ, чтобы это развитіе шло правильно и не приняло уродливой формы. Смотри по тому, будемъ-ли мы мѣшать этому развитію, грубо врываясь въ

нѣжный психическій организмъ ребенка проявленіями нашей власти и нашей силы, или же способствовать его правильному, нормальному виду, этотъ зародышъ разовьется въ законченную цѣльную форму или зачахнетъ.

подавляя права ребенка авторитетомъ старшаго, мы тѣмъ самымъ приучаемъ его со временемъ также легко относиться къ правамъ другихъ, съ которыми въ послѣдствіи его столкнетъ жизнь; обращаясь съ нимъ безъ всякой выдержки, неровно, быстро переходя отъ ласкъ и поцѣлуевъ къ угрозамъ и пинкамъ, мы подрываемъ въ немъ уваженіе къ самимъ себѣ, къ нашему авторитету. Отсюда печальныя послѣдствія той розни между матерью и дѣтьми, которыя не замѣдляютъ высказываться съ первыхъ же дней ихъ вполне сознательной жизни.

Эти послѣдствія прямой результатъ того, что наше домашнее воспитаніе есть, какъ говоритъ Вирховъ, чисто первобытное хозяйство, т. е., что мать семейства, на рукахъ которой растетъ ребенокъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ элементарныхъ основахъ опытной психологіи.

Дѣйствительно, чтобы проникнуться глубокимъ, сознательнымъ уваженіемъ къ тому живому матеріалу, которымъ представляется ребенокъ въ первую эпоху своего психическаго развитія, для того чтобы изъ него вышелъ цѣльный, не изуродованный человекъ, для этого необходимо чтобы мать ребенка была знакома съ полной, ужасной картиной психическаго развитія человѣческаго индивидуума. Нарисовавъ передъ глазами эту картину, всмотрѣвшись во всѣ мельчайшія ея подробности, изучивъ её, не трудно будетъ замѣтить, что каждая деталь ея въ строгой послѣдовательности слѣдуетъ одна за другой, вытекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины и всѣ онѣ неразрывно связаны между собою. Станетъ ясно, что всякій вполне разившійся человекъ есть ничто иное какъ продуктъ и результатъ впечатлѣній пережитыхъ имъ въ дѣтствѣ дома и въ школѣ и каждая мать семейства пойметъ и глубоко сознаетъ ту истину, что во всей человѣческой жизни нѣтъ ни одной минуты, въ которую позволительно было-бы относиться къ человеку легко-

мысленно и безопасно, что человекъ съ самаго момента своего появленія на свѣтъ имѣеть неотъемлемое право на уваженіе своихъ близкихъ, на признаніе его личности.

Наука воспитанія, которая должна занять первенствующее мѣсто въ сферѣ знаній образованной женщины, не можетъ считаться вполне исчерпанной элементарными свѣденіями въ области психіатріи и педагогикѣ вообще, свѣденіями чисто теоретическими. Чтобы послѣднія могли быть приложимы на дѣлѣ необходима еще педагогическая практика.

Этого требуетъ наша жизнь, но не даетъ школа. Вирховъ указываетъ выходъ изъ этаго затруднительнаго положенія и рекомендуетъ способъ образованія женщинъ матерей, выполняющій этотъ существенный пробѣлъ нашей школьной системы.

„Для того, чтобы, говоритъ Вирховъ, большинство молодыхъ дѣвушекъ могли изучить практическую часть педагогики, надо воспользоваться тѣми учрежденіями, которыя существуютъ почти повсемѣстно. Я подразумѣваю тутъ дѣтскіе сады. Они совершенно приспособлены къ тому, чтобы играть въ развитіи созрѣвающего женскаго поколѣнія ту роль, которую играютъ больница и клиника въ образованіи молодаго медика. Они могутъ сдѣлаться образовательными учрежденіями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны. Для тѣхъ же цѣлей, можно воспользоваться, тамъ гдѣ они существуютъ, воспитательными домами и сиротскими пріютами. Всѣ эти заведенія до сихъ поръ существовали только ради тѣхъ дѣтей, которыя туда принимались, или ради ихъ родителей. До сихъ поръ было упущено изъ виду, что эти заведенія могутъ быть питомниками дѣятельной добродѣтели и основательнаго знанія для женской молодежи, семинаріями хорошихъ матерей и хозяекъ, если только воспользоваться ими для пракческаго изученія педагогики, подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Такимъ образомъ къ готовому знанію присоединится и готовое умѣнье.

Когда дѣвочка лежитъ еще въ люлькѣ, вы даете ей куклу и она играетъ ею до тѣхъ поръ пока подростетъ. Потомъ

вы отдаете ей въ распоряженіе кукольную комнату и убираете эту комнату всѣми принадлежностями, какія вы только можете приобрѣсти. Зачѣмъ что дѣлается? Затѣмъ, чтобы въ играхъ ребенка подготовить будущую спеціальную дѣятельность женщины. Очень хорошо. Но потомъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Куклу ставить въ уголъ. Весь міръ представляется передъ дѣвухой въ какомъ то замаскированномъ видѣ. Только въ лицѣ собственнаго своего ребенка молодая мать встрѣчаетъ передъ собою снова реальный предметъ. Неужели вы не чувствуете, что здѣсь оказывается въ воспитаніи большой пробѣлъ, большая ошибка, самая тяжелая изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ общество. Неужели вы не понимаете, что это грѣхъ—довѣрять живаго ребенка такой матери, которая только въ кукольной комнатѣ приготовлялась къ исполненію своихъ серьезныхъ материнскихъ обязанностей? Да еще, къ тому же, такой матери, которой приходится платить дань всѣмъ запутаннымъ условіямъ современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствіями, искаженной модами, подавленной превратными, суевѣрными понятіями. Эту ошибку можно устранить только тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за кукольною комнатою, вести теоретическую подготовку женской школы, а потомъ практическое образованіе дѣтскаго сада“.

Вотъ планъ профессора Вирхова начертанный имъ для образованія женщинъ, образованія, которое требуется жизнью. Онъ вѣренъ сначала до конца. Для общества нужны женщины, которыя могли бы рука объ руку съ мужчиною идти впередъ на пути народнаго прогресса, могли бы оказать поддержку и помощь въ борьбѣ за существованіе и взять на себя высокую обязанность развить и воспитать юныя, подрастающія силы народа, которымъ принадлежитъ будущее. Для того, чтобы исполнить эти задачи, ни кисейными дамами, ни синими чулками, должны быть эти женщины, а женщинами въ самомъ широкомъ и самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова—женщинами образованными.

Вообще школа должна давать дѣвухѣ такія знанія, которыя могутъ быть практически приложимы въ жизни и съ

помощью которых дѣвушка могла бы сдѣлаться хорошею матерью, хорошею женою и хорошею хозяйкой. Безразсудно, однако, было бы утверждать, что внѣ этого круга знаній женщинѣ тотъ или другой родъ познаній недоступенъ или бесполезенъ. Вопросъ этотъ рѣшается лишь природными наклонностями, влеченіемъ и обстоятельствами. Но необходимо указать предѣлы, ниже которыхъ познанія дѣвушки такъ-называемаго образованнаго класса оставаться не могутъ.

Грустно смотрѣть, какъ отрывочно, безсвязно и ничтожно образованіе многихъ дѣвушекъ; онѣ занимаются лишь французскою болтовнею и чтеніемъ глупыхъ романовъ, разгрызають Листа и Шопена и едва знаютъ по именамъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Дѣвушкамъ, кромѣ предметовъ, указанныхъ въ программѣ Вирхова, наиболѣе нужно основательное знаніе исторіи человѣчества, роднаго языка, географіи и классическихъ произведеній отечественной литературы. Если нѣтъ возможности сообщить болѣе разностороннихъ свѣдѣній, довольно и того, чтобы пробудить размышленіе, сообщить уму ясность, душѣ самостоятельность. Главное дѣло—возбудить потребность знать болѣе, или по крайней мѣрѣ удерживать въ памяти то, что заучено и дать возможность присоединять новыя свѣдѣнія къ тому, что уже извѣстно. Въ такомъ случаѣ и самая занятая женщина, даже среди наибольшихъ работъ о семьѣ и хозяйствѣ, будетъ считать высшимъ удовольствіемъ, лучшимъ развлеченіемъ, взяться за хорошую книгу, укрѣпить ею умъ и сердце и почерпнуть изъ нея тѣ свѣдѣнія, которыя ей необходимы, чтобы слѣдить постоянно за духовнымъ развитіемъ и направленіемъ собственныхъ своихъ дѣтей. Поверхностный, неразвитой разумъ не находитъ удовольствія въ прекрасномъ и вы сокомъ; онъ впадаетъ въ пошлую ежедневность и находитъ наслажденіе въ чтеніи самыхъ посредственныхъ романовъ, многочисленность которыхъ въ послѣднее время доказываетъ, какъ много теперь охотниковъ до этого то-вара.

Иностранные языки и искусства тогда только имѣютъ важное значеніе, когда знаніе ихъ соединено съ указанными выше, болѣе дѣльными, свѣдѣніями. Если позволяютъ обстоятельства родителей и способности дѣвочки, то дѣйствительно никакъ не слѣдуетъ упускать случая научить ее по крайней мѣрѣ музыкѣ и хотя одному иностранному языку. Къ несчастію, современныя требованія при изученіи музыки такъ чрезмѣрны, что они изгоняютъ это искусство изъ домашняго быта. Должно однако сознаться, что музыка, какъ средство воспитанія, принимаетъ слишкомъ обширные размѣры и поглощаетъ время, которое можно было бы употребить съ большею пользою, еслибъ только дѣвушки довольствовались разыгрываніемъ пьесъ менѣе трудныхъ. Если нѣтъ особеннаго таланта, совершенное безуміе не только 5, но и 3 часа въ день проводить за фортепіано, единственно изъ тщеславнаго желанія блеснуть въ гостиной. Достаточно, чтобы дѣвушка отъ одного до двухъ часовъ въ день посвящала музыкѣ и пренебрегала изъ-за нея тѣми занятіями, безъ которыхъ она не можетъ быть истинно образованною. Съ искусствами бываетъ то же, что съ хозяйствомъ; успѣхъ его достигается только при дѣльныхъ свѣдѣніяхъ и практическомъ смыслѣ, и искусство только тогда лишь можетъ дѣйствовать благотворно, когда оно служитъ выраженіемъ души истинно образованной и одаренной тонкимъ вкусомъ. А этого можно достигнуть только дѣльнымъ воспитаніемъ. Такимъ образомъ, исторія пробуждаетъ сознаніе истины, а классическая литература—чувство красоты. Безспорно также и то, что музыка есть единственное искусство, которому можно учиться и безъ особенныхъ способностей; небольшого умѣнья можно достигнуть безъ большой траты времени; но другимъ искусствамъ вовсе не слѣдовало бы учить дѣвушекъ, развѣ онѣ имѣютъ къ тому особенныя наклонности; употребленіе же искусствъ, какъ игрушекъ, слѣдовало бы вовсе изгнать изъ воспитанія, иначе улучшение его невозможно. Полуумѣіе и полузнаніе слишкомъ губительно и не должно быть терпимо. Иностранному языку, если нельзя его изучить основательно, не надобно

бы учить вовсе. Изученіе языка нужно начинать съ дѣтскаго возраста и продолжать нѣсколько лѣтъ сряду. Родители, которые на 13 или 14 лѣтнемъ году начинаютъ учить немножко своихъ дѣтей по-французски и черезъ два-три года прекращаютъ это ученіе, только напрасно теряютъ деньги и время. Но основательное знаніе иностранныхъ языковъ, конечно, доставляетъ несомнѣнную пользу.

Въ дѣлѣ образованія, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, грустно ограничиваться однимъ необходимымъ; но съ этимъ только условіемъ возможно устраненіе неполноты въ женскомъ воспитаніи. Какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ знанія, онъ долженъ быть весь наполненъ, иначе мы останемся всегда только поверхностными и не получимъ яснаго воззрѣнія на вещи. Недостаточность женскаго знанія происходитъ единственно отъ того, что дѣвушекъ учатъ недовольно основательно. Правда, оно довольно и трудно, такъ какъ дѣвочки въ 14—15 лѣтъ считаются уже вышедшими изъ возраста, назначеннаго для ученья. Въ періодъ времени отъ 6 до 18 лѣтъ можно чрезвычайно многому научиться, если изъ ученья не дѣлать пустой игрушки. Дѣвушка, получившая основательное образованіе хотя и въ узкихъ сравнительно рамкахъ, никогда не будетъ въ затрудненіи въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи; она имѣетъ всѣ важнѣйшія точки опоры; сдѣлавшись матерью, она исполнитъ свои обязанности; оставшись незамужнею, она безъ большаго напряженія пріобрѣтетъ дальнѣйшее образованіе, которое доставитъ ей возможность быть существомъ самостоятельнымъ. Главное же дѣло въ томъ, что правильное умственное воспитаніе разовьетъ сердце и душу женщины. Истинное образованіе заключается не въ количествѣ свѣдѣній, а въ благоразуміи, отсутствіи предразсудковъ и добромъ сердцѣ. Повторяемъ, что этихъ свойствъ можно достигнуть и безъ знанія иностранныхъ языковъ и искусствъ, но ихъ нельзя имѣть безъ глубокаго знакомства съ высшимъ изученіемъ исторіи, законовъ природы и отечественной литературы. Изученіе этихъ важнѣйшихъ предметовъ образуетъ и вкусъ; дѣвушка, знающая и любящая классическихъ писателей своего народа, сама будетъ уда-

ляться отъ всего пошлаго и грязнаго въ литературѣ. Чтеніе есть для женщины важное средство для дальнѣйшаго образованія и потому должно стараться со всею строгостью направлять ее на вѣрный путь. Важная обязанность матери и воспитательницы имѣть бдительный надзоръ за чтеніемъ дочери; знакомство съ дурными книгами можетъ уничтожить плоды самаго лучшаго воспитанія. Пока умъ недостаточно созрѣлъ, должно удалить все, что можетъ ему повредить. Сентиментальность и вѣтренность должны быть одинаково искореняемы въ дѣвушкахъ; тѣ золотообрѣзныя книжечки, которыя у насъ посвящаются женщинамъ, чаще имъ вредны не менѣе романовъ; дѣвушка нуждается въ пищѣ болѣе здоровой. Мы однако вовсе не думаемъ, что чтеніе романовъ безусловно должно запрещать дѣвушкамъ; напротивъ, хорошій романъ лучше развиваетъ чувство добра и изящнаго, чѣмъ многія другія нравственные сочиненія. Женскій глазъ долженъ пріучаться узнавать дѣйствительную жизнь и въ поэтическомъ изображеніи, хотя подъ часъ на дѣлѣ эта жизнь кажется и грустною и страшною; но всего болѣе должно стараться отдалять отъ дѣвушекъ пошлыя и грязныя произведенія литературы.

Итакъ, женское образованіе должно быть по преимуществу реальнымъ. Развивая природныя дарованія дѣвушки, возбуждая въ ней дѣятельность мысли и облагораживая чувства, образованіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно дать ей такую сумму познаній теоретическихъ и практическихъ, чтобы дѣвушка, вступивъ въ жизнь, могла быстро и легко орьентироваться въ кругу ея новыхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что лучшею практическою школою для дѣвушки всетаки остается семья и что закрытыя учебныя заведенія, отрывающія дѣвушку на долгій періодъ времени отъ семьи, менѣе всего пригодны для цѣлей реальнаго женскаго образованія. Въ этихъ заведеніяхъ дѣвушки въ большинствѣ случаевъ получаютъ совершенно ложное направленіе, такъ какъ здѣсь образуютъ не женщинъ, а свѣтскихъ дамъ. Начальство такихъ заведеній заботится лишь о томъ, чтобы съ перваго взгляда на дѣвушку выказывались ея благопри-

стойность и благопріавіе и для этого онѣ пріучаются всего болѣе къ однимъ внѣшнимъ формамъ обращенія.

Образованіе характера почти никогда не составляетъ, въ закрытомъ учебномъ заведеніи, предмета особеннаго вниманія; природныя склонности каждаго ребенка возникаютъ съ новою силою, какъ только онъ освободится отъ стѣсненія, которому подвергался въ заведеніи, гдѣ эти склонности болѣе угнетали, чѣмъ старались облагородить и улучшить. Кромѣ того, весьма часто дѣвушки, воспитанныя въ этихъ заведеніяхъ, отличаются какими-то принужденными, натянутыми манерами, которыя отнимаютъ у дѣвушки всю ея пріятельность.

Нѣтъ сомнѣнія, что при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ дѣвушки гораздо лучше достигаютъ простаго, естественнаго развитія среди роднаго имъ семейства, гдѣ возможно упражненіе столько-же физическихъ, сколько и духовныхъ силъ, гдѣ дѣвушка исполняетъ свои обязанности не по часамъ, а всякую минуту побуждается къ непринужденной полезной дѣятельности, гдѣ постоянно ученіе соединяется съ хозяйственными занятіями, гдѣ, наконецъ, онѣ незамѣтно привыкаютъ къ приличному и естественному обращенію съ посторонними людьми, тогда какъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ онѣ научаются только соблюденію условій и правилъ, часто не примѣнимыхъ къ жизни. Еще важный недостатокъ жизни въ закрытыхъ заведеніяхъ состоитъ въ томъ, что дѣвушки устранены отъ сношенія съ обществомъ, именно въ тѣ годы, когда воображеніе рисуетъ имъ свѣтскую жизнь съ необыкновенною прелестью.

Дѣвушка, которая растетъ въ семьѣ, не станетъ уже мечтать о небылицахъ она видитъ жизнь въ настоящемъ ея свѣтѣ; хотя ее и не выводятъ въ свѣтъ, но она пріучается къ нему въ домашнемъ быту, привыкаетъ къ обращенію съ мужчинами и безъ удивленія и ослѣпленія вступаетъ въ общество. Дѣвушки-же, воспитанныя въ закрытомъ заведеніи, выносятъ оттуда обыкновенно самыя превратныя и безтолковыя понятія о жизни; романы хотя и запрещены, но читаются въ тихомолку и дѣвушка, оставляющая такое заве-

ніе, нерѣдко подь видомъ степенности скрываетъ внутреннюю раздражительность и готова броситься на шею первому мушкетю. Какая наставница можетъ замкнуть надзоръ бдительной и любящей матери; что можетъ быть чище семейнаго круга, гдѣ въ веселой непринужденности и тяжести и пріятныя занятія идутъ рука объ руку, а прямое знакомство съ жизнью обращаетъ и возбуждаетъ умъ къ дѣятельности. Вотъ почему желательно, чтобы нравственное воспитаніе могло совершаться дома.

Наконецъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ печальныхъ слѣдствіяхъ, которыя часто вытекаютъ изъ воспитанія въ нѣкоторыхъ пансіонахъ, гдѣ наставницы, сообразно съ обычаями, стараются только о томъ, чтобы передать своимъ воспитанницамъ предубѣжденія и предрасудки, которыми заражены сами. „Мои наставницы, скажетъ одна изъ содержательницъ такого пансіона, женщины хорошо образованныя и добродѣтельныя во всѣхъ отношеніяхъ и потому надо слѣдовать ихъ пути“. Неудивительно послѣ этого, что дѣти, воспитанныя въ такомъ направленіи и ни о чемъ не мыслившія, дѣлаются несовершенными женщинами, хотя бы они и обладали большими природными дарованіями. Достаточно сказать, что порочныя страсти играютъ самую важную роль у пансіонерокъ, это фактъ, который доказанъ множествомъ серьезныхъ наблюденій. Но попробуйте сказать кому-либо изъ этихъ чопорныхъ классныхъ наставницъ, что онѣ очень отстаютъ въ дѣлѣ воспитанія, — васъ упрекнутъ въ невѣжество, пожалуй даже въ безбожіе. Какъ, молъ, можно возвышать голосъ противъ преданій доброй старины?

Всякая святая мысль пугаетъ, ужасаетъ этихъ господъ. Онѣ могутъ быть никогда и не размышляли о воспитаніи, а слѣдуя эмпиризму къ древнему правилу принимаютъ или отвергаютъ все по законамъ и правиламъ, которые онѣ сами получили во время ихъ воспитанія.

Между ними встрѣчаются и такія, которыя подобны ремесленнику, довольному только свѣдѣніями, переданными ему его предмѣстниками и который не стремится узнать болѣе. Онѣ не желаютъ ничего новаго; такъ какъ по его мнѣнію

ивая дорога не есть дорога кратчайшая, — почему и идти по болѣе извѣстному, хотя и длиннѣйшему пути. Каждый день мы болѣе и болѣе убѣждаемся, на сколько вредно такое ложное воспитаніе.

10 ч
11 ч
36 сат
5 ч
15 кор
17

25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

Handwritten signature and notes, including the word "Миларинет" written vertically.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дочь подъ родительского кровлею.

(Продолженіе).

— Высшая школа для дѣвиць это семья—наука жизни, или что такое умѣнье жить.—Ложныя направленія и ложный взглядъ на жизнь.—Безпредѣльность промаховъ въ цѣли воспитанія и горькіе плоды.—Общественная жизнь дѣвиць и увлеченія пустыми свѣтскими удовольствіями.—Банальность мнѣнія, что дѣвушкѣ многое неприлично знать.—Вредъ этого мнѣнія.—Дѣвушка подъ руководствомъ гувернантки.—Мать, завидующая красотѣ дочери.—Дочь разуміе матери.—Дѣвицье бездѣлье и всепоглощающая скука.—Предразсудки и боязнь труда.—Безполезная жизнь—это преждевременная смерть.—Пора любви.—Выборъ жениха.—Безправіе дѣвушки въ этомъ отношеніи, освященное вѣками.—Кровавая легенда о Хальгердѣ.—Комерческіе разсчеты во взглядахъ на замужество.—Розовыя надежды и разочарованія.—Погоня за женихами.—Свахи и сватовство.—Вступленіе въ жизнь и первые шаги на житейскомъ поприщѣ.

Итакъ, семья и одна только семья въ состояніи образовать, воспитать, создать женщину въ истинномъ смыслѣ этого слова, а главной наставницей, руководительницей и воспитательницей дѣвушкѣ должна служить мать. Мать своимъ примѣромъ и совѣтомъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ и не только съ дѣвочками-дѣтьми, но и съ дѣвушками, уже вступившими въ юношескій возрастъ.

Съ самаго ранняго возраста и до совершенныхъ лѣтъ мать не перестаетъ имѣть глубокое вліяніе на дочь; она-то и должна преподавать ей науку жизни, умѣнье жить. При первомъ взглядѣ на дѣвушку, получившую хорошее воспитаніе, вы тотчасъ увидите въ ней это умѣнье жить, этотъ *lex non scripta* хорошаго тона, обнаруживающагося

въ дѣйствіяхъ, взглядахъ, жестахъ, позахъ, походкѣ, словомъ, во всемъ ея существѣ и всѣхъ чертахъ. И наоборотъ, сколько бы дѣвушка ни училась, сколько бы она ни набралась книжной мудрости, образованіе не принесетъ ей ровно никакой пользы, если она не получитъ основательнаго воспитанія. Даже болѣе, дѣвушка возмечтаетъ себя дѣйствительно мудрой и станетъ свысока третировать семейныя обязанности: для этого, молъ, есть кухарки, няньки, прачки. Такимъ образомъ на ряду съ очень солидными познаніями будутъ уживаться всевозможныя заблужденія, предрасудки, ложныя взгляды и полное непониманіе смысла и внутренняго содержанія жизни. И всѣ эти пагубныя недостатки будутъ попрежнему передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе до безконечности.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что большинство дѣвушекъ, получившихъ образованіе въ какомъ-нибудь общественномъ учебномъ заведеніи и лишенныхъ опытныхъ, умныхъ воспитательницъ, выносятъ въ высшей степени ложныя взгляды на семейныя обязанности. Онѣ относятся къ нимъ съ крайнимъ пренебреженіемъ и съ энергіей, достойной лучшей участи, стремятся къ профессіямъ, менѣе всего свойственнымъ женщинамъ. Эти заблуждающіяся дѣвушки думаютъ даже, что самостоятельность, независимость женщины мыслимы лишь внѣ семьи и потому убѣгаютъ семьи и семейныхъ занятій какъ рабства. Онѣ, конечно, не знаютъ, что американская женщина, имѣющая полное право называться типомъ независимой, идеальной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, черпаетъ свою самостоятельность именно въ семействѣ, въ точномъ и безукоризненномъ исполненіи своихъ семейныхъ обязанностей. Онѣ не хотятъ видѣть, съ какимъ удобствомъ эти идеальныя женщины совмѣщаютъ высокую образованность, умственныя занятія, занятія искусствами и даже политикой съ занятіями хозяйственными. Онѣ, наконецъ, не хотятъ понять, что плохихъ математиковъ, плохихъ натуралистовъ, плохихъ докторовъ у насъ очень много, а хорошихъ матерей очень мало. Въ высшихъ сословіяхъ господствуютъ другія предрасудки: здѣсь дѣ-

вешку готовятъ исключительно къ пустой, свѣтской жизни, въ глазахъ которой семья и хозяйственныя занятія кажутся унижительными для всякой „порядочной“ женщины. Балы, вечера, наряды, кокетство, пустая свѣтская болтовня и пріисканіе выгодной партіи—вотъ все, чѣмъ наполнена жизнь свѣтской дѣвушки. Къ сожалѣнію, эта безсодержательная, ложная жизнь имѣетъ особенную привлекательность и для среднихъ сословія; послѣднія всегда стараются подражать во всемъ затѣямъ празднаго барства. Можно, однако, сказать съ увѣренностью, что дѣвушки средняго сословія никогда не усвоивали бы себѣ ложныхъ взглядовъ на семью, если бы ихъ воспитаніе съ самаго ранняго возраста было поставлено правильно. Дѣти въ большей или меньшей степени перенимаютъ привычки тѣхъ, которые обязаны дать имъ первое воспитаніе. Ребенка въ этомъ отношеніи можно сравнить съ растеніемъ, которое приноситъ плодъ только на воздѣланной почвѣ, а потому надобно воздѣлывать почву человѣка, какъ и землю. Къ сожалѣнію, матери не умѣютъ воздѣлывать дѣтскую почву и воспитаніе, которое онѣ даютъ своимъ дочерямъ—это ничто иное, какъ непрерывная цѣпь болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ. Силошь и рядомъ случается, что любящая мать, готовая пожертвовать жизнью для своей дочери, сама того не вѣдая и не подозревая, воспитываетъ въ своемъ дѣтищѣ самыя ужасныя недостатки и пороки. Прослѣдите, напр., какъ укореняется въ дѣвушкахъ страсть въ роскоши, нарядамъ, къ жизни не по средствамъ, къ кокетству, которые вносятъ такую значительную дозу яда въ нашу семейную жизнь. Прежде женщина имѣла хотя дѣтство, теперь его уже нѣтъ. Малютки-дѣвочки походятъ болѣе на маленькихъ женщинъ, которыя растутъ среди иногда хорошихъ, а большею частью дурныхъ примѣровъ дѣтства. Большинство матерей, не смотря на свою бѣдность, съ самаго дня рожденія дитяти начинаютъ пріучать его къ роскоши, одѣвая въ пышныя пеленки и соперничая въ этомъ съ богатыми; этотъ порокъ—страсть къ роскоши, съ годами болѣе и болѣе развивается въ малюткѣ и когда настанетъ пора юношества, она уже вполнѣ при-

выкла къ женскимъ нарядамъ и кокетству и не получила никакихъ правилъ чести и добродѣтели. Дѣтей одѣваютъ не для защиты тѣла отъ вліянія воздуха, а чтобы щегольнуть нарядами, и какъ часто случается, что матери выводятъ во время стужи маленькихъ дѣтей въ легкихъ платьицахъ, съ тщеславною цѣлью блеснуть модными дѣтскими костюмами. Желаніе матерей, чтобы маленькія толпы ихъ дѣтей были замѣчаемы, сдѣлалось для нихъ истинною необходимостью. Какъ много наконецъ неразумныхъ, ослѣпленныхъ матерей, которыя скорѣе издержатъ послѣднюю копѣйку на красивую юбку или какую-нибудь шляпку à la fantaisie, чѣмъ на учителя или медика. Есть также молоденькія, бурныя кокетки, которыя вѣрнѣе умѣютъ сыграть польку, чѣмъ прочитать молитву Господню. Такое униженное и полное противорѣчій воспитаніе губительно вліяетъ на женщину. И вотъ отъ этого-то ложнаго воспитанія; совершеннаго противно природѣ дитяти, требующей во всемъ простоты, происходятъ тѣ слабыя женщины, которыя встрѣчаются въ послѣднее время въ такомъ громадномъ количествѣ. Теперь, въ пору всеобщаго увлеченія роскошью и мотовствомъ, никто не слушается голоса благоразумія и нижеслѣдующія слова Фенелона, конечно, были-бы голосомъ вопіющаго въ пустынь.

Я— говорилъ Фенелонъ—хочу показать нашимъ молодымъ дѣвицамъ ту благородную простоту, которая представляется въ статуяхъ и другихъ изображеніяхъ римскихъ и греческихъ женщинъ; онѣ увидятъ въ нихъ, какъ пріятны и величественны небрежно завязанные назадъ волосы; онѣ услышатъ это же самое отъ живописцевъ и многихъ другихъ, которые имѣютъ превосходный вкусъ древности⁴, прибавьте къ этому нелѣпое и вредное обыкновеніе матерей водить дѣвочекъ, разряженныхъ куклами, по вечерамъ, гдѣ онѣ должны проводить цѣлыя ночи безъ сна, и увидите, что страсть къ роскоши, кокетству и пустымъ свѣтскимъ развлеченіямъ искусственно готовится въ дѣвушкахъ съ малолѣтства. На этихъ дѣтскихъ вечерахъ маленькая женщина не научится, конечно, правиламъ нравственности, потому что видитъ тамъ только одно чувственное, сильно возбуждающее и безъ того

воспріимчивое дѣтское воображеніе; а всѣ впечатлѣнія видѣннаго и слышаннаго всасываются моментально. Надо видѣть этихъ маленькихъ дѣтей на вечерѣ; они взволнованы, сонъ бѣжитъ отъ нихъ, вызывая тотъ постыдный порокъ, который, ослабляя ихъ постепенно, часто кончается плачевнымъ исходомъ чахотки и полнымъ разрушеніемъ всего ихъ существа. Но если даже чахотка не будетъ неизбѣжнымъ исходомъ, то чего-же можно ждать отъ этихъ дѣвочекъ впоследствии, когда вся жизнь представляется имъ однимъ непрерывнымъ баломъ? Всѣ стремленія ихъ будутъ сосредоточиваться на томъ лишь, чтобы скорѣе воспользоваться всѣми удовольствіями беззаботной, пустой и пошлой свѣтской жизни. И можно-ли ожидать какой либо пользы отъ такихъ дѣвушекъ, которыя торопятся въ жизнь, не предчувствуя даже ни высокаго призванія, ни сильнаго, опредѣленнаго сознанія? Изъ нихъ рѣдко кто дѣлается дѣльною матерью, здраво-мыслящею женщиной. Упоенныя блескомъ баловъ и собраній, появляются онѣ въ залахъ съ розами на головѣ; но рѣдко скрывается подъ нимъ доброе, твердое сердце и теплая душа, которыя такъ нужны женщинѣ. Весело и безпечно пролетаетъ нѣсколько блестящихъ годовъ, но сцена должна измѣниться и вотъ неумолимая дѣйствительность стучится въ двери. Много-ли найдется готовыхъ на борьбу съ нею, многимъ - ли придутся по силамъ ея справедливыя требованія? Замужество-ли, или безбрачная жизнь ожидаетъ этихъ веселыхъ существъ, все равно; но только какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ ихъ ожидаетъ жизнь безцѣльная, ничтожная и бесполезная для общества. Это въ буквальномъ смыслѣ слова—погибшія созданія? И кто въ этомъ виноватъ? Опять-таки матери, опять-таки недостатокъ хорошаго, основательнаго воспитанія.

Далѣе, какъ нерѣдко встрѣчаются женщины, легковѣріе и кокетство которыхъ приводитъ ихъ на край нравственной гибели, приводитъ ихъ къ нравственному паденію. Этотъ печальный исходъ является также влѣдствіе того, что многія матери, не отличающіяся строгостью нравовъ, думаютъ, что будетъ время перемѣниться, когда подрастутъ дочери, но

увы! тогда уже поздно. Дѣвочка, подобно растенію, развивается соотвѣтственно той атмосферѣ, которою дышетъ.

Никакая строгость въ послѣдствіи не исправитъ того, что было истрачено раннимъ знакомствомъ съ пустыми и ничтожными людьми и съ олицетворяемыми ими пороками. Нѣжная природа дѣвочки воспринимаетъ хорошія и дурныя впечатлѣнія съ удивительной быстротой и они дѣйствуютъ на нее гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ на мальчика. Какъ часто, напр., мы бросаемъ камнемъ въ легкомысленную женщину; а если спросить о ея матери и обстоятельствахъ ея молодости, нерѣдко негодованіе смѣняется чувствомъ глубокаго сожалѣнія.

Словомъ, какой-бы недостатокъ женщины мы не взяли, исторія его зарожденія и развитія одна и та же; недостатокъ заимствованъ ребенкомъ у взрослыхъ, стало быть привить къ нему искусственно; затѣмъ въ послѣдующіе годы всѣ условія слагались такъ, что недостатокъ систематически, шагъ за шагомъ развивался, укоренялся и наконецъ свился съ существомъ женщины. Такъ матери буквально приучаютъ дочерей къ кокетству, къ нарядамъ, мотовству, къ пустымъ, свѣтскимъ удовольствіямъ, къ ложнымъ взглядамъ на обязанности ихъ относительно семьи и вообще ко всему тому, что, капля за каплей, вливаетъ ядъ въ нашу повседневную жизнь и медленно отравляетъ ее. Въ особенности слѣдуетъ вооружаться противъ непомѣрно развившейся страсти къ роскоши. Здѣсь мы будемъ говорить не о знатныхъ семействахъ, но о тѣхъ сословіяхъ, гдѣ трудъ и духовная жизнь должна идти рука объ руку; на этой-то связи основывается все благосостояніе средняго класса. Среднему сословію давно пора возвратиться къ простотѣ и бросить всякое слѣпое подражаніе затѣямъ знатнаго барства, привычки котораго не соотвѣтствуютъ ни средствамъ нашимъ, ни образу жизни.

Къ несчастію, толпа все болѣе и болѣе увлекается страстью къ удовольствіямъ и наслажденіямъ, далеко превышающимъ ея средства, а между тѣмъ женщина остается тщеславною, непостоянною и легкомысленною, пока въ ней не будетъ развита другая, благороднѣйшая сторона ея природы,

пока стремленію ея къ занятію твердаго положенія въ обществѣ не будетъ дано надлежащаго направленія.

Никто конечно не думаетъ порицать общежитія, но нельзя не вооружаться противъ непрестанныхъ баловъ и вечеровъ, собраній пестрой толпы, доставляющихъ весьма мало истиннаго удовольствія, но постоянно привлекающихъ людей, которые, по скудности своего духовнаго развитія, ужасаются одной мысли провести вечеръ въ кругу своего семейства.

Для дѣвушки, еще въ полудѣтскомъ возрастѣ начинающей выѣзжать въ свѣтъ и мечтающей только о танцахъ, пышныхъ нарядахъ, любезностяхъ и обожателяхъ, прекращаются всѣ умственные занятія, всѣ стремленія болѣе высокія; она желаетъ только наслаждаться, ищетъ шумныхъ развлеченій и этимъ губить, въ самое короткое время, лучшія свои способности, зародыши прекраснѣйшихъ качествъ. Можетъ быть думаютъ, что все равно, 15-ти или 18-ти лѣтъ дѣвушка начнетъ посѣщать собранія. На дѣлѣ въ этомъ огромная разница. Въ возрастѣ отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ съ немовѣрной быстротою образуется характеръ дѣвушки, а поэтому тутъ-то и необходимо для нея продолженіе серьезныхъ занятій, которыя одни могутъ отклонить ее отъ врожденной склонности къ легкомыслію и мечтательности, заглушающихъ въ ней даже самую любовь къ истинѣ.

Впрочемъ, можно и въ это время доставлять молодой дѣвушкѣ развлеченія и удовольствія, сообразныя ея лѣтамъ и дѣтскимъ понятіямъ. Удовольствія эти могутъ пробудить въ ней любовь къ тихимъ наслажденіямъ жизни и вполне замѣнять ей всѣ дѣтскіе балы и маскарады,—эту кукольную комедію общественной жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что 18-ти-лѣтняя дѣвушка, приготовленная къ жизни дѣльнымъ воспитаніемъ, вступаетъ въ свѣтъ съ совершенно инымъ на него взглядомъ, чѣмъ тѣ жеманныя надутыя 15-ти-лѣтнія куклы, которыхъ скорѣе слѣдовало бы оставлять еще въ дѣтской комнатѣ. Въ 18-ти-лѣтнемъ возрастѣ у дѣвушки развивается чувство собственнаго достоинства, которое еще дремлетъ въ ребенкѣ, а есть конечно, лучшее достояніе женской природы. Оно-то ограждаетъ жен-

щину отъ всѣхъ приманокъ тщеславія и лести, которымъ такъ легко поддается женское сердце.

Правильно воспитанная и хорошо образованная дѣвушка вступаетъ въ общественную жизнь съ скромностію и достоинствомъ, дѣлающими ее истинно привлекательною. Дѣйствуя самостоятельно, она не нуждается въ похвалахъ общества; ей доступны высшія стремленія, лучшія наслажденія, а отъ шумныхъ увеселеній свѣта она всегда съ радостію и самоудовольствомъ возвратится къ жизни домашней, въ кругъ дорогой ей семьи. Дѣвушка, начинающая выѣзжать въ свѣтъ, испытываетъ въ первые годы небывалое волненіе и въ это время болѣе, чѣмъ когда либо, находится подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній; потому-то и не должно вывозить ее прежде, чѣмъ она достигнетъ сознанія и хотя нѣкоторой умственной зрѣлости.

Впрочемъ, такъ же смѣшно было бы лишать дѣвушекъ всѣхъ общественныхъ удовольствій, какъ и вывозить ихъ слишкомъ рано и слишкомъ часто. Избави насъ Богъ отъ жеманныхъ недоростковъ, которыя гнушаются танцевъ, веселаго общества или умной шутки! Станемъ просто и естественно дѣлать удовольствія общественной жизни, но они не должны быть для насъ однимъ лишь средствомъ убивать время. Кромѣ удовольствій и развлеченій, свѣтъ долженъ быть для женщины школою жизни, но для этого необходимо ей прежде умѣть находить опору въ семействѣ и умственномъ своемъ развитіи; тогда свѣтъ не испортитъ ее, но довершитъ ея образованіе.

Напротивъ, взгляните, какова участь дѣвушекъ, которыя, ничего не дѣлая, только блестятъ въ обществѣ?

Увлеченныя свѣтскимъ вихремъ, онѣ скоро видятъ себя безъ руля и парусовъ среди бурь житейскаго моря. Съ ними дѣлаются судороги и мигрень каждый вечеръ, который онѣ должны остаться дома; оживаютъ онѣ только на балу, гдѣ танцуютъ до упада. Даже удивительно, какъ дѣвушки не знающія усталости на вечерахъ, начинаютъ вдругъ страдать нервами по выходѣ замужъ и утомляются малѣйшей домашней работой. Имъ нестерпимо душно въ кухнѣ и прачешной,

но не душно въ тѣснотѣ бала, въ толпѣ гостей. Ихъ отвращеніе отъ занятій и неудовольствіе, съ которымъ онѣ исполняютъ свои обязанности, искажаетъ ихъ до того, что видя ихъ дома трудно повѣрить, что это тѣ самыя, которыя такъ весело улыбаются на балу, въ цвѣтахъ и локонахъ. Какъ часто молодая чета въ пышныхъ покояхъ своихъ умираетъ отъ скуки единственно потому, что хозяйка дома не умѣетъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ блестящей свѣтской дамой.

Гармоническое соединеніе духовныхъ наслажденій съ матеріальнымъ трудомъ доставляетъ человѣку то мирное счастье, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Хотя общественныя развлеченія пріостанавливаютъ на нѣкоторое время свойственное человѣческой природѣ стремленіе къ дѣятельности, однако заглушить его навсегда невозможно. Оно возникаетъ, какъ призракъ, передъ взорами женщины, пресыщенной суетными развлеченіями и страшная мысль о своемъ ничтожествѣ часто волнуетъ ее среди пышныхъ пировъ. И нынѣ многія женщины устремились бы на путь истинны, промѣнявъ тщеславіе на простоту и дѣятельность, если бы только умѣли сдѣлать это. Къ сожалѣнію, не свѣдующія и неопытныя, онѣ впадаютъ въ пороки и заблужденія; ихъ тянетъ туда наше надутое поддѣльное общество, и оно поражаетъ неизгладимымъ зломъ воспримчивое женское сердце, неукрѣпленное основательнымъ воспитаніемъ. Порокъ въ женщинѣ всегда достигаетъ высшей степени, чѣмъ въ мужчинѣ. Она нѣжна и чувствительна и, при дурномъ направленіи, впадаетъ въ крайности, рѣзко противоположныя всему доброму и прекрасному. Муцина и при поверхностномъ образованіи всегда имѣетъ въ обществѣ опредѣленные занятія, которыя удерживаютъ его въ извѣстныхъ границахъ; но свѣтская женщина не имѣетъ и этой ограды. Занятая непрерывно мелочами пустаго тщеславія и эгоизма, она становится наконецъ предметомъ жалости и отвращенія. „Женскій умъ не отличается глубокомысліемъ, говорить Луиза Бюхнеръ *); въ немъ больше инстинктивной понят-

*) Луиза Бюхнеръ, „Призваніе женщины и ея воспитаніе“, Спб. 1857, стр. 60

ливости; при недостаточности умственного развитія, онъ получаетъ склонность къ самымъ причудливымъ вымысламъ и изъ однихъ ничтожныхъ намёговъ составляетъ безконечныя сплетни. Привычка къ этому обращаетъ женщинъ въ живыхъ, вѣтренныхъ существа, которыя не сознавая причиняемаго ими вреда, не падаютъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ и ищутъ только предмета для своей язвительной и насмѣшливой болтовни. Зло идетъ и далѣе, между этими женщинами образуются тѣ мелочныя понятія, которыя проникаютъ въ цѣлое общество, даютъ ему направленіе и своимъ тлетворнымъ вліяніемъ отдаляютъ на цѣлые годы осуществленіе лучшихъ благоразумнѣйшихъ надеждъ. Но гдѣ граница между общежитіемъ и излишнею свѣтскостью? Здѣсь, какъ и во всемъ, человѣкъ истинно образованный долженъ руководствоваться преимущественно своимъ собственнымъ разумомъ. Понимая высшія наслажденія, женщина не будетъ избѣгать общества, но и никогда не сдѣлается его рабой. Руководствуясь не страстью къ удовольствіямъ, а разумною разборчивостью, она не будетъ входить въ сношеніе со всякимъ, кто только можетъ доставить ей случай повеселиться; она сама внесетъ въ кругъ своего знакомства возвышенныя стремленія, не заботясь о виѣшней суетности свѣта.

Наконецъ и то вредное вліяніе, какое общество имѣло у насъ на жизнь семейную—это зло должны искоренить достойныя, разумныя женщины.

Пора наконецъ среднему сословію бросить эту ребяческую страсть къ подраженію знатымъ, для которыхъ свѣтскость менѣе вредна; у нихъ нѣтъ недостатка въ досугѣ и для развлеченія имъ не приходится жертвовать образованіемъ. Но жаль смотрѣть на нашихъ дѣвушекъ, какъ иногда онѣ просиживаютъ дни и ночи за работой, чтобъ только удовлетворить своему тщеславію и не отстать въ туалетѣ отъ свѣтской дамы высшаго круга. Желаніе надѣть красивое платье до того увлекаетъ ихъ, что онѣ за приготовленіемъ его проводятъ цѣлыя недѣли, откладывая въ сторону всѣ серьезныя занятія. Требованія моды достигли такого чрезмѣрнаго развитія, что для одного удовлетворенія имъ

пренебрегаютъ и познаніями, и чтеніемъ, и всѣми домашними обязанностями.

Не только смѣшно, но достойно всякаго сожалѣнія, если дѣвушка средняго круга одѣвается выше своего состоянія и убиваетъ такъ много времени изъ-за пустой мишуры, забывая, что у ея высокаго идеала—богатой свѣтской дамы, все это дѣлается руками прислуги и потому не отнимаетъ времени отъ болѣе серьезныхъ занятій. Если въ среднемъ кругу дѣвушка своимъ туалетомъ бросается въ глаза, то какъ бы въ извиненіе ей, обыкновенно говорятъ: „вѣдь она все сама шьетъ“. Но это именно и значить убивать дорогое время, тратить его на пустое, отрекаясь отъ истинно прекраснаго и добраго. Вспомните изрѣченіе Гёте: „одно и то же не всѣмъ идетъ“. Но въ наше время думаютъ, что даже въ повседневной жизни все пристало всякому.

У насъ забываютъ, что приличная изящная простота нисколько не ниже богатства, а бессмысленное хвастовство и стремленіе перещегоолять другъ друга въ роскоши всегда доводитъ до раззоренія. Вотъ почему благоразумная мать должна прежде всего стараться возбудить въ дочеряхъ любовь къ простотѣ и скромности; приучать ихъ отличать внѣшность отъ внутренняго достоинства, не пренебрегая, однако, ни тѣмъ, ни другимъ. Даже врожденное человѣку влеченіе къ наслажденію она можетъ облагородить, научая дочерей находить удовольствіе въ домашнихъ радостяхъ. Кто съ дѣтства привыкъ наслаждаться въ кругу семьи, тотъ рѣдко будетъ гоняться за чувственными удовольствіями, которыя губятъ такъ много молодыхъ, здоровыхъ силъ. Мать должна постоянно внушать дочерямъ, что истинной красотѣ не нужно ни богатства, ни блеска; она сама всему сообщаетъ изящество. Истинное образованіе всего болѣе любитъ простоту. Оставимъ же тѣмъ, кто бѣденъ духомъ и сердцемъ, ихъ блестящую внѣшность, ихъ роскошныя платья, богато убранныя комнаты, ихъ лукулловскіе обѣды. Этой роскоши не станетъ завидовать женщина съ возвышеннымъ умомъ, имѣющая такъ много чистыхъ, духовныхъ наслажденій.

Къ числу самыхъ существенныхъ недостатковъ воспитанія

слѣдуетъ отнести банальное мнѣніе о томъ, что дѣвушкѣ многое неприлично знать. Печальнѣе всего, что это нелѣпое и вредное мнѣніе очень широко распространено во всѣхъ классахъ общества; причемъ разница состоитъ лишь во взглядахъ на степень неприличія того или другаго предмета. Такъ, напр., во многихъ аристократическихъ семействахъ считается верхомъ неприличія для дѣвушекъ читать Гоголя, умѣть сварить кашу или сшить сорочку и въ то же время считается вполне приличнымъ и дозволительнымъ читать „Нана“; оголять грудь и плечи, поддерживать маскарадныя интрижки и т. п. Въ среднемъ классѣ, наоборотъ, „Нана“ изгоняется, Гоголь терпимъ, а умѣніе сварить кашу и сшить сорочку не только считается признакомъ дурнаго тона, но входитъ, хотя и не вездѣ, въ кругъ свѣдѣній, безусловно необходимыхъ дѣвушкѣ. Какая-нибудь чопорная гувернантка, найдя свою аристократическую питомицу за чтеніемъ Некрасова, скорчитъ кислую мину: тутъ, молъ, пишутъ о муцинахъ; но она отнесется снисходительно къ той же питомицѣ, если найдетъ подъ ея подушкой какой-нибудь скабресный французскій романъ. Старая гувернантка, пожалуй, даже вздохнетъ при этомъ и закатитъ глазки подъ впечатлѣніемъ приятныхъ воспоминаній: „ахъ, какъ тутъ хорошо пишутъ о любви!“ Дѣвушкѣ средняго круга не стануть запрещать чтеніе стихотвореній Некрасова; ей не запретять даже знать, какъ и почему куры несутъ яйца, какимъ образомъ увеличивается приростъ лошадей, коровъ, но при всемъ этомъ ее долго держать въ убѣжденіи, что маленькій братъ или сестра, неожиданно появившіеся въ спальной ихъ маменьки, найдены бабушкой на капустномъ огородѣ. Явная нелѣпость! Больше же всего маменьки боятся пробужденія въ дѣвушкахъ того чувства, которое вообще называется любовью. Лишь только дѣвушка переходитъ отъ отрочества въ юношескій возрастъ, вступивъ въ тотъ періодъ физическаго и моральнаго развитія, когда любовь непримѣнно должна зародиться, матери совершенно теряются и, желая устранить мнимую опасность, дѣлаютъ массу промаховъ. Но благоразумная мать не станетъ видѣть здѣсь опасности.

Вмѣсто того, чтобы въ своихъ разговорахъ съ дочерью устранять самое названіе любви, какъ будто она не существуетъ, мать представляетъ ее дочери въ ея настоящемъ видѣ, т. е. творцомъ всего, что совершается въ мірѣ добраго и прекраснаго. Молодые сердца гибнуть менѣе отъ страсти, нежели отъ того, что походитъ на нее. Слѣдовательно, если дѣвушка будетъ знать, что такое истинная любовь; если ея воображеніе не будетъ воспалено эфемерными картинами; если ей внушать понятіе о святости любви,—она не будетъ смотрѣть на любовь какъ на игрушку; она станетъ беречь и лелѣять въ себѣ великое чувство и никогда не сдѣлается жертвою слѣпаго увлеченія. Боязнь „любви“ побуждаетъ, между прочимъ, матерей устранять дочерей отъ слишкомъ частыхъ свиданій съ мужчинами, въ особенности наединѣ. Бесѣды, прогулки, чтенія молодыхъ дѣвушекъ съ мужчинами всегда составляютъ предметъ особаго страха для матерей, а между тѣмъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства противъ увлеченій дѣвушки, какъ постоянное общеніе съ мужчиной и лучшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ служить женщины Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ полная свобода сношеній между молодыми людьми обоаго пола ведетъ лишь къ тому, что мужчины относятся къ женщинамъ въ высшей степени нравственно, а дѣвушки превосходно изучаютъ мужчинъ прежде, чѣмъ сдѣлаться женами. Мы же устраняемъ мужчинъ отъ дѣвицъ съ такимъ бесполезнымъ стараніемъ, что только возбуждаемъ влеченіе послѣднихъ къ первымъ. Запретный плодъ всегда вкуснѣе и чѣмъ болѣе матери отдаляютъ своихъ дочерей отъ мужчинъ, тѣмъ болѣе дѣвицы мечтаютъ о мужчинахъ. Наконецъ этотъ нелѣпый обычай вреденъ еще въ томъ отношеніи, что дѣвушки не имѣютъ возможности изучать мужчинъ и, выходя замужъ, рѣшительно не знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ связываютъ свою судьбу на весь вѣкъ.

Съ точки зрѣнія условныхъ приличій считается, напр., совершенно неприличнымъ знакомить дѣвицъ съ физиологіей не только мужчины, но даже и женщины. Дѣвушка, готовая выйти замужъ, не имѣетъ ровно никакого понятія о томъ,

что будетъ происходить въ ея организмѣ послѣ того, какъ она станетъ женой и матерью. Сплошь и рядомъ случается, что женщина не умѣетъ опредѣлить—беременна-ли она или нѣтъ и только поэтому не принимаетъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ, столь необходимыхъ въ періодѣ беременности. Сколько страданій, сколько неправильныхъ родовъ и выкидышей было бы предупреждено, если бы женщины, въ періодѣ дѣвчества, получали-бы хотя элементарныя познанія о физиологіи и патологіи. Необходимость такихъ познаній очевидна, но ихъ все-таки не даютъ дѣвушкамъ въ томъ нелѣпомъ соображеніи, что изученіе строенія человеческого тѣла и процессовъ, въ немъ происходящихъ, можетъ будто бы оскорбить нравственное чувство и стыдливость дѣвушки. Находятся и такія матери-воспитательницы, которыя убѣждены, что раскрытіе нѣкоторыхъ тайнъ природы передъ дѣвушками можетъ повліять даже на уровень ихъ нравственности. Какой абсурдъ! Можетъ-ли наука дѣйствовать развращающимъ образомъ? Подобные нелѣпыя взгляды являются опять-таки вслѣдствіе того, что воспитаніе поставлено у насъ на ложную почву. Воспитатели заботятся лишь о томъ, чтобы сдѣлать изъ дѣвочки свѣтскую женщину, а не женщину семьи. Но если бы воспитаніе имѣло цѣлью подготовить изъ дѣвочки хорошую мать, хорошую жену и хорошую хозяйку, то конечно дѣвушка, прежде чѣмъ выйти замужъ, получила бы точныя понятія о беременности, о родахъ, о первоначальномъ физическомъ уходѣ за новорожденнымъ и вообще о всемъ томъ, что по выходѣ замужъ она испытываетъ на себѣ самой. Эти знанія такъ же необходимы дѣвушкамъ, какъ и знанія относительно ухода за собственнымъ тѣломъ, сохраненія красоты и здоровья, наблюденія предосторожностей въ извѣстные періоды и т. п. Нужно же наконецъ отрѣшиться отъ этихъ смѣшныхъ и вредныхъ взглядовъ на приличіе и неприличіе. Знаніе законовъ природы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть неприличнымъ; напротивъ, оно возвыситъ дѣвушку, заставитъ ее серьезно смотрѣть на свою будущность и дастъ ей возможность вступить на поприще жены и матери во всеоружіи знанія и

осмысленнаго взгляда на жизнь. Пора наконецъ отрѣшиться отъ поэтическихъ взглядовъ на женщину. Положимъ, „дѣвическія души, по словамъ Жанъ-Поля, это цвѣты, ниспадающіе съ неба, бѣлоснѣжныя, какъ лиліи; грубая нога нерѣдко топчетъ ихъ въ житейской грязи“. Но дѣло не въ томъ, чтобы воспитывать существа, сколь можно ближе подходящія къ поэтическимъ идеаламъ; намъ нужны характеры, годныя для дѣйствительной, реальной жизни. Остается сказать еще нѣсколько словъ о ложномъ воспитаніи дѣвицъ, ввѣренныхъ сладострастнымъ и легкомысленнымъ гувернанткамъ, которыя воспаляютъ умъ своихъ воспитанницъ порочными разсказами и сообщаютъ имъ страсти, волнующія ихъ самихъ. Въ подобныхъ рукахъ маленькая женщина привыкаетъ къ лжи, извѣженности и чувственности; недостатки эти позже дѣлаются для нее мученіемъ на всю жизнь. Печальное будущее ожидаетъ дѣвушку, предоставленную неблагоразумными родителями первой встрѣчной гувернанткѣ. Извѣженность, роскошь и праздность дѣлаютъ изъ нее бесполезнаго члена общества. Платонъ приписывалъ паденіе имперіи Кира, послѣ его смерти, тому, что воспитаніе дѣтей его было ввѣрено женщинамъ, льстившимъ возрождающейся въ нихъ страсти и не внушавшимъ имъ никакихъ правилъ добродѣтели. Дѣвушки, выросшія безъ нравственнаго принципа, безъ добрыхъ примѣровъ, дѣлаются самыми несчастными существами. Мученія и упреки въ теченіе всей жизни преслѣдуютъ ихъ шагъ за шагомъ; онѣ никогда не будутъ чувствовать наслажденій, доставляемыхъ нравственностью и добродѣтелью; женщина безъ нравственнаго принципа легко впадаетъ въ пошлыя волокитства, легко поддается прельщенію и обыкновенно дѣлается развратною, какъ скоро получитъ свободу. Такая женщина становится истиннымъ несчастіемъ и для родителей, и для мужа, и для своихъ дѣтей.

Вообще выборъ гувернантки должно производить чрезвычайно осторожно; въ особенности слѣдуетъ относиться недовѣрчиво къ гувернанткамъ—иностранкамъ, которыхъ всегда такъ много въ большихъ городахъ. Не говоря уже о томъ, что рѣдкая изъ нихъ имѣетъ какія-либо понятія о

воспитаніи, какъ часто случается, что гувернантки, получающія въ богатыхъ домахъ громадное содержаніе, были на родинѣ просто прачками, кружевницами или портнихами и, конечно, хорошо усвоили себѣ всѣ недостатки своего круга. Но это еще меньшая изъ бѣдъ. Бываетъ и такъ, что гувернантка на родинѣ была ничѣмъ инымъ какъ проституткой. Находясь постоянно въ общеніи съ воспитанницами, она, конечно, не замедлитъ оказать на нихъ въ высшей степени вредное, растлѣвающее вліяніе. Поэтому вообще желательно, чтобы воспитаніе дѣвочекъ поручалось гувернанткамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда другаго исхода нѣтъ; мать должна уступать никому своего великаго права и обязанности лично воспитывать своихъ дочерей. Особенно опасна интимная дружба гувернантки со взрослыми дѣвушками. Насколько полезна въ интересахъ воспитанія дружба матери съ дочерью, настолько же не желательны подобныя отношенія съ гувернанткой. Въ большинствѣ случаевъ взрослыя дѣвушки впервые знакомятся съ порокомъ при посредствѣ своихъ—съ позволенія сказать—воспитательницъ; онѣ то и преподаютъ имъ науку тайной любви, разжигаютъ ихъ страсти скабрзными разказами, передаютъ случаи изъ своей личной практики и нерѣдко становятся даже посредницами въ безнравственныхъ сношеніяхъ съ мужчинами. Гувернантка можетъ быть терпима еще при дѣвочкахъ до 14—15-лѣтняго возраста; позднѣе гувернантка становится уже не воспитательницей, а подругой; взрослая-же дѣвушка должна имѣть подругами или своихъ сверстницъ, или свою мать.

„Увы! восклицаетъ д-ръ Герцеги, *) нужно-ли еще прибавлять къ этому картину ревнивой матери, видящей дочь свою подростомъ и затмѣвающую ея своею красотою? Мать глубоко печалится, впадаетъ въ отчаянное тщеславіе. Что-же бываетъ въ результатъ? Молодая, неопытная дѣвушка, воспитанная въ дурныхъ примѣрахъ, почти всегда съ радостью бросается изъ своей домашней темницы въ объа-

*) Морицъ Герцеги, „Женщина въ фізіологическомъ, патологическомъ и нравственномъ отношеніяхъ“.

тія перваго встрѣчнаго незнакомца, котораго она, бѣдная, должна составить счастье; но лишняя основательнаго воспитанія и не имѣя понятія ни о какомъ долгѣ, она вноситъ въ домъ скорбь, беспорядокъ и скуку. Самая мать, старая нетерпѣливѣе сбывъ съ глазъ опасную соперницу, готова отдать дочь первому, кто попадется. Сколько возникаетъ такимъ образомъ несчастныхъ браковъ! Сколько погибаетъ дѣвушекъ! Не менѣе ужасно положеніе дѣвушки, когда мать предается различнымъ порокамъ, а дочь, благодаря какимъ-либо счастливымъ условіямъ, сохранила нравственную чистоту и одушевлена сознаніемъ своихъ обязанностей передъ семьей.

Тяжела жизнь такой дѣвушки, жестоко страдаетъ она при видѣ безпутной, безнравственной матери, при видѣ беспорядковъ, царящихъ въ домѣ и младшихъ сестеръ и братьевъ, остающихся безъ призора; но и великая награда ожидаетъ ее, если она сумѣетъ спасти семью отъ окончательной гибели, найдетъ въ себѣ силы замѣнить безпутную мать и для семьи, и для дома. Дѣвушка въ такомъ положеніи должна искать опоры въ тѣсномъ союзѣ съ отцомъ, сдѣлаться его другомъ и общими силами стараться возстановить порядокъ въ домѣ. Такія свѣтлыя личности дѣвушекъ далеко не рѣдкость въ мѣщанскихъ и крестьянскихъ семействахъ, живущихъ въ городахъ; еще чаще онѣ встрѣчаются въ семьяхъ мелкихъ чиновниковъ.

Читательницы обращали, конечно, нераздѣльное вниманіе на то странное обстоятельство, что въ рѣдкой семьѣ дѣвушки не жалуется на скуку. Всюду молодые, веселые по натурѣ, барышни просто изнемогаютъ отъ скуки и фраза „ахъ, какая скука!“ повторяется по нѣсколько разъ въ день.

— Ахъ, какая скука! Ну просто хоть въ воду! встрѣчаетъ барышня свою подругу.

— Страшная скука! жалуется въ свою очередь подруга. Откуда-же является эта всеобщая, всеподавляющая томительная скука?

Отъ бездѣлья и праздности. Уничтожьте праздность и вы уничтожите скуку. Барышни будутъ всегда веселы, доволь-

вы, счастливы и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаются болѣе подготовленными къ предстоящимъ имъ обязанностямъ жень, хозяекъ и матерей. „Праздность есть мать всѣхъ пороковъ“ это прописная, но великая истина. И правъ былъ Некрасовъ, когда пѣлъ:

Кто хочетъ сдѣлаться глупцомъ,
Тому мы предлагаемъ:
Пускай пренебрежетъ трудомъ
И жить начнетъ лѣнтяемъ.
Хоть Геркулесомъ ты рожденъ
И умственнымъ атлетомъ,
Все-жъ будетъ слабъ, какъ тряпка, онъ
И жалкій трусъ при этомъ.

и т. д.

Великій народный поэтъ былъ правъ! Ничто такъ не притупляетъ умственныхъ силъ; ничто такъ не ослабляетъ человѣка въ физическомъ и моральномъ отношеніи, какъ праздность, бездѣлье, сидѣнье, сложа руки и, на оборотъ, ничто такъ не оздоравливаетъ человѣка, не возвышаетъ его, какъ трудъ, въ какой-бы формѣ онъ ни выражался. Самое радикальное средство противъ скуки, вялости и изнѣженности, противъ вѣтренности и страсти къ пустымъ удовольствіямъ— есть трудъ, дѣятельность. Какъ-бы высоко ни была поставлена дѣвушка, къ какому-бы кругу она ни принадлежала, трудъ долженъ быть для нее святою обязанностью. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ наши дѣвушки, въ особенности принадлежація къ высшимъ, достаточнымъ классамъ, считаютъ трудъ унижительнымъ для себя и предпочитаютъ убивать время въ праздности. При этомъ онѣ постоянно жалуются на недоступность для нихъ такихъ сферъ дѣятельности, въ которыхъ онѣ могли-бы проявить свои силы и способности. Онѣ готовы, пожалуй, кое-что нарисовать, сыграть на фортепьяно, вышить какую-нибудь бездѣлушку; онѣ много говорятъ о необходимости расширить кругъ общественной дѣятельности для женщинъ; но когда вы укажете на обязанности, указанные имъ самою природою, на занятія въ самой семьѣ,—онѣ презрительно улыбу-

нутя и назовутъ васъ неисправимымъ ретроградомъ. Домашній трудъ эти дѣвушки, благодаря ложности доставляемаго имъ воспитанія, считаютъ для себя унижительнымъ. Какое глубокое и пагубное заблужденіе! Какіе ложные взгляды! И такія заблужденія, такіе ложные взгляды усвоены не только въ высшихъ слояхъ общества, не только въ состоятельныхъ классахъ, но и въ семействахъ малосостоятельныхъ, принадлежащихъ къ такъ называемому среднему сословію. Въ этихъ семействахъ праздность дѣвушекъ не только окончателно портитъ ихъ характеры и дѣлаетъ неспособными къ святымъ обязанностямъ хозяйки дома и матери, но и приноситъ матеріальный ущербъ, такъ какъ дѣвушки являются здѣсь тунеядками, составляющими лишніе рты, лишнія статьи расходовъ.

Чѣмъ-же заняться дѣвушкамъ? Гдѣ найти спасительный, ободряющій, освѣжающій трудъ? Гдѣ найти?—Конечно, въ семьѣ. Рука, сердце и умъ дѣвушки всегда найдутъ здѣсь поприще для дѣятельности; нужно лишь отрѣшиться отъ пагубныхъ заблужденій, предрасудковъ и ложныхъ взглядовъ и имѣть добрую волю.

Дѣятельность мужчины внѣ дома, дѣятельность женщины—въ домѣ, въ семьѣ и какая широкая дѣятельность. Дочь должна быть самою дѣятельною помощницей матери во всѣхъ домашнихъ занятіяхъ. Исключеніе можетъ быть сдѣлано для аристократическихъ, богатыхъ домовъ, гдѣ повседневная жизнь складывается совершенно своеобразно. Здѣсь молодыя дѣвушки могли-бы посвящать себя труду на общую пользу въ сферѣ благотворительности.

Тогда-бы достоинство и истинная гордость женщины пробудились-бы въ нихъ, просвѣтѣли-бы ихъ умъ и сердце и разсѣялись бы ихъ душевные страданія и воображаемая болѣзнь, происходящая отъ одной лишь лѣни и бездѣйствія. Только дружная духовная и практическая дѣятельность дастъ жизни человѣка полноту и стройность. Унылость, разстройство духа, воображаемая болѣзнь, скука, вялость и безумная страсть къ роскоши и мотовству,—все это исчезнетъ въ богатой дѣвушкѣ, если она освѣжитъ свою жалкую жизнь

благодѣтельнымъ трудомъ на пользу страждущаго человѣка.

Но въ семействахъ, принадлежащихъ къ среднимъ сословіямъ: купцовъ, чиновниковъ, священниковъ, разночинцевъ и проч., гдѣ матеріальное довольство ограничено, дѣвушка должна всецѣло посвящать себя семейству; она, повторяемъ, должна быть правою рукою матери, помогать ей во всѣхъ домашнихъ занятіяхъ и, помогая, практически, готовится къ тому, чтобы современемъ быть хорошею женою, хорошею матерью, хорошею хозяйкой. Въ этихъ домашнихъ занятіяхъ двойная польза: и практическая и, такъ сказать, педагогическая; дѣвушка своимъ личнымъ трудомъ увеличиваетъ благосостояніе своего роднаго гнѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ готовится къ тѣмъ высокимъ обязанностямъ, которыя ей предстоятъ по выходѣ замужъ.

Но какую печальную картину представляетъ семья, въ которой дочь не сознаетъ своихъ обязанностей, а удовлетворяетъ одной жаждѣ удовольствій и самымъ ничтожнымъ, мелочнымъ желаніямъ. Въ лицѣ этой дѣвушки готовится ужаснѣйшее бремя для мужа, величайшее несчастіе для семьи и дѣтей. Почему такая дѣвушка умираетъ отъ скуки? Потому что она не знакома съ наслажденіемъ труда. Почему она кокетка, капризная, тщеславная? Потому что ей недоступны высшіе наслажденія жизни. Почему она, сдѣлавшись женою, издерживаетъ на покупку бездѣлушекъ мѣсячный трудъ своего мужа? Почему она раззоряетъ его долгами, которые отъ него скрываетъ? Почему она тащитъ его измученнаго, больнаго на балы, которые ему въ тягость? Потому что она ничего не знаетъ внѣ, такъ - называемаго, „свѣта“, потому что ей не внушали ни одной серьезной мысли, которая могла бы питать ее, потому что умственный міръ закрытъ передъ ней. И остался ей лишь міръ суетности и безпорядка!

Посмотрите тѣмъ не менѣе, съ какимъ гордымъ высокомеріемъ смотрятъ эти тунеядки на дѣвушекъ трудящихся. Бѣдныя! онѣ не сознаютъ своего ничтожества и величія тѣхъ, кто трудится. Хоть и стыдно, но должно намъ признаться, что дѣвушки низшихъ слоевъ получаютъ воспита-

ніе несравненно болѣе основательное, чѣмъ наши свѣтскія и, такъ-называемыя, кисейныя барышни.

Дѣвушка изъ простаго быта воспитывается не для воркованій, а для труда, для экономической дѣятельности. Дѣвичество служитъ ей не для того, чтобы изощрять свои изящныя таланты и угодлять жениховъ; она вовсе даже и не думаетъ о женихахъ и если плачетъ выходя замужъ, то имѣетъ основательную для того причину, потому что дѣйствительно разстается съ своею дѣвическою волею, чтобы выступить на путь тяжкаго, мучительнаго труда. Въ то время, какъ у деревенской дѣвушки пора дѣвчества служитъ временемъ ея свободы, а жизнь труда и раннихъ обязанностей наступаетъ съ момента супружества,—для городскихъ барышень, напротивъ, дѣвичество есть время заключенія и экзотическаго произрастанія, а супружество—пора свободы. Для деревенской дѣвушки дѣвичество есть практическая школа жизни, въ которой она проходитъ цѣлый курсъ житейскихъ отношеній, насколько они выработаны деревенскою средой и, становясь женщиной, она уже знаетъ, что впереди не встрѣтитъ ничего, чтобы ей было незнакомо. Отъ этого быстрый, почти мгновенный переходъ изъ одного положенія въ другое у деревенской женщины совершается очень легко и не влечетъ за собою никакихъ затрудненій. Въ жизни-же городскихъ барышень дѣвичество, на оборотъ, не есть практическая школа жизни, вырабатывающая и подготавливающая человѣка къ его будущимъ обязанностямъ; это время мечтаній, поэтическихъ грезъ, непонятныхъ стремленій, тайныхъ смутныхъ желаній и вообще какой-то туманъ и экзальтація, т. е. не нормальное, болѣзненное состояніе. Пора здоровыхъ отправленій мозга и нервовъ наступаетъ для нихъ съ супружества и тутъ, очнувшись отъ дѣвическаго сна, она начинаетъ впервые видѣть цѣлый рядъ ошибокъ, приведшихъ ее къ ошибкамъ самой крупной и нерѣдко совершенно не поправимой—къ несчастному супружеству.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ домашнихъ занятій для женщинъ служатъ рукодѣлія. Еще во времена Гомера умѣніе ловко владѣть веретеномъ и иглой было обя-

зательно для женщины. Съ тѣхъ поръ успѣхи индустриі много облегчили нашихъ женщинъ и имъ уже болѣе не нужно, подобно женамъ Греціи и древней Германіи, самимъ работать за ткацкимъ станкомъ и готовить всю одежду для своихъ домашнихъ.

Въ наше время руководлія потеряли то высокое значеніе, какое они имѣли прежде, когда сами царицы, окруженные прислужницами, занимались ими для удовлетворенія одной изъ важнѣйшихъ своихъ потребностей. Но и теперь они безусловно должны входить въ кругъ предметовъ женскаго обученія и составлять важнѣйшую часть практическихъ занятій дѣвицъ. Хозяйка, не умѣющая шить, не исполняетъ своей обязанности также какъ и та, которая не имѣетъ понятія о стряпнѣ и другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, руководлія такъ свойственны женской природѣ, что дѣйствительно женщины имъ занимаются болѣею частью съ особенною охотою и нерѣдко впадаютъ въ крайности. Бѣда съ тѣми женщинами, которыя только и знаютъ, что шитье, да вышиванье и забываютъ все изъ-за чулка. Все хорошо въ пору и всякая крайность неумѣстна, даже вредна. Точно также неразсчитливо поступаютъ тѣ женщины, которыя тратятъ массу времени и труда на приготовленіе огромныхъ вышиваній и вязаній, тогда какъ машина сдѣлаетъ то же и дешевле, и скорѣе, и красивѣе. Заниматься тѣмъ, что доставляютъ фабрики—это значить убивать непроизводительно время, въ ущербъ другихъ болѣе необходимымъ занятіямъ. Много вышло-бы хорошаго если-бы все время, поглощаемое теперь бесполезными руководліями, употреблялось на усовершенствованіе умственныхъ способностей, изученіе изящныхъ искусствъ и на хозяйственныя собственно занятія. Благоразумная дѣвушка должна умѣть распредѣлить свое время, должна находить время для каждаго рода занятій, такъ чтобы весь день былъ наполненъ разнообразнымъ трудомъ. При такомъ порядкѣ не будетъ мѣста скукѣ, утомленію и самый трудъ не можетъ надоесть своимъ однообразіемъ. Конечно, главное мѣсто должно быть отведено чисто хозяйственнымъ занятіямъ по дому, затѣмъ

слѣдуютъ руководѣлія, умственныя занятія, занятія искусствами и наконецъ удовольствія. Необходимо, чтобы умъ, энергія и трудъ находились въ постоянной гармоніи между собой. Только тогда дѣвушка пойметъ всю прелесть жизни, познаетъ ея смыслъ и увидитъ въ ней цѣль. Недостаточно еще знать—необходимо дѣлать, а всякое знаніе безъ приложенія его на практикѣ ничтожно. Что пользы въ томъ, что дѣвушка получитъ извѣстное образованіе, если она не будетъ трудиться? Ничто такъ не ослабляетъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ какъ бездѣлье, тунеядство. Ничего нѣтъ оскорбительнѣе для природы человѣка, какъ паразитизмъ. Истинная благодать въ трудѣ, а потому работайте, трудитесь, хозяйничайте, учитесь, образовывайтесь и образовывайте другихъ и помните великое заповѣдное слово: бесполезная жизнь—преждевременная смерть!... А вы, матери, поймите всю важность вашего призванія и всю отвѣтственность, лежащую на васъ. Обратите все ваше вниманіе на воспитаніе и образованіе вашихъ дочерей. Помните, что „воспитывать дѣвочку, какъ сказала Мишле *)—это значитъ воспитывать самое общество, потому что оно исходитъ изъ семьи, гдѣ душою служить женщина. Воспитывать дѣвочку есть высокое, безкорыстное дѣло, потому что мать воспитываетъ ее не для себя, а для того, чтобы она покинула ее. Она предназначена другому. Она будетъ жить для другихъ, а не для матери и не для себя. Этого-то относительный характеръ и ставитъ ее выше мужчины. Она—свѣтило любви, свѣтило домашняго очага. Она—школа, колыбель будущаго“.

Мы приблизились къ тому періоду въ жизни дѣвушки, когда она впервые начинаетъ чувствовать любовь. Дѣвушка вполне разцвѣла. Станъ ее развился и обрисовался, грудь расширилась, всѣ формы округлились и въ совокупности гармонируютъ съ гибкими и граціозными движеніями. Дѣвушка вполне овладѣла богатствомъ чувствъ и мысли.

*) Ж. Мишле, „Женщина“

Страсть готова, неизбежная, угрожающая. Женщина, молодая мыслью и сердцемъ, требуетъ такого-же какъ и она молодого спутника. Этотъ періодъ приноситъ наиболѣе хлопотъ матерямъ. Онѣ становятся чрезвычайно осторожными и съ этого-же момента начинается погоня за женихами. Какое пошлое занятіе эта погоня! Какъ глубоко оскорбляется этимъ достоинство дѣвушки! Безразсудныя матушки и тетушки съ дѣтства толкуютъ дѣвушкѣ, что счастье для нее только въ бракѣ и пользуются всѣми средствами, чтобы какъ можно скорѣе выдать ее замужъ. На бракъ смотрятъ просто какъ на сдѣлку, болѣе или менѣе выгодную, любовь-же считаютъ глупостью, вредомъ, ребячествомъ, Но что можетъ быть выше этого святаго, облагороживающаго, возвышеннаго чувства!

Вступивъ въ этотъ очаровательный періодъ, дѣвушка, до тѣхъ поръ, не можетъ отдать себѣ отчета въ своемъ положеніи пока не будетъ выговорено слово — любовь, пока за годы ея томительнаго состоянія не разрѣшится чудесной силой перваго поцѣлуя. Послѣ этого поцѣлуя дѣвушка знаетъ, что она живетъ; теперь-то начинаютъ осуществляться ея сны, полные счастья, поэзіи и блаженства; теперь вся ея жизнь — любовь.

„Ей пора замужъ“, говорятъ маменьки, глядя на такую дѣвочку. И дѣйствительно пробужденіе чувства любви указываетъ на то, что женщина физически созрѣла для супружества, что для нее настала пора замужества. У всѣхъ народовъ эта пора служитъ мѣриломъ социальнаго положенія женщинъ и общественныхъ взглядовъ на ея назначеніе. Такъ напр., индѣйскій законоучитель Ману *) видитъ въ нихъ только орудія удовольствія и потому выдаетъ ихъ замужъ восьми лѣтъ. Нума **) хочетъ, чтобы мужъ могъ передѣлывать женщину по своему, а потому выдаетъ ее замужъ двѣнадцати лѣтъ. Ликургъ ***) ищетъ въ нихъ

*) Lanou, *Civ II*.—Здѣсь необходимо принять во вниманіе климатъ Индіи, благодаря которому восьмилѣтній возрастъ здѣсь равняется пятнадцатилѣтнему въ нашихъ странахъ.

**) Clutargue, „*Vie de Numa*“.

***) *Idem*, „*Vie Lycargue*“.

сильных матерей и назначаетъ періодъ замужества въ двадцать лѣтъ. Если-же мы желаемъ, чтобы женщина была свободна въ своемъ выборѣ и своей жизни, говоритъ Легувье*), то должны еще отдалить это время. Для закона, который беретъ во вниманіе только физическую сторону, дѣвушка шестнадцати лѣтъ есть женщина, потому что она можетъ быть матерью; но для фізіолога и моралиста, это — не болѣе какъ дитя. Необходимость отдалить время замужества не трудно доказать.

Часто замѣчали что первенцы по обыкновенію бываютъ хилыми, и въ высшемъ кругу умъ младшихъ и глупость старшихъ справедливо вошли въ пословицу. Почему? Потому что женщины выходили и выходятъ замужъ слишкомъ молодыми. Дѣвушки въ шестнадцать и даже въ восемнадцать лѣтъ только, повидимому, сильны; беременность ослабляетъ ихъ, кормленіе грудью истощаетъ. Онѣ на столько же способны къ роли матери, какъ и къ роли женщины. И дѣйствительно, за кого выходитъ замужъ дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ, за человѣка? Вовсе нѣтъ; благодаря нашимъ правамъ, она его не знаетъ, а благодаря своему возрасту, она не можетъ его узнать. Ее привлекаетъ лице, если ея женихъ красивъ; состояніе, если онъ богатъ; платье, если онъ изященъ; но самъ онъ, его нравственное существо ей совершенно неизвѣстно, потому что она совершенно чужда тому, что составляетъ основаніе сердца и жизни этого человѣка, чужда работамъ, наполняющимъ первое, и мыслямъ, одушевляющимъ вторую; она выходитъ замужъ за неизвѣстную величину.

Двѣ причины этому несчастію. Во первыхъ, тщеславіе многихъ родителей, которые поставляютъ себѣ за честь выдавать своихъ дочерей очень молодыми замужъ; между нѣкоторыми семействами въ этомъ отношеніи бываетъ даже какой-то родъ соперничества. Потомъ странное мужское самолюбіе, которое рѣшило, что мушкетеръ всегда долженъ быть десятью годами старше женщины, и что дѣвушка двадцати четырехъ и даже двадцати двухъ лѣтъ можетъ

*) Э. Легувье, „Исторія нравств. положенія женщинъ“;

имѣть виды только на пожилаго мужчину. Указавъ такимъ образомъ на печальныя послѣдствія раннихъ браковъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, Легоувье высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣвушка должна выходить замужъ только тогда, когда умъ ея окрѣпнетъ, когда она освободится отъ стремленій къ суетнымъ наслажденіямъ и когда въ ней образуется характеръ путемъ труда и мысли. „Пусть, говоритъ онъ, физическая и нравственная организація ея достигнетъ полнаго развитія, чтобы она была женою и матерью, а не ребенкомъ, т. е. чтобы она имѣла 22 года, а не 16—18 лѣтъ“.

Какъ ужаснутся маменьки, прочитавъ эти строки знаменитаго французскаго ученаго.—Какъ, воскликнуть онъ, ждать пока дѣвущкѣ минетъ 22 года и до того времени не выдавать ее замужъ? Да вѣдь это ни на что не похоже! Да до 22-хъ лѣтъ ни одна дѣвушка не „соблюдетъ“ себя! А сколько будетъ стоить ее содержаніе! Сколько хлопотъ, расходовъ!... Наконецъ, рѣшатъ маменьки, если дѣвушка въ 16—18 лѣтъ не умѣетъ выбрать себѣ жениха, то мы - то, матери, зачѣмъ? Развѣ мы не съумѣемъ выбрать ей мужа? Развѣ мы захотимъ зла своему дѣтищу?.. Да порядочной дѣвущкѣ и неприлично самой выбирать... Она-то и любить не должна не спросаясь отца — матери. Такъ обыкновенно разсуждаютъ большинство нынѣшнихъ родителей, такъ разсуждали и тысячу лѣтъ тому назадъ. Что такое бракъ? Это союзъ, соединеніе двухъ сердець и существованій, это товарищество на всю жизнь. Въ чемъ, казалось-бы, должна заключаться обязанность родителей при этомъ обстоятельствѣ? Въ томъ лишь, чтобы спросить у жениха и невѣсты: согласны-ли они жить вмѣстѣ? Между тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ борьбы, дѣвушка все таки не получила права вмѣшиваться въ свою собственную судьбу. Раскройте библію, что видите вы въ бракъ Лип и Рахили? Жениха, который спрашиваетъ, отца, — который отвѣчаетъ; нѣкто даетъ, другой получаетъ; а дѣвушка находится или въ отсутствіи или молчитъ; и ее обѣщаютъ, ее отдаютъ, ее увозятъ и мы не слышимъ ея голоса. Преданіе древней міѳологіи пока-

зываетъ намъ пятьдесятъ дочерей Данаа, два раза выданныхъ замужъ: въ первый разъ, на нихъ метали жребій, какъ на лотерейные билеты; во второй, ихъ отдавали какъ награду на турниръ. Монтескье приводитъ слѣдующій обычай Самнитовъ: въ извѣстное время, говоритъ онъ, они собирали всѣхъ молодыхъ людей въ странѣ, и отдавали ихъ на общій судъ; потомъ по произнесенію рѣшенія молодой человѣкъ, который объявлялся лучшимъ, бралъ въ жены какую хотѣлъ дѣвушку; тотъ который имѣлъ одобреніе послѣ него, выбиралъ слѣдующую и такъ далѣе *).

Въ Греціи пока жилъ отецъ, онъ выдавалъ замужъ свою дочь, не встрѣчая въ ней никакого препятствія своей волѣ **). За неимѣніемъ дитяти мужескаго пола, когда отцовское наслѣдство переходило въ ея руки, она принимала названіе „связанной съ наслѣдствомъ“ „зависящей отъ наслѣдства.“ Дѣйствительно, судьба этого наслѣдія становилась ея судьбою; всякая юная сирота аѳинянка принадлежала по закону какъ супругу, тому, кто наслѣдовалъ бы ея отцу, если-бы ее не было***); она была собственностью этого родственника; и если-бы она имѣла многихъ родственниковъ одного колѣна, она должна-бы выйти за старѣйшаго. Это право родственника—наслѣдника расторгало даже бракъ, заключенный дѣвушкою прежде, законно, съ согласія отца, и если-бы она была матерью, тотъ родственникъ входилъ въ ея домъ господиномъ, отзывалъ ее отъ мужа и дѣтей: она принуждена была вступать съ нимъ въ бракъ. На основаніи этого обычая, мать Демосѳена была завѣщана ея мужемъ въ пользу Аѳобія.

Римъ былъ достоинъ Аѳинъ. Отецъ римлянинъ не только выдавалъ свою дочь вопреки ея согласію, но еще имѣлъ право разорвать устроенный имъ самимъ бракъ, и отобрать свою дочь отъ мужа, которому онъ отдалъ ее, котораго она любила и отъ котораго имѣла дѣтей.

*) *Esprit des Lois*, liv. VI, chap. 7.

**) *Revue de législation: Organisation de la famille athenienne*, octobre 1845.

***) *Ibidem*.

Словомъ, всюду дочерей разсматривали не какъ человѣческія существа, а какъ вещи; ихъ завѣщали точно также, какъ и всякое другое имущество. Замѣчательно, что малѣйшія посползновенія сократить власть отца надъ дочерью всегда верѣчали самое ревностное противодѣйствіе, считалось непопозвопительнымъ посягательствомъ на отцовскую власть. Подобныя-же воззрѣнія укоренились на скандинавскомъ сѣверѣ, хотя здѣсь нерѣдки, были рѣзкіе протесты противъ безпредѣльной власти отца. Такъ напр., скандинавскіе саги представляютъ кровавую и дикую легенду о Хальгердѣ *.

Въ Исландіи жила у своего отца дѣвушка, прекрасная лицомъ, съ высокимъ станомъ, съ гордымъ сердцемъ, съ такими пышными волосами, что они падали кольцами ниже пояса; имя ея было Хальгерда, прозвище Langbrok, мужественная дѣва. Одинъ житель сосѣдней страны, Торвальдъ, пришелъ просить ея у отца въ супружество. Разсуждаютъ объ условіяхъ; отецъ принимаетъ ихъ, не говоря Хальгердѣ, ибо онъ боялся ея отказа. По заключеніи брачнаго договора зять заплатилъ своему тестю право mundium. Mundium была власть главы германскаго семейства, и когда онъ передавалъ свою власть мужу, то мужъ платилъ ему за нее. Такимъ образомъ Торвальдъ купилъ Хальгерду и, по окончаніи сдѣлки, возвратился къ себѣ.

На другой день Хальгерда увидѣла входящаго къ ней отца, который ей сказалъ: Ты невѣста Торвальда, я получилъ за mundium плату.

— Хорошо вижу, отвѣчала она, что твоя вѣжностъ ко мнѣ не такая какъ ты хвастался передо мною, потому что я не казалась тебѣ достойною спросить у меня совѣта объ этомъ дѣлѣ.

— А я, возразилъ отецъ, не даю твоей наглости права противиться моему договору, и если мы расходимся въ чувствахъ, то моя воля, а не твоя возьметъ верхъ.

— Отецъ мой, ты и твое племя—вы имѣете гордую душу, что-жъ удивительнаго, если я подражаю своему роду.

*) Niabs. Saga, chap. I, 9, 10 et suiv.

Послѣ этихъ словъ она удалилась и, встрѣтивъ своего учителя Тіостольфа, человѣка непреклоннаго и дикаго характера, она рассказала ему свое несчастье.

— Мужайся, сказалъ онъ ей, ты снова выйдешь замужъ, и въ этотъ разъ съ тобою посоветуются.

Свадьба сыграна и мѣсяць спустя поднялся споръ между супругами; мужъ въ минуту гнѣва ударяетъ въ лицо свою жену, такъ что брызнула кровь.

Хальгерда садится передъ своимъ домомъ, съ лицомъ въ крови, съ растерзанной душой. Учитель ея Тіостольфъ проходитъ и видитъ это положеніе.

— Кто съ тобою такъ поступилъ.

— Мой мужъ; а ты мой учитель, тебя не было здѣсь защитить меня.

— По крайней мѣрѣ я отомщу за тебя.

Нѣсколько часовъ спустя, Хальгерда увидѣла его возвращающагося, онъ несъ передъ собою топоръ, запачканный кровью.

— Твой топоръ въ крови, сказала она ему, что ты сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ такъ, чтобы ты могла выйти за другаго человѣка.

— Такъ ты говоришь, что Торвальдъ умеръ?

— Да.

Не прибавляя ни одного слова, Тіостольфъ отправился искать убѣжища у родственника Хальгерды, а она, войдя въ свою комнату, открыла свою шкатулку, вынула драгоценности, раздала ихъ своимъ слугамъ, которые плакали, видя ее уязвющею, потомъ она отправилась въ страну отца.

— Отчего, спросилъ онъ, увидавъ ее, твой мужъ не сопутствуетъ тебѣ?

— Онъ умеръ.

— Какъ?

— Отъ руки Тіостольфа, моего учителя.

— Что сдѣлано, то сдѣлано, сказалъ отецъ.

Прошло два года, одинъ богатый житель сосѣдняго острова, Глюмъ, пришелъ просить руки Хальгерды.

— Я долженъ вамъ признаться, сказалъ отецъ, что первый бракъ, который я навязалъ дочери, не очень счастливо кончился.

— Это меня не остановитъ, отвѣчаетъ Глюмъ; судьба одного человѣка не есть судьба всѣхъ.

— Пусть такъ; но прежде всего необходимо, чтобы Хальгерда знала всѣ условія, необходимо, чтобы она васъ видѣла и чтобы согласіе, или отказъ были оставлены на ея рѣшеніе.

Является Хальгерда въ сопровожденіи двухъ женщинъ; голубой плащъ изъ тонкой матеріи наброшенъ на ея плечи; вокругъ ея стана блеститъ серебряный поясъ, на которомъ завивались ея длинные волосы, падая съ обѣихъ сторонъ на ея грудь. Чело ея граціозно склоняется всѣмъ присутствующимъ; она спрашиваетъ, что новаго. Глюмъ встаетъ.

— Я пришелъ къ вашему отцу, говоритъ онъ, чтобы увезти васъ какъ супругу, если есть на то ваша воля.

— Я васъ считаю, возражаетъ Хальгерда, за превосходнаго человѣка; но прежде я хочу знать условія договора.

Глюм нечислилъ ей предложенія, сдѣланныя съ одной и съ другой стороны.

— Отецъ мой, говоритъ Хальгерда, вы въ этотъ разъ такъ благородно дѣйствовали со мною, что я уступаю вашему желанію.

Составимъ же контрактъ, говоритъ Хоскульдъ; мой братъ и я мы позовемъ свидѣтелей со стороны невесты, а ты, ты будешь самъ себѣ свидѣтель, ты самъ дашь слово за себя. Послѣ этого отпраздновали свадьбу.

У франковъ и германцевъ не только дѣвушка нуждалась въ согласіи своего отца или своего близкаго родственника, чтобъ выйти замужъ, но и вдовѣ нужно было согласіе родственниковъ умершаго мужа: она была куплена имъ также какъ и Хальгерда, она вошла въ составъ его имущества и въ этомъ видѣ она принадлежала его наследникамъ. Вдова, желавшая окончить свое вдовство, собирала въ своей брачной комнатѣ девять свидѣтелей и родственниковъ своего мужа; потомъ, протянувъ руки надъ кроватью, ко-

торую прикрывали одѣяломъ и ковромъ, она говорила: беру всѣхъ въ свидѣтели, что для того, чтобы имѣть покой со стороны родственниковъ мужа, я дала имъ ахарія, плату за mundium, что я возвращаю имъ супружеское ложе, со скамьей, чтобы взойти на него, одѣялами для его украшения и даже стулья, взятые мною изъ дома моего отца. Послѣ этой церемоніи ходили на гульбище: съ одной стороны были молодые, съ другой ближайшій родственникъ умершаго мужа держалъ въ рукѣ мечъ и хламиду, посреди законникъ. Приблизьтесь, говорилъ онъ имъ. Ты, Рипарій (это было званіе родственника умершаго мужа), общаешься ли дать свою питомку, которою ты руководишь и защищаешь, общаешься ли ты дать ее этому, здѣсь стоящему человѣку, франкскаго племени?—Общаю.—Отдай же ему вмѣстѣ съ твоимъ правомъ управленія и защиты, мечъ и военное платье. А ты человѣкъ франкскаго племени, получившій мечъ и платье, принимай въ то же время вмѣстѣ съ властью главы, Семпронію съ ея движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и со всѣмъ, что ей принадлежитъ*).

Во время феодализма дѣвушка подпала новой тираніи. Крестьянку какого-нибудь королевскаго помѣстья выдавалъ замужъ не только отецъ, но и сеньоръ и даже самъ король. Нужно было три позволенія прежде чѣмъ дѣвушка могла согласиться. Когда во времена Людовика Святаго искали въ супружество крестьянку какого-нибудь королевскаго помѣстья, необходимо было, чтобы ее отецъ просилъ сеньора позволенія выдать ее замужъ; сеньоръ просилъ позволенія у короля; только послѣ всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ соизволеній, ее призывали къ контракту, который связывалъ всю ее жизнь. Иногда у нее отнимали ее долю участія въ своей судьбѣ, и законъ, не имѣвшій себѣ подобнаго, говорилъ: „Всякій сеньоръ можетъ принудить свою крестьянку взять мужа, какого онъ захочетъ, какъ только ей исполнится двѣнадцать лѣтъ“ (**).

*) M. Laboulaye, „Histoire de la succession des femme“.

**) Littleton.

А между тѣмъ на дѣвушкѣ тяготѣло еще одно послѣднее рабство, ужаснѣе всѣхъ остальныхъ: это было *le droit de marquette*, право сеньора.

Напрасно защитники прошедшаго отрицають эту привилегію какъ сказку, или объясняютъ ее символически: *Du Cange* и *Voetius* констатируютъ какъ фактъ. Это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всей феодальной системы, которая тяготѣла прежде всего на личности.

Молодые люди расплачивались тѣломъ, идя на войну, дѣвушки идя къ алтарю, и нѣкоторые сеньоры, взимая подать съ красоты молодыхъ невѣстъ, не думали этимъ сдѣлать больше зла, какъ требуя часть шерсти съ каждаго стада. Ихъ крестьянки были ихъ вещами.

Вотъ какъ Римляне, Греки, варвары и феодализмъ понимали право женщины на свою личность и ея согласіе на свой собственный бракъ. По счастью, среди этого ряда вѣковъ и народовъ угнетателей дѣвушки, является прекрасный примѣръ свободы и человѣческаго достоинства; этотъ примѣръ намъ даетъ Галлія.

Въ Лигуріи, когда нѣсколько претендентовъ просили руки дѣвушки, ея родители собирали ихъ въ праздничной залѣ.

Къ концу пиршества, молодая лигуріанка появлялась на порогъ, держа въ рукѣ сосудъ, наполненный сладкимъ напиткомъ; всѣ ожидали въ молчаніи. Дѣвушка подвигалась на одинъ шагъ; потомъ, бросивъ взглядъ вокругъ себя, она приближалась къ тому, котораго предпочитала, и наливала ему; вся церемонія этимъ кончалась; она избрала, они были супругами.

По русскому воззрѣнію, бракъ есть судъ Божій; женихъ и невѣста соединяются другъ съ другомъ не по свободному выбору, не вслѣдствіе стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ, а потому, что ихъ союзъ предопредѣленъ рокомъ, потому что имъ суждено жить вмѣстѣ: противъ судьбы ничего не подѣлаешь; „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Но кромѣ этого таинственнаго рока, бракомъ заправляетъ другой рокъ, который уже не имѣетъ въ себѣ ничего таин-

ственного и выражается въ волѣ отца, а за смертью его, въ волѣ матери, или опекуна. При тѣхъ патріархальныхъ порядкахъ, которые всевластно царили въ древней Россіи и которыми до сихъ поръ держится жизнь нашихъ низшихъ и даже среднихъ классовъ, ни за женихомъ, ни за невѣстой свободной воли не признается. Мушину же нять, а дѣвушку выдаютъ, продаютъ или, какъ выражаются въ Архангельской губ., пропиваютъ.

Дѣвушку выдавали за того, за кого „отецъ умыслилъ, а жена и сродичи приговорили,“ по выраженію Котошихина, — выраженію, вполне обрисовывающему всю полноту отцовскаго самодержавія. Обыкновенно бракъ былъ договоромъ двухъ семействъ, причемъ женихъ и невѣста вплоть до свадьбы не только не видѣли другъ друга въ глаза, но даже и не знали, что ихъ любезнѣйшіе родители хотятъ сочетать ихъ бракомъ. Дѣло начиналось обоюдными справками о женихѣ и невѣстѣ, объ ихъ состояніи, характерѣ, нравственности, наружности. Осмотръ невѣсты производила обыкновенно мать, или другая родственница жениха, который не видѣлъ своей суженой вплоть до свадьбы. Эти смотрины въ крестьянской жизни до сихъ поръ носятъ характеръ осмотра продаваемого товара его покупателями; въ старину-же это было всеобщимъ обыкновениемъ. Какъ при продажѣ всякаго товара, такъ и при смотринахъ невѣсты, дѣло рѣдко обходилось безъ плутовства. Большую и блѣдную дѣвушку румянили, сухопарую превращали посредствомъ фальшивыхъ накладокъ въ толстуху и т. д. Если-же невѣста была до того плоха, что обмануть такимъ образомъ было нельзя, то совершали подлогъ и вмѣсто одной дѣвушки показывали другую, а замужъ выдавали первую. „Во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвкѣ обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ“, говоритъ Котошихинъ. Въ большинствѣ случаевъ обманутые женихи вымѣщали на женахъ мошенничество ихъ родителей, вгоняли ихъ въ гробъ, или принуждали къ постриженію въ монастырь, чтобы затѣмъ можно было жениться въ другой разъ.

Нашихъ предковъ женили и выдавали замужъ очень рано.

Дѣвушекъ часто выдавали замужъ еще въ дѣтствѣ, лѣтъ 13, 10, даже 8, и мальчиковъ женили иногда даже 7 лѣтъ. Нерѣдко случалось, что мальчугана женили на взрослой дѣвушкѣ; такіе браки взрослыхъ съ малолѣтними во многихъ мѣстностяхъ существовали вплоть до настоящаго столѣтія и были особою формою снохачества. Отцы или опекуны, взявъ дѣвицу для своего малолѣтняго сына, жили съ нею сами до совершеннолѣтія мужа. Въ низшихъ классахъ русскаго народа бракъ до сихъ поръ носитъ формальный характеръ купли-продажи. Родственники невесты продаютъ ее, родственники жениха покупаютъ. И хотя въ большинствѣ мѣстностей свадьба имѣетъ такой торговый характеръ только по своимъ древнимъ обрядамъ, но по мѣстамъ купля-продажа невесты существуетъ даже до сихъ поръ въ своей первобытной формѣ. Въ древней Россіи такая купля-продажа невесты была гораздо распространеннѣе, чѣмъ нынѣ, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ не только въ высшихъ, но даже и въ низшихъ классахъ бракъ большею частью уже потерялъ характеръ чисто-торговой сдѣлки, и калымъ уступилъ мѣсто приданому. Родители невесты сплошь и рядомъ старались обмануть жениха относительно приданого и по потому родители жениха нерѣдко требовали, чтобы оно было отдано до свадьбы по пословицѣ: „денежки на столъ, дѣвушку за столъ.“ При свадьбахъ нашего купечества это стремленіе смонетничать на приданомъ до сихъ поръ не только существуетъ, но даже считается дѣломъ совершенно обычнымъ и извинительнымъ.

Эти мошенническія поползновенія даютъ нашимъ рассказчикамъ изъ народнаго быта и въ особенности мнѣющему себя королемъ ихъ Н. А. Лейкину неистощимую тему для очень злыхъ шутокъ. Дѣйствительно, положеніе родителей, желающихъ надуть жениха, и положеніе жениха, всѣми мѣрами старающагося не быть обманутымъ, въ высшей степени комично. Въ такихъ случаяхъ въ выраженіяхъ обыкновенно не стѣсняются, не стѣсняются также и присутствіемъ гостей и постороннихъ лицъ.

Вотъ напр., справляется свадебный пиръ, какъ водится

въ купечествѣ, у кухмистра. Женихъ въ усахъ и завитой въ буклю, во фракъ и бѣломъ галстухѣ сидитъ за обѣденнымъ столомъ не веселъ и поминутно прихлебываетъ изъ стакана; рядомъ съ нимъ новобрачная, напротивъ тятенька и маменька невѣсты.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ теперь не вырваться, бормочетъ новобрачный сквозь зубы. Шабашъ! Окрутился!...

— Что ты говоришь, зятюшка? спрашиваетъ отецъ невѣсты.

— Ничего-съ, проѣхало! Ругаю себя, что чудеснѣйшаго дурака сломали.

— Да что ты, что ты! Сказалъ, не обижу на счетъ приданаго—и не обижу.

— Этого мало намъ, тятенька, что вы не обидите. Еще-бы вы меня обижать вздумали! А вы не сулите намъ журавля въ небѣ, а пожалуйте синицу въ руки.

— Завтра пріѣдешь съ визитомъ къ намъ и все получишь.

— По нашему, это буки-съ! Въ стоворѣ вы сказали—завтра, въ дѣвичникъ—завтра, вчера—завтра, сегодня опять завтракомъ кормите, а намъ ужъ пора и пообѣдать.

— За здоровье батюшки новобрачной Трифона Матвѣевича и матушки Матрены Андроновны! возгласилъ басомъ бульдого-образный официантъ. Отецъ новобрачной протянулъ бокаль къ зятю. Тотъ чокнулся.

— Не слѣдовало-бы и пить-то по настоящему за ваше здоровье, замѣтилъ онъ при этомъ. Надувать ловко умѣете.

— Да чего ты въ самомъ дѣлѣ?... Далъ слово, что дамъ обѣщанное и дамъ. Слово купца Андропова—законъ!

— Слово купца Андропова—тьфу! Обѣщали четырьмя божьими милосердіями по четыре фунта благословить, а благословили двумя, да и въ двухъ-то двухъ фунтовъ серебра нѣтъ. Салопь чернобурыхъ лисицъ сушили, а дали красныхъ и чернобурымъ воротникомъ только подкрасили. Сушили самоигральныя фортепяны, а гдѣ они? Да и въ мебели-то, вмѣсто шелковаго баракана, на ситцѣ отѣхали.

— Будь покоенъ, завтра я тебѣ все до копѣчки выложу.

— Но отчего-же не сегодня-съ? Взяли въ табачной вексель-

ной бумаги и написали документъ по предъявленію. Тогда у меня и улыбки появятся.

Хлопъ! и женихъ опрокинулъ себѣ въ утробу стаканъ хересу. Двѣ тетки новобрачной покачали головой.

— Вы чего, кувальды, гириями-то на куляхъ качаете! Свое пью, а не ваше. Съ вашей стороны три посула и два стула въ приданое получили.

— Ахъ, Боже мой! воскликнули тѣ.—Господи помилуй! Какія слова!...

— Вотъ это такъ, грѣхи замаливать на счетъ тятинкина обмана и ярыжничества ваше дѣло, а гириями на куляхъ качать—атанде, оставьте!

— Гриша, Гриша, главное не безпокойся. И фортепяны отдамъ, но нельзя все вдругъ...

— Вексель, говорю, пожалуйста. Съ нимъ по крайности я васъ всегда припереть могу. А то выманили вы меня изъ приказчицкаго чина: женись на моей дочкѣ, я тебя выведу въ люди и вдругъ какой коленикорь!

Оффиціанты понесли козу съ позолоченными рогами на третье блюдо. Гости со стороны новобрачной не ѣли козы и зашептались.

— Ну ужъ, что ужъ!.. Нешто возможно православнымъ купцамъ такую ѣду подавать? слышалось у нихъ.

— Вы чего цыганите, тятенькина свора? Надуть съумѣли по басурмански, а ѣсть хотите по православному. Лагушками, по настоящему, васъ накормить слѣдовало-бы.

— Ахъ, ахъ, какая необразованность въ своемъ составѣ! И это въ день свадьбы!

— А послѣ свадьбы помеломъ васъ всѣхъ погоню!

Отецъ полѣзъ въ бумажникъ.—На тебѣ пятьсотъ рублей въ задатокъ, только не безобразь, протянулъ онъ новобрачному черезъ столъ деньги.

— Мерси. Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ. На пятьсотъ рублей мы вашимъ гостямъ и учливости подпустимъ.

— Да развеселись ты! Завтра все получишь.

— Тогда завтра и улыбки на лицѣ своемъ покажу.

Официантъ провозглашаетъ тостъ за здоровье дяди и тетки невѣсты. Новобрачный не хочетъ съ ними чокаться до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ отца еще трехсотъ рублей.

— Теперь 4.200, тятенька, за вами, окромя фортепянь.

— Завтра, завтра все до копѣчки получишь.

— Уповаемъ на вашу цыганскую совѣсть, но ежели не получу — дѣтище ваше въ моихъ рукахъ: хочу съ кашей ѣмъ, хочу — масло пахтаю, дровъ и лучинъ изъ нея нащиплю.

Новобрачная заплакала. Мать ея только руками всплеснула. Отецъ ткнулъ новобрачному еще 500 руб. — На, мошь, по-давись.

— Деньгами, тятенька, не давятся, отвѣчаетъ зять. Онъ какъ бламанже проходятъ. Еще 500 съ костей долой: 3,700 за вами!

Официантъ провозглашаетъ тостъ за здоровье крестнаго батюшки новобрачной и вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго кредитора отца ея.

Женихъ соглашается чокнуться съ нимъ только послѣ полученія отъ отца векселя на 1.450 р.

— Видишь, сколько у насъ честности-то! хоть отбавляй! хвастался отецъ новобрачной.

— Еще-бы, коли я васъ за шиворотъ взялъ. Да не больно бахвальтесь. Настоящую — то честность завтра еще увидимъ. За вами все-таки 23.000. Давайте-ка триста для ровнаго счета. Тогда ровно двѣ тысячи будетъ. Займите у брата, а то я сейчасъ слѣдующему здоровью въ бороду наплюю.

Отецъ даетъ еще 300 р.

— Тятенька, я намѣренъ скандалъ удрать, ежели вы мнѣ сейчасъ остальныхъ двухъ тысячъ не отдадите! заявляетъ черезъ нѣсколько времени совсѣмъ уже пьяный новобрачный.

— Мерзавецъ ты, мерзавецъ!

— Вы-то ужъ очень прекрасный человекъ! Ни салныхъ свѣчей не ѣдите, ни стекломъ не закусываете. На артиста, я самъ художникъ. Пожалуйте, пока изъ-за стола не вышли...

Отецъ далъ еще вексель.

— Ну, теперь квиты, окромя фортепянь и прочаго Поз-

вольте разцѣловаться и съ вами, и съ маменькой, и съ папенькой крестнымъ, и съ дяденькой...

Безъ подобныхъ сценъ не обходится ни одна купеческая свадьба. Но и въ другихъ классахъ общества сплошь и рядомъ случается, что жениху до свадьбы сулятъ чуть не золотыя горы, а послѣ свадьбы—наровятъ, нельзя-ли у любезнаго зятъка что-либо призанять. Бываетъ и такъ, что до свадьбы невѣста рассчитываетъ на богатство жениха, а женихъ въ свою очередь на богатство невѣсты. Повѣнчаются и оказывается, что у обоихъ ни гроша. Въ подобныхъ случаяхъ трудно даже сказать, кто кого надуль.

Продолжаемъ, однако, очеркъ свадебныхъ обычаевъ въ древней Руси.

Свадьба сопровождалась множествомъ обрядныхъ церемоній. Въ этихъ обрядахъ, говоритъ С. Шашковъ *), прежде всего выражалась та мысль, что невѣста поступаетъ въ полную зависимость къ своему мужу и повелителю. Отецъ невѣсты бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: „по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня за послушаніе будетъ учить тебя эту плетью мужъ“. Съ этими словами плеть передавалась жениху, который, закладывая ее за кушакъ, выражалъ надежду, что въ ней ему не встрѣтятся надобности. Эта плеть вѣшалась надъ брачнымъ ложемъ и во многихъ мѣстностяхъ женихъ производилъ ею обрядовое съченіе новобрачной при извѣстномъ унижительномъ обрядѣ разуванія ею своего суженнаго. „Дѣвственность невѣсты была главнымъ требованіемъ со стороны жениха и грубое матеріальное понятіе нашихъ предковъ о добродѣтели совершенно отождествляло послѣднюю съ сохраненіемъ имени до времени брака.

Невѣсты, съ своими свахами и родственниками, сплошь и рядомъ обманывали жениха фальшивыми признаками дѣвственности, а женихъ со своими родственниками производилъ точное и подробное изслѣдованіе этихъ признаковъ.

*) С. Шашковъ, „Очеркъ исторіи русской женщины“.

Это совершалось почти публично, раздражая сладострастие присутствовавших на свадьбѣ гостей, обыкновенно предававшихся пьянству, дебошу и самому необузданному разврату. Иностранные писатели стѣснялись объяснить, какъ доказывается дѣвство вѣнчающихся невѣсть, такъ какъ распространяться объ этомъ невозможно по требованію благонаравія“ (Корбъ). Въ купечествѣ, мѣщанствѣ, крестьянствѣ эти отвратительные обычаи въ полномъ ходу до сихъ поръ. Въ Астрахани, напр., свадьба оканчивается обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Въ боковой комнатѣ, часто отдѣленной отъ гостей одними только ширмами, женихъ и невѣста занимаютъ брачную постель и молодой мужъ обязанъ тутъ же, пока еще не развѣхались гости, почти въ ихъ присутствіи, отправить въ первый разъ свои супружескія обязанности; въ это время музыканты играютъ сладострастную пѣсню „бѣда“, слова которой припѣваются всѣми гостями. По совершеніи акта, сваха входитъ въ брачный покой, мѣняетъ на новобрачной бѣлье, унося съ собой рубашку, запятнанную знаками „честности“. Развернувъ эту рубашку и держа ее въ обѣихъ рукахъ, она, какъ пьяная вакханка, является къ гостямъ, съ пѣніемъ и пляскою, показывая всѣмъ свой трофей. Затѣмъ съ провожатыми и съ музыкой, она отправляется въ телѣгъ въ домъ родителей невѣсты, чтобы передать имъ свой трофей. На каждомъ углу, у каждаго трактира шествіе останавливается; сваха и провожатые соскакиваютъ съ телѣтъ, танцуютъ, поютъ, а музыка играетъ „бѣду“... Такимъ образомъ процессія, проѣхавъ черезъ весь городъ, достигаетъ дома родителей невѣсты, которымъ и продается запачканное бѣлье, а затѣмъ начинается новая оргія. *) Сальныя шутки надъ молодыми, похабные разговоры, свидѣтельствованіе бѣлья и постели, весь этотъ грязный цинизмъ нашихъ свадебъ до сихъ поръ служить однимъ изъ самыхъ крупныхъ выраженій русскаго варварства, выработаннаго тысячелѣтней исторіей. Отвратительно радостная оргія, начинающаяся послѣ того, какъ женихъ найдетъ

*) Медико-Топогр. Сборн.

возможнымъ благодарить родителей невѣсты за ея дѣвственность; но еще отвратительнѣе для каждаго, не въ конецъ испорченнаго человѣка, тѣ сцены, которыя начинаются, если молодая окажется не дѣвственницей. Насмѣшки, брань, побои сыпятся на несчастную, а родители нерѣдко начинаютъ даже буквально пытаться ее, съ кѣмъ и когда она грѣшила. Въ старину эти варварскіе обычаи господствовали между всеми классами общества и невѣсты, не успѣвшія обмануть своихъ жениховъ, нерѣдко расплачивались очень дорого за свою невоздержанность въ дѣвчествѣ. Часто случалось, что женихъ, найдя свою невѣсту не дѣвственницей, отсылалъ ее къ ея родителямъ. Если-же она и оставалась его женою, то цѣлую жизнь принуждена была выносить попреки и побои мужа, который старался отдѣлаться отъ нее какимъ-бы то ни было способомъ, вгонялъ ее въ гробъ, заставлялъ постригаться въ монастырь, а затѣмъ начиналъ искать себѣ другую „честную“ невѣсту. Мужъ не могъ, даже если-бы онъ и хотѣлъ, извинить совершенно своей женой грѣхъ ея молодости, — его покарало-бы за это общественное мнѣніе. Тагъ напр. лица, имѣвшія доступъ ко двору, на другой день послѣ свадьбы являлись къ царю на поклонъ со всею поюзомъ; но молодой мужъ недѣвственницы не смѣлъ показаться на глаза государю. Олеарій свидѣтельствуетъ между прочимъ, что если поступающій въ священники на брачномъ ложѣ не находилъ дѣвства, то онъ лишался своей должности.

Посмотримъ теперь, далеко-ли мы, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ ушли отъ этихъ примѣровъ древности и варварства? „Я выдаю мою дочь“, таковы слова всехъ родителей, а слово показываетъ дѣло. Ссылаясь всегда на молодость невѣсты, они свой вкусъ или тщеславіе ставятъ на мѣсто интереса своихъ дѣтей. Благородная дѣвушка можетъ выйти только за титуль, богатая за миліонъ. Все классы эгоистически сосредоточиваются въ самихъ себѣ, не позволяя чувствамъ переходить предѣлы ихъ сжатаго круга, и даже въ этомъ кругу они назначаютъ выборъ, который бы удовлетворялъ ихъ мелкимъ страстямъ. Дѣвушка оплакивала на

груди своей матери безобразіе своего жениха. „Согласна, возражала мать, ты права; въ этомъ замужествѣ все хорошо, кромѣ него!..“ И эта мать настаивала и эта дочь выходила замужъ, и увѣряли, что она согласилась, потому что сказала: да. Одно бессмысленное правило служить имъ всегда оправданіемъ: „Мущина, говорятъ, всегда достаточно хороша“, „сживется—слюбится“ и т. п. Хорошо еще, если родители, не считающіе необходимымъ справляться со вкусами и желаніями дочери при выдачѣ ее замужъ, относятся къ выбору жениха съ должной осторожностью и останавливаютъ свой выборъ на порядочномъ человѣкѣ, а то вѣдь сплошь и рядомъ случается, что нѣжные родители готовы отдать дочь за перваго попавшагося шалопаю. И дѣйствительно огромное число свадебъ является вслѣдствіе желанія родителей отдѣлаться во чтобы то ни стало отъ дочерей. Много-ли родителей можно найти такихъ, которые были-бы въ состояніи содержать своихъ взрослыхъ дочерей „прилично“, т. е. оставлять ихъ въ сладкомъ бездѣйствіи, или-же предоставлять имъ проводить время въ занятіяхъ совершенно бесполезныхъ, наряжать ихъ и вывозить въ свѣтъ при постоянно увеличивающейся дороговизнѣ?

Ахъ, дочери мученье!
Скажите, кто имъ радъ!
Плати за ихъ ученье,
Плати за ихъ нарядъ.
А подростутъ поболь.
Тогда отца и мать
Спросите вы: легко-ли
Ихъ замужъ выдавать!

Вотъ по этому-то первое желаніе родителей и даже необходимость состоитъ въ присканіи для своей дочери такого человѣка, который снялъ-бы съ нихъ эту обузу. Сама даже дѣвушка чувствуетъ себя лишней въ домѣ, чувствуетъ, что она составляетъ бремя для родителей, даже больше, она съ ужасомъ думаетъ о томъ, что предприметъ мать и что будетъ со всѣмъ семействомъ въ случаѣ смерти отца, этой единственной подпоры. Не отыскивая отвѣта на этотъ воп-

рость. совершенно безпомощная, она отдается первому мушницѣ для того только, чтобы не быть родителямъ въ тягость и въ случаѣ невзгоды быть опорой всему семейству; она выходитъ замужъ, не смотря даже на то, что не только равнодушна къ жениху, но и чувствуетъ къ нему отвращеніе. Такимъ образомъ дѣвушка сознательно приноситъ всю свою жизнь въ жертву роднымъ и обстоятельствамъ. Точно также поступаютъ часто и сироты дѣвушки; скрывая въ своемъ сердцѣ несчастную любовь, онѣ считаютъ своею обязанностью отдать руку предлагающему и такимъ образомъ оградить себя отъ нищеты. И когда всѣ эти, приносящія сами себя, или приносимыя въ жертву, всѣ эти ослѣпленные воспитаніемъ и ложными взглядами на жизнь, — являются предъ алтаремъ и какъ жрецы и клятвopреступницы произносятъ при обрученіи и вѣнчаніи „да“, — онѣ имѣютъ смѣлость думать, что совершаютъ Богъ знаетъ какой хорошей, благоразумный и даже геройскій поступокъ, поступаая противъ голоса своего сердца, противъ совѣсти и противъ нравственности; онѣ даже воображаютъ, что въ состояніи переносить такую личину и подъ этой личиной скрыть отъ мужей состояніе ихъ сердецъ. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно надо болѣе сожалѣть мушницъ чѣмъ женщинъ, съ которыми ведутъ такую интригу, полную лжи и холодно обдуманнаго коварства.

Какія-же послѣдствія подобныхъ самопожертвованій? Не похожа-ли при такихъ условіяхъ невѣста, идущая къ алтарю, на тѣхъ несчастныхъ существъ, которыхъ въ старину вели на пытку? Она ужасается того, что ее ожидаетъ и не въ состояніи отклонить этого; она отрѣшилась отъ радостей и надеждъ молодости; она знаетъ, что жизнь не можетъ болѣе дать ей сладкихъ сновидѣній и розовыхъ картинъ; ей приходится исполнять обязанности тѣмъ болѣе тяжелыя, что сердце не хочетъ принимать въ нихъ участіе. Хорошо еще, если девизомъ ея будетъ не забота о собственномъ счастіи, а желаніе посвятить всю свою жизнь единственно для счастья мужа. Въ такомъ случаѣ это благородное и достойное уваженія рѣшеніе можетъ еще нѣкоторое время продлить

хорошее расположеніе мужа, но и то только тогда, когда она не обладает пылкостью чувствъ или успѣла ихъ постраратить и если судьба не натолкнетъ ее на человѣка, который былъ-бы въ состояніи расшевелить ея чувства; въ такомъ только случаѣ можетъ продлиться супружество въ покоѣ, въ особенности, если оно будетъ укрѣплено любовью родителей къ дорогимъ для нихъ дѣтямъ. Но совершенно осчастливить другое существо можно только тогда, когда самъ въ себѣ чувствуешь это счастье. Какую-же радость можетъ найти женщина во всемъ томъ, что приобрѣтено ею посредствомъ замужества, когда послѣднее ей было противно? Какъ она можетъ примѣняться къ особенностямъ характера мужа, когда она его не любитъ? Найдеть-ли она удовольствіе въ работѣ, станеть-ли она къ нему принаравливаться, когда онъ для нее ничто иное какъ навязанный сожитель? Во всемъ томъ, что до него относится, она скоро увидитъ только обязанность и обязанность тяжелую, впадетъ въ апатію и будетъ считать себя жертвою; съ намѣреніемъ или безъ намѣренія дастъ это замѣтить мужу — и вотъ начало несчастнаго супружества.

По поводу подобнаго рода супружества извѣстная нѣмецкая писательница Луиза Отто замѣчаетъ *). „Развѣ непохожа всякая женщина, выходящая за нелюбимаго ею человѣка, единственно по расчету, на женщину публичную? Развѣ все ее окружающее: богатство, роскошь, зависть ея подругъ, не напоминаетъ ей, какою цѣною все это куплено, да и будутъ-ли ей пріятны эти вещи, найдеть ли она въ нихъ удовольствіе? Но положимъ, что она нашла-бы въ этомъ наружномъ блескѣ прелесть жизни и вознагражденіе за ея безцвѣтную жизнь; но не сдѣлалась-ли вслѣдствіе этого ея внутренняя жизнь пустой и не перестала-ли она существовать умственно, если не физически и морально?“

Другія отправляются къ алтарю единственно только по той причинѣ, что весь свѣтъ такъ поступаетъ. Они выходятъ замужъ совершенно такъ, какъ-бы ѣхали въ первый разъ

*) Луиза Отто, „Неотъемлемое право женщинъ“

на балъ. Это бываетъ вслѣдствіе того, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣвической безтолковой жизни, шатанія по баламъ и вѣчныхъ хлопотъ о балльныхъ нарядахъ, подобный порядокъ вещей наскучаетъ. Вотъ и изъ подругъ та и та имѣютъ уже жениховъ и мужей; воображенію дѣвушки рисуется восхитительное положеніе невѣсты, счастливые первые дни замужества. Является искатель ея руки, который эти мечты можетъ привести въ исполненіе и дѣвушка торжествуетъ. Какъ льстить ея самолюбію сознаніе быть невѣстой и принимать поздравленія, сколько интереса въ приготовленіяхъ къ свадебному балу, въ устройствѣ новаго домашняго хозяйства. Такъ устраиваются многія свадьбы. И дѣвушки, имѣющія такой взглядъ на замужество, не считаются даже вѣтренными, легкомысленными; люди солидные ограничиваются лишь тѣмъ, что восхищаются ихъ „милою наивностью“ и удовлетворяютъ ихъ желанію „выйти замужъ“. Такое легкомысленное отношеніе къ самому рѣшительному, самому важному шагу въ жизни называютъ „пользованіемъ весною жизни“ и даже не стараются вывести несчастную дѣвушку изъ ея заблужденія, изъ ея опьяненія, а ужасная дѣйствительность постигаетъ несчастныхъ тогда, когда уже поздно поправить дѣло.

Во всѣхъ подобныяхъ бракахъ любовь не играетъ ровно никакой роли, а потому всѣ они безнравственны и грѣховны. Замѣчательно, что въ такъ-называемыхъ низшихъ классахъ общества бракъ вообще заключается на болѣе правильныхъ началахъ. Тутъ каждая дѣвушка и каждый молодой человѣкъ привыкли еще до женитьбы трудиться для собственнаго существованія и потому у нихъ въ отношеніи труда женитьба не производитъ перемѣны. Они, какъ и прежде, продолжаютъ работать для приобрѣтенія средствъ къ жизни. Кромѣ того, и женихъ, и невѣста задолго до свадьбы знаютъ другъ друга и не обманываютъ себя на счетъ будущаго, на счетъ того, что ждетъ ихъ послѣ свадьбы. Наиболѣе же безнравственные браки заключаются въ высшемъ кругѣ. Тутъ дѣвушкѣ съ самаго ранняго возраста твердятъ, что она должна выйти выгодно замужъ, что она обязана постоянно думать объ

этомъ, направлять къ этому всё свои помыслы и дѣйствія и не терять удобныхъ случаевъ сдѣлать хорошую партію. Эти отвратительные взгляды дѣлаются еще отвратительнѣе, когда къ нимъ присоединяются матеріальные интересы матери и дочери. Развѣ не возмутительно для чувства каждаго благороднаго человѣка видѣть, какъ родители вывозятъ дочь на балъ не для того, чтобы доставить ей удовольствіе, а для пріисканія выгоднаго жениха, въ особенности если сама дочь участвуетъ въ этихъ замыслахъ и употребляетъ всевозможныя средства для достиженія такой цѣли.

Такимъ-же безобразнымъ, безнравственнымъ и возмутительнымъ представляется обычай выдачи дѣвушекъ замужъ при посредствѣ свахъ,—обычай, получившій очень сильное распространеніе среди нашего купечества и городского мѣщанства.

Тутъ дѣвушка не только не имѣетъ права голоса въ рѣшеніи своей участи, но и въ буквальномъ смыслѣ разсматривается какъ вещь, какъ товаръ. Но одна изъ возмутительнѣйшихъ торговыхъ сдѣлокъ, порождающая массу несчастныхъ супружествъ. Когда идутъ преговоры между родителями невѣсты и свахой, право трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь: о куплѣ-продажѣ домашняго скота, или о заключеніи брачнаго союза между двумя разумными, человѣческими существами. Что-же удивительнаго, что дѣвушка, выходящая замужъ при посредствѣ свахи, заливается горькими слезами и оплакивается подругами какъ идущая на смерть?!

Что ждетъ ее въ будущемъ въ сожителствѣ съ человекомъ, котораго она нерѣдко даже не видѣла?! Что вообще ждетъ этихъ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ безъ всякаго понятія о важности и отвѣтственности ожидающаго ихъ положенія женъ и матерей? Это составитъ предметъ слѣдующихъ главъ нашей книги, а теперь мы остановимъ вниманіе читательницъ на положеніи дѣвушки внѣ дома, внѣ семьи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЪ ЧУЖИХЪ ЛЮДЯХЪ.

Борьба за существованіе. — Самовоспитаніе и самостоятельность. — Условіе успѣха: основательность знаній и аккуратность. — Хорошее начало — половина дѣла. — Какая разница между знать и дѣлать. — Талантъ, умъ, энерія и неутомимость въ трудѣ. — Гувернантки, гувернеры, учительница, учитель, бонна. — Женщина врачъ. — Акушерка и фельдшерница. — Сестра милосердія. — Актриса. — Прикащица — конторщикъ. — Старая дѣва. — Безбрачіе. — Безпомощное положеніе. — Испорченныя натуры. — Надломленная жизнь. — Любовь и паденіе. — Гражданскій бракъ. — Падшая женщина.

Не всѣмъ, однако, женщинамъ суждено выдти замужъ. Статистическія данныя прямо указываютъ на то, что, во-первыхъ, число рождаемыхъ дѣвочекъ превышаетъ число мальчиковъ и, во-вторыхъ, что число браковъ постоянно сокращается. Слѣдовательно, съ каждымъ годомъ остается все болѣе и болѣе дѣвушекъ, обреченныхъ на безбрачіе. Слишкомъ понятно, что всѣмъ этимъ дѣвушкамъ необходимо снискивать себѣ средства къ существованію личнымъ трудомъ. Число дѣвушекъ, остающихся въ безбрачіи, особенно много въ городахъ, гдѣ скучивается съ одной стороны масса семейныхъ людей, рѣшительно ничѣмъ не обеспеченныхъ и множествомъ дѣтей, а съ другой — масса молодежи, которая смотритъ на женитьбу какъ на средство „сдѣлать карьеру“ и потому жениться только на невѣстахъ богатыхъ, или имѣющихъ выгодныя связи. Но много-ли богатыхъ невѣстъ? Для

массы бѣдныхъ дѣвушекъ выходятъ замужъ и въ особенности за челоѡвка болѣе или менѣе порядочнаго является просто дѣломъ счастливаго случая. Замѣчательно, что сознаніе необходимости обезпечить дѣвушекъ на случай безбрачія какимъ-либо ремесломъ болѣе всего проникло въ наиболѣе развитые слои общества, какъ напр. въ среду мѣщанъ. Бѣдная мѣщанская семья всегда старается пораньше приучить дочь къ какому-нибудь труду, который могъ-бы давать ей самостоятельный заработокъ. Что-же касается средняго сословія, то здѣсь, благодаря безобразному воспитанію, дѣвушки слишкомъ много полагаются на чужія попеченія; такъ напримѣръ, онѣ надѣются, что друзья и родственники дадутъ имъ хорошія средства къ жизни, — ждутъ, что представится приличная партія и избавитъ ихъ отъ печальной необходимости содержать себя собственнымъ трудомъ; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы работать и предпринимать что-нибудь собственными силами, онѣ сидятъ безъ дѣла въ ожиданіи помощи извнѣ; между тѣмъ, время проходитъ и часто случается, что родственники и друзья помощи не подадутъ, приличная партія или вовсе не представится или не будетъ соответствовать ожиданію, и такимъ образомъ молодая женщина, послѣ смерти своихъ родителей, остается безъ всякихъ средствъ къ существованію. Между тѣмъ юность, лучшая трудовая пора, — проходитъ, и когда эта женщина дѣлаетъ наконецъ попытки зарабатывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ, то видитъ, что къ труду уже не способна, и жизнь, начавшаяся такъ радостно, кончается среди грусти, унынія и безплодныхъ сожалѣній о потерянномъ времени. Арабская пословица говоритъ: „спущенную стрѣлу, сказанное слово и упущенный случай никогда нельзя вернуть.“ Справедливость этихъ словъ женщины испытываютъ на себѣ.

Впрочемъ, для тѣхъ женщинъ, которыя пользуются еще здоровьемъ и силою, необходимость трудиться вовсе не представляетъ большаго несчастія, потому что люди, живущіе дѣятельною жизнью, вообще счастливые люди, осужденныхъ на праздность. Но чтобы добиться успѣха, — а подъ успѣхомъ мы разумѣемъ возможность зарабатывать себѣ

независимый кусокъ хлѣба и отложить какой-нибудь запасъ на старость, — необходима не одна только готовность, нужны еще нѣкоторыя другія качества, главнѣйшими изъ которыхъ, по мнѣнію Джесси Баучереть *), надобно признать основательныя познанія и аккуратность. Достоинство познаній должно цѣниться не по количеству ихъ, но по той пользѣ, какую онѣ могутъ приносить человѣку въ практическомъ примѣненіи. Фраза, которая теперь въ ходу, — о пользѣ „обширныхъ познаній“ не лишена нѣкотораго основанія; но должно замѣтить, что обширность познаній дѣлаетъ ихъ очень неглубокими, а вслѣдствіе этого они приносятъ и весьма мало практической пользы, между тѣмъ, какъ быстро увеличивается число такихъ людей, которые знаютъ все по немногу, но ничего не знаютъ какъ слѣдуетъ. Подобныхъ лицъ совершенно вѣрно сравнивали съ особымъ родомъ карманнаго ножа, употребляемаго нѣкоторыми. Инструментъ этотъ, кромѣ обыкновеннаго лезвья, заключаетъ въ себѣ пилу, рѣзецъ, долото, отвертку и пару ножницъ, но все это въ такомъ маломъ размѣрѣ, что на дѣлѣ оказывается совершенно бесполезнымъ **). Это поверхностная разносторонность познаній, соединенная съ полнымъ невѣжествомъ во всякомъ специальномъ предметѣ, у женщинъ встрѣчается чаще, чѣмъ у мужчинъ, вслѣдствіе сравнительной недостаточности получаемаго первыми воспитанія; женщины обыкновенно учатся только отрывочнымъ клочкамъ разныхъ наукъ и искусствъ, но ни одинъ предметъ не усваиваютъ себѣ основательно. Подобный порядокъ вещей вдвойнѣ вреденъ; онъ не только оставляетъ женщинъ въ невѣденіи относительно того, что имъ могло бы пригодиться въ жизни, но кромѣ того пріучаетъ ихъ дѣлать все кое-какъ. Молодыя женщины должны, поэтому, остерегаться привычки легко относиться къ каждому предмету, хотя, къ несчастію, ее искусственно въ нихъ развиваютъ; но если та-

*) Джесси Баучереть, „Самодѣтельность женщины.“

***) Это сравненіе заимствовано изъ „Самодѣтельности“ Смайльса.

кой недостатокъ уже успѣлъ къ нимъ привиться, то онѣ должны стараться всѣми мѣрами отъ него избавиться, а это возможно только путемъ тщательнаго самовоспитанія.

Одинъ предметъ, хорошо усвоенный себѣ дѣвушкой,— основательное знакомство съ однимъ какимъ-нибудь искусствомъ,— стоитъ двадцати другихъ познаній, схваченныхъ поверхностно. Такъ, напримѣръ, дочь торговца, умѣющая хорошо писать и правильно считать, будетъ полезнѣе въ лавкѣ своего отца и скорѣе достанетъ себѣ какое-нибудь другое подобное мѣсто, чѣмъ другая дѣвушка, которая хотя пишетъ дурно и дѣлаетъ ошибки на счетахъ, но имѣетъ познанія во французскомъ языкѣ, рисуетъ и играетъ на фортепіано. Впрочемъ, живопись и музыка основательно изученныя, могутъ служить капитальными профессіями, т. е. доставлять средства къ жизни. Но основательное знаніе и тутъ, какъ вездѣ, можетъ быть достигнуто только путемъ усиленныхъ занятій. Чтобъ освоиться съ этими искусствами, нужно практиковаться въ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не менѣе какъ по два, по три часа въ день; даже первоклассные музыканты и живописцы посвящаютъ упражненію въ своихъ искусствахъ по крайней мѣрѣ пять часовъ въ день. Поэтому, особа, желающая достигнуть успѣха въ которомъ-нибудь изъ этихъ искусствъ, должна посвятить себя исключительно ему одному, оставивъ другое, такъ какъ едва ли какая бы то ни было женщина имѣетъ достаточно физической силы, чтобъ успѣшно заниматься и живописью и музыкой въ одно время. Конечно, если вся цѣль подобныхъ занятій заключается только въ развлеченіи, то можно нѣсколько ознакомиться съ обоими искусствами, ознакомиться на столько, чтобъ это доставляло удовольствіе какъ самой артисткѣ, такъ и ея друзьямъ; но если только способности этой женщины не превышаютъ обыкновеннаго уровня, то успѣхъ, пріобрѣтенный такимъ путемъ, никогда не доставитъ ей возможности заработать, посредствомъ этихъ познаній, ни одного рубля,—исключая только развѣ уроковъ для начинающихъ заниматься этими искусствами. Кромѣ основательности и точности познаній, для

успѣха необходимо еще одно качество, безъ котораго трудно обладать даже и первыми двумя. Это способность, служащая основаніемъ всякаго прочнаго успѣха, вообще можетъ быть названа способностью разсуждать здраво; если, владѣя такимъ свойствомъ, мы будемъ долгое время упражняться въ той отрасли искусства или знанія, которой рѣшили себя посвятить, то успѣхъ нашъ несомнѣнемъ. Но при всемъ томъ, практическое примѣненіе знанія составляетъ дѣло, совершенно независимое отъ самаго знанія, которое никакъ не можетъ считаться полезнымъ, пока обладательница этого знанія не въ состояніи приложить его къ дѣлу, а чтобъ достигнуть этого она должна разсуждать. Люди, пользующіеся счастливою памятью, но не обладающіе достаточною разсудочною способностью, могутъ знать множество фактовъ, изъ которыхъ однакожъ никогда не будутъ въ состояніи извлечь ни малѣйшей пользы. Кардиналь Меццофанти имѣлъ необыкновенную память и могъ говорить на 50 языкахъ, но такъ какъ онъ никогда не сдѣлалъ никакого полезнаго употребленія изъ своего знанія, то по отношенію къ интересамъ общества было бы совершенно все равно, еслибъ онъ въ языкознаніи оставался круглымъ невѣждой. Талейранъ выразился объ этомъ человѣкѣ такъ: „онъ можетъ говорить на 50-ти языкахъ, но ни на одномъ изъ нихъ не можетъ сказать ничего такого, что стоило бы слушать“. Разсудокъ у насъ господишь, память же только слуга, — слуга очень полезный, но только тогда, когда его хорошо направляютъ; въ противномъ случаѣ, значеніе его ничтожно. Приведемъ примѣръ. Извѣстная особа знаетъ, что солнце восходитъ на востокъ и заходитъ на западъ, но не смотря на такое знаніе во время путешествія она не въ состояніи руководствоваться этими свѣдѣніями, — не въ состояніи даже сказать, въ какомъ направленіи сама двигается. Другой примѣръ. Женщина выучила все, что говорится въ ариѳметикѣ о квадратныхъ корняхъ, но все-таки затрудняется опредѣлить, во сколько аршинъ коверъ нуженъ ей для гостиной или сколько кусковъ обоевъ требуется для оклейки стѣнъ. Такимъ образомъ, весьма возможны познанія безъ всякаго умѣнья приложить ихъ

къ дѣлу. По этой причинѣ, т. е. чтобъ сдѣлать наши познанія полезными, мы должны тщательно развивать свои умственные способности.

Другимъ важнымъ качествомъ должно признать самоувѣренность, но только тогда, когда она основана на познаніи самой себя; въ противномъ случаѣ такая самоувѣренность становится похожа на высокомеріе и часто ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ. Истинное самопознаніе можетъ быть приобрѣтено только путемъ опыта; поэтому, весьма желательно, чтобъ молодымъ дѣвушкамъ предоставлялась возможно большая свобода дѣйствій, такая, какую только допускаетъ благоразуміе; это нужно для того, чтобъ онѣ на незначительной аренѣ могли испытать свои силы, пользоваться небольшими успѣхами и терпѣть маленькія неудачи; этимъ путемъ онѣ узнаютъ какъ сильныя, такъ слабыя стороны своего характера и такимъ образомъ приготовятся къ дѣйствительной жизни.

Недостатокъ смѣлости въ человѣкѣ составляетъ, быть можетъ, болѣе значительное препятствіе къ усовершенствованію, чѣмъ вообще думаютъ. Истинная скромность совершенно совмѣстна съ должнымъ уваженіемъ человѣка къ собственнымъ заслугамъ и вовсе не требуетъ отреченія отъ своихъ достоинствъ.

По словамъ знаменитаго богослова, доктора Ботлера, смиреніе заключается не въ томъ, чтобъ человѣкъ умалилъ свои дѣйствительныя достоинства, но въ томъ, чтобы судилъ о самомъ себѣ справедливо и правильно цѣнилъ себя; по справедливой оцѣнкѣ своихъ собственныхъ достоинствъ человѣкъ можетъ достигнуть не иначе, какъ путемъ опыта; этимъ и объясняется, почему люди, ничего не дѣлающіе, часто имѣютъ о себѣ чрезмѣрно высокое мнѣніе; никогда не принимавшись ни за какое дѣло, они разумѣется, никогда не терпѣли и неудачъ и потому выказываютъ наклонность презирать другихъ людей, которые предпринимали что-нибудь, но безуспѣшно,—хотя, можетъ быть, эти самые хвастуны должны бы были потерпѣть еще большую неудачу, если бы вздумали сами приняться за работу. Такимъ образомъ,

справедливая оцѣнка нашихъ способностей и достоинствъ производится лишь посредствомъ самостоятельнаго дѣйствія или самостоятельныхъ попытокъ къ дѣйствию: люди склонные думать о себѣ слишкомъ высоко, при первомъ же столкновеніи съ опытомъ разочаруются, а тѣ, которые слишкомъ низко цѣнятъ свои достоинства, будутъ пріятно удивлены успѣхомъ перваго своего предпріятія. По одной уже этой причинѣ, еслибъ и не было никакихъ другихъ, дѣятельная жизнь оказывается полезнѣе для совершенствованія человека, чѣмъ жизнь праздная. Безъ сомнѣнія, многія молодыя женщины, ослѣпленные высокоуміемъ, обманываютъ себя, слишкомъ высоко ставя свои способности; но больше, мы думаемъ, такихъ, которыя падаютъ именно вслѣдствіе недостатка увѣренности въ своихъ собственныхъ силахъ.

По мнѣнію Смайльса, половина житейскихъ неудачъ происходитъ отъ того, что люди подвержены колебанію въ самыя рѣшительныя минуты; докторъ Доржсонъ обыкновенно приписывалъ весь свой успѣхъ увѣренности въ собственныхъ силахъ. Нерѣдко причиной незначительности результата нашихъ предпріятій бываетъ именно незначительность самыхъ попытокъ. Мы не можемъ достигнуть успѣха просто потому, что слишкомъ боимся каждой попытки. Одинъ лишній шагъ помогъ бы намъ, но его-то мы и не дѣлаемъ. Лучшее всего стараться исполнять нашъ долгъ и дѣлать все отъ насъ зависящее, предоставивъ остальное провидѣнію. Неудача, такъ неудача; но гораздо почетнѣе предпринимать что-нибудь и потерпѣть неудачу, нежели вовсе ничего не предпринимать: изъ этой первой неудачи мы можемъ извлечь такую опытность, которая въ слѣдующій разъ доставитъ намъ успѣхъ. А между тѣмъ эта неуѣренность въ себя и колебанія, о которыхъ говоритъ и Смайльсъ и Джесси Баучереть, составляетъ повальный недостатокъ нашихъ женщинъ. Женщина энергическая, рѣшительная и увѣренная въ себя это просто рѣдкость, возбуждающая всеобщее удивленіе. Какъ часто случается, что женщина самостоятельно предприметъ какое-либо дѣло и извлекаетъ изъ него значительныя выгоды; знакомыя только удивляются ей, такъ какъ онѣ

сами, при маленькой энергіи, могли бы съ успѣхомъ вести такое-же дѣло. Весьма важное условіе успѣха дѣла хорошее начало его. Пословица „хорошее начало—половина дѣла“ совершенно справедлива; справедливость ея именно и заключается въ томъ, что человѣкъ, ободренный, при началѣ своего предпріятія, хотя небольшимъ успѣхомъ, почерпаетъ въ этомъ успѣхѣ силу продолжать дѣло съ прежней настойчивостью. Быть можетъ, успѣхъ самъ по себѣ въ данномъ случаѣ не мало имѣетъ значенія, но все-таки нравственная сторона его громадна, потому что она не допускаетъ человѣка падать духомъ. Путь къ человѣческому благополучію нераздѣльно соединенъ съ другимъ общеизвѣстнымъ путемъ— путемъ неутомимаго труда, такъ что, при равенствѣ прочихъ условій, наибольшій успѣхъ достается всегда тѣмъ людямъ, которые работаютъ съ большимъ, противъ другихъ, усердіемъ и неутомимостью. Конечно, необыкновенный успѣхъ достается на долю лишь только необыкновеннымъ талантамъ; но чтобъ достигнуть такого успѣха, который бы обезпечилъ наше благосостояніе, достаточно простыхъ средствъ и обыкновенныхъ способностей, соединенныхъ съ трудолюбіемъ и настойчивостью въ трудѣ, а особенно съ мужествомъ и энергіей.

Когда молодая женщина совершаетъ какой-нибудь важный шагъ, на примѣръ—выбираетъ себѣ образъ жизни или занятіе, которому она намѣрена себя посвятить, то она не должна рѣшаться поспѣшно, ей надобно имѣть время, чтобъ обсудить предметъ, призвавъ Бога на помощь и сохраняя полное спокойствіе; тогда только можно рѣшаться.—но какъ только рѣшеніе принято, должно энергически приниматься за задуманное дѣло и настойчиво продолжать его, постоянно стараясь быть свободной отъ дурныхъ склонностей разнаго рода и продолжая руководиться здравымъ смысломъ.

Неразумной дѣвушкѣ, разсудокъ которой помраченъ праздною, можетъ иногда придти на мысль, что за недостатокъ вниманія къ порядку, аккуратности и хорошему веденію дѣла—ей можетъ служить извиненіемъ то, что она женщина и что поэтому подлежитъ меньшему порицанію, чѣмъ подле-

жалъ-бы мущина въ подобномъ случаѣ. Такого рода мысль сдѣляется рѣшительной преградой къ успѣху этой дѣвушки на жизненномъ поприщѣ. Во многихъ отношеніяхъ женщина рѣдко можетъ или и вовсе не можетъ сравниться съ мущиной, но по крайней мѣрѣ ей ничто не мѣшаетъ встать на одинъ уровень съ нимъ въ тѣхъ существенныхъ чертахъ, о которыхъ упомянуто; а какъ на различныхъ другихъ путяхъ, гдѣ мущина можетъ приносить пользу, женщина лишена этой возможности, то она и должна достигать возможнаго совершенства въ тѣхъ предметахъ, которые ей доступны, достигать путемъ усиленнаго старанія. Женщина не можетъ хорошо дѣлать ничего такого, что требуетъ сильнаго физическаго труда, но недостатокъ физической силы никакъ не можетъ служить ей оправданіемъ въ небрежности цифръ и въ помаркахъ въ счетныхъ книгахъ или въ неаккуратности и недостаткѣ вѣжливости къ покупателямъ товаровъ въ ея лавкѣ.

Женщина можетъ еще иногда находить извиненіе въ своей неисправности, если эта неисправность произошла вслѣдствіе недостаточности ея познаній или развитія, потому что ея воспитаніе могло быть въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительно; но если эта неисправность произошла отъ недостатка заботливости къ дѣлу или вслѣдствіе нерадѣнія, — то она неизвинительна ни въ какомъ случаѣ. Дѣвушка, нерадиво относящаяся къ выполненію взятыхъ на себя обязанностей, наноситъ серьезный ущербъ не только себѣ, но и всѣмъ прочимъ работницамъ, потому что ея поступки, производя дурное впечатлѣніе на хозяевъ, служатъ для нихъ, какъ бы предостереженіемъ, чтобы не брать къ себѣ рабочихъ ея пола. Женщина не должна также успокоиваться и на томъ, что она стоитъ на низшей степени развитія или познаній; хотя это обстоятельство и можетъ иногда служить оправданіемъ, проистекая не отъ собственной ея вины, но все-таки въ результатъ оно окажется очень невыгоднымъ для самой же женщины. Поэтому ей надо стараться исправить свои недостатки въ этомъ отношеніи — ученіемъ, которое должно предшествовать ея работѣ, если, конечно, она не намѣрена

всегда довольствоваться низкой заработной платой, потому что, не сравнившись по своимъ познаніямъ и развитію съ мужчинами, она никогда не будетъ въ состояніи достигнуть и высокой заработной платы.

Женщины иногда еще терпятъ неудачу въ другомъ отношеніи. Вслѣдствіе чувствительности своей нервной системы, онѣ склонны къ раздражительности изъ-за ничтожнаго безпокойства. Къ счастью, нельзя сказать, чтобъ эта слабость свойственна была всѣмъ женщинамъ или даже большинству ихъ: онѣ только скорѣе могутъ подпасть ея вліянію чѣмъ мужчины и по этому должны какъ можно больше остерегаться ея. Самообладаніе, болѣе всякой другой человѣческой способности, приобретаетъ силу вслѣдствіе постояннаго упражненія; это же качество, скорѣе всякаго другаго, и утрачивается человѣкомъ вслѣдствіе небрежности. Спокойный образъ дѣйствій даетъ человѣку большое преимущество предъ окружающими, это — залогъ успѣха; качество это приобретаетъ посредствомъ самостоятельнаго усилія или, лучше сказать, посредствомъ цѣлаго ряда усилій, продолжающихся до тѣхъ поръ, пока оно не обратится въ привычку. Спокойствіе всегда даетъ человѣку отпечатокъ превосходства передъ другими людьми, потому что оно составляетъ одинъ изъ признаковъ силы характера.

Женщина, которая соблюдаетъ эти правила, пользуется хорошимъ здоровьемъ и избѣгаетъ, при выборѣ занятій, такихъ путей, по которымъ идутъ уже многія; такая женщина рѣдко будетъ имѣть причину жаловаться на неудачу.

Вотъ тѣ качества и условія, которыя въ совокупности называются „самодѣятельностью“ женщины. Перейдемъ теперь къ обзорѣнню отраслей труда, доступныхъ женщинамъ при современномъ строѣ общества.

Профессія гувернантки имѣетъ едва-ли не самое большое число представительницъ среди молодыхъ, болѣе или менѣе образованныхъ дѣвушекъ, принужденныхъ по какимъ-либо причинамъ искать средствъ къ существованію внѣ семьи. Обыкновенно дѣвушка, получившая образованіе и не считающаяся по неимѣнію приданаго сдѣлать хорошую

партію, идетъ въ гувернантки, не смотря на то, что она вовсе не приготовлена къ этой важной обязанности, да и не чувствуетъ къ ней никакого призванія. Тутъ, очевидно, дѣйствуетъ опять-таки могучій двигатель человѣчества—бѣдность. Дѣвушка знаетъ, что при ея познаніяхъ, при недостаткѣ опытности она будетъ плохою воспитательницей; знаетъ, что ей будетъ трудно нести обязанности, къ которымъ она не чувствуетъ никакой охоты; знаетъ, наконецъ, что положеніе гувернантки чрезвычайно непріятно, но она все-таки беретъ первое попавшееся мѣсто, чтобы не умереть съ голода-холода. Въ такихъ случаяхъ обѣ стороны—и та, которая нанимается и та, которая нанимаетъ,—одинаково достойны сожалѣнія. Дѣвушка, очевидно, приносить себя въ жертву; родители довѣряютъ безъ оглядки своихъ дѣтей недозрѣлымъ, недоученнымъ дѣвицамъ, которыя еще сами нуждаются въ педагогическомъ руководствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли дѣвушка 18 — 20 лѣтъ быть хорошей воспитательницей? Дѣльная воспитательница должна отличаться разумнымъ спокойствіемъ, вѣрностью и простотою взглядовъ, свободой отъ предразсудковъ и нравственнымъ достоинствомъ; она должна имѣть вполне опредѣлившейся, окончательно выработанный характеръ, а это пріобрѣтается только въ томъ возрастѣ, въ которомъ сердце бываетъ уже спокойно и одушевлено истиннымъ желаніемъ содѣйствовать благу и счастью другихъ. Молодой-же дѣвущкѣ въ 18—20 лѣтъ прежде всего хочется жить, наслаждаться, и потому возня съ дѣтьми быстро наскучаетъ имъ до того, что становится просто каторгой. Да если-бы даже такая гувернантка и хотѣла бы принести пользу своимъ питомцамъ, то не могла бы этого сдѣлать по недостатку опытности и знаній. Дѣвущку, берущуюся за трудное ремесло гувернантки безъ всякой къ тому подготовки, можетъ извинить лишь одно: давленіе бѣдности, но за то для дѣвущекъ, идущихъ въ гувернантки съ исключительною цѣлью добиться мнимой самостоятельности, извиненія нѣтъ. А между тѣмъ у насъ много такихъ гувернантокъ, которыя оставляютъ свои собственныя, довольно обеспеченныя семьи, ради мнимой „женской свободы“.

Дѣвушка бѣдная, хотя и не подготовленная къ воспитанію дѣтей, всегда старается усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ, всегда относится къ нему серьезно и старается помириться съ его непріятными сторонами, такъ какъ знаетъ, что это дѣло составляетъ для нее единственное средство къ существованію; но дѣвушка состоятельная, лишь только занятія ей наскучатъ, относится къ нему не только невнимательно, но и съ явнымъ отвращеніемъ. Очевидно, что это должно причинять дѣтямъ большой вредъ. Но есть еще одинъ разрядъ гувернантокъ и наставницъ еще болѣе вредныхъ: это тѣ одинокія женщины, которыя берутся за воспитаніе дѣтей уже въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ безсознательно проведенной молодости и болѣе или менѣ бурной жизни. Надо замѣтить, что на воспитаніе и обученіе дѣтей у насъ обыкновенно смотрятъ, какъ на занятіе, доступное всякому. Такъ напр., часто случается, что пропившаяся барыня, не знавшая ничего кромѣ удовольствій, никогда не останавливавшаяся ни на одной серьезной мысли, лишившись по какой-нибудь причинѣ средствъ къ существованію, берется нисколько не задумываясь за воспитаніе дѣтей. Эти барыни рѣшительно опасны для дѣтей, точно также какъ и тѣ жеманныя старыя дѣвы, которыя такъ часто встрѣчаются въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ наставницъ, классныхъ дамъ и проч.

Положеніе русскихъ гувернантокъ вообще очень непріятно. Прежде всего ихъ заѣдаетъ конкуренція между собою и въ особеннѣи громаднѣи конкуренція иностранокъ, ежегодно прибывающихъ въ Россію въ огромномъ количествѣ. На каждое открывшееся мѣсто всегда является цѣлый десятокъ желающихъ и обыкновенно предпочтеніе отдается иностранкѣ. А между тѣмъ, если большинство русскихъ гувернантокъ заставляють желать многого лучшаго, то гувернантки-иностранки почти безъ исключенія, не только никуда не годятся, но и приносятъ положительный вредъ дѣтямъ. Достаточно сказать, что между ними нерѣдко попадаются дѣвушки, бывшія на родинѣ простыми горничными, цвѣточни-

цами, арфистками и плясуньями. Понятно, что нравственный уровень ихъ очень не высокъ.

Гувернантка получаетъ обыкновенно очень ограниченное жалованье, но она всегда должна быть одѣта вполне прилично, а потому большая часть жалованья уходитъ на тряпки и наряды. Положеніе гувернантки въ домѣ всегда какое-то неопредѣленное, ложное; она должна постоянно быть съ дѣтьми, учить ихъ, слѣдить за ихъ играми, преподавать имъ правила вѣжливости, приличія и нравственности; но нерѣдко случается, что отъ нее также требуютъ ухода за дѣтьми, какъ отъ бонны или просто слуги. Бываетъ и такъ, что хозяйка дома не стѣсняется просить гувернантку о такихъ услугахъ, которыя прямо входятъ въ кругъ обязанностей горничной. Если гувернантка откажется—ее не станутъ держать: „принцесса, молю, какая!“ гувернантка должна всею угождать, постоянно быть готовой къ услугамъ, иначе ея положеніе на мѣстѣ непрочно. Если въ домѣ гости, гувернантка не знаетъ—садиться-ли ей, или стоять; гости говорятъ иногда съ ней, но какъ говорятъ! свысока, покровительственнымъ тономъ; да и говорить съ гувернанткой долго въ „порядочномъ“ обществѣ считается вполне неприличнымъ. Вообще въ обращеніи съ гувернанткой всякій, принадлежащій къ этому обществу, считаетъ необходимымъ дать ей понять, что она существо низшее. Какъ это должно оскорблять самолюбіе дѣвушки! Гувернантка никогда не можетъ поручиться—останется-ли она на своемъ мѣстѣ завтра. Отказъ отъ мѣста зависитъ отъ малѣйшаго каприза хозяйки дома. Цѣлые дни съ утра до ночи гувернантка не имѣетъ свободной минуты; она продаетъ все свое время безъ исключенія. Если ея мать, сестры недостаточно хорошо одѣты, онѣ не смѣютъ навѣстить свою дочь или сестру. Какъ-же онѣ, своими простенькими платьями и старыми шляпами, будутъ шокировать глазъ хозяйки дома и ея дѣтей. Если гувернантка взяла мѣсто въ отъѣздъ куда-нибудь въ деревню,—она просто закабалила себя. Ей могутъ вдругъ, по какому-нибудь капризу, отказать отъ мѣста и даже не дать средствъ добраться до родины. Какъ хочешь, такъ и повзжай. И

сколько такихъ примѣровъ можно привести изъ житейской практики! Наконецъ гувернантка, если она красива, должна стараться, такъ-сказать, ступшеываться, чтобы не обращать вниманія на свою красоту.

Вотъ вамъ примѣръ, выхваченный изъ дѣйствительной жизни.

Въ конторѣ г-жи Рено, занимавшейся рекомендаціей гувернантокъ, сидѣло около десяти молоденькихъ дѣвушекъ. У большинства этихъ дѣвушекъ лица были встревоженные, утомленные, печальные. Стоптаные ботинки, заштопанные на всѣхъ концахъ пальцевъ перчатки, ленты, служившія прежде завязками для шляпъ и превратившіяся чуть-ли не въ мочалу отъ долгаго употребленія—передавали повѣсть о многихъ тяжелыхъ дняхъ. Позы молодыхъ дѣвушекъ выдавали ихъ характеры: однѣ, спокойныя, улыбающіяся, разглядывали альбомъ съ фотографіями. Онѣ очевидно примирились съ своимъ положеніемъ и принимали жизнь, какъ она есть, презирая пренебрегающій ими свѣтъ. Другія, скрестивъ руки на грудь и прислонившись къ спинкѣ кресель, съ пасмурнымъ видомъ, ждали нетерпѣливо, жаловались на вѣтеръ, дождь, неудачи, вздыхали и постоянно повторяли: „что за жизнь!“

Если онѣ не падали на своемъ тернистомъ пути, то только потому, что боялись грязи. У окна три дѣвушки разговаривали шопотомъ и съ оживленіемъ. Одна показывала письмо, которое написалъ къ ней одинъ господинъ, предлагая нанять для нея хорошенькую квартиру и купить кучу всякихъ вещей.—Вы понимаете, говорила она, что я ему даже не отвѣчу.

Но блестящіе глазки доказывали, что она не чувствовала себя на столько оскорбленной, чтобы не радоваться одержанной ею побѣдѣ. Двѣ другія, повидимому, дѣлали такія-же признанія.

Наконецъ въ контору явилалась г-жа Рено и занялась пациентками. Въ числѣ ихъ была дѣвушка лѣтъ двадцати, поражавшая своей красотой. Это прелестное существо сидѣло поодаль отъ другихъ, обнаруживая признаки явнаго изнеможенія. Дошла очередь и до нее.

— Давно-ли вы ищете себѣ мѣсто? спросила ее г-жа Рено.

— Уже скоро три мѣсяца.

— Это еще немного—три мѣсяца. Ненадо отчаиваться.

— Но я такъ бѣдна! воскликнула молодая дѣвушка; большіе глаза дѣвушки наполнились слезами и онѣ одна за другой покатались на ея истертый салонъ.

— Посмотримъ, что я могу вамъ предложить, пробормотала конторщица, перелистывая свою книгу. Но вотъ горе, вы слишкомъ хороши собой!

Она сказала это такимъ тономъ, какъ-бы говорила: Вы калѣва!

Лицо гувернантки вспыхнуло. — Красота была для нее орудіемъ пытки.

Г-жа Рено перелистывала книгу.

— Вотъ требованія: 1) У господъ Б.—трое дѣтей, жена ревнивая и мужъ вѣтренникъ, это не годится. 2) Двѣ маленькія дѣвочки, семья отличная; родственникъ сорокапятилѣтній холостякъ живетъ въ домѣ. Онъ можетъ быть женится на васъ? Но это мало вѣроятно. Мушоны обыкновенно не женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ, когда онѣ честны; это слишкомъ банально. 3) Одна ученица одиннадцати лѣтъ, родители отличные люди... Ахъ! есть взрослый сынъ. Для 4, 5, 7, 10 вы слишкомъ молоды. Но вотъ у господъ В. отличное мѣсто, десятилѣтняя дѣвочка и триста рублей жалованья. Берите это мѣсто.

— Съ радостью! Это просто находка для меня.

Конторщица улыбнулась.—Мнѣ ничего не пишутъ про наружность. Требуютъ только „молодую особу образованную и съ порядочными манерами.“

Поступила на мѣсто.

Мари—такъ звали гувернантку.

Здѣсь ее приняли очень радушно. Семья состояла изъ мужа, очень солиднаго и богатаго господина, жены, молодой чрезвычайно красивой и важной барыни и племянницы, прелестнаго десятилѣтняго ребенка. Первое время все шло прекрасно, дѣвочка очень полюбила свою гувернантку, но... но... Гувернантка была слишкомъ хорошо собой, мужъ и жена,

хотя по виду и были образцовыми супругами, но въ дѣйствительности не ладили между собою. Къ тому-же г-жѣ В. разныя тетушки ежеминутно нашептывали, что держать въ домѣ такую хорошенькую дѣвушку, имѣя молодаго мужа— это верхъ безразсудства.

— Какъ вы рѣшились пріютить у себя такое чудо? говорила, напримѣръ, ей одна изъ тетушекъ, раскрывавшая ротъ лишь затѣмъ, чтобы выпускать змѣю. Вы или смѣлы до безумія, или совершенно равнодушны къ вашему мужу.

Кончилось все это тѣмъ, что однажды вечеромъ г-жа В. зашла неожиданно въ комнату Мари.

— Завтра въ восемь часовъ, сказала она ей, вы должны быть готовы къ отъѣзду...

— Боже мой, что случилось!? воскликнула бѣдная дѣвушка.

— А то, что послѣ того, что я сегодня случайно узнала, мнѣ невозможно держать васъ у себя долѣе.

На другой-же день Мари была опять въ конторѣ г-жи Рено.

— Что съ вами? спросили тѣ.

— Все то же самое! Я — „слишкомъ хороша собой“. Мнѣ отказали. Боже мой! чѣмъ-же я буду жить! Съ отчаяніемъ воскликнула бѣдная дѣвушка.

— Не отчаивайтесь, уговаривала ее добрая г-жа Рено. Я постараюсь найти вамъ мѣсто. Да вотъ кстати, сказала она, пересмотрѣвъ свою книгу, идите сейчасъ по этому адресу. И г-жа Рено вручила ей карточку.

Трудно передать, съ какой мучительной тревогой молодая дѣвушка отправилась по данному ей адресу. Она пришла въ богатый домъ и долго дождала, пока важная прислуга захотѣла доложить о ней. Наконецъ дверь отворилась, разряженная барыня, волочащая за собою нѣсколько аршинъ дорогой матеріи, подошла неслышными шагами по толстому коврау, точно привидѣніе, слегка кивнула головой и промолвила:

— Васъ прислали изъ конторы Рено. Вы должны будете заниматься съ двумя маленькими мальчиками...

Это говорилось съ разсѣяннымъ видомъ, чтобы сказать что-нибудь. Въ это время барыня оглядывала дѣвушку съ головы до ногъ и думала:—Мнѣ ее не нужно. Она слишкомъ хороша собой. И такая порядочная, точно принцесса... Если горничная отлучится, то я не рѣшусь попросить ее причесать меня... Какъ глупы эти конторы, присылая такихъ барышень. Затѣмъ дама встала и съ любезной улыбкой сказала: хорошо, я завтра пришлю отвѣтъ въ контору.

Швейцарь, мимо котораго приходила гувернантка, насмѣшливо глядѣлъ на нее и бормоталъ про себя:

Какъ бы не такъ! возьметъ барыня къ себѣ такую красавицу, когда нашъ баринъ... Гм! гм!..

Со слезами на глазахъ уходила Мари подъ проливнымъ дождемъ, съ отчаяніемъ думая о томъ, что ботинки ея изнашиваются, платье затаскивается въ этихъ безконечныхъ прогулкахъ.

Да и чего ждать въ будущемъ? Но мадамъ Рено все-таки не отчаявалась помѣстить куда-нибудь бѣдную дѣвушку; она давала ей массу адресовъ, повсюду ей отказывали: «она была слишкомъ хороша собой». Въ одномъ мѣстѣ Мари отказали потому, что въ нее влюбился молодой человѣкъ, считавшійся женихомъ одной изъ ея воспитанницъ; въ другомъ къ ней слишкомъ привязались дѣти и хозяйка дома наша, что это нѣсколько шокируетъ ее какъ мать; въ третьемъ въ нее влюбился взрослый сынъ хозяевъ и на отрѣзъ отказался выполнить намѣреніе родителей относительно брака его съ очень богатой, но некрасивой дѣвушкой.

— Я скажу только одно, воскликнулъ молодой человѣкъ, что судьба—индѣйка и не умѣетъ разбирать людей. М-лле Мари въ своемъ дешевомъ платьѣ и полинялой шляпкѣ похожа на лилію, а эта барышня, что вы прочите мнѣ въ невѣсты, хотя и разряжена въ пухъ и прахъ—похожа на репейникъ. Во всякомъ случаѣ объявляю вамъ, милые родители, что я не намѣренъ изображать собою осла, который лакомится репейникомъ. Наплевать мнѣ на ея приданое!

И, насказавъ такихъ ужасовъ, молодой человѣкъ былъ таковъ.

Родители оледенѣли отъ негодованія. Такой отзывъ сына о дѣвушкѣ, „стоившей триста тысячъ“, вполне убѣдилъ ихъ, что Мари нельзя долѣе держать въ домѣ, такъ какъ она „слишкомъ хороша собой“.

Что-же удительнаго послѣ этого, что Мари, совершенно обезсиливъ въ борьбѣ за существованіе, пришла наконецъ въ отчаяніе и приняла предложеніе какого-то холостаго старика, предложившаго ей „синее купе съ синими колесами и синей обивкой“.

Положеніе учительницы сравнительно гораздо лучше. Дѣвушка, дающая уроки, имѣетъ по крайней мѣрѣ свободное время, которое она можетъ употреблять по своему усмотрѣнію; правда, очень неприятно, когда этого свободного времени бываетъ слишкомъ много, такъ какъ чѣмъ больше у учительницы досуга, тѣмъ меньше уроковъ и тѣмъ хуже ея матеріальное положеніе; но дѣло въ томъ, что учительница избавлена отъ всѣхъ тѣхъ неприятностей, съ которыми связано проживаніе въ чужомъ домѣ и которыя испытываетъ гувернантка. Въ городахъ домашнія учительницы обставлены вообще довольно сносно и заработокъ ихъ достигаетъ той именно суммы, при которой болѣе или менѣе безбѣдное существованіе можно считать обеспеченнымъ. Учительницы городскихъ начальныхъ училищъ также не могутъ жаловаться на свою судьбу въ особенности по сравненіи съ женщинами, занимающимися другими профессіями. Нѣсколько хуже положеніе учительницъ въ сельскихъ народныхъ школахъ. Здѣсь и жалованье меньше, и зависимости отъ обстоятельствъ больше, да и жить приходится въ глуши. Какъ извѣстно, во многихъ мѣстностяхъ народныя школы содержатся на счетъ самихъ крестьянскихъ обществъ, отъ которыхъ и учительница получаетъ свое жалованье. Въ такихъ школахъ матеріальное положеніе учительницы очень шатко: сегодня крестьяне дадутъ ей сверхъ жалованья деньгами, кое-что натурою: зерномъ, птицею, огородными овощами и проч.; завтра — крестьяне сами терпятъ нужду и уже, конечно, не могутъ помочь учительницѣ. Но надо сказать правду, что всюду, гдѣ учительница сумѣла установить хоро-

шія отношенія къ крестьянамъ—она не терпитъ большой нужды. Въ общемъ—профессія учительницы представляется для дѣвушекъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ существованію, такъ какъ является трудомъ самостоятельнымъ, вполне доступнымъ и притомъ въ высшей степени полезнымъ. По этому-то какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ, дѣвушки съ особенной охотой берутся за это занятіе и успѣваютъ въ немъ на столько, что первоначальное обученіе уже теперь находится на половину въ рукахъ женщинъ. Въ Америкѣ, напр., въ начальныхъ училищахъ учителя составляютъ лишь небольшой процентъ,—всюду ихъ замѣнили женщины. Въ Россіи такая-же замѣна совершается довольно быстро и недалеко то время, когда первоначальное школьное обученіе сдѣлается и у насъ, какъ въ Америкѣ, исключительнымъ достояніемъ женщинъ. Этому, конечно, нельзя не порадоваться, такъ какъ, во-первыхъ, незамужнимъ женщинамъ необходимо цѣликомъ отвести извѣстныя отрасли общественной дѣятельности, чтобы онѣ не были тунеядками, не обременяли общество и, во-вторыхъ—первоначальное обученіе это такое именно занятіе, которое наиболее подходит къ главному призванію женщины, какъ матери и воспитательницы дѣтей. Если дѣвушка, занимающая должность учительницы, выходитъ замужъ, то изъ нее, конечно, образуется мать гораздо лучшая, чѣмъ изъ дѣвушки, проведеншей свою молодость въ безпутныхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ. На профессію учительницы слѣдуетъ даже смотрѣть не только какъ на средство къ существованію для дѣвушекъ, но и какъ на средство подготовить изъ дѣвушекъ хорошихъ матерей и воспитательницъ собственныхъ дѣтей.

Большая часть дѣвушекъ, получившихъ поверхностное образованіе и слѣдовательно не способныхъ занять мѣсто гувернантки, ищутъ мѣста: воспитательницы, бонны и няньки. Когда получаетъ мѣсто подобное существо, ничему не учившееся съ толкомъ, или имѣющее весьма незначительный запасъ свѣдѣній, то прежде всего на мысль приходитъ вопросъ: кого нужно болѣе сожалѣть, то семейство, куда попала та-

кая наставница и которой родители ввѣряютъ своихъ дѣтей, или дѣвушку, принявшую на себя обязанности, исполнить которыхъ она рѣшительно не въ состояніи? Если и бываетъ счастливый результатъ, то тутъ, какъ и вообще, въ безцѣльной жизни женщинъ, рѣшается это случай, способности или доброе желаніе.

Разберемъ эти отношенія поподробнѣе: кто нанимаетъ бонну, тотъ желаетъ соединить въ лицѣ ея обязанности гувернантки, горничной и нянюшки. Положимъ, въ домѣ есть дѣти, не достигшія возраста, требуемаго для помѣщенія въ училищѣ. Мать вслѣдствіе какихъ-бы то ни было причинъ, иногда извинительныхъ, а большею частію неизвинительныхъ, не въ состояніи посвятить себя всецѣло дѣтямъ. Мы никакъ не желаемъ упрекать такую мать въ томъ, что она старается пріискать себѣ помощницу; это даже долгъ ея, если конечно это позволяютъ обстоятельства. Тѣмъ болѣе еще мы не можемъ ее винить, если она вмѣсто какой-нибудь суевѣрной старухи-няни или вѣтренной горничной, пожелаетъ взять особу болѣе образованную, которой бы она могла довѣрить своихъ дѣтей.

Предположимъ, что для кухни, бѣлья и другой грубой работы въ домѣ есть служанка, для груднаго ребенка кормилица или нянюшка. Какого же рода обязанности возлагаются на бонну? Она должна спать съ дѣтьми подростками, рано будить ихъ, помогать имъ одѣться и потомъ цѣлый день смотрѣть за ними. Она должна знать французскій языкъ и выучить ему дѣтей, играя съ ними; кромѣ того обмывать ихъ, прихорашивать, навѣшивать занавѣски, гладить, шить и должна вообще знать всевозможныя женскія рукодѣлья. Заботиться обо всемъ, что касается дѣтскихъ нарядовъ и хозяйки дома; можетъ быть ее заставятъ чесать и одѣвать хозяйку, если не каждый день, то по крайней мѣрѣ при выѣздѣ ея въ гости; что же касается до кухни, то ея непремѣнною обязанностью считается помогать кухаркѣ, если къ обѣду ожидаютъ гостей. Кромѣ того на нее возлагается обязанность гулять съ дѣтьми; она должна быть всегда готовой исполнять въ играхъ ихъ прихоти, управлять играми дѣтей,

все подобрать, что они насорятъ, отвѣчать за все, что они поврутъ или испортятъ, гдѣ возможно исправить вредъ, который они причинили, и все это она должна исполнять съ самой добродушной улыбкой,—вѣдь для этого ее и держатъ! Въ рѣдкихъ случаяхъ она можетъ въ чемъ-нибудь отказать дѣтямъ, запретить что-нибудь, но еще рѣже наказывать ихъ, такъ какъ право наказывать принадлежитъ однимъ только родителямъ. Если же дѣти непослушны, то вина разумѣется падаетъ на бонну, на нее одну. Этотъ послѣдній примѣръ ясно обрисовываетъ то положеніе, которое занимаетъ въ домѣ бонна. Когда дѣти обѣдаютъ за общимъ столомъ, то и она имѣетъ на это право; но какъ только пріѣзжаютъ гости, она тотчасъ же должна съ дѣтьми удалиться. Съ нею обращаются какъ съ прочей прислугой; она показывается въ пріемныхъ комнатахъ только тогда, когда должна прислуживать, напр. разливать чай, но и тогда не смѣетъ сѣсть за столъ, а должна держаться въ сторонѣ, сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку. Гости не знаютъ, какъ держаться въ отношеніи къ ней, нужно ли ей кланяться или нѣтъ. Подобно тому, какъ съ бонной обходятся господа, такъ точно обходятся и слуги. Никто ни въ чемъ и никакъ не хочетъ ей помочь, она должна все сама дѣлать; случись же какое-нибудь упущеніе, на нее сваливаютъ отвѣтственность какъ господа, такъ и слуги. Если горничная что-нибудь испортитъ или забудетъ приказаніе, непременно въ свое оправданіе, въ отсутствіи бонны, обвинить ее, въ глаза же скажетъ, что мамзель знала объ этомъ и могла сама сдѣлать, такъ какъ госпожа вѣроятно ей объ этомъ говорила; госпожа же въ свою очередь упрекаетъ бонну, говоря: вѣдь вы бы могли посмотреть за горничной и т. д., не обращая вниманія на то, что послѣднія громко выражаются, что „мамзели до нихъ нѣтъ никакого дѣла“.

Представимъ себѣ, что дѣвушка на столько умна, что въ собственной семьѣ могла выучиться почти всѣмъ тѣмъ знаніямъ, которыя требуются отъ бонны, но все-таки есть предметы, какъ напр. французскій языкъ, игра на фортепіано, шитье платьевъ, для изученія которыхъ она должна

была брать уроки, стоившіе ей или ея родителямъ денегъ; вообще такая дѣвушка должна имѣть извѣстную долю образованія, приобретаемаго ею или въ собственной образованной семьѣ, или другимъ не такъ-то легкимъ способомъ. Изъ этого видно, что не каждая дѣвушка способна быть бонной, хотя это званіе и не требуетъ большихъ знаній.

На эти мѣста по большей части идутъ дочери чиновниковъ, священниковъ, мелкихъ адвокатовъ, художниковъ, учителей и незначительныхъ купцовъ, не имѣющихъ достаточныхъ средствъ для содержанія дочери, или потерявшихъ то, что имѣли. Какое же вознагражденіе получаютъ бонны за свои услуги, труды, способности и образованіе?

Отъ 60-ти до 80-ти рублей, самое же большее сто двадцать руб. составляютъ ея годовое жалованье; въ благопріятныхъ для нея случаяхъ прибавляются подарки на Рождество и Пасху; все же вмѣстѣ немногимъ развѣ превышаетъ 120 руб. За эту ничтожную плату продается вся свобода и трудъ дѣвушки; она не имѣетъ не только каникулъ, но и праздниковъ, развѣ иногда позволяется ей сходить въ церковь или къ роднымъ. Отъ нея требуется, чтобы она была прилично одѣта, между тѣмъ, при столь разнообразныхъ обязанностяхъ, какъ обязанности бонны, платье изнашивается чрезвычайно быстро, а шить и починять его она не въ состояніи по недостатку времени. Не смотря на такое почти отчаянное положеніе бонны, она должна выдерживать огромную конкуренцію, потому что откройся мѣсто и охотницъ на него появится сотня.

При этомъ нужно замѣтить, что мало-мальски смазливенькая бонна терпитъ еще болѣе отъ ухаживаній, чѣмъ даже гувернантка, съ тою разницей, что мужчины съ бонной церемонятся гораздо менѣе. Точно также, какъ и гувернантка, бонна во всякое время можетъ потерять мѣсто по неосновательному подозрѣнію хозяйки дома, или даже потому, что она не захотѣла отвѣчать на любезности хозяина. Вообще бонна—это несчастнѣйшее существо во всѣхъ отношеніяхъ, имѣющее очень неприглядное настоящее и отнюдь не могущее надѣяться на болѣе счастливое будущее.

Болѣ тридцати лѣтъ тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки женщинамъ впервые былъ открытъ въ видѣ опыта доступъ въ мужскіе университеты, а также въ спеціально-учрежденныя collegia для изученія медицины. Опытъ удался блистательно; но въ Европѣ какъ будто и не знали о немъ и только Цюрихскій университетъ, уступая вѣянiю времени, рѣшился допустить женщинъ въ свое святилище науки, но тоже „въ видѣ опыта.“ Удался и этотъ опытъ. Въ зимній семестръ 1865 г. въ Цюрихскомъ университетѣ была только 1 женщина; а зимою 1873 года въ немъ слушали лекціи уже 109 женщинъ, изъ нихъ 98 русскихъ. Цюрихскій опытъ не остался безъ вліянiя. Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, университеты Шведскіе, Женевскій, Пизанскій, Гельсингфорскій, Лейпцигскій, College de France открыли свои двери для женщинъ. „Опытъ“ удался вездѣ, но не смотря на это допущеніе женщинъ въ университеты имѣетъ еще очень много противниковъ. Даже такія свѣтида науки, какъ Бишофъ, Рейхъ и др. относятся къ изученію женщинами медицины очень несочувственно. Даже въ Англіи, этой странѣ свободы, женщины-медики должны были вынести жестокую борьбу съ противниками женскаго спеціального образованія. Борьбу начала нѣсколько лѣтъ тому назадъ миссъ Блэкъ. Недопущенная въ Лондонскій университетъ она въ 1869 г. обратилась въ Единбургскій. Нѣкоторые профессора вполне сочувственно отнеслись къ ея желанію учиться; другіе встрѣтили ее непріязненно и даже исвѣжливо; большинство же не противодѣйствовало, но и ничѣмъ не содѣйствовало ей. Сначала ее допустили слушать нѣкоторыя лекціи въ видѣ опыта; но уже въ апрѣлѣ 1869 г. это дозволеніе было отмѣнено совѣтомъ „въ виду затрудненій, возникающихъ относительно пріема въ университетъ одной женщины.“ Въ іюнѣ того-же года миссъ Блэкъ и еще четыре другихъ женщины снова подали просьбу о допущеніи ихъ на медицинскій факультетъ. Вслѣдствіе этого профессорамъ университета было разрѣшено устроить, по соглашенію съ просительницами, особые женскіе курсы. Курсы устроились и почти всѣ студентки оказали блестящіе успѣхи; но многіе

профессора и большая часть студентов употребили все усилія, чтобы отучить женщинъ отъ университета. Имъ не дозволили даже посѣщать королевскаго госпиталя для практическихъ занятій, а однажды масса студентовъ, поощряемая многими профессорами, устроили враждебную для женщинъ манифестацію.

Когда по обыкновенію студентки явились на лекцію, ихъ встрѣтила толпа студентовъ, захлопнули предъ ними двери и начали осыпать ихъ разными оскорбительными выраженіями. Небольшое число молодыхъ людей бросились защищать студентокъ и силою отворили имъ двери. Лекція прошла, конечно, не безъ шума. По окончаніи ея, докторъ Гэндиссайдъ предложилъ студенткамъ удалиться изъ аудиторіи черезъ боковую дверь.

— О, ни за что! воскликнули студентки въ одинъ голосъ, у насъ довольно защитниковъ, чтобы не бояться оскорбленій.

Окруженныя своими товарищами, студентки вышли изъ аудиторіи. Противники ихъ обнаружили столько грубости и глупости, что не постыдились бросить въ своихъ товарокъ комками грязи. Въ послѣдующіе дни эта возмутительная исторія повторялась, но студентки не уступали до тѣхъ поръ, пока враждебная партія не успокоилась и онѣ могли продолжать свои занятія, не подвергаясь обидамъ и оскорбленіями.

Создавалось и еще много различныхъ преградъ, чтобы лишить женщинъ возможности учиться, онѣ должны были прибѣгать даже къ судебной власти, чтобы разстраивать возни своихъ противниковъ. Такъ напр., однажды въ Единбургскомъ университетѣ, по требованію лорда - адвоката Шотландіи, съ студентокъ взяли обычную плату за экзамень и выдали билеты на допущеніе къ нему, а потомъ, наканунѣ самаго экзамена, объявили, что ихъ не допустятъ экзаменоваться. По жалобѣ студентокъ, судъ заставилъ факультетъ отмѣнить свое распоряженіе и студентки экзаменовались съ блестящимъ успѣхомъ, хотя были приняты мѣры, чтобъ не дать имъ времени приготовиться *).

*) Джексъ-Бэзъ, „Женщины-медики“.

Итакъ, стремленіе женщины къ высшему образованію встрѣтило сильное противодѣйствіе даже въ такихъ просвѣщенныхъ странахъ, какъ Англія. Въ Россіи противъ такого стремленія также сильно возставали всѣ ретроградные элементы общества, тѣмъ не менѣе высшее женское образованіе сдѣлало весьма значительные успѣхи. Одно время женщины имѣли доступъ въ аудиторіи университетовъ и medico - хирургической академіи, но послѣ студентческихъ исторій доступъ былъ закрытъ, а взамѣнъ этого для женщинъ устроены почти при всѣхъ университетахъ спеціальныя женскіе курсы. На курсахъ лекціи читаются лучшими профессорами и организованы онѣ такъ, что слушательницы получаютъ систематическое образованіе. Многія русскія женщины получаютъ кромѣ того высшее образованіе въ различныхъ европейскихъ университетахъ: въ Цюрихѣ, въ Парижѣ, въ германскихъ университетахъ и въ Гельсингфорсѣ. Всюду женщины оказывали блестящіе успѣхи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи появились первыя женщины-врачи: г-жи: Сулова, Кашеварова и Бокова, а вслѣдъ за тѣмъ множество другихъ женщинъ успѣшно окончили курсъ медицины и, по выдержаніи экзамена, были допущены къ медицинской практикѣ. Въ настоящее время многія женщины-врачи занимаютъ штатныя должности въ земствѣ на правахъ земскихъ докторовъ и дѣятельность ихъ возбуждаетъ всеобщее одобреніе. Практика у нихъ большая не только вслѣдствіе знанія дѣла, но и потому, что женщины предпочитаютъ лѣчиться у женщины-врача, чѣмъ у мужчины. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, способны-ли женщины быть врачами разрѣшенъ опытомъ въ положительномъ смыслѣ.

На ряду съ женщинами - врачами нужно поставить акушерокъ.

Профессія акушерки издавна предоставлена исключительно женщинамъ и служить такимъ занятіемъ, которое не только вполне обезпечиваетъ женщину, но и можетъ служить источникомъ благосостоянія. Акушерки, какъ извѣстно, занимаются и частною практикой и служатъ въ качествѣ городскихъ, земскихъ и казенныхъ акушерокъ. Трудъ ихъ воз-

награждается хорошо и доставляет всѣ выгоды труда свободного, независимаго. Въ послѣднее время, съ открытіемъ въ разныхъ университетскихъ городахъ акушерскихъ курсовъ, количество акушерокъ на столько увеличилось, что между ними родилась значительная конкуренція. Это обстоятельство побуждаетъ многихъ уходить изъ городовъ въ деревни, посвящая свою дѣятельность на пользу сѣрой, сельской женщины. Этому нельзя не порадоваться, такъ какъ въ деревнѣ для акушерки открывается поле дѣятельности болѣе широкое, чѣмъ въ городѣ; здѣсь ей приходится трудиться надъ искорененіемъ грубыхъ предразсудковъ деревенскихъ бабъ, обращающихся за помощью къ разнымъ знахаркамъ и повитухамъ, примѣняющимъ къ родильницамъ самые варварскіе способы акушерства. Здѣсь же акушерка, при недостаткѣ врачей, замѣняетъ собою дѣтскаго врача, внушая матерямъ первыя понятія дѣтской гигиены; нерѣдко она же служитъ и женскимъ врачомъ. Вообще деревня и женское населеніе деревни—это такое обширное поле, на которомъ можно потрудиться, лишь была бы охота, и потому тѣ акушерки, которыя, сидя въ городѣ, жалуется на скудные заработки, на недостатокъ практики, должны винить самихъ себя. Если онѣ дѣйствительно желаютъ трудиться на пользу человечества, если онѣ воодушевлены стремленіемъ къ общему благу, имъ стоитъ только перемѣнить городъ на деревню, чтобы онѣ жаловались уже не на недостатокъ, а на избытокъ практики.

Конечно, жизнь въ глуши, среди народа, стоящаго далеко ниже по своему умственному развитію,—жизнь, связанная съ различными неудобствами и лишеніями, не слишкомъ сладка; но кто хочетъ трудиться, кто хочетъ приносить пользу, тотъ долженъ находить утѣшеніе въ самомъ трудѣ и его результатахъ.

Спускаясь еще ступенью ниже, мы увидимъ послѣ женщины-врача и акушерки, женщину-фельдшера, фельдшерницу. Онѣ замѣнили собою фельдшеровъ въ женскихъ больницахъ и замѣнили съ большимъ успѣхомъ для больныхъ, но не для себя. Положеніе этихъ труженицъ поистинѣ ужасное. Нич-

тожнѣйшее вознагражденіе, громадный, тяжелый трудъ, вѣчное пребываніе въ удушающей атмосферѣ больницы, грубое обращеніе докторовъ и администраторовъ, безсонныя ночи и донжуанскія преслѣдованія мужскаго персонала служащихъ въ больницахъ,—все это дѣлаетъ жизнь фельдшерницы въ высшей степени тяжелою. На эту отрасль женскаго труда необходимо обратить серьезное вниманіе и улучшить положеніе фельдшерницы во имя гуманности, человеколюбія и ради пользы самаго дѣла.

Фельдшерницы имѣютъ полное право на вниманіе къ нимъ, такъ какъ свой тяжелый трудъ онѣ несутъ въ большинствѣ случаевъ съ любовью, энергіей, которыхъ такъ часто недостаетъ многимъ мужчинамъ. Въ особенности необходимо энергически вооружиться противъ легкости нравовъ, проникающей въ среду фельдшерницъ подъ вліяніемъ, даже болѣе,— подъ давленіемъ врачей.

Нѣтъ ни одной профессіи, которая ставила-бы женщину на столь недосыгаемую высоту нравственнаго величія, какъ профессія сестры милосердія. Въ минувшую войну сестры милосердія обнаружили такой неистощимый запасъ нетронутой, сильной любви и самопожертвованія, что просто изумили міръ, доказавъ ему, какая великая, неимоверная сила можетъ заключаться въ слабой, повидимому, извѣженной, вялой женщинѣ. Чисто и возвышенно исполняли сестры свою добровольную миссію, смягчая муку умирающаго солдата, ухаживая какъ мать за выздоравливающимъ. Онѣ ничего не могли ждать за свой подвигъ, кромѣ зараженія гангреней, больничнаго тифа, гнилой горячки. Этотъ терновый вѣнецъ онѣ принимали безропотно и, кончая мученичествомъ свою подвижническую жизнь, уходили въ могилы, никому неизвѣстныя, никѣмъ не оплакиваемыя. Только уцѣлѣвшій солдатъ унесъ въ далекое, глухое село память объ этой „доброй сестрѣ“ и вѣчно будетъ хранить къ ней чувство безпредѣльной благодарности и уваженія.

Подвигъ сестры милосердія дѣйствительно великъ. Дни и ночи неотступно, неизбѣжно, неуставно гнить въ ужасающей атмосферѣ больницъ, съ каждымъ дыханіемъ впитывая

въ себя заразу, зная навѣрное, что выстоишь мѣсяць, два, а тамъ навѣрное сама-же уляжешься рядомъ съ этими несчастными. Оставаться въ задушающей средѣ, когда большинство твоихъ подругъ уже легло, когда сама чувствуешь, что болѣзнь прокрадывается въ твой организмъ, что спастись еще можно, только нужно уйти отъ этихъ ждущихъ и зовущихъ тебя страдальцевъ, бросить ихъ на жертву лютымъ мукамъ, дать имъ умереть безъ кроткаго, полного любви и утѣшенія привѣта. Да, для этого нужно имѣть массу любви къ ближнему, массу энергии и самопожертвованія.

Вотъ напримѣръ какъ описываетъ В. И. Немировичъ-Данченко работу сестеръ во время минувшей кампаніи *).

„День сестры начинается очень рано. Еще все спитъ кругомъ, а дежурная сестра уже подымаетъ своихъ подругъ. Въ госпитальныхъ шатрахъ—смердь да духота. Зимю все кругомъ закрыто, желѣзныя печи внутри не грѣютъ, а жгутъ ближайшихъ, не давая тепла дальнимъ. Тускло мерцаютъ въ душномъ воздухѣ свѣчи и лампы. Раненые не знаютъ покоя. Стоны стоятъ нескончаемые. Гдѣ-то въ сторонѣ, не совладавъ съ своими страданіями, всхлипываетъ солдатъ. Въ разныхъ мѣстахъ зовутъ сестру. Нужно перевернуть больного, поправить ему подушку, покрыть его одѣяломъ. Требуется при этомъ исправлять и самую черную работу, потому что больничная прислуга спитъ и ее не разбудишь громами небесными. Забывая прежнія привычки, подавляя отвращеніе къ неопрятному дѣлу, сестры и ночью служатъ больнымъ, не отходя отъ нихъ. За день изморила, устала—отдохнула часа четыре, еще и разоспаться не удалось—а уже будятъ: иди въ палату. У многихъ раненыхъ сошли повязки, грѣй воду—отмывай корпію, накладывай опять бинты, другимъ нужно лѣкарство, третьяго отъ крови, проступившей насквозь, заскорузло и коробится бѣлье; если есть оно—перемѣняй, самъ раненный едва-едва рукой пошевелинетъ...

*) В. И. Немировичъ-Данченко. „Годъ войны“, дневникъ русскаго корреспондента.

Нѣкоторые въ безсознательномъ состояніи, пораженные въ голову, страдаютъ сильнѣе всѣхъ, но они ничего не понимаютъ, имъ приходится силою разжимать зубы и вливать лѣкарства. За ночь у многихъ простыни испорчены, зловоніе во всей палатѣ — нужно очистить воздухъ, смѣнить постельное бѣлье...“ Замѣтите при этомъ, что бѣлья, корпіи, лѣкарства и вообще самаго необходимаго въ большинствѣ госпиталей недоставало, а больные и раненные сваливались буквально какъ дрова въ грязь, въ слякоть и даже въ шатровъ. Нерѣдко привозили раненныхъ издалека: иногo три дня тащили безъ перевязки, да дня три валялся на полѣ битвы неприбраннымъ; такому пациенту нужно было не только обмыть рану, но и выбрать изъ нее червей, которые кишмя кишатъ въ смрадномъ гноѣ. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ военные врачи только дѣлали указанія, не принимая участія въ „черной работѣ,“ и всѣ перевязки производились исключительно сестрами.

Количество больныхъ, выпадавшее на долю сестеръ, иногда было невѣроятно. Случалось, что въ одинъ день сестрѣ приходилось перевязать 100—150 больныхъ. Г. Немировичъ-Данченко рассказываетъ, что во время августовскихъ битвъ на Шипкѣ черезъ руки четырехъ сестеръ: С. А. Энгельгардъ, О. Н. Юханцевой, А. А. Тепляковой и жены извѣстнаго шипкинскаго героя, генерала Духонина, въ самое короткое время прошло около 3.000 раненныхъ. Въ битвѣ 12 октября у Иванъ-Чифтлика на Лимѣ, 6 сестеръ на самомъ полѣ сраженія подъ огнемъ справились съ 500 раненныхъ; подъ Плевной еще и того больше. При всемъ этомъ сестрамъ приходилось нерѣдко выносить грубости и незаслуженные выговоры отъ врачей и въ особенности отъ больничной администраціи. А среди какой нечистоты приходилось жить сестрамъ и говорить нечего. Онѣ вполне дѣлили судьбу и неприглядную обстановку солдата. Часто сестры жили на открытомъ воздухѣ, въ грязи. Ни постелей, ничего не было. Большую часть собственныхъ вещей онѣ отдавали раненымъ. Но за то и солдаты просто боготворили сестеръ. Какимъ свѣтомъ появленіе сестры озаряло скудную и темную жизнь

больнаго. Сколько утѣшенія и любви вносила она съ собою въ душный и смрадный шатерь! „Когда я, рассказываетъ г. Немировичъ-Данченко *), вошелъ въ одинъ изъ госпиталей Боготы, меня поразилъ солдатикъ, раненый въ грудь. Онъ блестящими глазами слѣдилъ за молоденькимъ созданиемъ съ длинными русыми волосами, небрежно брошенными на плечи. На ней былъ передникъ сестры милосердія. Работала она какъ-то особенно ловко и быстро.

— Что это ты? спрашиваю у раненнаго.

— Ангель-то нашъ свѣтлый... Что голубка вьется... Куда бы мы безъ нея...

И дѣйствительно, безъ этихъ голубокъ по нравственной чистотѣ и героинѣ по трудному, принятому на себя подвигу, скверно пришлось-бы солдату.

Въ габровскомъ госпиталѣ солдатiku Ефремову, которому пулею перебило ключицу, становилось лучше. Въ это время ходившая за нимъ сестра на нѣсколько дней должна была уѣхать въ Тырново. Ефремовъ затосковалъ и болѣзнь стала принимать дурной оборотъ.

— Нѣтъ, не выздоровѣтъ мнѣ... Куда ужъ... Зароютъ... повторялъ солдатъ, обводя воспаленными глазами убогое болгарское жилие, гдѣ лежалъ онъ.

Прихожу дня черезъ два—Ефремовъ лежитъ веселый. Точно поздоровѣлъ за недолгій промежутокъ времени, когда я его не видѣлъ.

— Что это... Лучше тебѣ вѣрно?

— Сестра пріѣхала, сегодня сама перевязку накладывала. Теперь здоровъ буду...

Когда Габрово было въ опасности, когда Сулейманъ могъ еще прорваться сюда и всѣ готовы были бросить городъ, въ немъ только Масловъ—начальникъ округа, да сестры милосердія рѣшились остаться въ случаѣ набѣга турокъ. Напрасно этимъ послѣднимъ говорили объ ужасахъ, которые ихъ ждутъ, напрасно убѣждали ихъ отправиться куда-

*) Ibidem, стр. 423.

нибудь въ болѣе безопасное мѣсто... Онѣ спрашивали въ отвѣтъ:

— Успѣютъ-ли перевезти всѣхъ больныхъ. (А ихъ было болѣе тысячи).

— Нѣтъ, не успѣютъ.

— Ну такъ наше мѣсто при нихъ. И толковать нечего!

И онѣ дѣйствительно остались-бы на муку, на лютыя страданія...

Мужеству этихъ дѣвушекъ, восклицаетъ Немировичъ-Данченко, не было предѣла!...

Вотъ передъ вами нѣжный образъ „Сестры Васильевой,“ мастерски нарисованный даровитой кистью В. И. Немировича-Данченко *). Это героиня въ истинномъ смыслѣ этого слова! „Совсѣмъ простое, худенькое, больное личико. Маленькая головка на тоненькой шейкѣ, впалая грудь, острая, выдавшіяся вверхъ плечи. Сутуловатая. Походка неуверенная, точно сестра Васильева не убѣждена, можетъ-ли она дойти до конца комнаты или нѣтъ. Руки безсильныя, страшно исхудалыя. Каждая жилка на счету. Совсѣмъ безкровныя губы подъ тонкимъ, блѣднымъ носикомъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего крупныя, сильныя, глубокіе сѣрые глаза... Откуда они? Точно съ чужаго лица перешли на это... Глаза энергической, здоровой, мужественной женщины на хиломъ, больномъ личикѣ... Губы и улыбаться не умѣютъ, на щекахъ румянца оживленія никогда не подмѣтишь, за то глаза и смѣются, и тоскуютъ, и загораются такимъ блескомъ, что передъ ними опускаютъ взглядъ и сильныя люди...“

Это слабое, хилое, повидимому, существо обнаружило рѣдкій героизмъ.

— Ангелъ Божій, святая ты наша, голубушка!... привѣтствовали ее ото всюду. Только на нее смотрѣли здѣсь довърчиво, только при ея появленіи стихали...

Мечется и бредитъ какой-нибудь горячечный, весь въ жару, воспаленные глаза налились кровью, сквозь зубы пѣна

*) В. И. Немировичъ-Данченко. „Быль,“ новыя повѣсти, очерки, и рассказы. Спб. 1881 г.

проступает зловонная, волоса смокли... хрипло выкрикивает что-то .. Прислушается Васильева и къ нему.

— Милый, болѣзнь мой... Жутко тебѣ, больно... положить руку на голову ему, сядетъ въ грязь рядомъ.— Ну, успокойся... Ну, помолчи, полежи, родной... Что не легче, голубчикъ ты мой?... Возьметъ за плечо и давай покачивать словно ребенка.

Глаза больного теряютъ свой острый блескъ, гаснутъ... Тише и тише становятся хриплые крики. Судорожно метавшаяся тѣло выпрямляется... легче дышется.

— Ну что, легче тебѣ, бѣдный мой?—шепчетъ ему на ухо, и до самаго сердца проникнетъ ему этотъ шепотъ, потому что онъ уже сознательно начинаетъ смотрѣть на нее... Память возвращается... Беретъ ее руку...

— Милосердый ангелъ!... шепчутъ ей больные вслѣдъ.

П дѣйствительно, словно ангелъ проходитъ она въ этой палатѣ, съя миръ и спокойствіе, утишая страданія, отзываясь на каждую жалобу, чутко отзываясь... Шепчетъ больной, его-бы и не услыхать, а у нея слухъ такъ привыкъ. насторожился и шепотъ ловить.

— Что ты, голубчикъ? Чего хочешь?...

— Воды... горитъ .. воды!... стонетъ едва слышно умирающій.

— Сейчасъ... Беретъ кружку—тамъ вода тоже тифомъ заражена: съ каплями, что падаютъ сверху въ воду, и тифъ проникаетъ туда! Кажется, что эти капли сгустились отъ тифозныхъ испареній. И не глядя на вьюгу, на дождь, что хлещетъ ей въ лицо, на вѣтеръ, что хочетъ сбить ее съ ногъ, бѣжитъ спотыкаясь сестра къ колодцу...

Пришла другая сестра, продолжаетъ корреспондентъ свой рассказъ: повела насъ къ себѣ Васильева.

— Вотъ тутъ я.

Уголокъ въ палаткѣ. Снопикъ подъ голову, сѣрая рвань какая-то брошена на слякоть...

— Ни одѣяла, ни подушки у васъ?...

— И одѣяло и подушку больнымъ отдала, отзывается докторъ. Носилки принесли ей, въ чемъ раненыхъ таскаютъ, и

тѣ сволокла въ палатку: умирающаго помѣстила на нихъ. Сама въ грязи спить... Я разъ къ ней вошелъ—холодно было, покрыться нечѣмъ: все что было снесла туда. Дрожить, сидя, и руки надъ фонаремъ грѣтъ...

Преклонитесь-же, читательницы, передъ этой великой любовью къ ближнему, передъ этимъ беззаветнымъ самопожертвованіемъ, передъ этимъ героизмомъ!...

Да не только въ тяжелую годину войны, и во время мира сестры милосердія служатъ обществу великую службу. Въ настоящее время существуетъ множество общинъ, члены которыхъ, изучивъ основательно уходъ за больными, исполняютъ обязанности фельдшерницъ и сидѣлокъ въ больницахъ и въ частныхъ домахъ, по приглашенію. Услуги ихъ незамѣнимы. Больному столько-же нужны лѣкарства, сколько и привѣтливый, нѣжный уходъ; въ извѣстный періодъ болѣзни, въ особенности въ періодъ выздоравливанія, послѣднее даже важнѣе перваго. Хорошо, если у больнаго есть родные, а если нѣтъ ихъ?.. Вотъ тутъ-то сестра милосердія является просто добрымъ гениемъ, свѣтлымъ ангеломъ. Она ухаживаетъ за больнымъ съ кротостью и терпѣніемъ, на какое способна лишь мать, ухаживающая за своимъ больнымъ ребенкомъ. И дѣлаетъ она все тихо, спокойно, нѣжно; въ голосѣ звучитъ, не смотря на усталость, привѣтъ и ласка, такъ обязательно дѣйствующіе на больнаго; рука у ней привычная, ловкая; сдержанность и выносливость удивительныя; вниманіе къ больному и снисходительность къ его капризамъ поразительны... Съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, вспоминаетъ о сестрахъ милосердія всякій, кто только видѣлъ близко ихъ дѣятельность. Честь и слава вамъ, великія подвижницы во имя христіанской любви! Честь и слава вамъ еще и за то, что вы личнымъ, энергическимъ примѣромъ указали современной женщинѣ, куда она должна направить свои силы, чтобы не задыхаться въ душной атмосферѣ праздности и лѣни!..

Съ 1754 года для женщинъ открылась новая сфера общественной дѣятельности въ качествѣ актрисы. До этого времени появленіе женщины на театральныхъ подмосткахъ было

явленіемъ исключительнымъ, случайнымъ; такъ напр. еще въ 1690 г. въ представленіяхъ въ теремѣ царевны Софіи принимали участіе многія знатныя боярыни; это, конечно, были любительницы, а не профессиональныя актрисы; онѣ показывались только ограниченному кружку, стоявшему близко къ царевнѣ. Точно также въ придворныхъ представленіяхъ при Аннѣ Иоанновнѣ принимали участіе многія русскія дамы - любительницы. Что-же касается публичныхъ представленій, то съ самаго возникновенія у насъ театральныхъ зрѣлищъ женскія роли исполнялись обыкновенно мужчинами. Какъ неотъемлемый и вполнѣ необходимый элементъ въ театральныхъ представленіяхъ, какъ постоянныя актрисы по профессіи, русскія женщины утверждаются только съ 1754 года, когда въ драматическую труппу были приняты первыя актрисы: А. М. Зорина, сестры М. и О. Ананьины и Мусина - Пушкина. Необходимо замѣтить, что съ поступленіемъ на сцену женщинъ исполненіе мужчинами женскихъ ролей не прекратилось сразу, что можно объяснить, во-первыхъ недостаточностью женскаго персонала на обѣихъ столицныхъ сценахъ и во вторыхъ, недостаточной подготовкой артистокъ. Такъ при первомъ представленіи „Недоросля“, состоявшемся въ 1782 году, роль Еремѣвны исполнялъ Яковъ Шумскій, превосходно игравшій лакеевъ. На провинціальныхъ театрахъ отсутствіе актрисъ продолжалось, повидимому, долѣе. Въ основанномъ въ 1780 г. въ Харьковѣ театрѣ долго не появлялось ни одной актрисы. Мало-по-малу женщины утвердились на театральныхъ подмосткахъ обѣихъ столицъ, распространились на имѣющихъ въ провинціальныхъ городахъ сценахъ и физиономія русской актрисы опредѣлилась.

Подобно русско-драматическому артисту, русская актриса, за весьма немногими исключеніями, происхожденія бѣднаго. Это болѣею частью бѣдныя сироты, дочери мелкихъ чиновниковъ, небогатыхъ купцовъ и актеровъ. Многія же актрисы вышли непосредственно изъ среды народа.

Въ Рязани, на мосту черезъ рѣчку Лебедь, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, сидѣла съ лоткомъ яблокъ, бо-

бовъ и стручковъ хорошенькая бѣлокурая дѣвочка, продавая, при тогдашней дешевизнѣ, на самую ничтожную сумму въ день. Да и не многимъ приходилось продавать, такъ какъ проходящихъ по мосту было мало; своимъ вниманіемъ не забывали дѣвочку одни гимназисты, такъ какъ мостъ, гдѣ она торговала, примыкалъ съ одной стороны къ мѣстной гимназіи. Дѣвочка имѣла много свободнаго времени и постоянно что-то читала, конечно безъ всякаго разбора. Нѣкто Аф. Ив. Дохтуровъ, имѣвшій свой театръ въ Рязани, мѣстный помѣщикъ, проходя однажды по мосту съ другимъ рязанскимъ помѣщикомъ, Гр. Петр. Приклонскимъ, поинтересовался узнать, что читаетъ дѣвочка. Она отвѣтила:

— Комедію, или бишь оперу „Тига“; пресмѣшная книжечка.

И пояснила, почему книжка смѣшна.

— Забавенъ тутъ прикащикъ, шутъ, волокита не по дамамъ. Приклонскій посмотрѣлъ книжку. Это была „Тига или прикащикъ, драматическая пастельга Н. П. Николаева,“ въ свое время очень любимая публикой.

— Чтожь, нравится тебѣ эта опера? поинтересовался Приклонскій, и прибавилъ: попѣваешь?

Дѣвочка оказалась смышленная и бойкая. Она не только толково отвѣчала на всѣ вопросы, но, по просьбѣ Приклонскаго, даже пропѣла арію изъ „Прикащика.“ Оказалось, что у нея есть отецъ и мать, и что зовутъ ее Матрешей.

И вотъ эта бѣлокурая Матреша попадаетъ въ обученье въ Дохтуровскій театръ, поетъ, какъ выражались рязанцы, „преизряднехонько“ и, съ годами, мечтаетъ объ аренѣ болѣе широкой—о Москвѣ, о Петербургѣ, куда является въ 1860 году. Таково происхожденіе одной изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ актрисъ, Матрены Семеновны Воробьевой. Замѣтимъ между прочимъ, что Гликерія Николаевна Ѳедотова ребенкомъ взята на воспитаніе г-жею Поздняковой, увезшей ее отъ родителей изъ Орла въ Москву.

Незнатная по происхожденію, бѣдная часто до того, что живетъ и воспитывается изъ милости, русская актриса или получаетъ специально сценическое образованіе въ постоянно

плохомъ театральномъ училищѣ, или не получаетъ его вовсе и развиваетъ безъ школы свое дарованіе, прочтя какую-нибудь книжку, посмотрѣвъ пьесу, или передъ самымъ выходомъ на сцену, находитъ себѣ опытныхъ руководителей, какими въ свое время являются: актеръ Дмитревскій, подготовившій для сцены К. С. Семенову, Е. С. Сандунову, Михайлову, А. Д. Каратыгину, — Гнѣдичъ, репетировавшій съ К. С. Семеновой роли, Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, кн. Шаховской и др. Да и трудно было учиться въ театральномъ училищѣ, особенно въ прежнее время. Такъ при Лизанькѣ Урановой, впоследствии знаменитой Сандуновой, въ театральномъ училищѣ было пятнадцать воспитанницъ, жившихъ въ самомъ скромномъ помѣщеніи, скудно содержимыхъ, въ одеждѣ ниже посредственной, съ двумя, тремя учителями, патриархально зовущими воспитанницъ Лизаньками, Вареньками и пр., что изъ школы переходило нерѣдко и въ публику. Но въ русской актрисѣ таятся сокровенныя силы, въ бѣдности воспитываются деликатныя до невѣроятія воспріимчивыя нервы, какъ въ этихъ оборванныхъ дѣвочкахъ временъ Сандуновой, такъ и въ наше время въ образовавшихся на провинціальныхъ сценахъ П. А. Стренетовой и М. Г. Савиной.

Театральное училище, повидимому, мало подготовляло, но по выходѣ изъ него русская актриса продолжала работать для своего усовершенствованія. Сандунова, имѣя громадный успѣхъ, не переставала обрабатывать свой голосъ и учиться пѣнію у заѣзжихъ итальянцевъ. К. С. Семенова, вышедшая въ 1828 году за князя Ив. А. Гагарина, оказалась, при появленіи своемъ на сценѣ, полуграмотной; ей должно было начитывать роль, объяснять каждый монологъ съ удареніемъ всякаго стиха. Повидимому, встрѣчаются и исключенія, когда актриса получаетъ не только основательную сценическую подготовку, но и общее образованіе. Какъ на примѣръ, подтверждающій это, можно указать на Г. Н. Ѳедотову. Она воспитывалась въ московскомъ театральномъ училищѣ и когда на мѣсто В. А. Дмитревскаго туда поступилъ преподавателемъ артистъ Самаринъ, г-жа Ѳедотова такъ прочла ему однажды письмо Татьяны къ Онѣгину, что

вызвала слезы не только у своих подругъ, но и у самого учителя, заставивъ его обратить на себя особое вниманіе. По настоянію г. Самарина, для Г. Н. Ѳедотовой были приглашены преподаватели: г. Басистовъ—по русской словесности и г. Толстопятовъ—по исторіи. Закулисная жизнь русской актрисы, полная житейскихъ драмъ, рисуется нѣсколько трогательныхъ женскихъ образовъ. Въ большинствѣ случаевъ русская актриса повидимому небогата. Ев. Ив. Колосова, по выходѣ изъ театральной школы съ званіемъ солистки, получала жалованья 700 р. асс. въ годъ; черезъ нѣсколько времени это содержаніе было увеличено до 725 р. Колосовой казалась такая сумма громадной и она мечтала удовлетворить ею всѣ свои прихоти. Но, Боже мой, какъ немногочисленны были эти прихоти! Колосова желала имѣть два, три сносныхъ платья и пить каждый день кофе, который она чрезвычайно любила. Даже и на это не хватило средствъ. На 725 р. ей пришлось жить не одной, а съ родителями, у которыхъ не было ничего, а впоследствии, когда 17 лѣтъ ее выдали за музыканта Колосова, получавшаго самое незначительное вознагражденіе, содержать и его. Съ изумительною силою и терпѣніемъ Колосова начала вести труженическую жизнь, съ 7-ми часовъ утра бѣгая по урокамъ, въ 12 являясь на репетицію, вечеромъ, по отзыву современниковъ, исторгая слезы и рукоплесканія у восторженныхъ посѣтителей балета. Всѣ домашнія нужды и заботы лежали на молодой женщинѣ, для которой кофе остался одной мечтой, такъ какъ, усталая и измученная танцами въ продолженіе цѣлаго дня, Колосова по возвращеніи домой не всегда находила даже чашку чая. Когда уже родилась дочь, — впоследствии А. М. Каратыгина, — не на что было для нее нанять кормилицу; служебныя обязанности не позволяли матери выполнять это самой; родная тетка ея, мать Л. О. и Н. О. Дюръ, приняла на себя эту материнскую обязанность. Такое многотрудное поприще было вознаграждено въ 1826 году, когда артистка оставила сцену съ пенсіей въ 4000 руб. ассигн.

Необыкновенно симпатична и чиста въ частной жизни яв-

лется В. Н. Асенкова. Ея обаятельной наружности, ея разнообразному и высокому таланту отвѣчала чистая и возвышенная нравственная физіономія (род. 1817, ум. 15-го апрѣля 1841). По отзывамъ біографовъ и людей близко стоявшихъ къ ней, это было прелестное существо, постоянно веселое и одушевленное, столь доброе сердцемъ, что никогда не помнило ни обиды, ни зла, нанесеннаго ей. Асенкова дѣлила свое время между семействомъ, которое поддерживала трудами и искусствомъ, для котораго отклонила многія блестящія партіи, представлявшіяся ей. Она была чужда пустаго женскаго кокетства и почти не обращала вниманія на многочисленную толпу окружавшихъ ее поклонниковъ. Ни сплетней, ни закулисныхъ интригъ она не знала; ложное самолюбіе, избѣгающее совѣтовъ опытныхъ лицъ, было ей чуждо; со всѣми она жила въ мирѣ, всѣми была любима и никогда, ни одному товарищу по сценѣ, какъ бы ни была утомлена, не отказывала въ просьбѣ принять участіе въ его бенефисѣ. Когда она умерла, открылось, что она находила возможность, кромѣ поддержки своей семьи и родныхъ, удѣлять изъ получаемыхъ ею 6-ти 7-ми тысячъ асс. на содержаніе и вспомоществованіе многихъ бѣдныхъ и сиротъ... Она до страсти обожала искусство: больная и слабая надломленная чахоткой, она вышла на сцену 2-го декабря 1840 года въ главной роли въ водевилѣ „Добрый геній“ и встрѣченная аплодисментами, исполнила и провела всю роль въ продолженіе всей пьесы съ неупадающей силой. Это была ея послѣдняя новая роль, съ созданія которой силы ея стали примѣтно упадать, не смотря на что она не оставляла еще сцены и на масляницѣ сыграла 17 разъ. Вечеромъ прощенаго дня Асенкова исполнила роль „пятнадцатилѣтняго короля“ и Пашеньки въ водевилѣ „Новички въ любви“ и съ послѣднимъ выходомъ и поклономъ по окончаніи спектакля, навсегда распростилась съ публикой. Ея послѣдніе дни были ужасны. Мысль о многочисленномъ семействѣ, которое она поддерживала, мучила ее до самой кончины.

— Ахъ, мнѣ не хочется умереть!.. Жизнь такъ хороша, говорила она и вдругъ, думая, что желаніе продлить жизнь

грѣхъ, неподвижно устремляла свои прелестные глаза на образъ, положенный по ея просьбѣ ей на грудь. Чувствуя приближеніе кончины, она съ трогательною нѣжностью привлекла къ себѣ мать, утѣшала ее, простилась со всѣми близкими и когда ей сказали о многихъ знакомыхъ, желающихъ ее увидѣть, задумчиво сказала:

— Нѣтъ! они не узнаютъ меня.

Потомъ впала въ безпамятство и въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля лишилась употребленія языка и до самой смерти ничего не говорила, а 19-го апрѣля въ пять часовъ пополудни скончалась, точно заснувъ спокойнымъ и чистымъ, какъ вся ея жизнь, сномъ. Ей было 24 года и она пробыла на сценѣ 6 лѣтъ. Остановимся на примѣрѣ любви актрисы. Е. И. Колосова, посѣщая театральное училище, отличила вступившую туда на восьмомъ году ученицу Марью Данилову, въ сцену, Перфильеву. Маленькая Данилова рано обнаружила огромные успѣхи въ танцахъ и выразительной мимикѣ, на которую въ прежнее время повидимому болѣе обращали вниманія и Колосова предложила Даниловой заниматься съ нею. 16-ти лѣтъ Данилова появилась на сценѣ, блистая красотой и талантомъ; уже явились поклонники, часто преслѣдовавшіе ее самыми неотвязчивыми предложеніями, къ которымъ она осталась глуха, смѣясь надъ своими ухаживателями. Молодость, красота, талантъ, обѣщали Даниловой счастливую и долгую жизнь, но на дѣлѣ вышло нѣчто иное. Въ то время изъ Парижа пріѣхалъ извѣстный тогда танцовщикъ Дюпоръ. Даниловой пришлось танцевать съ нимъ во всѣхъ балетахъ, сходитьсь вечеромъ и утромъ на репетиціяхъ и спектакляхъ. Данилова полюбила Дюпора, отличившаго ее среди многочисленныхъ балеринъ; не будучи въ силахъ объясниться съ нимъ по незнанію языка, она была счастлива малѣйшимъ его къ ней вниманіемъ, взглядомъ одобренія какому-нибудь ловко продѣланному ею па. Никогда талантъ ея не проявлялся съ такою силою и ловкостью, какъ въ это время; казалось, она напрягла всѣ усилія, чтобъ стать вдвое прелестнѣе и граціознѣе. Дюпоръ сначала ухаживалъ за нею, но догадавшись, что она мечтаетъ не о временной съ нимъ связи, а о про-

должительной семейной жизни, охладѣлъ и когда въ Петербургѣ прїѣхала знаменитая m-elle Жоржъ, сталъ ухаживать за этою послѣднею. Данилова была въ отчаяніи и призывала смерть. Случай помогъ ей въ этомъ. На репетиціи балета „Амуръ и Психея“ въ Эрмитажѣ, она должна была совершить воздушный полетъ. Ей сдѣлали новый корсетъ, прицѣпили машину полета за крюкъ и подняли вверхъ, оттуда она должна была опуститься съ чрезвычайной быстротою на руки стоявшихъ внизу демоновъ, изображая низверженіе въ адъ. Полетъ, не дойдя до низу, получилъ толчокъ и такъ сильно встряхнулъ Данилову, что она провзвительно вскрикнула и безъ чувствъ была отнесена въ уборную, гдѣ ее насилу привели въ себя. Съ этого дня у нея началась чахотка и по просьбѣ матери она была выпущена изъ школы и перевезена домой. 8 января 1816 года Данилова скончалась на 17 году отъ рожденія.

Какая выходитъ изъ актрисы нѣжная мать, мы видимъ на примѣрѣ Е. И. Колосовой, относившейся поистинѣ съ материнскою нѣжностью не только къ своей дочери, но и къ Даниловой и къ Дюру. Какъ на превосходную семьянинку и мать можно указать на ея дочь, Каратыгину, воспитавшую для сцены В. А. Каратыгина, извѣстнаго трагика. Въ воспоминаніяхъ этого послѣдняго есть небольшое описаніе матери, трепещущей за кулисами при первомъ дебютѣ В. Каратыгина, плачущей отъ его успѣха слезами умиленія и затѣмъ въ радостномъ волненіи проводящей цѣлую ночь въ бесѣдѣ съ собравшимися по окончаніи спектакля у Каратыгиныхъ друзьями. Не менѣе хорошею матерью была и К. С. Семенова, въ замужествѣ княгиня Гагарина, скончавшаяся 1 марта 1846 года; послѣдніе годы были отравлены несчастливомъ замужествомъ ея дочери съ Карніолинъ-Пинскимъ, причинявшимъ не мало страданій матери. Семенова въ это время уже оставила сцену, появившись въ послѣдній разъ на театрѣ въ 1826 году въ трагедіи „Пожарскій“, и только по временамъ принимала участіе въ благородныхъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ залѣ Энгельгардта и на дачѣ Галлера. Въ 1831 году

еще она съиграла такимъ образомъ Медею и Семирамиду на театрѣ Апраксина въ Москвѣ. Повидимому это была женщина гордая и немного интригантка. Играя съ *Ф. Ф. Кошкинымъ* въ драмѣ Коцебу „Ненависть къ людямъ“, на одномъ благотворительномъ спектаклѣ, она гордо остановила увлекающагося артиста-любителя, исполнявшаго роль Мейнау и вздумавшаго было ей объяснять экспозицію послѣдней сцены: „Позвольте, *Федоръ Федоровичъ*,—я уважаю ваше знаніе театра; но примите въ соображеніе, что вы учите на этихъ доскахъ не княгиню Гагарину, а Семенову“. Это конечно невинно, но она идетъ и далѣе. Когда еще она играла на императорской сценѣ, Катенинъ, переводчикъ Корнелія и большой театралъ, по окончаніи одного изъ спектаклей вызываетъ одну ее и не вызываетъ протежируемую ею Азаревичеву, что ее бѣситъ. Пользуясь связями, она добивается того, кто Катенина не пускаютъ въ театръ, когда она участвуетъ въ спектаклѣ, а потомъ даже высылаютъ, по ея ходатайству, въ 24 часа изъ Петербурга! Сдѣлавшись княгиней Гагариновой (1828) и поселившись въ Москвѣ, новоиспеченная княгиня собираетъ около себя московскую *jeunesse dorée*, угощая ее такого рода неожиданностями. Призывается маленькая дѣвчонка, Федоска, которой барыня задаетъ вопросъ:

— Что ты умѣешь дѣлать, Федоска?

Федоска, нисколько не смущаясь присутствіемъ многочисленныхъ, незнакомыхъ людей, выпаливаетъ цѣлымъ градомъ неудобныхъ къ печати словъ, служащихъ къ обозначенію неизбѣжныхъ отправленій организма. Фраки и мундиры смущены, а княгиня помирала съ хохоту, валяясь по дивану.— Впрочемъ, около этой дамы собирался и болѣе интеллигентный кружокъ. Ее посѣщали въ Москвѣ *С. Т. Аксаковъ*, *Надеждинъ*, *Погодинъ* и *Пушкинъ*. *Погодинъ* читалъ ей свою драму „*Марѳа Посадница*“; *Пушкинъ*, воспѣвшій ее, поднесъ ей экземпляръ своего „*Бориса*“, съ собственоручною надписью: „*Княгинѣ Катеринѣ Семеновнѣ Гагариной*“—отъ *Пушкина*, *Семеновой* отъ сочинителя“.

Переходя отъ этихъ коринѳеекъ, вращавшихся въ высшемъ

кругу, пользовавшихся дружбою лучших писателей и дѣйствовавшихъ исключительно на императорской сценѣ, къ провинціальнымъ артисткамъ, мы увидимъ, что въ послѣднее время положеніе ихъ быстро и въ значительной степени улучшилось. Еще очень недавно имъ платили ничтожныя деньги, просто гроши, да и общество смотрѣло на нихъ съ большимъ предубѣжденіемъ. „Боже меня сохрани быть актершею!“ говорила каждая женщина, если ей указывали на профессію актрисы, какъ на средство выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Доступъ въ такъ называемые „порядочные“ дома былъ для актрисъ закрытъ. Теперь не то: актриса завоевала себѣ солидное положеніе въ обществѣ, какъ служительница искусства, да и цѣна на трудъ актрисы возросла до громадныхъ размѣровъ. Ни одна изъ профессій, доступныхъ женщинамъ, не даетъ такого вознагражденія, какъ профессія актрисы. Правда, въ глухихъ провинціальныхъ городкахъ до сихъ поръ не дѣлаютъ различія между актрисой и „женщиной легкаго поведенія“, которую нельзя пускать въ порядочный домъ, но мало-ли какіе дикіе взгляды продолжаютъ держаться въ захолустьяхъ.

Положеніе музыкантъ и оперныхъ пѣвицъ еще лучше и въ матеріальномъ, и въ общественномъ отношеніяхъ. На поприщѣ искусствъ женщина вполнѣ утвердилась и даже превзошла мужчину. Извѣстныхъ актрисъ, пѣвицъ и музыкантъ несравненно болѣе, чѣмъ актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ. Наконецъ въ послѣдніе годы многія русскія женщины выступили съ большимъ успѣхомъ и на поприщѣ литературы. Преобладаніе женщинъ въ области искусствъ объясняется тѣмъ, что помимо пѣнія и музыки имъ представлено очень мало средствъ къ самостоятельному труду и заработку; понятно, что каждая дѣвушка, чувствующая хотя бы небольшое влеченіе къ пѣнію при музыкѣ и обладающая какими-либо способностями, хватается за искусство, какъ за якорь спасенія. Правда, сравнительно очень немногія дѣвушки добиваются въ этой сферѣ значительныхъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что первоначальное обученіе музыкѣ и пѣнію находится цѣликомъ въ рукахъ женщинъ. Эту отрасль дѣятельности онѣ отвоевали у мужчинъ.

Что касается другихъ отраслей труда, доступныхъ женщинамъ, то въ послѣднее время во многихъ торговыхъ домахъ можно видѣть прикащицъ, не говоря уже о модныхъ магазинахъ и вообще лавкахъ съ дамскими принадлежностями. Точно также дѣвушки работаютъ въ телеграфахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ фотографіяхъ, переплетныхъ, въ конторахъ нотаріусовъ, редакціяхъ, во многихъ канцеляріяхъ общественныхъ учреждений въ качествѣ писцовъ и счетчиковъ. Вообще идея женскаго труда съ каждымъ годомъ дѣлаетъ видимые успѣхи. Нельзя не пожалѣть лишь объ одномъ, что женскій трудъ цѣнится гораздо ниже мужскаго, не смотря на то, что нисколько не уступаетъ послѣднему. Надо замѣтить между прочимъ, что во многихъ случаяхъ женщинамъ предоставляются тѣ или другія занятія съ исключительною цѣлью воспользоваться дешевизною ихъ труда. Какими-бы, однако, мотивами ни руководствовались работодатели, но дѣло въ томъ, что сфера женской дѣятельности постоянно расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшается и положеніе дѣвушекъ, которымъ не суждено быть женами и матерями.

— На какіе разряды дѣлятся дѣвы? спросилъ недавно одинъ изъ присяжныхъ остряковъ нѣкоего листка.

— Не земныя, дивныя, очаровательныя, небесныя, даже знойныя, но самыя замѣчательныя—это *старыя дѣвы*.

Старая дѣва—это мишень, въ которую каждый считаетъ своею обязанностью пустить насмѣшкою. Это несчастнѣйшее въ мірѣ созданіе, тѣмъ болѣе достойное сожалѣнія, что она не только не теряла, но даже никогда не испытывала счастья, связаннаго съ осуществленіемъ призванія женщины. Жизнь старой дѣвы это вполнѣ неудавшаяся жизнь и вотъ почему дѣвушки такъ боятся „засидѣться въ дѣвкахъ“, такъ легко соглашаются на вступленіе въ бракъ съ первымъ попавшимся женихомъ, лишь-бы избѣжать печальный участи старой дѣвы.

А участь эта дѣйствительно печальна! Безбрачіе тяжело уже потому, что дѣвушка, не вышедшая замужъ, не можетъ выполнить своего призванія; у ней нѣтъ цѣли въ жизни;

она лишена утѣхъ супружеской жизни и радостей матери. Положеніе ихъ въ обществѣ очень тяжелое; вѣчныя намекы, вѣчныя насмѣшки и полное невниманіе со стороны мужчинъ. Кого можетъ интересовать старая дѣва? Какой интересъ представляетъ она? Молодыя дѣвушки избѣгаютъ ее, замужнія женщины не принимаютъ въ свою среду. Ни тѣ, ни другія не имѣютъ со старой дѣвой ничего общаго. Чего наконецъ она можетъ ждать? Въ лучшемъ, счастливѣйшемъ случаѣ замужества съ какимъ-нибудь вдовымъ старикомъ, ищущимъ матери, скорѣе гувернантки для своихъ дѣтей отъ первой жены. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ старая дѣва пользуется еще нѣкоторымъ уваженіемъ и вниманіемъ, если она содержитъ пансіонъ или служить представительницей какого-либо изъ учрежденій искусствъ; въ такомъ только случаѣ отдають нѣкоторое почтеніе ея самостоятельности. Но бѣда тѣмъ, которая не только не достигли, но и не стремились къ пріобрѣтенію такого положенія. Оставшись сиротою, безъ всякихъ средствъ къ жизни и не привыкши къ независимому труду, старая дѣва по необходимости должна сѣсть на шею кому-либо изъ родныхъ—занять уголокъ въ его домѣ и быть у него на хлѣбахъ, а чужой хлѣбъ тяжелый, горькій хлѣбъ. Несчастныя, получивъ пристанище у брата или сестры, онѣ посвящаютъ всю свою жизнь и дѣятельность для дома, въ которомъ живутъ, сидятъ у кровати больного, ухаживаютъ за дѣтьми и принимаютъ также близко къ сердцу всякое семейное горе и радость, какъ и всякій другой членъ семейства. Какая-же ждетъ ихъ благодарность за всѣ эти услуги, за самопожертвованіе, за то, что онѣ часто заступаютъ мѣсто служанки? За все это на нихъ смотрятъ, какъ на лишнихъ въ семействѣ, а потомъ, когда онѣ сдѣлаются старыми тетками, ихъ терпятъ какъ всякаго стараго домашняго знакомаго, не стѣсняясь при каждомъ удобномъ случаѣ попрекнуть ихъ кускомъ хлѣба. Безпомощное положеніе въ матеріальномъ отношеніи, сознаніе этой безпомощности, нравственныя страданія подъ вліяніемъ сознанія о невыполненіи своего призванія, ложное положеніе въ обществѣ, общее невниманіе и насмѣшки,—все это вмѣстѣ окончательно портить,

ломаетъ натуру старой дѣвы. Она дѣлается желчной, недовольной, озлобленной на весь міръ, въ которомъ ей не оказалось счастливаго уголка и въ концѣ концовъ вырождается въ дѣйствительно несимпатичный типъ ханжи, сплетницы и злючки, сосредоточивающей всѣ свои симпатіи на кабой-нибудь гадкой собаченкѣ.

Нельзя сказать, чтобы положеніе дѣвушки внѣ дома, внѣ семьи было вообще очень привлекательно, но каково-же положеніе дѣвушки, бросающей семью не для того, чтобы отдаться самостоятельному труду, а съ исключительною цѣлью насладиться мнимою свободою. Эти несчастныя, не подготовленныя ни къ какому занятію, съ головою, наполненной разными бреднями, очень быстро попадаютъ на скользкій путь порока. Остригая волосы и надѣвая очки, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ женственность, теряютъ все то, что придаетъ прелесть и обаяніе женщинѣ. Онѣ отдаются первому, грубому „развивателю“ даже не изъ любви, а изъ колоссально-нелѣпой и вредной теоріи половой свободы“. Чѣмъ дальше идетъ такая дѣвушка по пути „развитія“, тѣмъ несимпатичнѣе она становится, доходя нерѣдко до отвратительности. Жаль, конечно, этихъ несчастныхъ дѣвушекъ, жаль эти испорченныя натуры; но еще болѣе достойно сожалѣнія то, что онѣ приносятъ громадный вредъ женскому дѣлу, что онѣ дискредитируютъ его въ глазахъ общества. Еще очень недавно всякую трудящуюся дѣвушку отождествляли едва-ли не съ падшей женщиной. Выйдя изъ семьи чистымъ, невиннымъ созданиемъ, зараженнымъ лишь ложными взглядами, дѣвушка возвращается въ нее совершенно испорченной, обезчещенной, утратившей все, что дѣлаетъ женщину счастливой и достойной уваженія. Да хорошо еще, если такая дѣвушка, испытавъ всѣ прелести „свободной“ жизни, вернется въ семью, хорошо еще, если семья приметъ ее обратно... въ противномъ случаѣ ей грозитъ ужасная, позорная жизнь падшей женщины... Наступаетъ періодъ раскаянія, сожалѣнія, отчаянія, но уже слишкомъ поздно. Жизнь уже окончательно испорчена. Дѣвушка гибнетъ окончательно и безвозвратно!

Бываетъ еще одно положеніе, полное высокаго трагизма, въ которое нерѣдко попадаютъ дѣвушки внѣ семьи.

Молодая женщина, воодушевленная самыми честными стремленіями и честно добывающая хлѣбъ личнымъ трудомъ, близко сталкивается съ обществомъ. Какъ бы ни были высоки ея нравственныя качества, какъ бы ни былъ силенъ въ ней голосъ разсудка, но наступаетъ моментъ, когда любовь дѣлается для нее чисто физиологическою потребностью. На пути жизни ей встрѣчается масса мужчинъ, привлекающихъ ее разнообразными качествами, но дѣвушка не имѣетъ опытности: она не можетъ различить истинный блескъ отъ мишуры, правду отъ лжи, дѣйствительность отъ притворства; къ тому же въ пору любви весь міръ кажется въ розовомъ свѣтѣ, а искусство волочиться доведено мужчинами до неподражаемой виртуозности.

Дѣвушка влюбляется и отдается любимому человѣку. Первое время она блаженствуетъ, она чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ, въ ней пробуждается колоссальная энергія, она готова на все для любимаго человѣка, но вдругъ она начинаетъ замѣчать, что онъ, пресыщенный легкостью побѣды, начинаетъ охлаждать или, что еще хуже — оказывается ничтожнымъ негодяемъ, для котораго любовь женщины ничто иное, какъ мимолетное развлеченіе. И вотъ жизнь дѣвушки разбита; она оскорблена въ своихъ лучшихъ чувствахъ, она отдала ему все, свою молодость, свою первую, чистую любовь, она готова на всѣ жертвы, лишь-бы вернуть счастье первыхъ дней; но, увы! роковая ошибка становится несомнѣнною и поправить ошибку уже нельзя... Въ добавокъ, любовь дала осязательные плоды: у дѣвушки есть уже ребенокъ. Какъ быть? что предпринять? на что рѣшиться?

Любимый человѣкъ рѣшаетъ всѣ эти мучительные вопросы, бросая мать съ ребенкомъ на произволъ судьбы!..

Вспомните судьбу г-жи К., оставленной московскимъ милліонеромъ Солодовниковымъ съ шестью дѣтьми послѣ семнадцатилѣтняго сожительства. Хорошо еще, что обстоятельство сложились такъ, что судъ могъ возстановить права жен-

щины, такъ нагло поправнымъ безсердечнымъ, старымъ донъ-жуаномъ. Но, къ сожалѣнію, такое счастливое стеченіе обстоятельствъ бываетъ рѣдко, да и свѣтъ всегда готовъ бросить камень не въ негодяя, бросающаго оболъченную дѣвушку, а въ оболъченную. Ее порицаютъ, ее обвиняютъ, ей уже трудно достать мѣсто; а если есть ребенокъ, то и совсѣмъ невозможно. А ѣсть нужно, нужно кормить и ребенка. Голодъ-страшный, неумолимый двигатель. Попадается старикашка, сулящій достаточную жизнь. Дѣвушка колеблется нѣкоторое время и наконецъ, обезсилить въ борьбѣ за существованіе, продаетъ себя... Она быстро спускается со ступеньки на ступеньку и въ концѣ-концовъ чистое, непорочное созданіе поглощается волною порока...

Невѣжественная, неразвитая женщина, воспитанная исключительно для постельной утѣхи, не интересующаяся ничѣмъ, кромѣ нарядовъ и кокетства, нерѣдко продаетъ себя только для того, чтобъ пощеголять, помодничать и пороскошничать. Служанки, напр., выдѣляющія изъ себя значительное число тайныхъ и явныхъ проституттокъ, сплошь и рядомъ продаютъ себя за кусокъ дешевенькой матеріи на платье, за платокъ, пару башмаговъ и т. п. Случается, что женщина начинаетъ развратничать просто съ отчаянія и изъ желанія отомстить любимому человѣку своимъ публичнымъ позоромъ. Сводни и другія соблазнители дѣвушекъ, вовлеки ихъ въ порокъ, лишивъ невинности, обезславивъ и тѣмъ закрывъ имъ доступъ въ ихъ семейства и отнявъ у нихъ возможность къ существованію честными средствами, навсегда бросаютъ ихъ въ потокъ порока, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни подготовки, ни возможности жить своимъ трудомъ. Значительная часть публичныхъ женщинъ состоитъ изъ любовницъ, брошенныхъ своими любовниками; изъ служанокъ, соблазненныхъ и развращенныхъ своими хозяевами, изъ неопытныхъ дѣвушекъ, попавшихъ въ сѣти развратниковъ и сводней. Но при всемъ этомъ главною, самую сильною причиною проституціи является бѣдность. Женщина можетъ развратничать по разнымъ побужденіямъ, но торговать собою ее заставляетъ въ огром-

номъ большинствѣ случаевъ одна только бѣдность. У Некрасова женщина, мужъ которой сидитъ въ нетопленной квартирѣ больной и голодный, а умершаго ребенка не на что похоронить:

Ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.

Всегда и вездѣ среди проститутокъ на первомъ планѣ выступаютъ женщины самыхъ необезпеченныхъ состояній—мѣщанки, солдатки и солдатскія дочери, крестьянки, говоритъ С. Шашковъ *). Въ видѣ исключеній къ нимъ присоединяются женщины обезпеченныхъ состояній, напр. купческаго, духовнаго, дворянскаго,—женщины, доведенныя до нищеты, а черезъ нее и до проституціи, какими-нибудь несчастными случаями. По своимъ семейнымъ отношеніямъ, большинство проститутокъ также принадлежитъ къ лицамъ необезпеченнымъ,—большею частью это дѣвицы, не имѣющія защиты и поддержки мужа, вдовы и сироты. Число образованныхъ проститутокъ весьма незначительно и почти всѣ онѣ по своей профессіи принадлежатъ къ гувернанткамъ, бѣдственное положеніе которыхъ извѣстно каждому. Одно изъ первыхъ мѣстъ по своей развращенности занимаютъ воспитанницы воспитательныхъ домовъ. Эти пролетаріатки, выпускаемыя изъ заведеній безъ достаточной профессиональной подготовки, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія и по своему сиротству не имѣющія никакого семейнаго пристанища. Всѣ перечисленныя нами и другіе разряды женщинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ берутся за проституцію только въ томъ случаѣ, когда увидятъ себя въ положительной невозможности поддерживать свое существованіе чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ продажи своего тѣла. Потомъ уже, развратившись и свыкшись съ этимъ промысломъ, многія изъ нихъ навсегда отдаются ему, дѣлаясь неспособными къ честному труду; но до этой развращенности и этой

*) С. С. Шашковъ, " Очеркъ исторіи русской женщины."

неспособности ихъ почти всегда доводитъ ужасная тиранка, жестокая владычица народныхъ массъ—бѣдность. Эта владычица ежегодно сгоняетъ въ столицы и въ большіе города сотни тысячъ женщинъ, мучитъ ихъ здѣсь голодомъ, холодомъ, болѣзнями, лишаетъ ихъ платья и обуви, ежечасно преслѣдуетъ ихъ ужасными призраками голодной смерти, а затѣмъ передаетъ ихъ съ рукъ на руки пороку, который на каждомъ шагѣ соблазняетъ ихъ пожертвовать для спасенія жизни своимъ тѣломъ и своею нравственною самостоятельностью.

Такимъ образомъ бѣдность, всевозможные соблазны, молодость, неопытность, нравственная неразвитость, дурныя условія труда, все толкаетъ бѣдную женщину на путь порока. Съ отвращеніемъ, по необходимости, съ чувствомъ стыдливости начинаетъ торговать собой эта цѣломудренная блудница; но мужчины и приноравливающіяся къ ихъ требованіямъ сводни скоро развращаютъ ее окончательно; но какъ ни безотраднa жизнь проститутокъ, масса ихъ всегда отличается наклонностями и чувствованіями, невольно возбуждающими нашу симпатію. Отличаясь въ обществѣ мужчинъ лицемѣрнымъ цинизмомъ и заказнымъ безстыдствомъ, возбуждательность которыхъ цѣнятся потребителями очень дорого, въ своей домашней жизни публичныя женщины ведутъ себя очень скромно и вполне прилично. Онѣ гораздо менѣ развратны въ душѣ, чѣмъ ихъ посѣтители. Каждая проститутка имѣетъ любовника, къ которому питаетъ самую теплую, самую чистую привязанность и для котораго готова жертвовать всѣмъ. Вотъ, напр., случай, сообщаемый М. Кузнецовымъ *): „Въ увеселительномъ заведеніи „Новое Эльдorado“, въ Петербургѣ, въ столовой сидѣлъ студентъ и проститутка, весьма молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Передъ ними стояла бутылка пива. Здѣсь же сидѣлъ и ужиналъ какой-то подкутившій молодой купецъ. Хорошенькое личико проститутки приглянулось купцу и онъ предложилъ

*) М. Кузнецовъ, „Проституція и сифилисъ въ Россіи. Историко-статистическія изслѣдованія“.

ей вхвать съ нимъ. Дѣвушка отказалась. Купецъ предложилъ ей 25 р., но и эта солидная сумма не соблазнила дѣвушки; она отказалась снова; купецъ продолжалъ упрашивать ее и, увеличивая предлагаемый кушъ, вошелъ въ такой экстазь, что, открывъ свой туго набитый бумажникъ, вынулъ оттуда сторублевый билетъ и подалъ его дѣвушкѣ. Заманка была слишкомъ соблазнительна, кушъ очень великъ. Молодая дѣвушка взяла бумажку, грустно посмотрѣла на нее, потомъ, съ любовью взглянувъ на своего возлюбленнаго, скомкала въ рукѣ бумажку, бросила ее обратно купцу и вышла изъ комнаты подъ руку со студентомъ⁴. Для того, чтобы помочь своему возлюбленному, выручить его изъ бѣды, заплатить его долги, проститутка часто съ полною самоотверженностью пускается на самыя рискованныя предприятия. И сила этой чистой, безкорыстной привязанности тѣмъ замѣчательнѣе, что любовники проститутокъ большею частію не оплачиваютъ имъ такимъ безкорыстіемъ, живутъ у нихъ на содержаніи, обираютъ ихъ, бьютъ и тиранятъ, забѣдаютъ ихъ жизнь, и безъ того исполненную страданій.

Вообще положеніе женщины, впавшей въ профессиональный развратъ, въ высшей степени ужасно. Тираниа любовниковъ, тягость полицейской опеки, отвращеніе къ своему промыслу, бессонныя ночи и пьянство, чрезмѣрная половая дѣятельность, нищета, голодь, все это быстро разрушаетъ здоровье проститутки; истощенная, обезображенная, отупѣвшая въ своей смрадной обстановкѣ, она вплоть до самой смерти принуждена влачить самое жалкое существованіе, продавая по временамъ за гроши свое тѣло, занимаясь мытьемъ половъ, прошеніемъ милостыни и т. д. Публичная женщина изнашивается обыкновенно въ теченіе 5—6-ти лѣтъ. Значительная часть ихъ сходитъ въ могилу очень рано преимущественно отъ чахотки. На многихъ ремесло и обстановка дѣйствуютъ до того губительно, что онѣ проводятъ въ больницахъ около половины своей жизни.

Тяжела, страшно тяжела жизнь этихъ несчастныхъ, отверженныхъ созданій. А между тѣмъ большинство изъ нихъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ могли бы быть очень по-

рядочными женщинами. Мы говорили уже, что главною побудительною причиною къ занятію этимъ позорнымъ ремесломъ является бѣдность, а бѣдность въ свою очередь является влѣдствіе крайней неразвитости женскаго труда. Доставьте дѣвушкамъ изъ бѣдныхъ семействъ возможность заняться честнымъ трудомъ, откройте для ихъ дѣятельности новыя сферы труда, допустите ихъ ко многимъ изъ тѣхъ занятій, которыя теперь всецѣло находятся въ рукахъ мужчинъ, и число проститутокъ быстро и значительно уменьшится. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много существуетъ отраслей труда, которыми заниматься здоровому, крѣпкому мужчине даже стыдно и которыя какъ будто предназначены собственно для женщинъ, а между тѣмъ занимаются ими исключительно мужчины. Какія это занятія мы подробно укажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мужъ, жена - хозяйка.

Подчиненіе женщины.—Нравственное и социальное положеніе жены въ различные моменты русской исторіи.—Факторы подчиненія и въковая борьба женщины съ мужчиной за свои права.—Брачная жизнь.—Бракъ по любви и разсчету.—Браки ранніе, поздніе и несоответственные.—Непріятности супружеской жизни.—Физиологія брака.—Вліяніе брака на физическую и нравственную природу мужчины и женщины.—Цѣль жизни и ея прелести.—Призваніе и обязанности жены въ отношенія мужа, домашняго хозяйства и общества.—Медовый мѣсяць.—Не сошлись характерами.—Жизнь не по средствамъ.—Искусство жить и комфортъ.—Прирожденная красота и красота косметическая.—Умѣнье одѣваться со вкусомъ и къ лицу.—Въ погоню за модой.—Праздность.—Я вамъ не кухарка!—Среди удовольствій.—Прихотливыя требованія.—Дома и въ обществѣ.—Въ людяхъ ангель не жена, дома съ мужемъ сатана.—Мужъ подъ башмакомъ.—Теща.—Любовь и ревность.—Кокетство и поклонники.—Увлеченія.—Интрига и паденіе.—Легкость нравовъ въ женѣ и мужѣ.—Разбитая семья.—Разныя половинны.—Разводъ и жизнь въ розѣ.

Тяжка и незавидна была судьба русской женщины; много слезъ пролито ею на пути ея историческаго существованія; много горя, униженій и рабства вынесла она въ семейной и общественной жизни, не искупивъ своихъ страданій ничѣмъ, что могло-бы возвысить и отмѣтить ее въ исторіи человечества. Независимо отъ полнѣйшаго политическаго рабства и безусловной подчиненности семейству, идея женской отверженности проникала собою всю старинную жизнь, освящаясь религіей, закономъ, обычаями и всѣми гражданскими общественными учрежденіями. Въ первобытной жизни народовъ женщина была гораздо свободнѣе, самостоятельнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи человѣческихъ обществъ. Она не только держалась наравнѣ съ мужчиной,

но даже нерѣдко достигала полнаго преобладанія надъ нимъ. Въ первую эпоху русской исторіи женщина продолжала еще пользоваться нѣкоторыми правами и вольностями; но мало-по-малу она теряла эти права и наконецъ совершилось ея полное подчиненіе подъ вліяніемъ родоваго начала и византизма. Нынѣшняя подчиненность женщины есть результатъ прошедшаго. Многіе отдѣлы современной жизни служатъ только остатками того стариннаго быта, отъ котораго цивилизованное меньшинство давнымъ-давно уже отдѣлалось навсегда. Брачная и семейная жизнь крестьянства, мѣщанства, купечества, духовенства, мелкаго чиновничества по своимъ основнымъ, характеристическимъ чертамъ имѣетъ такъ мало общаго съ современными понятіями и формами, что мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ее въ связи съ жизнью русскаго общества XVI и XVII столѣтій. По этому мы и постараемся познакомить читательницъ съ этою жизнью въ небольшомъ, сжатомъ очеркѣ, бросивъ однако бѣглый взглядъ и на судьбы женщины въ первую эпоху русской исторіи.

Первоначальная русская исторія представляетъ намъ типическій образъ Ольги—этой женщины, бывшей великимъ мужемъ своего вѣка. Ольга, по лѣтописи, обладаетъ государственною мудростью, которая ставитъ ее выше всѣхъ окружающихъ. Она правитъ государствомъ, какъ князь, предводительствуетъ войскомъ, покоряетъ древлянъ Кіеву, мстя за смерть мужа, путешествуетъ въ Грецію, покровительствуетъ распространенію христіанства, ѣздитъ на охоту, ходитъ по странѣ, опредѣляя дани и оброки, давая законы, устанавливая порядоки. Въ лицѣ Ольги выражались права женщины, стоявшей наравнѣ съ мужчиной. Но уже при Владимірѣ святомъ мы видимъ женщину потерявшею значительную часть своихъ правъ, благодаря развитію патріархальнаго, родоваго начала. Женщина сдѣлалась ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ для продолженія рода, а цѣлью ея жизни—рожденіе дѣтей, особенно сыновей, которыми держится и продолжается родъ. Въ это-же время стало вырабатываться народное міровоззрѣніе на женщину, какъ на существо по природѣ низшее и даже нечистое. Женщина превращается въ злую вѣдму,

въ орудіе злыхъ духовъ, дѣйствующихъ на пагубу рода чело-
вѣческаго. Уже при Ярославѣ въ Суздальской области
народъ произвелъ поголовное истребленіе бабъ, заподозривъ
ихъ въ томъ, будто онѣ своимъ вѣдовствомъ накликали на стра-
ну голодъ. Въ это же время вполнѣ окрѣпли обычаи и обряды,
символирующіе рабскую подчиненность жены мужу, вошло въ
обычай многоженство и установился взглядъ на половую прав-
ственность, обязательную только для одной женщины. Жена
должна была принадлежать только мужу, а мужъ могъ имѣть
столько женъ, сколько позволяли ему средства, да кромѣ
того захватъ чужихъ женъ и вообще женщинъ считался уда-
лымъ дѣломъ. Развратъ быстро проникалъ въ общество,
служба также однимъ изъ могучихъ факторовъ закрѣпощенія
женщины.

Родовое начало установило на женщину взглядъ, какъ на
орудіе продолженія рода, византизмъ, проповѣдуя умерщвлен-
ніе плоти, съ особенною силою вооружался противъ всего,
что имѣло отношеніе къ плотской любви. Подъ вліяніемъ
византизма составилось убѣжденіе въ исконной злобѣ жен-
щины, въ ея нечистотѣ, въ ея наклонности ко всякому грѣху,
въ тѣсную связь женщины съ демонскимъ міромъ. Двух-
сотлѣтнее монгольское иго также не мало способствовало
огрубѣнію Россіи и порабощенію женщины. Дикіе восточные
взгляды на нечистоту и низость женщины, азіятскіе нравы,
обычаи, обряды, вѣрованія, семейные порядки легко утвер-
дились на русской почвѣ, приготовленной уже родовымъ на-
чаломъ и византизмомъ. Женщину настойчиво и ревниво
удаляли изъ общественной жизни и наконецъ заперли въ
теремъ. Затворничество женщинъ окончательно утвердилось
еще въ началѣ XVI вѣка. Заключение женщины уродо-
вала ея умъ, уродовала и злила. Воспитаніе женщины со-
стояло въ томъ, что ее старались покрѣпче удержать въ
теремѣ, да откармливать, какъ на убой, чтобы она вошла
въ тѣло и приобрѣла ту красоту жирной дородности, кото-
рая такъ прельщаетъ всѣхъ нецивилизованныхъ людей. Имѣть
тонкую талію женщина считала такимъ-же недостаткомъ,
какъ и имѣть маленькую ножку. Женщина менѣе пяти пу-

довъ вѣсомъ не могла быть названа красавицей. При такихъ понятіяхъ о женской красотѣ, при неразвитости женскаго чувства и фантазіи немудрено, что любовь пріобрѣла грубо-чувственный характеръ, любовь сдѣлалась простымъ удовлетвореніемъ животнаго позыва. При такомъ же характерѣ любви на любимую женщину естественно смотрѣли только какъ на утѣху, какъ на орудіе наслажденія, которую ревниво оберегали даже отъ постороннихъ взглядовъ.

Въ семейной жизни жена была рабыней своего мужа и даже въ обыденныхъ разговорахъ не называла иначе, какъ господиномъ. Цѣлый рядъ законоучителей и духовныхъ писателей старался укрѣпить мужчинъ въ этомъ убѣжденіи. Вотъ напр., чему учить извѣстный „Домострой“: „А если жену слово и наказаніе не иметъ, если она не слушаетъ и не внимаетъ, и не боится, и не творить, какъ мужъ учить, то плетію постегать, винѣ смотря... А въ случаѣ большой вины, и за ослушаніе и небреженіе, снять рубашку, да плетію вѣжливенько бити, за руки держа“. Въ народныхъ пословицахъ эта доктрина о мужниной власти, эта тираническая система страха и побоевъ выражаются въ еще болѣе рѣзкихъ и отвратительныхъ формахъ: „Жена безъ грозы хуже козы“, „люби жену какъ душу, треси ее какъ грушу“, „бей жену обухомъ, припади, да отнюхай, дышетъ да морочить, еще хочеть“ и т. д. Побои, по народному воззрѣнію, служатъ даже доказательствомъ любви: „Кого люблю, того и бью“, „любить жену держать грозу“, „жену не бить и милу не быть“. Преобладаніе жены надъ мужемъ считалось величайшимъ позоромъ для человѣка. Мужъ даже считалъ себя господиномъ жениной жизни, и въ уголовномъ кодексѣ тогдашней Россіи не было закона, который преслѣдовалъ бы за убійство жены; если убійство совершено въ наказаніе за проступокъ. Наконецъ жена страдала не только отъ одного мужа, но и отъ его родственниковъ, преимущественно отъ свекра, свекрови и золовокъ, точно также это можно наблюдать и теперь въ любой крестьянской или купеческой семьѣ. Словомъ, жена была рабой въ полномъ и буквальномъ смыслѣ этого ужаснаго слова.

Рядомъ съ порабощеніемъ женщины въ древней Руси господствовала въ всѣхъ классахъ общества страшная, всесторонняя развращенность; нашимъ предкамъ были вовсе неизвѣстны утонченныя наслажденія европейскаго общества и всѣ ихъ удовольствія носили грубый, исключительно чувственный характеръ. Главнымъ національнымъ порокомъ было пьянство, повальное, непрестанное пьянство, доходившее до того, что Русь походила на одинъ сплошной громадный кабакъ. Женщины пьянствовали не меньше мужчинъ, находя въ водкѣ и забвеніе своего горя и одно изъ главныхъ доступныхъ имъ удовольствій. Юрій Крижавичъ считаетъ тогдашнюю Россію страной болѣе развращенной, чѣмъ Турція. Главный контингентъ наложницъ составляли инородки, которыхъ служилые люди забирали въ полонъ и потомъ продавали. Въ своихъ отношеніяхъ къ иноплеменнымъ женщинамъ наши предки были ужасны. Въ ливонскую, напр., войну русскіе жарили младенцевъ на сковородахъ, женщинамъ вырѣзывали груди, у беременныхъ вырѣзали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ, всѣхъ позорили и уводили въ плѣнъ. Подобной же участи подвергались и русскія женщины во время смуть, междоусобицъ, бунтовъ, даже въ мирное время. Ужасныя насилія и страшныя звѣрства достигали высшей степени и русскія женщины гораздо менѣе терпѣли отъ татаръ и другихъ иноплеменниковъ, чѣмъ отъ своихъ соотчичей. Развратники мучили, транили ихъ и преслѣдовали не только во время смуть, но и во время мира. Иногда и въ мирное время насилія, сопровождаемыя жестокостями, далеко превосходили своимъ злодѣйствомъ даже подвиги тогдашнихъ грубыхъ воиновъ въ непріятельской землѣ. Волосъ становится дыбомъ при разсказахъ историковъ о томъ, напр., что должны были вытерпѣть русскія женщины отъ Ивана Грознаго и его сподвижниковъ. „Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи, разсказываетъ Петрей, — онъ перещеголялъ всѣхъ. Онъ часто насилывалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и родителямъ. Когда же онъ хотъ сколько-нибудь давали замѣтить, что грѣшили съ нимъ неохотно.

то онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; послѣдніе не смѣли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ, если не хотѣли распрощаться съ жизнью такимъ же плачевнымъ образомъ. Трупы висѣли до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усиленному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія снять и похоронить ихъ^{*)}. Однажды метресса сына Грознаго пожаловалась ему, что многія женщины смѣются надъ ней. Грозный такъ разгнѣвался, что рѣшился перерѣзать всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Хотя князья, бояре и фавориты успѣли отклонить его отъ избиенія, но онъ все-таки велѣлъ привести въ Кремль нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ и раздѣть ихъ до нага въ присутствіи своего семейства, бояръ и всей придворной челяди; онѣ должны были оставаться нѣсколько часовъ въ глубокомъ снѣгу при сильной стужѣ. Нѣкоторыхъ онъ велѣлъ засѣчь до смерти. Во время поѣздокъ Грознаго по странѣ, изъ города въ городъ, всѣхъ попадавшихся ему на дорогѣ женщинъ и дѣвицъ онъ приказывалъ раздѣвать до нага и онѣ должны были стоять совсѣмъ нагія—на дорогѣ, зимою въ снѣгу, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ со всею своею челядью. Всѣ эти и другія насилія Грознаго были далеко не случайными явленіями. То же самое, въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ, творили постоянно всѣ сильные и грозные люди, начиная съ воеводъ и кончая разбойниками. Развращенность мужскаго населенія доходила до крайнихъ предѣловъ; этотъ же развратъ проникалъ и въ терема; теремныя затворницы высшаго класса старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами свободной любви. Запертыя въ теремъ, древне-русскія боярыни, постоянно болтавшія съ своими служанками „пустошныя, скоромскія рѣчи“ занимали свое воображеніе и дразнили свою чувственность разными нецѣломудренными представленіями. Пьянство и развратъ царили во всей своей грязной наготѣ, проникая въ самые высшіе слои, даже въ терема царевенъ, изъ которыхъ многія служили типомъ русской мессалины.

*) „Очеркъ исторіи русской женщины“ С. Шашкова.

Наступила Петровская реформа; подорвавъ значеніе роднаго принципа, она разрушила теремъ — эту темницу, построенную родовымъ началомъ и патриархальнымъ деспотизмомъ, и сдѣлала женщину членомъ общества. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ дѣлѣ освобожденія русской женщины. Вышедши на свободу изъ терема, она получила возможность дѣйствовать въ пользу дальнѣйшей своей независимости. Прежде всего женщина добилась нѣкоторой свободы въ дѣлѣ заключенія брака и выборѣ жениха, но вмѣстѣ съ тѣмъ русскія женщины, вырвавшись изъ своихъ теремовъ, развращенныя своимъ прежнимъ рабствомъ, не умѣли опредѣлить границу между свободой чувства и своей общественной независимостью и открытымъ циническимъ развратомъ. Это была естественная реакція женской страсти и женскаго протеста противъ вѣковаго угнетенія. Развитію половой свободы много содѣйствовало также и сближеніе съ Европой, въ которой нравы были тогда крайне отравленными. Соблазнительныя книги и рисунки доставляли одно изъ любимѣйшихъ удовольствій для обоихъ половъ. Французскій дворъ Людовика, съ его куртизанками, оленьими парками и ничѣмъ не стѣснявшимся публичнымъ и частнымъ развратомъ, дававшій тонъ всей тогдашней Европѣ, былъ образцомъ грубаго подражанія и для насъ. Развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и считался признакомъ образованности. Замужнія женщины считали какъ-бы своею обязанностью открыто измѣнять мужьямъ. Мушны были развращены еще болѣе женщинъ. Лучшіе люди Россіи погрязали въ пороки и часто погибали отъ него. Женщины среднихъ классовъ вольничали также открыто, какъ и великосвѣтскія мессалины. Легкость общественныхъ нравовъ давала тонъ и направленіе всей общественной жизни. Волокитство, семейныя ссоры изъ-за супружеской невѣрности, бѣгство женъ съ любовниками, увозъ дѣвушекъ, скандалы, порожденные ревностью, — все это сдѣлалось однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ, занимавшихъ общественное мнѣніе и дававшихъ нескончаемую работу сплетникамъ.

Тѣмъ не менѣе развитіе самостоятельныхъ женскихъ харак-

теровъ и улучшеніе другихъ сторонъ женскаго быта дѣлали быстрые успѣхи. Реформа Петра укрѣпила и развила имущественныя права женщины; женщинамъ, особенно при императрицахъ, нерѣдко жаловались земли съ крестьянами и другія подобныя награды. Экономическая роль помѣщицы благотворно дѣйствовала на развитіе женскаго характера. Управленіе имѣніемъ и хозяйственныя работы, торговля, промышленность, все это создавало такія женскія натуры, которыя ни въ чемъ не уступали мужскимъ. Женщины сплошь и рядомъ принимали участіе въ общественной жизни подъ именемъ своихъ мужей, управляли городами, губерніями и цѣлыми краями, командовали полками и т. д.; случалось даже, что за отсутствіемъ своихъ мужей жены облакались въ ихъ мундиры и командовали войсками. Бывало и то, что женщины правили епархіями... Въ придворныхъ интригахъ, переворотахъ, заговорахъ, которыми такъ богатъ нашъ XVIII в., женщины принимали самое дѣятельное участіе. Со времени Екатерины II женщинѣ была предоставлена новая профессія воспитательницы и преподавательницы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гувернантки и домашней учительницы. Царствованіе этой императрицы было немало важнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ уравниванія правъ между двумя полами, — уравниванія, которому, въ свою очередь, содѣйствовали и три другихъ женскихъ царствованія XVIII вѣка. Однакожь, не смотря на всѣ благопріятныя условія, созданныя женскими царствованіями XVIII вѣка, значеніе русской женщины далеко не поднялось до той высоты, какой достигли въ это время европейскія женщины, напр. французенки. Причину этого мы видимъ единственно въ неразвитости и невѣжествѣ русской женщины. Кромѣ Екатерины II и Дашковой, хорошо образованныхъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ почти вовсе не было, какъ не было вовсе и средствъ къ солидному женскому образованію. Какъ высшее, такъ и низшее дворянство, погрязшее въ свои крѣпостные интересы, относилось къ образованію съ такимъ презрѣніемъ, какое рѣдко встрѣчается даже у дикарей. Такія условія жизни естественно вели къ тому, что нерѣдко создавали изъ женщинъ

замѣчательныхъ чудовищъ. Невѣжественная, неразвитая женщина, въ роли помѣщицы, игуменьи, губернаторши, „помпадурши“, не уступая мужчинѣ въ энергіи и предпріимчивости, не уступала ему и въ безнравственности; она била, грабила, брала взятки, превращалась въ чудовищную тиранку, въ родѣ знаменитой Салтычихи, которая засѣкла до смерти 139 человекъ, преимущественно женщинъ и дѣвочекъ, за нечистое, по ея мнѣнію, мытье бѣлья и половъ и, говорятъ, употребляла на жаркое, вмѣсто сладкаго мяса, женскія груди. Для многихъ женщинъ тѣлесное наказаніе людей было однимъ изъ главныхъ развлеченій среди заѣдавшей изъ скуки. Однажды, напр., къ статсъ-дамѣ Дарьѣ Голицыной пріѣзжаетъ на дачу гостья. „Ахъ, какъ я тебѣ рада, закричала княгиня, а то смерть было скучно и со скуки я хотѣла-было уже велѣть пересѣчь своихъ араповъ!“ Даниловъ въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ о родственницѣ, у которой онъ жилъ, что „эта вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только я признаюсь, сколько времени у нея ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки; какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть сѣчь батожемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричить, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе,—видно, для хорошаго аппетита.“ И не однѣ захолустныя помѣщицы предавались такимъ забавамъ. Любовныя интриги, сплетни и ссоры наполняли собою жизнь невѣжественныхъ барынь. Онѣ модничали и безумно роскошничали на деньги, выжатыя съ крѣпостныхъ крестьянъ, или пріобрѣтенныя достойными ихъ мужьями посредствомъ казнокрадства и взятокъ. Вплоть до отнятія крѣпостнаго права всѣ иностранцы изумлялись нашей азіатской роскоши и глупому мотовству. Съ развитіемъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ идей въ началѣ XIX вѣка, какъ домашнее, такъ и институтское воспитаніе женщины болѣзненно настраивало ея фантазію и чрез-

мѣрно развивало чувствительность. Эти душевные настроенія съ особенною силою развились въ началѣ XIX вѣка, подъ вліяніемъ сентиментализма карамзинской школы и романтизма Жуковского. Серьезное женское воспитаніе, которое было бы не служеніемъ граціи, а дѣйствительнымъ развитіемъ женскихъ силъ и способностей, было немыслимо въ эту эпоху. Изящныя манеры, салонный тонъ, женская прелесть въ чисто физическомъ смыслѣ, умѣнье казаться пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамой—вотъ вся программа воспитанія и образованія, до какой только могли подняться люди при господствѣ крѣпостнаго права. Въмѣстѣ съ тѣмъ домохозяйные взгляды на полудикіе нравы продолжали держаться въ большинствѣ общества. Большинство отцовъ оставалось еще деспотами во вкусѣ по па Сильверста, жестокими даже при своемъ добродушіи, какъ напр. предокъ Аксакова, описанный имъ въ „Семейной Хроникѣ.“ Выведенный изъ себя даже пустяками, онъ становился тигромъ. „Однажды онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ. Двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя мнѣ дѣдушку, рассказываетъ Аксаковъ: онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. „Подайте ее мнѣ сюда!“ вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры, даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ, убѣжали изъ дому и спрятались въ рождѣ,—даже тамъ кочевали. Долго бушевалъ дѣдушка въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за волосы Арину Васильевну, повалился онъ въ изнеможеніи на постель и впалъ въ глубокій сонъ. Понятно, что подобные самодуры употребляли всѣ усилія, чтобы охранить свои семейства отъ „поврежденія нравовъ“ и удержать за собою власть владыкъ. Нравы вообще смягчались чрезвычайно медленно и всѣ стремленія

женщинъ къ свободѣ и развитію встрѣчали множество враждебныхъ элементовъ, унаслѣдованныхъ отъ древняго періода нашей исторической жизни. Какъ не сильны, однако, эти элементы еще и теперь, но они, очевидно, должны уступить вѣянію времени. Женщина мало-по-малу пробиваетъ себѣ дорогу къ свободѣ, къ самостоятельной жизни и этого она достигла-бы гораздо скорѣе, если-бы она, отрѣшившись отъ всякихъ бредней, яснѣе сознала-бы свои нужды и свои права, а—главное—свое истинное призваніе.

Посмотримъ-же, въ чемъ состоитъ призваніе и обязанности женщины, какъ жены.

Если соединяются два существа для того, чтобы провести жизнь рука объ руку и составить семейство, то они должны, конечно, серьезно обдумать этотъ трудный и важный шагъ: они должны провѣрить свои взаимныя чувства и взвѣсить также чисто житейскія обстоятельства, какъ напр. средства къ существованію. Основаніемъ брака должна служить любовь и всякій бракъ, совершенный не по любви,—въ высшей степени безнравствененъ. Подъ словомъ „любовь“ мы вовсе не подразумеваемъ той любви, которая ограничивается удовлетвореніемъ прихоти и страсти. Но что-же такое любовь и кто истинно любить? Если дѣвушка выходитъ замужъ по уговору, если она совершенно равнодушна при удаленіи и приближеніи своего мужа, если она рѣшается на этотъ шагъ не изъ искренняго внутренняго влеченія къ нему, а только ради разныхъ другихъ причинъ,—въ такомъ случаѣ она дѣйствуетъ недобросовѣстно и ошибочно; при такомъ положеніи каждый долженъ считать своею обязанностью не только не способствовать къ совершенію такого преступленія, а напротивъ представить дѣвушкѣ весь ужасъ его и во что бы то ни стало стараться перемѣнить взглядъ и обстоятельства, заставляющія ее рѣшиться на подобное дѣло, потому что часто лучшія и честнѣйшія дѣвушки имѣютъ такое понятіе, что выйти замужъ безъ сердечнаго влеченія не только не худо, но что это геройскій подвигъ, совершаемый ими для того, чтобы въ будущности престарѣлые родители имѣли въ ея мужѣ podporу; что замужество это от-

крываетъ имъ самымъ болѣе обширный кругъ дѣятельности и извѣстное положеніе въ свѣтѣ. „Любовь есть та сила, безъ которой всякое супружество должно считаться безирравственнымъ и грѣховнымъ,“ говоритъ Луиза Отто *). Съ этимъ нельзя не согласиться. Только тотъ бракъ можетъ быть истинно счастливымъ, который основанъ на любви, на взаимномъ влеченіи сердець, чувствующихъ себя связанными взаимнымъ уваженіемъ и привязанностью и находящихъ невозможнымъ существовать одинъ безъ другаго. Единственный счастливый и нравственный бракъ—это бракъ по любви. Тѣмъ не менѣе два существа, вступающія въ союзъ, не должны руководиться одною лишь взаимною любовью; необходимо взвѣшивать и другія обстоятельства. Опытъ указываетъ на то, что одной любви для полнаго супружескаго счастья еще недостаточно. Хотя въ пѣснѣ и поется, что „съ милымъ рай и въ шалашѣ,“ но съ другой стороны та же народная мудрость гласитъ, что „изъ любви шубы не сошьешь.“ Любящаяся чета нравственно обязана не вступать въ бракъ раньше, чѣмъ она не будетъ увѣрена въ возможности содержать себя и прочихъ членовъ семейства. Для этого нунужно богатства, а только взаимное желаніе помогать другъ другу въ трудахъ и твердая рѣшимость по одежкѣ протягивать ножки, вести свой образъ жизни такъ, чтобы онъ не превышалъ дохода, и этого будетъ вполне достаточно не только для того, чтобы содержать семейство, но и чтобы воспитывать дѣтей. Эта цѣль достигается весьма легко, если трудится не одинъ только мужъ, но ему помогаетъ и жена, вообще, если въ домѣ не терпятся празныя руки. Слишкомъ понятно, что не слѣдуетъ ослѣпляться любовью и закрывать глаза передъ недостатками, которыми обладаетъ любимый человѣкъ. Прежде чѣмъ явиться передъ алтаремъ, дѣвушка должна изучать своего жениха и, если она подмѣтитъ въ немъ крупныя недостатки, то лучше сдержать въ себѣ порывы любви, лучше разомъ порвать съ любимымъ человѣкомъ всѣ связи, чѣмъ всю жизнь терпѣть

*) Луиза Отто. „Неотъемлемое право женщинъ,“ пер. съ нѣмец.

горе въ сожителствѣ съ мужемъ пьяницей, дѣвцѣмъ или человѣкомъ безнравственнымъ. Но опять-таки не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго знанія тѣмъ обстоятельствамъ, на которыя мы указали, какъ на необходимыя условія счастливаго брака. Между тѣмъ сплошь и рядомъ случается, что дѣвушки, выходя замужъ, не справляются съ своими чувствами къ жениху и на первый планъ ставятъ соображенія чисто практическаго свойства. Онѣ не спрашиваютъ себя: „люблю-ли я своего жениха?“ и считаютъ важнымъ лишь вопросъ: „можетъ-ли женихъ содержать меня прилично?“ Такимъ образомъ является бракъ по разсчету, бракъ въ высшей степени безнравственный уже потому, что дѣвушка продаетъ себя и обманываетъ своего будущаго мужа на счетъ своихъ чувствъ къ нему. Непріятно видѣть родителей, принуждающихъ свою дочь выйти за нелюбимаго человѣка, но еще болѣе непріятно, почти отвратительно видѣть дѣвушку, выходящую за какого-нибудь разслабленнаго старика ради его богатства, ради того, чтобы жить въ роскоши и праздности и съ тайнымъ намѣреніемъ находить успѣхи любви не съ развалиной-мужемъ, а съ какимъ-либо постороннимъ франтомъ, какой подъ руку попадется. Надо замѣтить, что подобныя возмутительныя браки по разсчету болѣе всего распространены въ высшихъ слояхъ общества. Здѣсь сплошь и рядомъ молоденькія дѣвушки выходятъ замужъ за стариковъ и затѣмъ обзаводятся цѣлымъ штатомъ кузеновъ и друзей дома. Нигдѣ нѣтъ такого громаднаго количества рогатыхъ мужей, какъ въ высшихъ классахъ. Надо замѣтить между прочимъ, что браки по разсчету очень часто кончаются чрезвычайно комично, если дѣвушка, выходя замужъ за старика, рассчитывала на его богатство, на жизнь праздную, роскошную, полную свѣтскихъ развлеченій и вдругъ, по выходѣ замужъ, она убѣждается, что предполагаемый богачъ живетъ скромнымъ жалованьемъ и что богатство было просто мифомъ. Наступаетъ разочарованіе, горькое разочарованіе. А тутъ въ добавокъ старикашка мужъ даетъ очень чувствительно понять, что онъ женился вовсе не для своихъ друзей и знакомыхъ. Ревни-

вый мужъ преслѣдуетъ ее по пятамъ. Сцены, ссоры, раздоры. Жизнь молодой женщины становится невыносимой. Бываютъ, конечно, и обратные случаи, но они одинаково безобразны.

Когда старикъ жену возьметъ
Лѣтъ двадцать пять себя моложе,
Она вертѣтъ его начнетъ,
Дурачить всячески... и что-же?
Какъ бѣдный мужъ ни будь упрямъ,
Но прогнѣвить жену боится,
Во всемъ покоренъ ей, а тамъ...
А тамъ кто знаетъ, что случится.

Бракъ въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ есть соединеніе мужчины съ женщиною, основанное на общепринятыхъ законахъ и имѣющее цѣлью сблизить все прекрасное, любящее, дружественное въ двухъ существахъ, испытывающихъ нѣжное влеченіе другъ къ другу. Его предметъ заключается въ счастіи и благосостояніи, которые должны родиться изъ соединенія двухъ существъ въ поддержкѣ и взаимныхъ заботахъ, которые супруги даютъ вѣтву оказывать другъ-другу.—Естественная и социальная цѣль брака—потомство, хорошее физическое и нравственное воспитаніе дѣтей, долженствующее подготовить изъ нихъ добродѣтельныхъ людей, полезныхъ гражданъ. Такимъ образомъ бракъ есть актъ, близко касающійся самыхъ высшихъ интересовъ общественныхъ и семейныхъ.

Бракъ развиваетъ и укрѣпляетъ любовь къ дѣтямъ, вмѣстѣ съ чувствомъ справедливости, долга и естественнаго права; онъ приводитъ въ дѣйствіе силы физическія и нравственныя; онъ возбуждаетъ дѣятельность человека, заставляя его бодрствовать и удовлетворять потребностямъ и нуждамъ своего семейства. Жена любитъ своего мужа и заботится о немъ; признательный мужъ обожаетъ и защищаетъ свою жену. Наконецъ, бракъ, соединяя два пола другъ съ другомъ, предупреждаетъ развратъ, умѣряетъ чувственныя страсти и чрезъ то становится блюстителемъ доброй нравственности и семейной чести.

Философы, во всё времена, смотрѣли на бракъ, какъ на естественное состояніе мужчины и женщины, достигшихъ брачнаго совершеннолѣтія, которое наступаетъ вполнѣ нѣсколько ранѣ совершеннолѣтія гражданскаго.

Бракъ необходимо требуетъ соответствующаго возраста, полнаго развитія организаци и достаточныхъ силъ. Онъ вызываетъ чувства гораздо болѣе продолжительныя чѣмъ любовь; его опорой должны быть дружба и уваженіе; только при такихъ данныхъ бракъ бываетъ счастливъ и это счастье можетъ быть продолжительно.

Опытъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ показалъ, что самый благопріятный для брака возрастъ это вообще отъ двадцати пяти до сорока лѣтъ для мужчины и отъ восемнадцати до тридцати для женщины. Называютъ ранними браки, заключенные до этихъ возрастовъ, поздними и послѣ нихъ и несоответственными такіе, въ которыхъ возрастъ одного изъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, далеко превосходитъ возрастъ другаго. Родители, сочетающіе бракомъ своихъ дѣтей до ихъ окончательнаго физическаго развитія, вдвойнѣ виновны; во-первыхъ потому, что молодые люди, увлекаемые стремительностью своихъ страстей, утомляются и изнемогаютъ среди слишкомъ учащенныхъ нѣжныхъ изліяній; во-вторыхъ потому, что потомство такихъ супруговъ носить на себѣ отпечатокъ того несовершенства и истощенія, которыя составляютъ несчастіе расы. Вслѣдъ за утомленіемъ, смѣняющимъ чувственыя излишества, наступаетъ пресыщеніе ими; молодые супруги скоро разочаровываются другъ въ другъ, или же становятся равнодушны и начинаютъ въ непостоянствѣ отыскивать того, что должно пробудить ихъ притупленныя желанія. Но обыкновенно слишкомъ ранніе браки имѣютъ неблагопріятныя послѣдствія на умъ женщинъ. Черезъ эту преступную торопливость родителей молодая дѣвушка не успѣваетъ достигнуть окончательнаго развитія силъ, къ которому бываетъ уже близка. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ молодая дѣвушка, организаци которой еще несовершенна, можетъ дать жизнь существу совершенному? Такимъ образомъ часто случается ви-

дѣть какъ жертвы раннихъ браковъ погибаютъ вслѣдствіе трудныхъ родовъ, или же влечать болѣе или менѣе мучительную жизнь въ изуродованномъ тѣлѣ. Браки поздніе также чрезвычайно вредны. Большая часть женщинъ отъ тридцати пяти до сорока лѣтъ начинаютъ полнѣть, а полнота, какъ извѣстно, служить признакомъ упадка производительной способности. Плоды позднихъ браковъ должны быть слабѣе и некрасивѣе, чѣмъ дѣти, рождающіяся отъ браковъ, заключенныхъ въ мужественномъ возрастѣ. Впрочемъ, факты доказываютъ это лучше всякихъ разсужденій и невозможно отвергать той истины, что большинство слабыхъ существъ обоюго пола, влечащихъ непрочную жизнь въ большихъ городахъ, обязаны своимъ тѣлосложеніемъ единственно тому, что произошли отъ пожилыхъ родителей. Браки несоответственные всегда пагубны какъ для здоровья младшаго изъ супруговъ, такъ и для тѣлосложенія дѣтей, если только послѣднія родятся. Молодыя дѣвушки, вступающія въ бракъ съ пожилымъ развратникомъ, рано увядаютъ и если случайно произойдетъ зачатіе, то чего ожидать отъ существа, рожденнаго при подобныхъ условіяхъ. Всѣ физиологи согласны между собою въ томъ отношеніи, что дѣти, рожденныя въ пожиломъ возрастѣ, бывають хилы, безжизненны, геморроидальны, предрасположены къ англійской болѣзни и проч.; даже въ дѣтствѣ своемъ они отличаются какою-то молчаливостью, вовсе несвойственною ихъ возрасту. Многія изъ нихъ не достигаютъ втораго семилѣтія; да и тѣ, которыя остаются въ живыхъ, обыкновенно влечать томительную жизнь.

Преимущества брачной жизни состоятъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, въ физической и моральной дѣятельности, въ которой должны находиться супруги, чтобы обезпечить существованіе своего семейства; дѣятельности, которая благопріятствуя дѣйствию органическихъ отравленій, поддерживаетъ дѣйствительное равновѣсіе потерь и восстановленія жизненныхъ соковъ, отъ чего зависитъ состояніе здоровья. Во-вторыхъ, въ умѣренныхъ и правильныхъ наслажденіяхъ бракомъ, которыя вовсе не истощая жизненной силы, напротивъ, придаютъ ей новую энергію, освобождая организмъ отъ

излишнихъ плодородныхъ соковъ. Въ третьихъ, въ томъ счастливомъ соединеніи тѣла и духа, которое способствуетъ супругамъ переносить бремя жизни, раздѣляя горе и радость, всегда окружая другъ друга внимательными, сладкими утѣшеніями, которыя заставляютъ вѣрить въ священную дружбу, сдѣлавшуюся такою рѣдкостью, въ наши дни, на эгоистической землѣ. Таковы то благодѣянія брака, разсматриваемаго вообще въ его естественномъ ходѣ. Необходимо только одно—начертать правила и слѣдовать имъ въ супружеской жизни, не отступая отъ нихъ ни на шагъ, подѣ страхомъ нарушить физическое и моральное равновѣсіе супруговъ. Соединеніе половъ составляетъ одинъ изъ великихъ законовъ природы; мужчина и женщина подчинены ему также какъ и всѣ другіе существа и не могутъ, особенно въ періодъ возмужалости, освободиться отъ него, безъ того, чтобы ихъ организмъ не пострадалъ до нѣкоторой степени. Съ этой точки зрѣнія бракъ имѣетъ огромное вліяніе на общее здоровье, на нравы и характеръ обоихъ половъ. Холостые люди подвержены множеству болѣзней, отъ которыхъ люди семейные или вовсе избавлены, или же подвергаются имъ весьма рѣдко; смерть похищаетъ большее число существъ между первыми, чѣмъ между послѣдними; бракъ приноситъ съ собою, такъ сказать, привилегію на долговѣчность. Это преимущество брака хорошо было извѣстно древнимъ, которые воздвигали статуи Гимена съ слѣдующими словами на пьедесталѣ: „Гимену замедляющему приближеніе старости“.

Безбрачіе оказываетъ такое гибельное вліяніе на интеллектуальныя способности женщинъ, что во всѣхъ заведеніяхъ для умалишенныхъ число дѣвушекъ или незамужнихъ женщинъ стоитъ въ громадной несоразмѣрности съ числомъ замужнихъ.

Взгляните на эту блѣдную, молодую дѣвушку со впалыми, страждущими глазами, съ нетвердою походкой, она наклоняетъ свою головку къ землѣ, не испытывая живящей ласки, подобно цвѣтку, лишенному свѣта; ея сердце сжимается, вздохи безпрестанно перерываютъ ея дыханіе; ея пищевареніе разстроено, вкусы причудливы; она желаетъ пищи вредной

для себя или же вовсе не питательной. Если жалкое положеніе, въ которомъ она томится, продлится долѣе, то предъ нею откроется и приметъ ее на вѣки могила. Но пусть ее выдадутъ замужъ, пусть дадутъ ей молодаго человѣка, котораго она видитъ непрерывно въ сновидѣніяхъ, — бракъ будетъ для нея тѣмъ живительнымъ солнечнымъ лучемъ, который разгоняетъ мрачныя тучи и возвращаетъ небу его лазурь. Тогда розы снова разцвѣтутъ на ея щекахъ; по ея жиламъ разольется кровь болѣе изобильная, и она приобрететъ прочное здоровье. Краснорѣчивый авторъ „Физиологіи страстей“ приводитъ исторію одной молодой дѣвушки, которую родители, приведенные въ заблужденіе ложнымъ религіознымъ направленіемъ, хотѣли сдѣлать монахинею противъ ея воли. Эта дѣвица, одаренная страстнымъ темпераментомъ, впала сперва въ глубокое истомленіе, потомъ прошла всѣ степени истерики и другихъ чисто женскихъ болѣзней и не вынесла бы пожиравшаго ее пламени, еслибъ д-ръ Алиберъ, призванный на совѣтъ, не объявилъ, что излѣчить ее можно только скорымъ замужествомъ. Это средство удалось вполне. Въ настоящее время, сдѣлавшись матерью семейства и отличаясь замѣчательною кротостью характера, эта дама живетъ спокойно и пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. Бракъ есть единственное средство къ приведенію производительнаго инстинкта въ порядокъ и къ подчиненію его моральной цѣли; только онъ одинъ можетъ обуздать и умѣрить любострастные желанія. Мы увидимъ далѣе, что также опасно подавлять производительный инстинктъ, какъ и давать ему волю. Всеобщій законъ гармоніи требуетъ умѣренного упражненія всѣхъ органовъ нашей организаціи. Если одинъ изъ нихъ осужденъ на безусловное спокойствіе, то и другіе терпятъ отъ этого, и при такомъ нарушеніи равновѣсія всѣхъ отправления, здоровье разстраивается и наступаютъ болѣзни. Итакъ, производительный актъ есть необходимая потребность для мужчины и женщины, безусловное отсутствіе его вредно для человѣка и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, умѣренныя брачныя удовольствія необходимы для поддержанія общаго здоровья; они успокои-

вають бурныя желанія, волненія, тревоги, огорченія любви; отгоняють сладострастные грезы, облегчаютъ дѣйствіе жизненныхъ отправленій, оживляютъ душу и придаютъ тѣлу ту свободу и гибкость, которыя дѣлають его бодрымъ и дѣятельнымъ; они же влекутъ человека къ дружбѣ, благотворительности и великодушію. Наконецъ слѣдуетъ признаться, что брачныя удовольствія составляютъ счастливое вознагражденіе за всѣ житейскія печали и бѣдствія.

Супружеское счастье въ равной мѣрѣ зависитъ какъ отъ мужа, такъ и отъ жены, и обусловливается честнымъ исполненіемъ каждымъ изъ нихъ своихъ обязанностей. Дѣятельность мужа—въ домѣ, дѣятельность жены—въ домѣ и слагается изъ обязанностей въ отношеніи къ мужу, хозяйству и обществу. Это распредѣленіе обязанностей до того вошло въ нравы общества, что король прусскій, отецъ Фридриха II, встрѣчая женщину на улицѣ, великій разъ поднималъ на нее палку, говоря: „воротись домой, честная женщина должна сидѣть дома“. Мы не будемъ такъ односторонни, тѣмъ не менѣе рассмотримъ эти обязанности подробнѣе.

Взаимныя отношенія между супругами должны всегда носить на себѣ печать кротости, снисходительности, глубокой привязанности и безпредѣльнаго уваженія. Между супругами должно царствовать полнѣйшее довѣріе, такъ какъ довѣріе служить основнымъ камнемъ, на которомъ покоится зданіе брака. Если этого камня нѣтъ—зданіе рушится, а съ нимъ рушатся покой и счастье семьи. Мы вовсе не хотимъ сказать, что жена должна во всемъ подчиняться мужу и, такъ сказать, самоуничижать собственную личность въ угоду мужу; но мы должны замѣтить, что жена, желающая супружескаго счастья, обязана изучать, наблюдать все, что нравится мужу, что его радуетъ или огорчаетъ и соотносить съ нимъ свои поступки. Ничто, напр., такъ не нравится мужчинамъ (мы говоримъ, конечно, о людяхъ порядочныхъ) какъ порядокъ, опрятность и вообще общій видъ домашняго благоустройства; на это именно и должна прежде всего обратить жена все свое вниманіе. Да и было бы слишкомъ жестоко заставлять мужа, трудящагося день и ночь и

несущаго весь свой заработокъ въ домъ, видѣть полный беспорядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Поэтому, если жена не чувствуетъ склонности къ домашнимъ занятіямъ, она, для своего счастья и для счастья семьи, обязана преодолѣть себя и главною своею обязанностью поставить—руководство домашнимъ хозяйствомъ. Это будетъ нѣкотораго рода пожертвованіе со стороны жены; но дѣло въ томъ, что супружеское счастье зиждется именно на взаимныхъ уступкахъ и добровольныхъ жертвахъ. Многія женщины доводятъ эти самопожертвованія до излишества и добровольно становятся въ положеніе рабынь своихъ мужей; унижая тѣмъ свое достоинство и невольно приучая мужей къ семейному деспотизму. Это крайность на столько же вредная, на сколько вредно для семейнаго счастья слишкомъ ревнивое охраненіе женщинами права на праздность. Умная, добрая жена всегда съумѣетъ поставить себя такъ, что мужъ не рѣшится обращаться съ ней какъ съ рабой; она спокойно и нечувствительно для мужа сохранитъ свои права и заставитъ его смотрѣть на себя не иначе, какъ на друга и помощницу во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣтъ, наконецъ, ничего болѣе неестественнаго и неприличнаго, какъ обращеніе женъ съ мужьями, какъ со слугами, какъ постоянное обремененіе ихъ прихотливыми требованіями, какъ желаніе показать свое вліяніе на мужа. Такое поведеніе заслуживаетъ полнаго порицанія и, надобно сознаться, что такъ составляетъ необходимое качество жены. Изъ всѣхъ достоинствъ, украшающихъ женщинъ, изъ всѣхъ преимуществъ вѣншей и внутренней красоты, такъ самое неопѣненное достоинство, и женщина, не обладающая имъ, не можетъ устроить счастья ни своего собственнаго, ни счастья своего мужа.

У насъ между прочимъ принято, что женщина нисколько не заботится о своемъ костюмѣ, когда она дома и является во всей изысканности своего наряда лишь въ общество. Это громадная ошибка со стороны женщинъ. Неопрятность, неряшливость и невниманіе къ самимъ себѣ многихъ женъ невольно отталкиваетъ отъ нихъ мужей. Дома онѣ ходятъ какъ кухарки, а мужья, встрѣчая въ обществѣ лишь барынь,

изысканно одѣтыхъ, невольно, произвольно дѣлають сравненіе между этими изящными барынями и своими нерыхами-женами. Сравненіе, конечно, получается не въ пользу женъ. Да и не странно-ли рядиться для того, чтобы показаться во всемъ блескъ красоты совершенно равнодушному наблюдателю, котораго женщина случайно встрѣтитъ въ обществѣ, и постоянно оставаться нерыхой на глазахъ того, кого любишь? Гораздо естественнѣе и разумнѣе доставлять удовольствіе мужу, чѣмъ совершенно постороннимъ лицамъ.

Жена должна заботиться, чтобы семейная жизнь всегда представляла для мужа картину его любимыхъ удовольствій и самыхъ живыхъ радостей. Мужу, вѣчно труждающемуся, постоянно обремененному заботами, терпящему нерѣдко разныя служебныя и иныя непріятности, необходимъ отдыхъ. Гдѣ же искать покоя, какъ не дома, въ семьѣ, около любящей жены и въ кругу дѣтей? Но какъ часто усталый мужъ возвращается домой, а жена еще увеличиваетъ утомленіе, обременяя его сплетнями, которыя слышала въ теченіе дня, своими замѣчаніями о жизни сосѣдей, мелочными требованіями и довершаетъ свою повѣсть огромною жалобою на свою несчастную судьбу. Въ настоящее время занятія дѣловыхъ мушницъ такъ сложны, столько поглощаютъ времени, энергіи и труда, что имъ нѣкогда, да и желанія у нихъ нѣтъ заниматься вздоромъ. Жены этого не хотятъ понять. Не менѣе важно, чтобы жена всегда сочувствовала мужу въ его дѣловыхъ предпріятіяхъ, чтобы она не разочаровывала его сомнѣніями и тревогами, а, напротивъ, постоянно старалась поддержать его энергію, духъ и силы. Тогда самый тяжелый трудъ кажется легкимъ, энергія его удваивается, цѣль трудовой жизни становится яснѣе: онъ работаетъ для своей дорогой, любимой жены, для счастья и благополучія своей семьи.

Если мужъ рѣшительно ниже своей жены по умственнымъ способностямъ, положеніе супружеской четы становится очень затруднительнымъ. Если мужъ совершенно глупъ, положеніе жены безвыходное; если жена захочетъ скрыть его недостатки—напрасный трудъ: онъ тотчасъ войдетъ въ

свою родную колею. Дѣвица, слѣпо и неразумно выбравшая такого друга, цѣлую жизнь будетъ раскаяваться въ своей несчастной ошибкѣ. Никакая рука не въ силахъ помочь ей, никакой урокъ не послужитъ ей въ пользу. Но если жена обладаетъ способностями, равными съ способностями мужа, если они оба стоятъ на одинаковой степени умственнаго развитія, жена поступитъ весьма нерасчетливо и испортитъ все свое благополучіе, если будетъ стараться стать выше своего мужа. Соперничество между мужемъ и женою никогда не приноситъ пользы и всегда бываетъ такъ, что если жена, гордясь своимъ преимуществомъ, совѣтуетъ что-либо мужу и является какъ-бы его руководителемъ, мужъ идетъ совершенно другою дорогою, чтобы доказать свою независимость и собственную волю. Точно также жена должна быть очень осторожна, если на ея сторонѣ преимущества богатства и званія; ничего нѣтъ легче въ подобномъ положеніи, какъ оскорбить гордость мужа.

Главное-же условіе счастливой супружеской жизни это взаимное довѣріе. Жена безъ довѣрія къ ней мужа жалкая раба; жена, пользующаяся довѣріемъ своего мужа, поднимается на ту высоту, на какой она въ сущности должна стоять. Но какъ приобрести довѣріе? Если жена въ своемъ поведеніи или обращеніи показываетъ отсутствіе разсудка, едва-ли мужъ будетъ имѣть довѣріе къ ея опытности. Напрасны всѣ ея желанія сдѣлаться хорошею супругою, умною матерью и разумною хозяйкою дома. Она нравственно чиста; она дѣлаетъ все какъ можно лучше, но этого недостаточно. Напрасно она будетъ жаловаться, что мужъ не довѣряетъ ей своихъ дѣлъ; онъ не увѣренъ въ томъ, что жена не будетъ ошибаться въ распоряженіи ввѣренными ей интересами семейной жизни. Если мужъ находитъ въ женѣ невѣжество, не позволяющее ей здраво разсуждать о вещахъ; если видитъ, что она не можетъ дать своимъ мыслямъ серьезнаго направленія, что не въ состояніи вывести правильныхъ сужденій изъ всего того, что видитъ и слышитъ, конечно и отъ него несправедливо требовать, чтобы онъ считалъ жену свою способною къ разумному веденію домашняго хозяйства

и участію въ его собственныхъ дѣлахъ; онъ не можетъ на нее смотрѣть иначе, какъ на дитя. Бываютъ наконецъ случаи, что жены теряютъ довѣріе мужей вслѣдствіе своей не-исправимой болтливости.

Умная жена никогда не будетъ особенно настойчива въ своихъ требованіяхъ. Она хорошо знаетъ, что уступать мужу въ бездѣлицахъ это самое вѣрное средство заставить его дѣлать уступки въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Разумная женщина никогда не станетъ обманывать своего мужа даже въ самыхъ ничтожныхъ предметахъ. Между супругами должна царствовать самая полная откровенность; обманывая мужа въ мелочахъ, жена, сама того не вида, создаетъ свое несчастіе; мужъ перестаетъ ей довѣрять и даже теряетъ увѣренность въ ея нравственной чистотѣ, въ ея супружеской вѣрности. И какъ часто случается, что мужъ преслѣдуетъ жену, вполне непорочную разными подозрѣніями только потому, что она обманывала его въ пустякахъ. Убѣдившись въ лживости жены, мужъ натурально предполагаетъ, что она скрыла отъ него втрое болѣе. Не менѣе важно, чтобы жена знала матеріальныя средства мужа. Ничто не доставляетъ женѣ такого удовольствія, какъ возможность принимать участіе въ интересахъ, занимающихъ умъ мужа, когда дѣла его увѣнчиваются успѣхомъ, когда ему покровительствуетъ счастье и съ другой стороны весьма вредно оставлять жену въ невѣдѣніи относительно положенія дѣлъ мужа; вслѣдствіе этого жены нерѣдко производятъ лишнія траты по дому только потому, что не имѣютъ понятія о запутанныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ мужей.

Жена должна любить своего мужа; соединивъ свой жребій съ жребіемъ супруга, рѣшившись имѣть съ нимъ одну судьбу, жена обязана до конца жизни любить избраннаго ею. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ пороченъ и общество устранилось отъ него, женѣ необходимѣе любить мужа болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ въ минуты раскаянія ему нуженъ вѣрный совѣтникъ, преданный другъ. И какъ часто случается, что жены возвращаются на путь добра и добродѣтели мужей, попавшихъ на ложную дорогу. Конечно, въ подобныхъ слу-

чаяхъ положеніе жены страшно тяжело, но можно любить порочное, унизившееся, не любя его пороковъ и какое блаженство должна испытывать жена, если она, силою своей любви и самопожертвованія сдѣлаетъ своего мужа полезнымъ членомъ общества. Съ другой стороны разумная женщина никогда не станетъ обременять мужа своими ласками и изъявленіями нѣжности въ несоотвѣтствующее для этого время; она никогда не будетъ навязчивою, зная очень хорошо, что чрезмѣрная и неумѣстная нѣжность притупляетъ чувство, охлаждаетъ пылъ любви. Ласка, вниманіе жены незамѣнимы для мужа въ минуты унынія, горя, непріятностей, болѣзни. Въ этихъ случаяхъ жена поистинѣ является добрымъ ангеломъ, если она умѣетъ найти слова утѣшенія, и становится невыносимою, если начинаетъ увеличивать горе мужа упреками, жалобами и слезами. Надо правду сказать, что женщина превосходитъ мужчину въ подвигахъ любви; вѣрности и супружеской преданности. Укажемъ на одинъ историческій примѣръ.

Императоръ Конрадъ III осаждалъ въ Вейнбергѣ Генриха Прекраснаго, графа Баварскаго; приступъ былъ сдѣланъ и городъ долженъ былъ сдаться; тогда горожанки явились къ императору и бросились къ его ногамъ, умоляя позволить имъ удалиться изъ города и вынести то, что имъ будетъ по силамъ. Императоръ дозволилъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что онѣ несутъ на плечахъ своихъ мужей; это зрѣлище его такъ тронуло, что онъ даровалъ прощеніе и городу, и графу.

Вспомнимъ затѣмъ женъ декабристовъ, графиню Волконскую и княгиню Трубецкую, опозтезированныхъ Некрасовымъ. Наконецъ можно привести изъ повседневной жизни тысячи примѣровъ полнаго самоотреченія женщинъ изъ безпредѣльной любви къ мужьямъ.

Во имя любви и счастья семьи женѣ нерѣдко приходится мириться съ нѣкоторыми испытаніями, которыя доставляетъ супружеская жизнь. Едва-ли не самое тяжкое испытаніе, выпадающее на долю женъ, состоитъ въ чрезмѣрномъ увлеченіи мужей удовольствіями внѣ дома, ихъ неумѣренностью къ вину, картамъ и волокитству.

Молодая, красивая женщина сидитъ одна въ своемъ скромномъ будуарѣ. Часы пробили полночь. Она грустно поникла хорошенькой головой и погрузилась въ глубокую, нерадостную думу... Гдѣ теперь мужъ?... Что онъ дѣлаетъ?... думаетъ она. Неужели онъ забылъ ея просьбы, ея огорченія, ея слезы?... Нѣтъ! этого не можетъ быть, восклицаетъ молодая женщина. Я къ нему несправедлива. Онъ никогда не способенъ забыть меня; онъ сейчасъ возвратится и вполнѣ вознаградитъ за минуты ожиданія!...

Волнуемая такими сладкими мыслями, она встаетъ, машинально приводитъ въ порядокъ вещи, и безъ того находящіяся въ порядкѣ. Глаза слипаются отъ бессонницы, но она ждетъ... Медленно проходятъ часы ночи, кругомъ ни звука, а только однообразные удары маятника нарушаютъ томительную тишину... Молодая женщина тяжело вздыхаетъ... Крупныя слезы текутъ изъ глазъ... Уже три часа, нѣтъ силъ бороться съ дремотой... Вдругъ сильный звонокъ... Это онъ! бѣжитъ на встрѣчу мужу и ужасъ овладѣваетъ ею... Онъ сильно качается, одежда въ беспорядкѣ, сильный запахъ вина, безсвязная, глупая рѣчь... Набросимъ покрывало на эту печальную картину.

Другое не менѣе тяжелое испытаніе—это охлажденіе любви мужа или только увлеченія его другими женщинами. Въ первомъ случаѣ, конечно, самое благоразумное стать къ мужу въ отношенія друга и стараться пробудить въ немъ уснувшую страсть, но отнюдь не слезами и жалобами, отнюдь не унижать себя изъясненіями нѣжности, а стараться возбудить его ревность своимъ кажущимся равнодушіемъ. Въ другомъ-же случаѣ, т. е. въ случаѣ увлеченія мужа другой женщиной—лучше всего показать мужу полное равнодушіе какъ въ собственной чистотѣ и непорочности, такъ въ исполненіяхъ своихъ обязанностей матери и хозяйки. И вѣрьте, что ничто такъ не подѣйствуетъ на увлекшагося мужа, какъ равнодушіе и пренебреженіе жены.

Еще одинъ совѣтъ женамъ относительно интимной стороны супружеской жизни. Мужинѣ пріятно, если онъ видитъ, что его счастьемъ сочувствуютъ; его страстное наслаж-

деніе увеличивается, когда то же испытываетъ и женщина и когда восторгъ чувствъ охватываетъ его въ одно время съ нею. Если встрѣчаются женщины слишкомъ страстныя, то найдется еще болѣе такихъ, которыя впадаютъ въ противоположную крайность и показываютъ при совершеніи супружескаго акта равнодушіе и холодность. Если это повторяется, мужъ начинаетъ искать успѣха любви на сторонѣ. Тогда возникаютъ холодность, упреки, огорченія, ссоры и проч. Правда, мущина нерѣдко грубъ; не заботясь ни о физическомъ, ни о нравственномъ состояніи, въ которомъ можетъ находиться его жена, онъ хочетъ и требуетъ, чтобы его желаніе было исполнено. Отказъ всегда приводитъ въ непріятное состояніе духа, возбуждаетъ гнѣвъ; въ концѣ концовъ—семейное счастье разрушается. И потому женщины должны снисходить къ потребностямъ мужей. Этого требуетъ благоразуміе, это необходимо для укрѣпленія привязанности мужа,

Указавъ на обязанности жены въ отношеніи мужа, перейдемъ теперь въ обязанностямъ жены въ отношеніи домашняго хозяйства.

Многія женщины серьезно убѣждены, что успѣшное веденіе хозяйства невозможно безъ постоянной суматохи, суеты и брани съ прислугой. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить хозяекъ, которыя вѣчно суетятся, вѣчно бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, заглядываютъ во всѣ углы, отпираютъ и запираютъ всѣ ящики комодовъ и шкаповъ, роются тамъ, бранятся съ прислугой, злятся, кричатъ во весь голосъ, даютъ одновременно одному и тому же лицу массу разнообразныхъ приказаній, сбиваютъ всѣхъ съ толку и сбивъ наконецъ съ толку самое себя, въ изнеможеніи бросаются въ кресло или на диванъ, чтобы начать длинную жалобу на „свою каторжную жизнь.“

— Это мученье! Это невыносимо! Самой приходится за всѣмъ смотрѣть, иначе ничего не будетъ сдѣлано! говорятъ онѣ такимъ страждущимъ голосомъ, что дѣйствительность ихъ страданій не можетъ подлежать сомнѣнію. Жизнь въ домѣ, при такой хозяйкѣ, дѣлается истиннымъ мученіемъ.

Вся эта безпутная суматоха служить продолжительной невыносимой пыткой для всякаго, кто любить порядокъ и спокойствіе. Страдаетъ отъ этого и сама хозяйка и только потому, что она не обладаетъ ни хладнокровіемъ, ни умѣніемъ распорядиться, составляющими непремѣнныя качества дѣловой женщины. Хозяйство въ такомъ домѣ представляетъ собой полнѣйшій хаосъ въ то самое время, когда всѣ домашніе сбиваются, какъ говорится, съ ногъ, чтобы достигнуть какого-либо порядка.

Прежде управленія хозяйствомъ, женщинѣ необходимо умѣть управлять собою, и только такая женщина, которая умѣетъ владѣть собою, можетъ быть хорошей хозяйкой. Извѣстно, что въ настоящее время, при нынѣшней дороговизнѣ жизни и увлеченіи женщинѣ свѣтскими удовольствіями, брачная жизнь просто ужасаетъ молодыхъ людей и они въ большинствѣ случаевъ избѣгаютъ брака.

— Какъ жениться, говорятъ они, когда жизнь такъ дорога, а жены такъ расточительны и съ такою неохотой берутся за домашнее хозяйство? Чѣмъ содержать семейство?

Въ концѣ концовъ количество браковъ постоянно уменьшается.

Чтобы бракъ не былъ такъ страшенъ для мужчинѣ, чтобы брачная жизнь не была связана съ множествомъ безцѣльныхъ, непроизводительныхъ расходовъ, необходимо, чтобы жены были хорошими хозяйками, а хорошая хозяйка только та, которая умѣетъ сберегать время и деньги и дѣлаетъ хозяйственныя занятія не пыткой для себя и всѣхъ домашнихъ, а занятіемъ пріятнымъ и производительнымъ.

Прежде всего хозяйка должна вставать раньше, чѣмъ встаютъ обыкновенно наши барыни. Если хозяйка просыпается поздно, то и прислуга и дѣти не считаютъ необходимымъ вставать рано, а отъ этого останавливается весь ходъ хозяйства и нарушается порядокъ семейной жизни. Утромъ соображаются занятія на весь день, составляется, такъ-сказать, программа дня. Нѣкоторыя хозяйки и встаютъ рано, но у нихъ никогда ни завтракъ, ни обѣдъ не поспѣютъ во-время,—это происходитъ отъ неумѣнія распорядиться,

отъ того, что хозяйка тратитъ время на пустяки и изъ-за нихъ упускаетъ изъ вниманія главное, серьезное. А между тѣмъ, заставляя другихъ ждать завтрака или обѣда, хозяйка отымаетъ у нихъ драгоцѣнное время. Вотъ почему дѣловые мужья предпочитаютъ завтракать и даже обѣдать въ трактирахъ; приходится платить дороже, но за то выигрывается время. Во всякомъ хорошо устроенномъ домѣ ни одинъ грошъ расходовъ не долженъ ускользнуть отъ контроля хозяйки. Если хозяйка по какимъ-либо причинамъ не ходитъ ежедневно на рынокъ для закупки провизіи, то она во всякомъ случаѣ обязана время отъ времени сходить туда, справиться о цѣнахъ и тѣмъ предупредить возможность обмана кухарокъ при ежедневной закупкѣ провизіи. Точно также хозяйка должна наблюдать и за стряпней и не стыдиться приготовить иногда своими руками какое-нибудь блюдо. Представьте себѣ, что вамъ нужно приготовить молочную кашку или котлетку для ребенка, неужели унижительно для матери сходить въ кухню и приготовить эту котлетку, чтобы знать, что ребенокъ будетъ кушать блюдо, приготовленное чисто, опрятно, вкусно, приготовленное нѣжными, заботливыми и умѣлыми руками матери? Ненадо, впрочемъ, и слишкомъ увлекаться черными хозяйственными работами. Нѣкоторыя хозяйки съ какимъ-то увлеченіемъ трудятся на кухнѣ; сами выполняютъ многія работы, которыя съ успѣхомъ можетъ выполнить всякая кухарка. Это значить тратье непроизводительно время, то именно время, которое можно употребить съ большею пользою. Такія хозяйки поступаютъ также неразсчетливо, какъ и тѣ, которыя готовы поднять страшный шумъ изъ-за свѣчнаго огарка и въ то же время не замѣчаютъ, какъ слуги кругомъ ихъ обворовываютъ на крупныя суммы. Вообще наши хозяйки не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о домашней экономіи. Большинство изъ нихъ заботится лишь о дешевизнѣ покупаемыхъ предметовъ, не обращая вниманія на качество ихъ и забывая, конечно, что „дорого, да мило, дешево, да гнило.“ Поступать такимъ образомъ значить бросать деньги на вѣтеръ, утѣшаться только тѣмъ, что бросаешь ихъ мелкими частями.

Точно также хозяйки слишком много увлекаются грошевой экономіей, тщательно сберегают свѣчные огарки, кусок мыла, разную ветошь и ломъ и въ то же время затрачиваютъ самымъ непроизводительнымъ образомъ значительныя деньги на такіе предметы, какъ заготовленіе въ прокъ овощей, варку варенья и проч. Приготовляя, напр., варенье, хозяйки считаютъ лишь стоимость ягодъ и сахара и очень довольны, если въ среднемъ выводъ фунтъ домашняго варенья обойдется на 2—3 к. дешевле, чѣмъ въ магазинахъ; при этомъ, однако, онѣ не принимаютъ въ соображеніе стоимости топлива, стоимости платья, испорченнаго трудно выводимыми пятнами и сожженнаго во время процесса варки; не считаютъ, наконецъ, затраты времени, покупку банокъ и проч. Такая же исторія повторяется и съ различными соленьями, маринадами и проч. Половина ихъ обыкновенно портится отъ плохаго досмотра, масса расхищается прислугой, а хозяйка продолжаетъ изъ года въ годъ солить и мариновать, чтобы „не покупать капусты на рынкѣ, тамъ все такъ дорого.“ Нерѣдко можно встрѣтить и такихъ хозяекъ, которыя, имѣя необходимость купить фунта два какого-нибудь бакалейнаго товара, покупаютъ его не въ ближайшемъ магазинѣ, а нанимаютъ извозчика, платя ему 15—20 к., и ѣдутъ за покупкой въ отдаленный магазинъ на томъ лишь основаніи, что тамъ этотъ продуктъ дешевле на 2 к. съ фунта. Въ экономіи получается 4—5 к., а извозчику заплачено 15—20 к., хозяйка-же вполне убѣждена, что она поступила по правиламъ строгой экономіи. Вообще наши хозяйки, за весьма рѣдкими исключеніями, ведутъ расходы такъ, что очень ревниво сберегаютъ гроши и безъ всякаго сожалѣнія швыряютъ рублими.

Къ большей части домашнихъ хозяйствъ болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, вполне примѣнима извѣстная фраза славянъ, призывавшихъ варяговъ: „хозяйство наше велико и обильно, да порядку въ немъ нѣтъ.“ Порядокъ долженъ проглядывать всюду, даже въ такихъ мелочахъ, какъ разстановка мебели и разныхъ бездѣлицъ на каминѣ. Привычка къ порядку въ мелочахъ пріучаетъ къ порядку и въ серъ-

езныхъ вещахъ. Каждая вещь въ домѣ должна имѣть свое мѣсто и ничего не можетъ быть противнѣе, какъ грязный чулокъ на письменномъ столѣ мужа или прекрасная картина, засиженная мухами. Точно также любовь къ порядку требуетъ, чтобы каждое дѣло исполнялось въ свое время; хозяйка дома обязана строго наблюдать за распредѣленіемъ своего времени и времени прислуги. Нѣкоторыя женщины не понимаютъ всей цѣны порядка, обременяютъ прислугу порученіями, отрываютъ ее отъ одного дѣла къ другому, поручаютъ различныя работы въ короткое время и потомъ жалуется, что ничто не кончено. Наконецъ хозяйка, довѣряющая все хозяйство прислугѣ, заслуживаетъ самаго строгаго порицанія, какъ женщина, уклоняющаяся отъ своего истиннаго призванія, отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Хозяйство въ рукахъ прислуги никогда не имѣетъ должнаго порядка и всегда разорительно. Жена, не сознающая своей обязанности хозяйки, смотрящая на домашнія занятія, какъ на занятія унижительныя, глубоко заблуждается и глубоко унижаетъ себя, такъ какъ дѣлается простой нахлѣбницей мужа, живущей на его счетъ. Къ сожалѣнію, многія женщины этого не понимаютъ точно также, какъ многія не понимаютъ необходимости облегчать мужа въ его непрестанномъ стремленіи увеличивать благосостояніе дома путемъ личнаго труда. Жена помощница мужа и, вкладывая свой трудъ въ домашнее хозяйство, она тѣмъ самымъ создаетъ общее матеріальное благополучіе семейства. Но, понятно, при этомъ необходимо знать, что истинная экономія въ домашнемъ хозяйствѣ состоитъ въ томъ, чтобы съ наименьшими денежными средствами достигать возможно большаго довольства. Но что же заставитъ прислугу заботиться объ экономіи, когда въ ея личныхъ интересахъ гораздо выгоднѣе, чтобы расходы были какъ можно больше. Чѣмъ больше расходовъ, тѣмъ удобнѣе ей утаивать часть ихъ въ свою пользу.

Еще одна очень пагубная привычка нашихъ женъ—это привычка брать въ кредитъ. Надо замѣтить, что кредитъ въ лавкахъ побуждаетъ женщинъ покупать массу такихъ вещей, въ которыхъ нѣтъ никакой надобности. Очень часто

случается, что женщина купить какую-нибудь вещь и потом сама не знает, что съ ней дѣлать; вещь куплена только потому, что случайно попала на глаза и отпущена въ кредитъ. Многіе торговцы, подмѣтивъ эту слабость въ женщинахъ, очень ловко эксплуатируютъ ее, чтобы сбывать залежавшійся товаръ.

Наконецъ самое главное въ домашнемъ хозяйствѣ—это умѣнье жить по средствамъ, умѣнье „протягивать ножки по одежкѣ“, а для этого хорошая хозяйка не только не должна увлекаться свѣтскими удовольствіями и подражать жизни богатыхъ людей, но и обязана строго вести свои расходы. Многія женщины навѣрное улыбнутся, когда мы скажемъ, что для правильнаго домашняго хозяйства безусловно необходима смѣта расходовъ и приходоу, а между тѣмъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что только въ томъ хозяйствѣ не бываетъ непріятныхъ случайностей, которое ведется на основаніи строгаго счетоводства. Когда хозяйка имѣетъ въ рукахъ деньги, она обязана прежде всего обдумать нужды своего хозяйства, сообразить, что необходимо купить, предвидѣть всѣ расходы на извѣстный періодъ времени и затѣмъ уже сдѣлать покупки; иначе будетъ куплено то, въ чемъ не чувствовалось серьезной потребности, а тамъ, смотришь, не хватаетъ денегъ на самое необходимое: на покупку провизіи, на уплату прачкѣ, дровянику и т. д. Словомъ, счетная книжка и смѣта также необходимы хозяйкѣ, какъ и любовь къ порядку.

Итакъ, если жена не хочетъ быть нахлѣбницей своего мужа, не хочетъ жить на чужой счетъ, она должна быть хозяйкой. Перейдемъ теперь къ обязанностямъ жены въ отношеніи общества.

Наше общество такъ устроено, что мужъ даетъ женѣ положеніе въ обществѣ и наоборотъ, жена, кромѣ особенныхъ и рѣдкихъ случаевъ, не можетъ значительно измѣнить общественное положеніе своего мужа; но положеніе дому въ обществѣ даетъ исключительно жена, какъ хозяйка его. Какъ часто случается, что семейство изъ средняго круга, далеко не обладающее большими средствами, служить средо-

точіемъ самаго лучшаго общества. Все здѣсь очень скромно: и обстановка, и ужины, но благодаря умницѣ-мужу и въ особенности умной, образованной, милой, обворожительной хозяйкѣ, домъ ихъ пріобрѣтаетъ въ обществѣ такое значеніе, что бывать въ немъ каждый считаетъ за честь, за истинное удовольствіе. Въ большинствѣ случаевъ искусствомъ соби- рать вокругъ себя общество и быть его центромъ обладаютъ женщины, но только умныя женщины; что же касается массы, то по мнѣнію ея главное занятіе жизни состоитъ въ дѣланіи и пріемѣ визитовъ. И какая нелѣпость эти ви- зиты! Молодыя барыни употребляютъ по нѣсколько часовъ, чтобы колесить по городу и завѣзжать къ знакомымъ съ полною увѣренностью, что всюду получаютъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „барыни нѣтъ дома“. Всякая женщина, связанная этимъ нелѣпымъ обычаемъ визитовъ, знаетъ, что у ней есть два-три часа лучшіе во всемъ днѣ, которые она не можетъ назвать своими. Въ опредѣленный часъ являются визитеры; лишь только хозяйка успѣетъ обмѣняться улыбками съ пер- вымъ посѣтителемъ, какъ является второй. Хозяйка должна выслушивать тѣ же новости, тѣ же сплетни и съ такимъ же восторгомъ она должна принять и двадцатый визитъ, какъ и первый, хотя бы всѣ двадцать посѣтители не сказали ничего, чего бы она уже не знала, хотя бы они не сообщили ей никакой новой мысли, не возбудили въ ней никакого другаго чувства, кромѣ усталости и скуки; до конца комедіи она должна быть также весела и довольна, какъ и при ея началѣ. Болѣе непроизводительную трату времени, болѣе смѣшную комедію трудно себѣ представить. Замѣчательно, что всѣ жалуется на обременительность этого нелѣпаго обычая и въ то же время всѣ ему неуклонно слѣдуютъ.

Умѣть принимать гостей составляетъ искусство, не вся- кому доступное; опытная хозяйка дома, собравъ вокругъ себя знакомыхъ и друзей, умѣетъ каждаго занять, каждаго заинтересовать такъ, что всѣмъ будетъ весело и сама хо- зяйка не будетъ утомлена. Конечно, нѣтъ ничего скучнѣе для посторонняго какъ повѣсть о домашнихъ неудовольстві- яхъ и жалобы на прислугу, чѣмъ такъ часто занимаютъ нѣ-

которыя хозяйки своихъ гостей. Какъ бы ни были интересны для насъ наши семейныя, домашнія дѣла, но они очень мало интересуютъ другихъ за исключеніемъ развѣ ближайшихъ друзей. А между тѣмъ многія женщины не устаютъ объяснять предметы исключительно личные гостямъ, выражающимъ свое равнодушіе такъ ясно, что этого нельзя не замѣтить. Такія хозяйки должны всегда помнить, какъ онѣ сами скучаютъ, когда ихъ мучаютъ рассказами о домашнихъ дразгахъ. Еще хуже обычай, укоренившійся во всѣхъ слояхъ общества, проводить время въ сплетняхъ и пересудахъ. Это нужно оставить торговкамъ и женщинамъ вполне неразвитымъ. Да и неужели нѣтъ другихъ предметовъ для разговора въ кругу близкихъ знакомыхъ и друзей? Этотъ кругъ всегда представляетъ обширное поле для высокихъ удовольствій; здѣсь мысль можетъ вылиться со всею откровенностью; здѣсь есть время для шутокъ, обмѣна серьезныхъ мыслей, обмѣна новостями, просторъ для ума, для взаимныхъ воспоминаній, надеждъ, предположеній, наконецъ для всего того, что сердце и образованный умъ считаютъ источникомъ истинныхъ удовольствій. Конечно, давать направленіе общей бесѣды всегда составляетъ обязанность хозяйки дома; иначе бесѣда можетъ принять неприличный характеръ, или же всѣ гости будутъ невыносимо скучать. Балы, маскарады, собранія, выѣзды имѣютъ прелесть и, ради поддержанія общественныхъ связей, женщинѣ необходимо ихъ посѣщать, но никакой общественный балъ, никакой маскарадъ не можетъ сравниться съ прелестной домашней вечеринкой у гостепріимной и образованной хозяйки. Замѣтимъ между прочимъ, что домашнія увеселенія всегда обходятся дешевле и не выводятъ женщину изъ круга семейства; это ихъ главнѣйшее преимущество и наоборотъ чрезмѣрное увлеченіе свѣтскими удовольствіями губятъ семью, губятъ благосостояніе домашняго хозяйства. Женщина, предавшаяся исключительно свѣтскимъ удовольствіямъ также достойна сожалѣнія, какъ и женщина, на столько не умѣющая вращаться въ обществѣ, что всякій обѣгаетъ ея домъ, какъ храмъ скуки и тоски.

Таковы въ общихъ чертахъ обязанности женщины въ отношеніи мужа, хозяйства и общества. Какъ супруга, женщина должна быть ближайшимъ, самымъ задушевнымъ, искреннимъ, преданныйшимъ другомъ своего мужа во всѣхъ случаяхъ жизни. Какъ хозяйка она должна вносить свой трудъ въ благосостояніе семейства; какъ членъ общества возвышать его умственный и нравственный уровень, служить его лучшимъ украшеніемъ. Только такая женщина можетъ быть истинною помощницей, пособницей мужа и всякая другая жена является бременемъ для мужа, бременемъ на столько тяжелымъ, что мужчины избѣгаютъ брака, какъ чумы.

Посмотримъ, однако, что даетъ намъ жизнь, каковы наши жены въ дѣйствительности.

Молодая чета соединилась въ вѣчный союзъ. Первые дни послѣ брака это дни восторга, упоенія взаимнымъ счастьемъ и чрезмѣрныхъ утѣхъ любовью. Это медовой мѣсяць. И мужъ, и жена еще вовсе не знаютъ другъ друга, да и не могутъ заняться изученіемъ другъ друга, такъ какъ всѣмъ существомъ своимъ испытываютъ счастье, не дающее имъ возможности остановиться ни на одной серьезной мысли. Все кажется имъ въ розовомъ свѣтѣ, они готовы обнять весь міръ, они наконецъ далеки отъ мысли, что супружеская жизнь налагаетъ на cadaго изъ нихъ серьезныя важныя обязанности. Но вотъ наступаетъ совсѣмъ другая жизнь: первый пылъ страсти остылъ, домашній бытъ не балъ, не поэзія, а проза и иногда очень сухая проза. Притомъ, хорошенькое личико жены уже начинаетъ понемногу терять свою прелесть въ глазахъ мужа, который видитъ ее каждый день передъ собою и часто не въ нарядномъ туалетѣ, а озабоченную, недовольную. Для того, чтобы попасть въ колею нормальной, спокойной жизни, молодымъ супругамъ нужно иногда много времени. Самая счастливая чета достигаетъ своего полнаго счастья не иначе, какъ пройдя цѣлый рядъ мелкихъ столкновеній и даже мягкихъ ссоръ. Ни мужъ, ни жена не умѣютъ сразу стать на принадлежащее каждому изъ нихъ мѣсто. Одна изъ счастливейшихъ женщинъ гово-

рила миѣ, рассказываетъ Самуиль Смайльсъ *), что первый годъ ея супружеской жизни былъ самый непріятный; ей приходилось многому учиться; она постоянно боялась сдѣлать какой-нибудь промахъ, она наконецъ, не умѣла принаровиться къ мужу. Мягкія, любящія натуры очень скоро свыкаются другъ съ другомъ и живутъ согласно.

Но не такъ бываетъ съ тѣми супругами, которые по прошествіи медоваго мѣсяца, сознають, что они, какъ говорится не сошлись характерами. При такомъ условіи супружеская и семейная жизнь съ самаго начала оказывается надломленной, испорченной. Въ семьѣ никогда не будетъ счастья, согласія, мира. Несчастливы будутъ и дѣти, рожденные отъ такихъ супруговъ, которые не сходны по характерамъ и не хотятъ сдѣлать другъ другу уступокъ, чтобы сгладить это несходство. Представьте, что мужъ серьезный, дѣловой человѣкъ, мечтавшій до брака о тихомъ семейномъ уголкѣ и мирныхъ семейныхъ утѣхахъ, а жена вѣтренная, увлекающаяся женщина, ни о чемъ другомъ не мечтающая, какъ о свѣтскихъ удовольствіяхъ. Можетъ ли быть счастливо подобное супружество? Оба они, и мужъ и жена, люди вполне порядочные, но у нихъ совершенно различныя взгляды на жизнь, различныя цѣли, стремленія, желанія, различные характеры. Но еще хуже, когда это несходство характеровъ обнаруживается между мужемъ и женою, изъ которыхъ кто-либо стоитъ неизмѣримо выше другаго въ нравственномъ отношеніи. Надо сказать правду, что если встрѣчаются жены, далеко не блистающія нравственными достоинствами, то еще чаще можно встрѣтить мужей отъявленныхъ негодяевъ, имѣющихъ однако прекрасныхъ женъ.

Положеніе такихъ несчастныхъ женъ чистая катастрофа.

Молоденькая, умная, образованная, честная дѣвушка изъ хорошаго семейства выходитъ замужъ за искренно любимаго ею человѣка. До свадьбы многіе предостерегали дѣвушку на счетъ ея жениха, составившаго себѣ далеко не лестную репутацію. Но женихъ умѣлъ такъ краснорѣчиво описывать

*) Самуиль Смайльсъ „Бережливость“. Спб. 1876 г.

свою любовь передъ неопытной и любящей дѣвушкой, что она, не смотря на всѣ предостереженія, отдалась ему. Да и можно ли было обращать какое-нибудь вниманіе на совѣты и предостереженія добрыхъ людей, когда женихъ былъ воплощенная прелесть и невинность, а если грубость иногда и проглядывала въ его дѣйствіяхъ, то это, какъ доказывалось, была ревность; а вѣдь ревность-то и есть любовь, какъ доказываютъ всѣ влюбленные эгоисты, чтобы оправдаться чѣмъ-нибудь въ своихъ дурныхъ поступкахъ въ то время, когда власть ихъ надъ женщиной еще не утвердилась; впоследствии ихъ грубость, разумѣется, уже ничѣмъ не прикрывается.

Дѣвушка почувствовала весь эгоизмъ своего возлюбленнаго вскорѣ послѣ свадьбы, какъ только онъ получилъ полную власть надъ ней. Она, разумѣется, сначала старалась всѣми средствами оправдать любимаго ею человѣка, уступала ему и дошла наконецъ до совершенно рабской зависимости, а онъ, пользуясь ея уступками, — до самаго наглаго своеволія. И какъ только чувственная любовь исчезла въ эгоистѣ, то страданія бѣдной женщины удесятились. Ея супругъ снова повелъ жизнь холостаго человѣка. Несчастливая жена выносила все, думая, что наконецъ онъ одумается, пойметъ, какъ возмутительно унижать такимъ образомъ женщину и кромѣ того уже мать. Она не догадывалась, что эгоистическія натуры неспособны ни къ какимъ привязанностямъ, если ими не руководитъ чувственная страсть, для удовлетворенія которой онѣ могутъ, пожалуй, на время пригнуться порядочными людьми; но какъ только эта страсть миновала, онѣ снова начинаютъ питать непримиримую вражду къ тѣмъ, кто ждетъ въ нихъ человѣческихъ чувствъ.

Тяжела жизнь женщинъ, имѣющихъ подобныхъ мужей; а надо сознаться, что въ настоящее время, при общемъ упадкѣ нравственности и религіозности, порядочныхъ мужей становится все меньше и меньше. Вотъ почему женщины, для собственнаго-же благополучія, для счастья своего и своихъ дѣтей, должны дѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы семейная жизнь представляла для нихъ какъ можно болѣе пре-

лести. Семья лучшее средство къ исправленію человѣка, къ поднятію его нравственности, къ его оздоровленію. Къ сожалѣнію, большинство нашихъ женъ устраиваютъ жизнь какъ будто нарочно для того, чтобы выгонять мужей изъ дому. Клубы, трактиры, рестораны, кофейни ежедневно вечеромъ биткомъ набиты мужьями; жены въ свою очередь проводятъ время въ визитахъ, приѣмахъ, на балахъ, въ театрѣ, въ маскарадахъ. Домашнее хозяйство, семья, дѣти остаются на рукахъ наемной прислуги; семейная жизнь всѣхъ тяготитъ, ее всѣ обѣгаютъ, какъ неистощимый источникъ скуки; никто не видитъ въ ней интереса, никто не понимаетъ ея утѣхъ, радостей и только тѣ, у кого не хватаетъ денегъ на трактиръ или на поѣздку въ гости, сидятъ дома и то лишь для того, чтобы брюзжать и жаловаться на скуку. Всѣсемейная, уличная, трактирная жизнь все болѣе и болѣе входитъ въ обычай. Деньги летятъ безъ счета. Жизнь не по средствамъ, и страшное мотовство проникаетъ во всѣ слои общества, окончательно расшатывая благосостояніе семьи. Невеселая картина!.. Блескъ, съ которымъ многія далеко недостаточныя барыни являются въ обществѣ, онѣ хотятъ, по крайней мѣрѣ съ виду, сохранить и у себя дома. Право смѣшно видѣть въ домахъ средняго класса пышность, которая нисколько не идетъ къ ихъ состоянію. Дорогая мебель и красивыя бездѣлушки очень хороши и совершенно уместны въ залахъ и гостинныхъ, которыя отворяются только для приѣма гостей; комнаты же, назначенныя для повседневнаго житья, должны бы быть устроены соотвѣтственно ихъ назначенію. Теперь же внутренніе покои такъ переполнены альбомами и дорогими бездѣлками, что право, не знаешь, куда поставить стаканъ, или положить работу, еще менѣе, какъ пустить туда дѣтей. Многіе охотно стѣсняють себя въ то время, когда нѣтъ гостей, налагаютъ на себя всевозможныя лишенія и неудобства для того только, чтобы гости ихъ застали за работой или за скромнымъ обѣдомъ. Иныя хонейки, съ заботливостью и безпокойствомъ поддерживая этотъ внѣшній блескъ, вмѣстѣ съ тѣмъ до известной степени исполняютъ свои истинныя обязанности. Онѣ болѣе

достойны сожалѣнія, скорѣе вызываютъ улыбку, чѣмъ строгое порицаніе. Дѣло въ томъ, что хозяйство дѣйствительно не должно выставляться на показъ; но зачѣмъ прятать его съ такимъ страхомъ? зачѣмъ стыдиться его къ среднему кругу потому только, что имъ не занимаются въ высшемъ? Можно исполнять самыя обыкновенныя обязанности съ ловкостью и приличіемъ, а тогда нечего и бояться неожиданнаго посѣтителя. Напротивъ, надо преслѣдовать хозяекъ, у которыхъ внѣшній блескъ только прикрываетъ плачевный беспорядокъ. Чтобы удовлетворить тщеславію, на вечерѣ угостить лучшими кушаньями и винами, чтобы принимать къ себѣ гостей почти ежедневно и имѣть самую пышную одежду, для этого онѣ въ продолженіи мѣсяцевъ сидятъ чуть не голодными. Взгляните за кулисы этой блестящей внѣшности: какая нужда, какое скряжничество, какія неудобства! Вотъ почему мужья бѣгутъ изъ дома, чтобы забыть всѣ его неприятности. Худое бѣлье, худой столъ, недостатокъ въ прислугѣ и въ нужнѣйшихъ потребностяхъ жизни, вотъ изнанка ихъ быта. Тогда мужъ, конечно, чувствуетъ себя вездѣ счастливѣе, чѣмъ дома и понятно, почему дѣти, при ихъ внѣшнемъ лоскѣ, остаются грубыми и пошлыми въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, а со временемъ будутъ столько же вѣтренны и тщеславны, какъ ихъ матери, такъ дурно исполняющія свои обязанности.

Но не довольно того, что это направленіе разстраиваетъ семейства, оно наноситъ существенный вредъ цѣлому обществу. Если бы оно оставалось въ одномъ только классѣ, то не устояло бы отъ насмѣшекъ и преслѣдованій, но подобно язвѣ оно проникаетъ во всѣ слои общества: число имѣющихъ достаточно твердости, силы воли и честности, чтобы жить по состоянію, такъ мало, что онѣ всѣ на перечесть; хозяйство же, гдѣ не сводятъ концовъ въ доходахъ и расходахъ, конечно не можетъ не возбудить негодованія. Если смѣшно стѣсняться дома, чтобы блистать внѣ его, то жить съ такою роскошью, которая превышаетъ средства, явное воровство въ отношеніи къ рабочему классу. И дѣйствительно, какъ часто мы видимъ, что люди, живущіе не

по средствамъ, кругомъ должны въ лавки, магазины, ремесленникамъ, даже прачкамъ и слугамъ. Не значить-ли это жить на счетъ другихъ и въ добавокъ на счетъ трудящихся людей? И какъ это унижаетъ достоинство человѣка! Сколько подобнымъ господамъ приходится выслушивать упрековъ, грубостей, дерзостей, тѣмъ болѣе оскорбительныхъ, что противъ нихъ нельзя ничего возразить, они вполнѣ заслужены. Но этимъ не ограничиваются еще печальные результаты жизни не по средствамъ и мотовства: частыя банкротства, подлоги, обманы, кражи, взяточничество, продажность, поджоги и другіе безчестные поступки, сдѣлавшіеся въ послѣднее время обыденнымъ явленіемъ, совершаются почти исключительно вслѣдствіе мотовства. И замѣчательно, что мотовство до того вошло въ плоть и кровь современнаго общества, что оно какъ бы требуется приличіемъ. Какая бы нелѣпая и раззорительная мода ни была принята свѣтомъ, всѣ ей слѣдуютъ, чтобы не отстать отъ порядочныхъ людей. Общимъ девизомъ общества служить гибельное правило: „надо жить такъ, какъ другіе живутъ.“ Туалетъ, домашняя обстановка и слѣдованіе моды считаются единственными признаками порядочности. Въ домашней жизни точно также все устраивается сообразно этому нелѣпому, лицемерному, фальшивому правилу. Люди недостаточные дѣлаютъ долги и летятъ очертя голову въ пропасть, изъ-за глупаго страха, „что скажетъ свѣтъ? что скажутъ знакомые?“ Самое деморализирующее вліяніе производятъ великосвѣтскія большія собранія, а наиболѣе воспримчивыми къ этому вліянію являются женщины. Всѣми женщинами какъ будто овладѣло безуміе моды; онѣ опредѣляютъ достоинства каждой своей знакомой по фасону ея платья, а не по личнымъ ея качествамъ. Наши современные красавицы щеголяютъ бѣшеннымъ мотовствомъ на тряпки и неприличіемъ покроя страшно дорогихъ туалетовъ. Попробуйте отыскать теперь идеаль женщины современной. Гдѣ вы его найдете? Не среди-же этихъ созданій въ туалетахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, полуобнаженныхъ, набѣленныхъ, нарумяненныхъ, съ фальшивыми волосами, фальшивыми зубами, бровями и т. д. Это разрисованныя куклы, но плохо разрисованныя, это каррикатуры на женщинъ.

Зло мотовства особенно ярко выступаетъ въ семьяхъ тѣхъ людей, которые существуютъ жалованьемъ. Жены ихъ также рядятся ради приличія; онѣ живутъ не по средствамъ, требуютъ непременно отъ мужей, чтобы онѣ нанимали имъ дачи и устраивали у себя въ домѣ вечера. Имъ непременно надо видѣть, что дается въ театрахъ? надо имѣть по нѣскольку шляпокъ и выѣздныхъ платьевъ. Жалованье мужа истрачивается въ нѣсколько дней. Въмѣсто того, чтобы откладывать часть жалованья, безпечные отецъ и мать тратятъ его на то, чтобы не уклониться отъ правилъ приличія и если послѣ смерти отца останется сотня-другая рублей, то, конечно, вдова издержитъ ихъ всѣ, чтобы сдѣлать „приличные“ похороны.

Какъ все это пошло, глупо и какъ все это пагубно для человѣчества, для его счастья!...

Въ приемныхъ комнатахъ все блещетъ роскошью, богатствомъ; дорогія вазы и разныя бездѣлушки; огромныя зеркала, громадной цѣнности мебель, парадные лакеи; у хозяйки дома шкафы ломятся подъ тяжестью дорогихъ тряпокъ; день-деньской прѣзжаютъ и уѣзжаютъ гости; вечера даются каждую недѣлю. Это лицевая сторона медали, но загляните на обратную сторону, загляните въ дѣтскую, на черную лѣстницу. Дѣти являются въ гостиную, одѣтыми какъ куклы, но въ дѣтской они грязны, съ самыхъ раннихъ лѣтъ заражены пороками; задняя лѣстница осаждается кредиторами: тутъ и поставщикъ дорогой мебели, тутъ и прачка, сквозь слезы проклинаящая господъ, заѣдающихъ ея трудовую копѣйку. Финалъ такой жизни... Ахъ, онъ очень печаленъ! Мужъ, чтобы поддерживать эту безумную жизнь, пускалъ въ ходъ всѣ средства, но наконецъ и самыя непозволительныя средства истощились: онъ банкротъ, а еще чаще—воръ, изъ года въ годъ расхищавшій общественную кассу. И вотъ онъ на скамьѣ подсудимыхъ... Приговоръ, ссылка, Сибирь...

Въ противоположность мотовству нужно поставить искусство жить.

Искусство жить заслуживаетъ чести быть поставленнымъ

наряду съ изящными искусствами; оно заключается въ умѣньѣ извлекать наибольшую пользу изъ своихъ средствъ и въ умѣньѣ черпать изъ жизни самыя высокія наслажденія для достиженія полнаго счастья. Не деньги красятъ жизнь, а изящный вкусъ, вѣрный взглядъ на вещи и любовь. Обладая этими качествами, человекъ въ самой скромной долѣ можетъ быть счастливъ. Изящный вкусъ въ домашнемъ быту составляетъ большое наслажденіе; переступивъ въ первый разъ порогъ дома новыхъ знакомыхъ, вы сейчасъ можете угадать, живутъ-ли тутъ люди со вкусомъ. Во всей окружающей васъ обстановкѣ есть что-то неуволнимо-изящное, порядочное; вы не можете отдать себѣ отчета почему, но вамъ какъ-то уютно въ этомъ чистенькомъ уголкѣ. Искусство жить касается всѣхъ отдѣловъ домашней жизни, начиная отъ квартиры и кончая мелочами. Вотъ вы приходите къ вашимъ знакомымъ. Квартира небольшая, не роскошная, но на окнахъ цвѣты; на стѣнахъ картины, свидѣтельствующія о развитомъ вкусѣ хозяевъ; на полкахъ много книгъ; мебель не богатая, но покойная, удобная. Васъ приглашаютъ остаться обѣдать. За обѣдомъ подаютъ немного блюдъ, но сытныхъ, отлично приготовленныхъ; провизія свѣжая, бѣлье чистое, посуда не роскошная, но красивая, прозрачная, вода въ хрустальномъ стаканѣ такъ заманчиво сверкаетъ, что вамъ не захочется и вспомнить о дорогомъ винѣ.

Перейдемъ въ другой домъ—и декорация тотчасъ изменится. Комнаты меблированы роскошно, но безъ всякаго вкуса и смысла; вамъ неловко въ этой большой гостиной, вамъ душно, тѣсно среди этого великолѣпія, васъ окружающаго. И на ряду съ великолѣпіемъ тутъ-же уживается страшный беспорядокъ. Денегъ потрачено много на убранство комнатъ, а толку нѣтъ никакого, потому что хозяева не позвали искусства жить.

Искусство жить, какъ уже сказано выше, лучше всего отражается на домашнемъ быту, а чтобы домашній бытъ можно было назвать счастливымъ, первое условіе для этого комфортъ. Тамъ, гдѣ ссорятся, гдѣ царствуетъ грязь, безо-

радокъ, неряшество—комфортъ немислимъ. Зато какъ благодѣтельно дѣйствуетъ комфортъ на семейную жизнь. Мужъ, напримѣръ, неусыпно трудится все утро, съ отрадной надеждой отдохнуть дома. Въ его отсутствіе все въ домѣ, подъ руководствомъ заботливой жены, вычищено, вымыто, прибрано, обѣдъ приготовленъ вкусный, столъ во-время накрытъ и всему скромному домашнему уголку придана такая прелесть, уютность, что, конечно, ужъ никакой клубъ или трактиръ не выманяетъ мужа оттуда и онъ съ наслажденіемъ проведетъ этотъ и всѣ прочіе вечера въ своей семьѣ.

Страсть женщинъ къ нарядамъ объясняется между прочимъ ихъ убѣжденіемъ что дорогіе наряды увеличиваютъ ихъ красоту. Это пагубное заблужденіе. Желаніе казаться красивой вполне извинительно и женская красота имѣетъ громадное значеніе. Не даромъ въ Греціи красота ставилась въ заслугу и заботы о красотѣ тѣла обязательно входили въ кругъ воспитанія. Красота поглощала и до сихъ поръ поглощаетъ баснословныя богатства, нарушаетъ столь святое, нравственное спокойствіе домашняго очага, имѣетъ огромную власть надъ мужчинами, которыхъ совершенно поработачаетъ. Трудно составить себѣ безусловную идею о физической красотѣ. Несмотря однако на это, есть существенные элементы, составляющіе сущность красоты. Правильная физическая красота полна жизни; въ ней отражается желаніе, страсть и нѣга; красота—это синонимъ здоровья, такъ-какъ нельзя быть красивымъ, не будучи здоровымъ! Истинная красота увлекаетъ всякую артистическую натуру, болѣе впечатлительную и болѣе увлекающуюся предметомъ, которымъ она любитъ.

Я замѣчалъ, говоритъ Виландъ — неопровержимый судья въ этомъ случаѣ, что у человѣка молодого, взрослого и старика существуютъ, независимо отъ личныхъ вкусовъ и обстоятельствъ, различныя мнѣнія о женской красотѣ. Первый всегда плѣняется красивымъ лицомъ, его увлекаютъ пріятныя и правильныя черты,—и онъ только въ этомъ видитъ красоту. Такъ какъ ему незнакомы женщины, то онъ и не знаетъ, что красивая головка прежде всего и наску-

часть человѣку. Онъ не знаетъ, что изъ всѣхъ родовъ красоты у этой всего меньше ресурсовъ, всего меньше средствъ возбуждать человѣка и доставлять ему наслажденіе, — онъ не знаетъ, что такая красота существуетъ лишь для публики, между тѣмъ какъ формы существуютъ для человѣка любимаго. Человѣкъ же взрослый, много разъ обманутый, позналъ уже горькимъ опытомъ, что на привлекательную наружность нужно смотрѣть какъ на красивую вывѣску, которая приманиваетъ, но за то часто и обманываетъ; онъ знаетъ, что не обманываетъ только грація, нѣжная талія и изящно округленные контуры. Онъ знаетъ въ особенности, что единственная вещь, которая ежедневно доставляетъ новыя наслажденія и прелесть которой никогда не исчезаетъ (или, по крайней мѣрѣ, очень поздно), это нѣжная, атласистая кожа, это — формы, которыми глазъ никогда не устанетъ любоваться и которымъ принадлежитъ магическая сила возбуждать безпрестанно въ душѣ желаніе, казавшееся угасшимъ.

Что касается до стариковъ, которымъ уже наскучило поклоняться хорошенькимъ личикамъ, но которые въ то же время принуждены по неволѣ оставлять и поклоненіе красивымъ формамъ, — то они вообще привязываются къ тѣмъ физіономіямъ, которыя обѣщаютъ имъ доброту, снисходительность, умъ, т. е. все то, въ чемъ они нуждаются, всѣ тѣ наслажденія, которыми они могутъ еще пользоваться. И такъ послѣ всего, что мы сказали о красотѣ, нужно прибавить, что не все, что нравится, всегда бываетъ красиво, и что относительность и произвольность должны быть допущены въ сужденіи о физической красотѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, приняты два типа, два образца этихъ неуловимыхъ сочетаній, результатомъ которыхъ является прекрасное во всемъ его совершенствѣ. Мы говоримъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ и Венерѣ Медиційской, которые представляютъ во всей полнотѣ и во всемъ развитіи всѣ свойства, всѣ особенности человѣческой красоты, хотя мы и знаемъ, что въ дѣйствительной природѣ нѣтъ существъ, которыя бы были на столько совершенны, какъ эти два образцовыя произведенія искусства. Впечатлѣніе, которое мы ощущаемъ, смотря на статую

Аполлона, есть впечатлѣніе чуда искусства, — чуда, проникнутаго неземнымъ началомъ; мы видимъ, что это есть неподражаемый памятникъ высокаго творчества. Венера, которой любовь обязана своимъ рожденіемъ, а люди своимъ счастіемъ, Венера, культъ которой афиняне, коринѣяне и спартацы прославили на весь міръ, — Венера походить на Аполлона. Вы удивляетесь ея красотѣ, не испытывая, однако, никакого ощущенія, хотя ея прекрасныя формы и открыты для глазъ; она не внушаетъ вамъ никакого желанія. Вы замѣчаете въ себѣ только чувство удивленія къ образцовому произведенію искусства; но эта совершенная красота не волнуетъ васъ, не грѣетъ и не воспаляетъ. Она не даетъ развернуться въ душѣ сладостной любви, рождающейся изъ желаній, которыя воодушевляютъ сердце, когда оно дышетъ чувствами, порожденными красотой живаго существа. Такимъ образомъ Венера останется навсегда предметомъ удивленія съ точки зрѣнія идеала, за контуры своего стана, за свои глаза, полные доброты, за свой взглядъ томный и нѣжный, но не сладострастный. Оставимъ по этому красоту, приближающуюся къ возвышенному идеалу, и вернемся къ красотѣ человѣческой, въ сферѣ которой самая совершенная красота разнится слишкомъ далеко отъ идеала, ибо всеми признано, что природа держится обыкновенно вдали отъ совершенства. У одной несовершенно лицо, у другой несовершенно стая, у большинства руки и ноги далеки отъ идеальной красоты. По этому, на всѣхъ языкахъ слово „рѣдкая“ признается самымъ приличнымъ эпитетомъ для красоты. Во всякомъ случаѣ красота есть нѣжный цвѣтокъ, который требуетъ большаго ухода.

Мы сдѣлаемъ обзоръ главнѣйшихъ странъ, гдѣ процвѣтаетъ красота, указывая на ея отличительныя черты. Мы заглянемъ на Кавказъ, въ Персію, Европейскую Турцію, Италію, Грузію, Францію, Англію, Германію, Данію, Швецію и проч. Кто бывалъ въ Венгріи, тотъ, конечно, знаетъ, что тамошнія женщины весьма хороши собою. Что касается до ихъ граціи, то она вошла въ пословицу, какъ и ихъ умъ. Красота грузинокъ состоитъ въ совершенно правильныхъ чертахъ лица,

въ самой чистой крови и въ прекрасно развитыхъ формахъ. Черкешенки отличаются прекраснымъ лбомъ, прекрасными черными бровями, большими добрыми глазами, полными огня, и цвѣтомъ лица, который такъ хорошъ, что нѣкоторые купцы, торгующіе плѣнными черкешенками, безъ боязни даютъ испытывать ихъ лицо, чтобы убѣдить покупателя въ натуральномъ, не заимствованномъ румянцѣ. Этотъ румянецъ нѣкоторые приписываютъ ліонской землѣ, которую женщины этихъ странъ вымачиваютъ, чтобы сдѣлать изъ нея родъ мази, которую натираются при входѣ въ баню.

Въ Греціи и Италіи природа одарила красою оба пола. Греція теперь значительно выродилась физически и нравственно; ея порабощеніе, смѣсь грековъ съ иноземцами, ихъ воспитаніе, рабство, наконецъ тѣ притѣвленія, которыя варвары-побѣдители дѣлали грекамъ — все это должно было измѣнить типъ этой націи и испортить ея красоту. Однако греческая раса и теперь еще славится, и женщины этой страны занимаютъ видное мѣсто въ сераляхъ, гдѣ онѣ часто предпочитаютъ красавицамъ-черкешенкамъ и грузинкамъ. Іонійскія гречанки особенно славятся красою. Что касается до Италіи, то южная часть ея знаменита красою женщинъ. Сицильянки, въ особенности жительницы Палермо, не столь красивыя какъ римлянки, гораздо милѣ ихъ и лучше умѣютъ пользоваться своею красою, увеличивая дѣйствіе ея граціею и выразительностью. Въ Неаполѣ мужчины красивѣе женщинъ, однако и тамъ встрѣчаются красавицы, которыя стоятъ своихъ сестеръ, прекрасныхъ обитательницъ Палермо.

Въ красотѣ римскихъ женщинъ есть нѣчто сверхчувственное; это красота, которая обусловливается главнымъ образомъ правильностью формъ и изящною совокупностью чертъ лица. Таковъ здѣшній туземный типъ. Большой, хорошо очерченный овалъ лица, съ стройно расположенными частями, вотъ характеристическая особенность здѣшнихъ женщинъ, особенность, встрѣчающаяся во всѣхъ даже въ самыхъ послѣднихъ классахъ населенія. Живописцы говорятъ, что нѣтъ ничего изящнѣе красивой римской головки. Иные восторгаются совершенствомъ рукъ римскихъ женщинъ, дру-

гіе удивляются, сверхъ того, чистотѣ формы и развитію плечъ, прелесть которыхъ римлянки сознають сами и умѣють показывать ихъ. Тосканки тоже хороши собою. У ломбардскихъ женщинъ смѣшеніе съ иноземцами значительно измѣнило первоначальный типъ. Однако, и эти провинціи (въ особенности Миланъ) тоже славятся красотой своихъ женщинъ. Въ Германіи, Швеціи, Даніи, Англии и Франціи женская красота напоминаетъ античныя греческіе и итальянскіе типы. Красота шведскихъ женщинъ болѣе далека отъ типа настоящей красоты. Мы закончимъ этотъ обзоръ указаніемъ на женщинъ Аппенинскихъ горъ, одаренныхъ, подобно своимъ сестрамъ ломбардкамъ, довольно замѣтной полнотою; тѣмъ не менѣе въ этой странѣ (въ особенности въ Туринѣ) нѣтъ недостатка въ красивыхъ женщинахъ.

Мы уже говорили, что красота это нѣжный цвѣтокъ, требующій тщательнаго ухода и что истинно красивая женщина должна быть непременно здорова. Какъ же сохранить здоровье, а вмѣстѣ съ нимъ и красоту? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ общественной гигиенѣ. Руководствуясь гигиеною, мы можемъ предупреждать болѣзни посредствомъ употребленія средствъ, служащихъ къ сохраненію здоровья. Гигіена указываетъ намъ правила, которыя могутъ охранить насъ отъ нездоровья и болѣзней, среди которыхъ мы живемъ. Болѣзни, въ особенности женскія, чрезвычайно разнообразны: ихъ воспринимаетъ человѣкъ еще будучи зародышемъ, при самомъ началѣ возбужденнейшей жизни; онъ находитъ ихъ въ мѣстахъ дикихъ и тамъ, гдѣ уже развита гражданственность, только здѣсь число ихъ увеличивается отъ невоздержанности и бѣдствій, въ воздухѣ, которымъ дышутъ и который очень часто содержитъ самыя сильныя отравы; наконецъ даже въ роскоши и пріятныхъ удовольствіяхъ; въ слишкомъ исключительномъ употребленіи нѣкоторыхъ органовъ; среди волненій и продолжительныхъ безпокойствъ духа, или въ занятіи многими ремеслами, которыя видимымъ образомъ состариваютъ и сокращаютъ жизнь. Особенно важно посредничество гигиены для женщины во время беременности, менструацій, кормленія грудью; оно важно такъ

же въ критическій возрастъ ея и въ случаяхъ крайней чувствительности. Гигіена предписываетъ прежде всего легкую, тщательную и здоровую діету и чистый здоровый воздухъ; женщины должны избѣгать жилищъ, гдѣ есть заразительныя болѣзни, а также и употребленія крѣпкихъ напитковъ, которые возбуждаютъ кровь и нервы, уже и безъ того довольно дѣятельныя. Онѣ должны одѣваться сообразно съ тѣлосложніемъ и ихъ нервнымъ темпераментомъ, который требуетъ болѣе тепла, чѣмъ холода. Что касается до притираній, то женщины должны употреблять ихъ очень умѣренно и только въ особенныхъ случаяхъ. Теплыя или умѣренныя ванны, простыя или сложныя, смотря по болѣзни женщины и согласно съ совѣтомъ врача, вотъ средства, служащія собственно для успокоенія нервовъ и дѣйствующія на наружность гораздо лучше всякихъ косметическихъ средствъ. Можно только осуждать всѣ эти различныя украшенія, которыя употребляютъ нѣкоторыя женщины, какъ напримѣръ румяна, содержащія нерѣдко въ себѣ меркуріальныя части, иссушающія кожу; пудры, наполненныя такими же веществами,—все это вредитъ свѣжести и закрываетъ поры кожи, дѣлая только пятна вмѣсто украшенія. Не заслуживаютъ похвалы и слишкомъ сильныя благовонія, искусственные зубы, портящіе свѣжесть дыханія, ложные волосы, косы, тяжелые парики, препятствующіе подкожному испаренію. Эти украшенія также достойны порицанія, какъ вредныя для здоровья женщинъ; ихъ нужно изгнать изъ туалета, въ которомъ должны быть только самыя простыя вещи, достаточныя для хорошенькой женщины, а обиженныя природою напрасно стараются украсить себя косметическими средствами. Пусть дамы носятъ шлейфы какихъ хотятъ размѣровъ, пусть онѣ подбиваютъ ваткою корсажъ платья, чтобы придать прекрасную форму груди, все это не повредитъ ихъ здоровью; но ничто такъ не пагубно для здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для красоты, какъ различныя патентованныя косметическія средства. Старинная пословица говоритъ: „порядокъ, экономія и опрятность у женщины дороже богатства“, и это совершенно справедливо. Опрятность —

первое условіе красоты. Она не должна ограничиваться одною только наружностью, т. е. одеждою, поверхность кожи требует самаго тщательнаго ухода; ванны и хорошій умывальный приборъ должны быть необходимыми принадлежностями женскаго туалета. Неряшливость, неопрятность и нечистоплотность внушают отвращеніе и часто служатъ причиною охлажденія мужа къ женѣ, обладающей безусловно красивою внѣшностью. Если женщина не блещетъ красотой, она поступаетъ въ высшей степени безразсудно, прибѣгая къ косметикамъ и воображая, что разныя притиранія замѣняютъ истинную красоту. Онѣ всегда дорого платятъ за свое заблужденіе. Косметики—это врагъ женской красоты, а размалеванная и не въ мѣру раздушенная женщина также непріятна, какъ и женщина неопрятная. Сколько наконецъ можно указать примѣровъ тому, какъ, благодаря частому и неумѣренному употребленію косметическихъ средствъ, женщины дѣйствительно красивыя, дѣлались безобразными. Женщинъ красивой нѣтъ нужды прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ; для женщины же некрасивой опрятность можетъ замѣнить недостатокъ красоты. Помните наконецъ, что обильное употребленіе косметиковъ составляетъ привычку и отличительный признакъ падшихъ женщинъ. Не становитесь же, честныя женщины, на одну доску съ этими несчастными созданіями! Избѣгайте косметиковъ ради сбереженія здоровья! Въ особенности будьте недовѣрчивы къ различнымъ патентованнымъ средствамъ, такъ часто и въ такомъ громадномъ количествѣ изобрѣтаемыхъ разными шарлатанами, съ расчетомъ на вашу довѣрчивость. Помните наконецъ, что косметическая красота никогда и никого не вводитъ въ обманъ. Мущины, встрѣчая хорошенькую женщину набѣленную и нарумяненную, обыкновенно дѣлаютъ такія замѣчанія:

— Ахъ, какая хорошенькая! Жаль только, что наштукатурена.

Ясно, что ваша красота, вслѣдствіе употребленія косметиковъ, теряется въ глазахъ тѣхъ, кому вы желаете нравиться. Что наконецъ за охота подвергаться насмѣшкамъ,

которыми мужчины преслѣдуютъ „наштукатуренныхъ“ женщинъ! Главное же—это то, что желая увеличить красоту, вы достигаете совершенно противоположныхъ результатовъ, губите ее и въ добавокъ разстраиваете свое здоровье.

Давъ женщинамъ совѣтъ избѣгать косметическихъ средствъ, мы должны также сказать нѣсколько словъ относительно умѣнья одѣваться со вкусомъ. Несомнѣнно, нарядъ увеличиваетъ прелесть женщины, но для этого вовсе не нужно, чтобы нарядъ отличался роскошью, богатствомъ. Вовсе нѣтъ! Простой, но изящный костюмъ, идущій, какъ говорится, къ лицу, увеличиваетъ красоту несравненно больше, чѣмъ бархатъ, шелкъ, дорогія кружева и проч. надѣтыя на женщину безъ всякаго вкуса. Посмотрите на француженокъ: простое парусинное платье, безъ всякихъ вычуръ, простая прическа, небольшой цвѣтокъ въ волосахъ, но какимъ вкусомъ, какимъ изяществомъ все это дышетъ. Поставьте рядомъ другую женщину: дорогія матеріи, саженный хвостъ сзади въ видѣ шлейфа, цѣнные украшенія, вычурная прическа, колоссальной цѣны кружева, но все это сидитъ на ней мѣшкомъ, неуклюже, аляповато; масса колець на рукахъ явно обнаруживаетъ дурной вкусъ, толстые слои румянъ и бѣлилъ возбуждаютъ кругомъ насмѣшки, мужчины встрѣчаютъ и провожаютъ такую барыню болѣе или менѣе колкими замѣчаніями:

— Золотые, моль, обручи на гнилой бочкѣ...

Умѣнье одѣваться со вкусомъ и къ лицу вполне замѣняетъ богатство, даже болѣе—это умѣнье придаетъ женщинѣ такую прелесть, какой никогда не можетъ дать богатство.

Наши-же барыни держатся совсѣмъ иныхъ взглядовъ и послѣдній грошъ готовы затратить на дорогія тряпки. Мода для нихъ законъ; онѣ рабыни моды и въ погоню за модой дѣлаютъ массу непростительныхъ глупостей. Не говоря уже о богатыхъ женщинахъ, даже женщины бѣдныя до того увлекаются модой, что готовы на всякія жертвованія, даже на всякія мерзости, лишь-бы надѣть на балъ такое-же платье, какое было на какой-нибудь графинѣ Бламанже. Барыня не справляется съ тѣмъ, идетъ-ли данная модная вещь къ ней,

или нѣтъ; ей важно лишь одно, чтобы нарядъ былъ сдѣланъ по послѣдней модѣ. Это слѣпое, рабское подражаніе доходитъ до того, что нерѣдко гадко становится смотрѣть на женщину, по природѣ хорошенькую и симпатичную, но совершенно уродующую себя какими то невозможными шляпками, безобразными турнюрами и непозволительно - откровенными платьями. Еще гаже становится, когда вспомнишь, что тряпки эти покупаются цѣною непосильнаго труда мужа, цѣною благосостоянія семейства, цѣною наконецъ лишеній, которыми подвергаются дѣти. Ради моды забываютъ обязанности жены, матери, хозяйки, даже христіанки и какъ часто можно встрѣтить дамъ, которые являютя въ церковь исключительно для того, чтобы щегольнуть новымъ платьемъ. Всему этому виною извращенный вкусъ, который составляетъ результатъ плохаго воспитанія и скверныхъ примѣровъ, а потому матери, желающія счастья своимъ дочерямъ, должны поставить за правило одѣвать своихъ дочерей съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ наиболѣе простенькія костюмы и стараться развить въ нихъ вкусъ ко всему простому, безыскусственному, изящному, помня, что строго изящна только простота. Изыщная простота имѣетъ еще то незамѣнимое достоинство, что она тѣсно связана съ разумной экономіей. Женщина, гоняющаяся за модой, не умѣющая одѣться къ лицу и замѣнить дорогой нарядъ простенькимъ, но изящнымъ платьицемъ, всегда дѣлается мотовкой, раззоряющей и мужа и семью, а вѣчная возня съ тряпками отрываютъ ее отъ домашнихъ занятій. Она становится тунеядкой. Кромѣ того роскошь всегда влечетъ за собою праздность, а праздность въ семейной жизни это величайшее зло. Хозяйка дома, возлагающая всѣ заботы о домашнемъ благосостояніи на мужа и прислугу, не заслуживаетъ почетнаго званія жены. Это содержанка, живущая на счетъ другихъ. Это тунеядка, это паразитъ,—паразитъ тѣмъ болѣе гадкій, что своими пороками она заражаетъ другихъ и въ особенности своихъ дѣтей. Жена, отвѣчающая мужу на его совѣтъ заняться хозяйствомъ:

— Я вамъ не кухарка!.. такая жена заслуживаетъ пол-

наго презрѣнія, такъ нельзя уважать женщину, ставящую цѣлью всей своей жизни свѣтскія удовольствія.

Къ сожалѣнію, глупая и нелѣпая фраза „я вамъ не кухарка!“ повторяется въ настоящее время чуть ли не въ каждой семьѣ и неразумныя жены, повторяющія ее, находятъ себѣ дѣятельную поддержку и въ не менѣе неразумныхъ маменькахъ.

— Я отдала вамъ свою дочь вовсе не для того, чтобы она сидѣла въ кухнѣ, твердятъ обыкновенно тещи своимъ зятямъ.

И вотъ подъ вліяніемъ такихъ маменокъ молодыя женщины съ отвращеніемъ смотрятъ на всякій домашній трудъ, предаются праздности, не сознавая вовсе, какъ глубоко онѣ роняютъ свое достоинство. Въмѣсто помощницы мужьямъ онѣ дѣлаются для нихъ тяжелымъ бременемъ, которое увеличивается по мѣрѣ того, какъ требованія праздной жены дѣлаются прихотливѣе. Сегодня послѣднія деньги, асигнованныя на уплату за квартиру, на покупку дѣтямъ теплаго платья и башмаковъ, употребляются на покупку какой-нибудь модной бездѣлки, которая должна украсить на нѣсколько вечеровъ нарядъ хозяйки дома. Завтра семья требуетъ новыхъ расходовъ, нужно ѣсть, пить, нужна квартира, слуги—дѣлается заемъ. Долги растутъ не по днямъ, а по часамъ, источники доходовъ быстро изсякаютъ; мужъ бросается на аферы, спекуляціи, а тамъ и на обманъ, подлоги и т. подобное... Финаль такой исторіи извѣстенъ: окружной судъ, скамья подсудимыхъ, ссылка; или же мужъ, потерявъ послѣднія силы, скрывается отъ кредиторовъ бросая семью на произволъ судьбы.

Жизнь среди удовольствій это топкое болото, затянутое тонкимъ слоемъ твердой почвы. Человѣкъ можетъ продержаться на этой почвѣ очень недолго; болото тотчасъ начнетъ его всасывать, тянуть внизъ и скоро втягиваетъ въ тину совсѣмъ съ головой, безъ всякой надежды на спасеніе. Увлеченіе слѣдуетъ за увлеченіемъ; ошибка влечетъ за собою ошибку, преступленіе слѣдуетъ за преступленіемъ. Одной бѣды никогда не бываетъ и достаточно сдѣлать одну

ошибку, чтобы погибнуть. А свѣтъ полонъ соблазна. Спасенье отъ этихъ соблазновъ въ семьѣ. Между тѣмъ, наши женщины стремятся не изъ свѣта въ семью, а наоборотъ изъ семьи въ свѣтъ. И какія странные контрасты представляетъ иная женщина, когда она бываетъ въ людяхъ и дома! Въ свѣтѣ иная барыня умна, добра, ласкова, привѣтлива, мила, остроумна; словомъ, полна блестящихъ достоинствъ и сводитъ всѣхъ съ ума; дома же, въ семьѣ, съ мужемъ это чистая сатана: груба, непривѣтлива, капризна, зла, прихотлива, скучна, брюзглива... Ее все тяготитъ, она вѣчно жалуется на свою судьбу; вѣчныя истерики, слезы или ссоры... Представьте, напр., себѣ такую сцену.

Мужъ возвращается со службы домой усталый, измученный. Онъ хочетъ отдохнуть, успокоиться; этого требуетъ его организмъ, это наконецъ необходимо, чтобы труженникъ запасся силами для будущихъ трудовъ. Онъ къ тому же голоденъ, съ утра ничего не ѣлъ. Онъ думаетъ пообѣдать дома вкусно и плотно, пошутить съ молодой женой, поиграть съ дѣтьми, словомъ насладиться семейнымъ счастьемъ. Но... у этого бѣдняка труженника такая жена, какихъ много. Онъ приходитъ домой и первое, что его неприятно поражаетъ это отсутствіе жены. Она уѣхала къ знакомымъ, она дѣлаетъ визиты. Бѣдный мужъ не знаетъ, ждать-ли ее, или ѣхать съ обѣдомъ? Дѣти, однако, просятъ ѣсть, ихъ нужно накормить. Проходитъ 10, 15, 20 минутъ, полъ-часа, часъ, а жены все нѣтъ. Садятся наконецъ обѣдать. Обѣдъ холодный, невкусный, видно, что кухарка готовить, что вздумается и готовить, какъ случится. Вдругъ врывается вихремъ жена и тотчасъ набрасывается на мужа.

— Неужели вы не могли подождать меня? Какъ это скучно! Какъ это неприятно!.. Скинутая шляпка летитъ куда-нибудь въ сторону, пальто въ другую. Разсерженная, недовольная, она садится за столъ.

— Отчего вы его не умоете? Не переѣните рубашечку! кричитъ она на няню, указывая на сидящаго тутъ же ребенка. Какая гадость!.. продолжаетъ она. Это просто мученіе; самой все приходится дѣлать.

А ребенокъ сидитъ дѣйствительно грязный до нельзя. Отъ нечистоты и плохаго ухода всюду на головкѣ и личикѣ развилась золотуха. Платице грязное. Ребенокъ жметса, конфузится, мать даже не поцѣловала его.

— Лиза, что у тебя за манеры! продолжаетъ мать, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ.

И т. д., и т. д.

Наконецъ мужъ рѣшается намекнуть, что въ домѣ было бы больше порядка, если бы жена занималась дѣтьми и хозяйствомъ, а не пустыми, свѣтскими развлеченіями. Это служить сигналомъ къ цѣлой семейной мелодрамѣ: тутъ и упреки, и брань, и слезы, и истерика.

— Это мученье! Это невыносимо! Вы извергъ! Вы тиранъ! и проч., и проч.

Какъ такую женщину учтивѣ назвать? свѣтъ называетъ ихъ ангелами, мученицами терновыми тирана-мужа. Пустой и ничтожный свѣтъ всегда оправдываетъ такихъ ничтожныхъ женщинъ, всегда винитъ мужей. Оправдываютъ ихъ и маменьки, тещи... Кто хочетъ мира въ семьѣ—тотъ первымъ дѣломъ долженъ поставить тещу въ почтительное отдаленіе отъ своей семьи. Ничего не можетъ быть ужаснѣ этой породы матерей замужнихъ дочерей! Въ глазахъ тещи дочь ее всегда страдалица, мужъ дочери—извергъ, тиранъ... Никто успѣшнѣ тещи не поселяетъ раздора между супругами. Не даромъ теща служитъ неистощимою темою для карикатуръ и остротъ. Никто наконецъ не способенъ, такъ быстро взять мужа подъ башмакъ, какъ жена, руководимая тещей. А что можетъ быть ничтожнѣ мужа подъ башмакомъ жены и въ добавокъ жены, выдающей въ жизни единственную цѣль—свѣтскія удовольствія?!. Что можетъ быть комичнѣ мужа, который вовсе не составляетъ главы дома, а только пыталъ-бы быть таковымъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старается показать, что онъ кое-что значить въ семьѣ. Такихъ мужей въ нынѣшнее время поразвелось таки достаточно и поэтъ пронизиваетъ надъ ними въ очень остроумномъ восьмистишіи:

Тебѣ, мой милый, подражая,
Веду съ жены портретъ списать;
Пусть табакерка золотая
Ее мнѣ будетъ вспоминать.
Оно и ловко и опрятно...
Притомъ-же дома и въ гостяхъ
Для мужа всякаго пріятно
Всегда жену держать въ рукахъ.

Лучшимъ средствомъ противъ мотовства женщинъ, ихъ страсти къ нарядамъ и удовольствіямъ, а также противъ другихъ недостатковъ служить любовь и въ особенности любовь взаимная. Въ истинной любви супруговъ чувство всегда сопровождается нравственностью и только такимъ образомъ страсть дѣлается душою всѣхъ благородныхъ поступковъ. Только при существованіи взаимной любви жена дѣлается тѣмъ постояннымъ и вѣрнымъ другомъ, котораго мужъ ждетъ въ своей женѣ, назначенной къ раздѣленію удовольствій и трудовъ его жизни. Пусть жена требуетъ отъ мужа всей преданности, всей справедливости, которыхъ онъ самъ ищетъ въ ней. Еще Плутархъ говорилъ: „мущины, требующіе отъ своихъ женъ вѣрности, которую сами нарушаютъ, походятъ на тѣхъ полководцевъ, которые робко бѣгутъ передъ арміей, желая, однако-жъ, чтобы ихъ солдаты мужественно сражались“.

Истинная вѣрность должна быть основана на чистой любви. Что будетъ за любовь, которая происходитъ изъ чисто животной страсти, возбужденной темпераментомъ и поддерживаемой сладострастнымъ воображеніемъ? Что за любовь безъ прочныхъ и нравственныхъ началъ? Но увы! наша жизнь и наши нравы сложились такъ, что женщина невольно предрасполагаетъ къ вѣтренности и склонности къ роскоши, которая женщина и удовлетворяетъ, не щадя своей добродѣтели. Супружеская вѣрность зиждется на любви и поддерживается взаимнымъ довѣріемъ, увѣренностью въ томъ, что любовь удержитъ cadaго изъ супруговъ отъ увлеченій. Гдѣ нѣтъ довѣрія, тамъ нѣтъ истинной, чистой любви и тамъ является ревность со всѣми ея ужасами. Это по истинѣ ужасная страсть. Сколько она доставляетъ мученій и му-

щинѣ, и женщинѣ и сколько звѣрскихъ преступленій дѣлается подъ вліяніемъ ревности!.. Нерѣдко ревность возбуждается въ мужьяхъ безъ всякихъ основательныхъ причинъ и вслѣдствіе лишь того, что жены не могутъ отрѣшиться отъ страсти къ кокетству. Женщина не можетъ отказаться отъ кокетства, отъ постоянного желанія нравиться и окружать себя толпою поклонниковъ; нѣтъ спора, что невинное кокетство очень идетъ къ женщинѣ, увеличиваетъ ея прелесть, но всему должна быть мѣра и неосторожная кокетка легко можетъ сдѣлаться жертвою своей неосторожности. Мы говорили уже, какъ много соблазновъ представляетъ свѣтъ; здѣсь все разсчитано на то, чтобы пошатнуть добродѣтель женщины; здѣсь царство чувственной любви, а кокетка, сама играя любовью, очень легко дѣлается игрушкою въ рукахъ болѣе опытныхъ и болѣе развращенныхъ ловеласовъ. Женщина сама по себѣ, по своей натурѣ, способна легко увлекаться; вдобавокъ, бывають мужья, которые какъ-бы выставляютъ своихъ женъ на показъ свѣту, самолюбію которыхъ льстить, если на ихъ женъ обращено всеобщее вниманіе, если онѣ окружены всегда толпою поклонниковъ. Въмѣсто того, чтобы предостеречь женъ, эти неразумные мужья сами толкають ихъ къ соблазну, сами приводятъ ихъ незамѣтно къ гибели. Не удивительно послѣ этого, что женщина сбивается на пути, который мужъ ея такъ широко старался раскрыть передъ нею. Жена увлечется, покроетъ позоромъ голову мужа, а онъ первый осуждаетъ ее, тогда какъ долженъ порицать свое собственное неблагоразуміе.

Во всякомъ случаѣ прелюбодѣйство есть величайшее нравственное бѣдствіе; оно оскверняетъ святость брака, расшатываетъ семью, создаетъ несчастіе дѣтей и нерѣдко влечетъ за собою всевозможныя преступленія. Надо замѣтить, что на прелюбодѣйство мужа у насъ вообще смотрять очень легко и оно считается преступленіемъ только противъ самого себя. Это грубое заблужденіе. Прелюбодѣйство мужа также пагубно для семьи, какъ и прелюбодѣйство жены, въ особенности если мужъ обзаводится на сторонѣ семьей, для содержанія которой отымаетъ у своей жены и своихъ закон-

ныхъ дѣтей послѣднія средства къ существованію. Между тѣмъ законы и обычаи всѣхъ странъ и народовъ относились къ прелюбодѣйству мужа очень снисходительно, тогда какъ прелюбодѣйство жены преслѣдовалось и наказывалось чрезвычайно строго. У евреевъ, напр., преступная жена побивалась камнями въ присутствіи народа и для осужденія ея достаточно было одного свидѣтеля.

Каждый помнитъ библейское сказаніе о Сусаннѣ, эту ужасающую главу изъ исторіи прелюбодѣйства. Когда два старика, отвергнутые этою непорочною женою, сказали ей: „Мы будемъ свидѣтельствовать противъ тебя, мы будемъ утверждать, что застали тебя въ саду въ прелюбодѣйствѣ съ молодымъ человѣкомъ“. Эта женщина извѣстная такъ своею чистотою, не отвѣтила имъ: „Вся жизнь моя превозможетъ ваше свидѣтельство“. Свидѣтельство противъ нее было, она чувствовала себя погибшею, она погибла. Судьи созвали народъ и призвали жертву передъ себя. Она является, сопровождаемая отцомъ и матерью, окруженная своими дѣтьми и семействомъ; всѣ родственники ея плакали, плакали также и тѣ, которые ее знали, и всѣ слуги, которые никогда ничего подобнаго не слышали противъ нее; но никто не думалъ защитить ее, было свидѣтельство! Мужъ ея находился въ отсутствіи, убѣжденный, какъ кажется, однимъ обвиненіемъ. — „Стань на колѣни“, говорятъ ей двое судей, поднимая по обычаю свои руки надъ ея головою; тѣло ея склоняется, и, не произнося ни одного слова, не стараясь проситься, она только, рыдая, поднимаетъ глаза къ небу. „Эта женщина, продолжаютъ судьи, — совершила прелюбодѣйство въ своемъ саду съ молодымъ человѣкомъ; мы свидѣтели“. Все собраніе повѣрило имъ, какъ повѣрили старѣйшины и судьи, женщину осудили на смерть; и для спасенія ея нужно было почти божеское вмѣшательство, — прибытіе и слово юнаго Данила, говорившаго пророкомъ.

Въ Римѣ подозрѣваемая женщина была приводима передъ Семейный трибуналъ и осуждалась самими родственниками. „Пусть родные убьютъ ее, какъ захотятъ“, говоритъ грозный законъ Двѣнадцати Таблицъ. И на утро ничто не говорило

народу объ этой ужасной драмѣ, кромѣ отсутствія женщины, навлекшей на себя подозрѣніе. Аѳинскій законъ наказывалъ гражданскимъ пониженіемъ снисходительнаго мужа, желавшаго скрыть прелюбодѣйство своей жены, и тотъ, кто заставлялъ ее съ ея соучастникомъ, могъ собрать свидѣтелей и въ присутствіи ихъ предать ее смерти *). Прелюбодѣйство считалось преступленіемъ не только противъ мужа, но и противъ общества, противъ нравственности, и всякій гражданинъ имѣлъ право не только преслѣдовать, но и наказывать его. Единственнымъ наказаніемъ была смерть! Гуманное ученіе Христа смягчило жестокость наказанія за прелюбодѣйство. „Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый бросить въ нее камень“, говорилъ Спаситель, обратившись къ народу, который собрался для того, чтобы побить камнями преступную жену. Ни одна рука не поднялась!... Съ теченіемъ времени смерть за прелюбодѣйство совсѣмъ исчезла изъ уголовныхъ кодексовъ и замѣнена наказаніями несравненно легчайшими, а теперь... судебное наказаніе за прелюбодѣйство женъ составляетъ такую-же замѣчательную рѣдкость, какъ и жены, не обманывающія своихъ мужей. Легкость нравовъ проникла во всѣ слои общества, но особенно поразительна она въ высшихъ слояхъ, гдѣ браки по расчету составляютъ обычное явленіе; гдѣ молодыхъ дѣвушекъ выдаютъ за развалившихся стариковъ и гдѣ ни одна барыня не обходится безъ цѣлой свиты кузеновъ и друзей дома. Замѣчательно, что въ высшемъ обществѣ на измѣну женъ своимъ мужьямъ, смотрятъ очень снисходительно, какъ на шалость, и не только общество, но и сами мужья. Мужья спокойно носятъ рожки и при встрѣчѣ съ любовниками женъ радушножимаютъ имъ руки. За то въ среднемъ классѣ, гдѣ нравственныя устои прочнѣе и гдѣ семейное начало тверже, тамъ измѣна жены ведетъ нерѣдко къ кровавой развязкѣ. Нерѣдки такія развязки и въ крестьянскомъ быту. Въ такъ называемомъ „свѣтѣ“ заботятся лишь о томъ, чтобы мерзость была замаскирована внѣшнимъ приличіемъ.

*) Легуве, „Исторія нравств. полож. женщинъ“.

Если дома не украдкой
И не въ спальнѣ, а въ гостиннѣ
Поцѣлуется съ мушиной,
Всякій скажетъ: „Фи, какъ гадко!
„Цѣловаться, и—публично,
„Крайне, крайне неприлично!“
Ну-съ, а если не публично,
Но и такъ, что каждый знаетъ,
Дама мужа надуваетъ,—
Это тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не тоже:
Непублично, отчего-же?..

Простой, не хитрый человѣкъ имѣетъ иные взгляды и поступаетъ иначе. Заставъ жену съ любовникомъ, онъ хватаетъ первое, что въ руки подвернется топоръ, ножъ, обухъ и тутъ же убиваетъ и преступную жену, и своего соперника. Подобныя семейныя драмы въ послѣднее время далеко не составляютъ исключительныхъ явленій и иногда имѣютъ поистинѣ ужасную обстановку. Оскорбленный мужъ, звѣрски изтязаетъ измѣнившую жену... Онъ не убиваетъ ее однимъ махомъ, а рѣжетъ на куски, какъ бы отыскивая въ ея страданіяхъ возмездіе за свой позоръ, за свою оскорбленную любовь. Но если даже измѣна жены не влечетъ за собою такой кровавой драмы, то она во всякомъ случаѣ разрушаетъ семью, создаетъ несчастье. Прелюбодѣйство жены преступнѣе прелюбодѣйства мужа. И дѣйствительно, ея проступокъ не только можетъ ввести въ семью чужихъ дѣтей, отнять отъ собственныхъ дѣтей ихъ долю отцовскаго наслѣдства, но и создать то ужасное положеніе, когда любящій отецъ не знаетъ, долженъ ли онъ ненавидѣть существовъ, которыхъ наканунѣ обожалъ... Это ужаснѣйшее несчастье!.. Но и прелюбодѣйство мужа приноситъ массу нравственныхъ и матеріальныхъ несчастій. Для человѣка небогатаго прелюбодѣйство это раззореніе. Если небогатый женатый человѣкъ имѣетъ наложницу, у него почти всегда два хозяйства въ то время, какъ онъ едва зарабатываетъ, чтобы содержать одно, а потому одно изъ нихъ по необходимости постыется. При этомъ обыкновенно на пищѣ св. Антонія остается законная семья. Мужъ приноситъ своей законной женѣ только

небольшую часть заработка и все остальное проживает съ наложницей и вотъ семейство разрушено, число нищихъ увеличилось, увеличилось и число незаконныхъ дѣтей; вотъ наконецъ тѣ условія, которыя толкають человѣка на преступленія; любовница не жена, она ничего не хочетъ знать; ея любовь нужно купить, а денегъ нѣтъ; деньги достаются путемъ рискованныхъ спекуляцій, обмана, займовъ, подлоговъ, воровства и проч., и проч.

Да не только въ бѣдныхъ, и въ богатыхъ семьямъ распутство мужа влечетъ за собою чрезвычайно плачевные результаты. Прежде всего оно нарушаетъ внутренній міръ семьи. Преступный мужъ обыкновенно бранчивъ и грубъ. Платя за любовь, онъ потрясаетъ семейное состояніе. Наконецъ распутство мужа ведетъ за собою распутство жены. Она слышитъ слова, которыя за часъ можетъ быть говорились какому-нибудь низкому творенію; видитъ, какъ эти уста, которыя осквернились на двадцати грязныхъ лицахъ, касаются ея чела; какъ этотъ мужъ, невѣрный даже въ доказательствахъ своей нѣжности, ищетъ въ объятіяхъ своей жены образа своей метрессы. Отвращеніе, гнѣвъ, чувство оскорбленнаго самолюбія овладѣваютъ женой. Она находитъ себя слишкомъ глупой, служа добродѣтели, такъ вознаграждаемой и развратъ входитъ въ семейство, благодаря распутству его главы.

Въ богатыхъ семействахъ, въ которыхъ мужъ и жена охладѣли къ другъ другу, довольно часто практикуется жизнь хотя и въ одномъ домѣ, но на разныхъ половинахъ. Мужъ и жена имѣють отдѣльныя комнаты, отдѣльныхъ слугъ, отдѣльныхъ знакомыхъ. Каждый изъ нихъ ведетъ жизнь холостыхъ людей, устраиваетъ ее по своему вкусу и вообще не стѣсняется и не стѣсняетъ другаго. Положимъ, что люди, не чувствующіе другъ къ другу никакихъ симпатій, не могутъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ порѣже сталкиваться между собою; но супруги, живущіе на разныхъ половинахъ, забываютъ одно: судьбу своихъ дѣтей. Какой примѣръ они подають дѣтямъ? Какія нравственные правила могутъ почерпнуть дѣти изъ такой жизни? Чему они научатся?.. Въ

такихъ случаяхъ судьба дѣтей также несчастна, какъ и въ случаѣ развода супруговъ. Официальный разводъ у насъ практикуется очень рѣдко, не за то далеко не рѣдкость мужа и жены, живущіе врозь безъ официального развода. Надо замѣтить, что какъ жизнь на разныхъ половинахъ, такъ и жизнь врозь составляютъ величайшее зло, такъ какъ подрываютъ одну изъ существенныхъ основъ гражданственности, семейное начало. И то, и другое разрушаетъ семью; кромѣ того жизнь на разныхъ половинахъ и врозь въ одинаковой мѣрѣ разъединяютъ, не освобождая, раздѣляютъ имущество, не освобождая жену отъ опеки мужа, разлучаютъ лица, оставляя на честномъ мужѣ отвѣтственность за проступки его жены, разрываютъ бракъ какъ связь и сохраняютъ его какъ цѣпь. Представьте себѣ молодую женщину, разошедшуюся съ мужемъ, дурное обращеніе котораго она не могла переносить. Она остается въ жизни безъ руководителя, безъ защитника, преданная всѣмъ своимъ страданіямъ, всѣмъ своимъ мечтамъ и своей пылкой молодости. Ея одиночество создаетъ вокругъ нее тысячу оскорбительныхъ надеждъ; мужчинамъ всегда кажется, что женщина, не живущая съ своимъ мужемъ, принадлежитъ имъ по праву. Если женщина противостоитъ ихъ ухаживаніямъ они мстятъ ей, слѣдя за ея поведеніемъ и злословя на ея счетъ: они почти увѣрены, что такая женщина отталкиваетъ мужчину только потому, что уже сошлась съ другимъ. Напротивъ, если женщина уступить ухаживателямъ ее ждетъ безчестіе и презрѣніе, такъ какъ некому защитить ее и проступокъ не можетъ скрыться за супружескій щитъ. Женщина становится мишенью для нападеній строгихъ женщинъ, которыя часто потому немилосердны, что не имѣютъ сердца, и легкихъ женщинъ, которыя становятся немилосерды лишь для того, чтобы казаться строгими. Не менѣе печальна судьба мужчины, живущій врозь съ своей женой. Что можетъ быть ужаснѣе для честнаго человѣка, когда онъ видитъ, что его имя, его отца, имя его дѣтей, носить и безчестить измѣнившая ему женщина. Если безчестный поступокъ мараетъ ее передъ свѣтомъ и ведетъ ее къ суду, она осуждается, нося имя

своего супруга. Ея не законорожденныя дѣти носятъ имя ея мужа. Каждое ея появленіе въ обществѣ пробуждаетъ въ умѣ всякаго воспоминаніе объ обманутомъ мужѣ, имя котораго и произносится ради смѣха и обидныхъ замѣчаній.

Наконецъ жизнь врозь уменьшаютъ отцовскую и материнскую любовь и лишаетъ дѣтей благодѣтельнаго вліянія правильно устроенной семьи. Дѣти супруговъ, не живущихъ вмѣстѣ, или бросаются на произволь судьбы, на попеченіе наемныхъ воспитателей, или же воспитываются въ духѣ противоположныхъ системъ, принадлежа каждому изъ супруговъ только на половину. Сирота по матери въ продолженіи одного мѣсяца, по отцу въ продолженіи другаго, слыша какъ оба осыпаютъ другъ друга взаимными обвиненіями, ребенокъ невольно дѣлается судьей собственныхъ родителей и результатомъ этого бываетъ презрѣніе къ тому или другому, а часто и къ обоимъ. Конечно, бываютъ случаи, когда совмѣстная жизнь супруговъ дѣлается очень тяжелою. Мужъ грубъ, пьяница, развратникъ, а жена честная, добродѣтельная, умная женщина, и на оборотъ: мужъ труженникъ, честный гражданинъ и хорошій семьянинъ, жена развратница, мотовка... Жизнь при такихъ условіяхъ чистый адъ, но страдающая сторона должна принести себя въ жертву во имя цѣлости семьи, во имя счастья своихъ дѣтей и примирившись со всѣми непріятностями, не разрушать цѣлости семьи. Всякій мужъ и всякая жена, приходящіе къ мысли о жизни врозь, должны помнить, что для истинно любящаго отца и истинно любящей матери счастье дѣтей можетъ замѣнить собственное счастье.

Жизнь, супруговъ врозь это величайшее несчастье для дѣтей!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Женщина — мать.

Что такое семья и семейное начало.—Духъ семьи.—Вліяніе семьи на физическое и нравственное здоровье человека.—Значеніе матери въ семьѣ.—Неопытность женщины, какъ матери.—Признаки беременности.—Гигіена беременныхъ женщинъ.—Прихоти, причуды и капризы беременныхъ.—Въ ожиданіи родовъ.—Акушерка и акушеръ.—Первый крикъ младенца.—Чувства родителей.—Уходъ за родильницей и новорожденнымъ.—Мать, кормилица и нянька.—Выборъ кормилицы.—Кормленіе грудью и кормленіе искусственное.—Пеленаніе.—Вредъ укачиванія.—Дѣтская комната.—Отнятіе отъ груди.—Физиологическое воспитаніе въ первые годы жизни.—Няня.—Дѣти.—Куклы.—Кто виновать въ смертности дѣтей.—Первые шаги въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.—Сила первыхъ впечатленій.—Развитіе привычекъ, характера, ума и совѣсти.—Премахи родителей въ дѣлѣ воспитанія.—Неумѣніе подмѣтить наклонностей ребенка и задержка развитія способностей.—Рациональныя приемы домашняго воспитанія.—Наемныя воспитатели.—Воспитательная миссія матери и отца.

Семья, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимаетъ всѣ лица, связанныя между собою бракомъ, родствомъ или свойствомъ. Родствомъ собственно называется та связь между нѣсколькими лицами, которая основана на рожденіи, т. е. на томъ, что сказанныя лица происходятъ или другъ отъ друга или отъ общаго имъ третьяго лица. Свойство-же есть отношеніе между однимъ изъ супруговъ и родственниками другаго, возникшее вслѣдствіе совершенія брака. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слово семья относится только къ тѣмъ, которыя стоятъ между собою въ домашней связи вслѣдствіе брака и рожденія, именно къ супругамъ, родителямъ и дѣтямъ; этимъ словомъ обозначается также самая домашняя

связь, существующая между сказанными лицами *). Такъ опредѣляютъ семью юристы. Съ точки-же зрѣнія нравственной, семья есть очагъ цивилизаціи. Она представляетъ собою составную часть общества, а потому понятно, что общество только тогда становится цивилизованнымъ, когда цивилизація составляетъ удѣлъ каждой семьи, создается, такъ сказать, у семейнаго очага. Семья это та именно среда, которая дѣлаетъ нравственнымъ и богатаго и бѣднаго и внѣ семьи нѣтъ нравственности, нѣтъ истиннаго счастья. Она воспитываетъ и укрѣпляетъ въ человѣкѣ основы нравственности, приучаетъ его къ гражданственности, къ общежитію и создаетъ въ человѣкѣ характеръ. Она, словомъ, опредѣляетъ, формируетъ человѣка, какъ члена общества и все общество, какъ состоящее изъ отдѣльныхъ особей, воспитанныхъ семьею. Міровое значеніе того или другаго государства всецѣло зависитъ отъ того, какимъ духомъ проникнуты составляющія его семьи. Если въ государствѣ крѣпко и непоколебимо семейное начало, то оно крѣпко и непоколебимо, и на оборотъ, государство, въ которомъ семейное начало расшатано, представляетъ картину разложенія, распаденія, внутренней слабости и политическаго ничтожества. Всемирная исторія Рима пала вслѣдствіе упадка семьи. Въ семьѣ-же воспитывается любовь къ отечеству, дающая гражданину силу на подвиги самоотверженія для пользы родной земли. Солдаты, сражаясь за родину, сражаются вмѣстѣ съ тѣмъ за свою семью, за своихъ родныхъ и ближнихъ, за могилы своихъ предковъ. Таково политическое значеніе семьи. Въ частности семья доставляетъ каждому высшее счастье, какое только доступно человѣку. По словамъ Мишле, семья это воскресеніе мущины, не только успокоеніе, но радость, счастье жизни, то, для чего хочется жить **), это не пустыя слова, не лиризмъ. Какъ-бы ни былъ счастливъ человѣкъ въ одиночествѣ, все таки наступаетъ моментъ,

*) Ф. А. Шиллингъ „Естественное право или философія права“. Переводъ подъ редакціей М. Капустина.

***) Мишле, „Женщина“

когда одиночество становится для него невыносимымъ: онъ ищетъ, жаждетъ чего-то и находить это только тогда, когда женится и обзаведется семьей. Одиночество противно натурѣ не только человѣка, но и всего, что есть въ природѣ. Что-же касается человѣческихъ обществъ, то не только философскія разсужденія, но и тщательныя статистическія изслѣдованія доказали, что семья имѣетъ въ высшей степени благотворное вліяніе на жизнь человѣка; семья облагораживаетъ, возвышаетъ его; жизнь семейнаго человѣка полнѣе и получаетъ высокую, точно опредѣленную цѣль—воспитаніе своихъ дѣтей. Все это увеличиваетъ энергію семьянина, усиливаетъ его дѣятельность и удерживаетъ его отъ проступковъ и преступленій, столь частыхъ среди холостыхъ людей. Наконецъ статистика доказала, что семейная жизнь имѣетъ громадное вліяніе на продолжительность жизни человѣка, что семейные люди долже жить, чѣмъ холостые и что они здоровѣе холостыхъ.

Здѣсь мы приведемъ нѣсколько статистическихъ таблицъ, указывающихъ на вліяніе семьи, какъ на физическое, такъ и на нравственное здоровье человѣка. Вліяніе семьи на физическое здоровье опредѣлится различіемъ въ относительной смертности семейныхъ и не семейныхъ, включая въ число послѣднихъ холостыхъ и вдовыхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Что же касается вліянія семьи на нравственное состояніе человѣка, то оно опредѣлится изъ сравненія относительнаго числа преступленій вообще и самоубійствъ въ частности, относящихся къ семейнымъ и не семейнымъ людямъ. Вотъ цифры, выражающія число умершихъ на тысячу живыхъ мужчинъ во Франціи *) (съ 1856—65 г.).

Возрасть.	Холостые.	Женатые.	Вдовы.
15—20 лѣтъ:	6,9	51,3	
20—25 "	12,9	8,9	49,5
25—30 "	10,1	6,2	21,8
30—35 "	11,5	6,8	19,0

*) Данныя заимствованы изъ статьи „Influence de la famille sur la santé physique et morale“. Nature.

35—40	"	13,1	7,5	17,5
40—45	"	16,6	9,5	19,0
45—50	"	19,6	11,4	22,2
50—55	"	25,8	15,6	26,8
55—60	"	32,7	21,5	34,0
60—65	"	45,9	32,6	47,5
65—70	"	58,5	44,8	62,0
70—75	"	85,1	71,5	95,4

Изъ этой таблицы видно: 1) что относительная смертность женатыхъ, старше двадцатилѣтняго возраста, значительно меньше смертности холостыхъ соответствующаго возраста; другими словами, женатые имѣютъ меньше шансовъ умереть чѣмъ холостые; 2) вдовцы умираютъ въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ женатые: они умираютъ даже больше холостыхъ. Напримѣръ вдовецъ въ 25—30 лѣтъ имѣетъ столько же шансовъ умереть, какъ холостой въ 50 или женатый 57 лѣтъ приблизительно. Эти разницы громадны, и удерживаются въ теченіе всей человѣческой жизни, хотя въ старости они уменьшаются.

Перейдемъ теперь къ женщинамъ. Приведемъ для нихъ подобную же таблицу, въ которой цифры означаютъ число умершихъ на тысячу женщинъ во Франціи (1856—65 г.).

Возрастъ.	Дѣвцы.	Замужнія.	Вдовы.
15—20 лѣтъ:	7,5	11,8	12,3
20—25 "	8,3	9,9	23,6
25—30 "	9,0	8,9	16,9
30—35 "	9,8	9,3	15,0
35—40 "	10,8	9,3	12,7
40—45 "	13,2	10,0	13,3
45—50 "	15,7	10,7	15,7
50—55 "	21,0	14,1	18,7
55—60 "	27,0	19,3	24,4
60—65 "	40,5	30,7	37,0
65—70 "	58,5	45,2	53,5
70—75 "	86,3	72,5	86,0

При этой таблицѣ мы усматриваемъ, что для женщинъ

имѣть мѣсто тотъ же законъ, лишь съ тою разницею, что онъ выражается слабѣе.

Замужнія женщины, также какъ и женатые мужчины, въ отношеніи продолжительности жизни, имѣютъ преимущество передъ дѣвушками и вдовами, за исключеніемъ женщинъ 15—20 лѣтняго возраста, когда ихъ смертность сравнительно больше. Это объясняется тѣмъ, что женщины въ первые годы своего замужества во многихъ случаяхъ являются жертвами несчастныхъ родовъ. Во всѣхъ же остальныхъ возрастахъ замужнія женщины имѣютъ меньше шансовъ умереть чѣмъ дѣвушки, т. е. отличаются болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ. Вдовы до 50-лѣтняго возраста, имѣютъ больше шансовъ умереть, а послѣ этого возраста нѣсколько меньше, чѣмъ старыя дѣвы. Достаточную причину можно найти въ томъ, что вдовы вообще пользуются большимъ довольствомъ, чѣмъ старыя дѣвы одинаковаго возраста, въ особенности тѣ вдовы, у которыхъ остались дѣти: онѣ всегда служатъ предметомъ заботливости и ухода своихъ дѣтей.

Подобныя статистическія таблицы были составлены и для другихъ государствъ: докторъ Бертагонъ составилъ ихъ, кромѣ Франціи, для Голландіи и Бельгіи; онѣ были составлены также и для Швеціи, Швейцаріи, Италіи и др., и вездѣ выражался весьма характерно одинъ и тотъ же законъ, который можно формулировать слѣдующимъ образомъ: семейная совмѣстная жизнь супруговъ представляетъ: 1) болѣе благопріятныя условія для здоровой жизни человѣка и 2) болѣе благопріятствуетъ мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ; женщины обходятся безъ мужчинъ легче, чѣмъ мужчины безъ нихъ. Мужчины болѣе страдаютъ отъ ненормальной, безсемейной жизни; вдовство же убиваетъ ихъ окончательно. Смертность мужчинъ холостяковъ или вдовцевъ относительно женатыхъ гораздо больше, чѣмъ смертность, не замужнихъ и вдовъ относительно замужнихъ. Въ то время, какъ вдовцы умираютъ въ три четыре раза больше, чѣмъ женатые соотвѣтствующаго возраста, вдовы умираютъ въ полтора раза больше, чѣмъ замужнія женщины. Какъ будто для мужчинъ брачный союзъ дороже, чѣмъ для женщинъ.

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію вліянія семьи на нравственную жизнь человѣка. Не только семейные люди умираютъ меньше, чѣмъ не семейные, но они имѣютъ и меньшее стремленіе къ преступленіямъ вообще и къ самоубійству въ особенности. Семейные люди какъ-бы стоятъ въ лучшемъ положеніи относительно всѣхъ невзгодъ человѣческаго рода. Что-же касается до вдовцовъ, то ихъ условія лежатъ въ срединѣ между холостыми и семейными. Они болѣе расположены къ преступленіямъ, чѣмъ женатые, но меньше, чѣмъ холостые. Вотъ данныя, которыя собралъ г. Бартильонъ. Число преступленій на одинъ миллионъ мужчинъ (съ 1860—68 г.) во Франціи:

Холостые	403	преступ.
Женатые съ дѣтьми . . .	186	„
Женатые безъ дѣтей . . .	287	„
Вдовцы съ дѣтьми	237	„
Вдовцы безъ дѣтей	262	„

Число преступленій на одинъ миллионъ живыхъ женщинъ (съ 1860—68 г.) во Франціи:

Незамужнія	89	преступ.
Замужнія съ дѣтьми	32	„
Замужнія безъ дѣтей	60	„
Вдовы съ дѣтьми	44	„
Вдовы безъ дѣтей	35	„

Изъ этихъ таблицъ усматривается еще слѣдующій, весьма интересный законъ: люди, имѣющіе дѣтей, окруженные семьей, меньше подвержены всѣмъ человѣческимъ несчастіямъ и порокамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ обрываютъ дѣти, напоминающіе родителямъ однимъ своимъ присутствіемъ о трудѣ, обязанностяхъ и долгѣ. Присутствіе дѣтей, какъ кажется, имѣетъ большее вліяніе, чѣмъ одно присутствіе женщины. Взгляните на приведенныя выше таблицы, вмѣстѣ съ двумя нижеприведенными, относящимися до числа самоубійствъ, и вы убѣдитесь, что дѣти удерживаютъ родителей какъ отъ преступленій, такъ и отъ самоубійства. Число самоубійствъ на одинъ миллионъ живыхъ мужчинъ:

Женатые съ дѣтьми. . . .	205	самоуб.
Женатые безъ дѣтей. . . .	470	"
Вдовцы съ дѣтьми. . . .	526	"
Вдовцы безъ дѣтей. . . .	1004	"

Число самоубійствъ на одинъ миллионъ живыхъ женщинъ:

Замужнія съ дѣтьми. . . .	45	самоуб.
Замужнія безъ дѣтей. . . .	158	"
Вдовы съ дѣтьми. . . .	104	"
Вдовы безъ дѣтей. . . .	238	"

Изъ этихъ-же таблицъ видно, что женщины вообще гораздо меньше способны на преступленія и на самоубійства. Присутствіе дѣтей уменьшаетъ въ среднемъ приблизительно на половину число преступленій. Что касается до вдовъ, то, кажется, присутствіе дѣтей вызываетъ нѣсколько больше преступленій. Что за причина? Быть можетъ, это зависитъ отъ нужды? Мы не беремся объяснить, такъ какъ для этого не имѣемъ никакихъ данныхъ. Присутствіе дѣтей имѣетъ въ особенности торжествующее вліяніе на число самоубійствъ. Какъ для женатыхъ, такъ и для вдовцовъ присутствіе дѣтей уменьшаетъ на половину желаніе лишиться себя жизни. Женщины вообще меньше способны на самоубійство, чѣмъ мужчины, но если разсмотрѣть приведенныя статистическія данныя, исключительно къ нимъ относящіяся, то становится очевиднымъ, что для женщинъ присутствіе дѣтей одинаково дорого, какъ и для мужчинъ: у семейныхъ женщинъ и у семейныхъ вдовъ число самоубійствъ въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ у бездѣтныхъ женъ и вдовъ.

Вотъ итоги статистическихъ изслѣдованій. Въ виду этихъ итоговъ мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что увеличеніе числа преступленій и самоубійствъ, столь замѣтное въ нынѣшнее время, должно быть объяснено уменьшеніемъ числа браковъ и вообще упадкомъ семейной жизни. Намъ остается лишь посовѣтовать мужчинамъ жениться, а женщинамъ стараться сдѣлать семейную жизнь наиболѣе пріятною для мужчинъ. И это вполне во власти женщины.

„Мужинѣ, говоритъ Франкъ, умъ и сила, мужество, ре-

месленный и ученый трудъ; женщинѣ—кротость и надежда, трудъ болѣе украшающій, чѣмъ приобретающій, нѣжныя чувства, составляющія поэзію жизни и наконецъ чуткость ума⁴. Отъ этого раздѣленія свойствъ и качествъ и происходитъ то, что каждый изъ супруговъ составляетъ идеаль, предметъ уваженія, любви и обожанія. Мушину обожаетъ въ женщинѣ то, чѣмъ самъ не обладаетъ; женщина въ свою очередь уважаетъ въ мушину его спеціальныя качества. Мушину призванъ работать внѣ дома, въ судахъ, на войнѣ, въ мастерскихъ, въ общественныхъ собраніяхъ. Женщина создана для того, чтобы быть царицею домашняго очага. „Мать семьи, сказала одинъ мудрецъ древности, есть матка пчелы; ею живетъ весь улей. Улети она и пчелы разсыются, ячейки разобьются, даже медъ станетъ безвкуснымъ“. Мы уже не разъ имѣли случай говорить о заблужденіяхъ женщинъ и въ особенности замужнихъ, стремящихся сдѣлаться физиологами, докторами, адвокатами, ораторами въ то самое время, когда на нихъ лежатъ святыя обязанности матери; въ большинствѣ случаевъ такія женщины, затративъ массу времени и труда, достигаютъ слѣдующихъ результатовъ: онѣ никогда не бываютъ хорошими физиологами, хорошими адвокатами, но за то дѣлаются прескверными матерями и, въ качествѣ таковыхъ, приносятъ обществу громадный вредъ, — вредъ тѣмъ болѣе печальный, что онъ наносится наиболѣе близкимъ къ женщинѣ существамъ: мужу и дѣтямъ. Въ предыдущихъ главахъ мы уже указали на кругъ обязанностей дочери, супруги и хозяйки, теперь намъ остается указать на обязанности матери. Чтобы тамъ ни говорили, но одною изъ цѣлей брака служитъ произведеніе потомства; если даже произведеніе потомства и не составляетъ цѣли, то во всякомъ случаѣ оно является результатомъ брака; рожденіе дѣтей представляется неприложнымъ фактомъ и передъ нимъ нужно преклониться; т. е. необходимо, чтобы мать была не просто самкой, а истинною, разумною матерью. Замѣтимъ между прочимъ, что нерѣдко пресловутые защитники женскаго вопроса отрицаютъ въ женщинѣ обязанность рожать и воспитывать дѣтей. „Вы, говорятъ они, хотите сдѣ-

лать женщину самкой". Эти защитники, сами не въдавая, глубоко унижаютъ защищаемыхъ ими женщинъ. Самкой должно называть тѣхъ матерей, заботы которыхъ о дѣтяхъ ограничиваются лишь рожденіемъ ихъ и которыя не сознаютъ дальнѣйшихъ своихъ обязанностей въ отношеніи дѣтей. Представьте себѣ женщину бредящую „завиральными идеями". Она замужемъ. Во время беременности, она нисколько не думаетъ о сохраненіи драгоценнаго плода, носимаго ею. Ей все равно будетъ ли рождаемое дитя здоровымъ, или калѣкой; она не принимаетъ никакихъ предосторожностей; она до крайности тяготится своей беременностью, потому что это мѣшаетъ ей посѣщать какія-нибудь публичныя лекціи по антропологии или высшей умозрительной философіи. Наконецъ она рождаетъ... Родила и горе съ плечъ долой. Дитя отдается мамкѣ, потомъ нянькѣ, а мать продолжаетъ слушать лекціи умозрительной философіи. Это самка, въ самомъ унижительномъ смыслѣ этого слова. Женщина же посвятившая всю свою жизнь воспитанію дѣтей, воспитанію будущихъ гражданъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа самкой. Въ концѣ концовъ становится несомнѣннымъ, что названіе самки, вопреки увѣренію защитниковъ женскаго вопроса (въ томъ смыслѣ въ какомъ его понимала Кукшина), принадлежитъ по справедливости не тѣмъ женщинамъ, которыя видятъ цѣль своей жизни въ семьѣ, а тѣмъ именно, которыя уклоняются отъ своего призванія, благодаря роковымъ увлеченіямъ.

Но недостаточно, однако, сознавать свои обязанности, необходимо еще умѣть исполнить ихъ; нужно быть не только матерью, но и хорошею матерью. Между тѣмъ большинство замужнихъ женщинъ крайне неопытны и несвѣдуци относительно всего того, что предстоитъ имъ испытать во время брачной жизни. Этому способствуетъ нелѣпное мнѣніе, что дѣвушка многое неприлично знаетъ. Дѣвушка, выходя замужъ, входитъ въ какой-то совершенно незнакомый ей міръ. Она не имѣетъ никакого понятія ни о гигиенѣ, которую нужно соблюдать во время беременности, ни о самыхъ родахъ, ни о воспитаніи дѣтей. Отсюда множество ошибокъ, часто не-

поправимыхъ и горько оплакиваемыхъ. Въ виду этого мы рекомендуемъ молодымъ женщинамъ рядъ наставленій и правилъ, знаніе которыхъ безусловно необходимо знать каждой женщинѣ, желающей честно выполнить свою великую миссію матери.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя указанія по гигиенѣ беременныхъ женщинъ. Большая часть женщинъ оплодотворяются, сами не замѣчая этого, и узнаютъ объ этомъ только по прекращенію менструацій. Какъ только беременность стала несомнѣнно, женщина должна отказаться отъ шумныхъ удовольствій свѣта, баловъ, театровъ, празднествъ прогулокъ, гдѣ тѣснится толпа народа, наконецъ отъ всего, что требуетъ продолжительнаго бдѣнія и утомляетъ. Съ самаго начала беременности, благоразумная женщина должна оставить корсетъ и всякую одежду, стѣсняющую ея талію и стѣнки брюшной полости; ея платья должны быть скроены такимъ образомъ, чтобы онѣ давали полную свободу развитію части ея тѣла, объемъ которыхъ увеличивается по мѣрѣ роста зародыша. Гигиеническія заботы и предосторожности, принятыя матерью, вниманіе, которое она должна обращать на сохраненіе разновѣсія между тѣломъ и душой, будутъ имѣть слѣдствіемъ легкія роды и хорошее тѣлосложеніе ребенка. Французское выраженіе *enceinte*, т. е. беременная, означаетъ безъ пояса (*sans ceinture*). У Римлянъ женщины носили поясъ, чтобы поддерживать груди; но, во время беременности, законъ обязывалъ ихъ оставить этотъ поясъ, подъ угрозой денежной пени и заключенія. Ликургъ точно также постановилъ, что женщины при первыхъ признакахъ беременности, должны одѣть широкія платья безъ кушаковъ и пояса.

Время беременности можно раздѣлить на два періода, одинъ четырехъ, а другой пятимѣсячный. Въ первые мѣсяцы беременности, женщина расположена къ множеству легкихъ разстройствъ, какъ напр. обмороки, утомленіе, бессонница, несвареніе желудка, истощеніе силъ, деспенція или разстройство пищеваренія, рвота, усталость, и т. д... Эти разстройства уступаютъ обыкновенно легкой, но питательной діетѣ,

изъ которой должно исключить все соленое, пряное и копченое, какъ и возбуждающіе напитки. Нестъсненіе желудка необходимо для беременныхъ женщинъ; если онъ не варить, то онъ должны прибѣгнуть къ промывательнымъ и охлаждающимъ напиткамъ. Что же касается слабительныхъ и другихъ лекарствъ, то ихъ нельзя употреблять безъ предписанія врача. Прогулки пѣшкомъ, умѣренная дѣятельность въ домашнемъ обиходѣ, чистый и свѣжій воздухъ, опрятность тѣла и одежды, весьма благопріятны для беременной женщины. Достигнувъ втораго періода беременности, женщина вступаетъ въ новый порядокъ вещей. Утробная работа, которая до сихъ поръ была едва замѣтна для нея, теперь начинаетъ выражаться весьма явственными признаками. Перешедши свой четвертый мѣсяць, зародышъ начинаетъ быстро развиваться и потому требуетъ отъ матери большаго количества питательныхъ соковъ. И природа, подстрекая аппетитъ женщины, показываетъ ей, что она должна умножить вду. Желудокъ уже не производитъ болѣе тошноты, слабости, его отправленія совершаются легко и быстро; въ эту пору недостатокъ пищи былъ-бы также вреденъ для матери и плода, какъ излишекъ въ первые мѣсяцы беременности. Беременнымъ необходимо избѣгать всякаго сильнаго волненія, боязни, неумѣренной радости, удивленія, испуга, въ особенности порывовъ гнѣва, наконецъ всего, что можетъ потрясть ея нервную систему и возмутить ея чувства. Ея существованіе должно проходить спокойно и въ довольствѣ, какъ тѣлѣсно такъ и нравственно. Мужъ долженъ быть чрезвычайно внимателенъ къ той, которая въ скоромъ времени подаритъ его ребенкомъ; онъ долженъ окружить ее всеми малѣйшими заботами, онъ долженъ быть предупредителенъ, нѣженъ, высказывать ей свою внимательность, свою постоянно возрастающую привязанность, любезность, услужливость, ежеминутно и безъ усталости. Когда женщина вступаетъ въ пятый мѣсяць своей беременности, малѣйшее давленіе и стѣсненіе поясицы и живота можетъ ранить плодъ или воспрепятствовать его развитію; потому женщина должна отказаться отъ супружескихъ наслажденій и отказать въ нихъ мужу, если онъ недостаточно

благоразумень для того, чтобы обойтись без них или недостаточно уменъ, чтобы понять, что въ эту эпоху они могут повредить организмъ матери и развитію утробнаго младенца. Дознано, что весьма часто маточныя кровотеченія, изъязвленія и затвердѣлости матки, затруднительныя роды, пороки въ строеніи и другіе безпорядки въ организаціи ребенка, зависятъ отъ любовныхъ наслажденій въ эту эпоху беременности. Недалекія и неутомительныя прогулки, легкія развлеченія благопріятны для беременныхъ женщинъ, ибо возбуждаютъ аппетитъ и пищеварительныя отправления; въ эту эпоху она нуждается въ болѣе обильной пищѣ; потому что хотя она и не теряетъ крови черезъ мѣсячныя очищенія, но это ничего не значитъ: отсутствіе менструацій не пополняетъ количества питательныхъ соковъ, которое теряетъ ея экономія въ пользу плода; эти соки тѣмъ обильнѣе, чѣмъ онъ старше и сильнѣе; еслибы питаніе у матери истощилось, то непременно произошла-бы остановка, всегда неблагопріятная въ развитіи и ростѣ плода.

Все вышеизложенное безусловно необходимо знать всякой молодой женщинѣ уже для того, чтобы избѣгать весьма печальныхъ ошибокъ. Какъ часто, напр., случается, что молодая женщина принимаетъ беременность за случайное нездоровье и начинаетъ употреблять различныя средства, вредящія плоду. Нерѣдко можно встрѣтить и такихъ безразсудныхъ женщинъ, которые въ первые мѣсяцы беременности продолжаютъ вести обычную жизнь, не отказывая себѣ даже въ верховой ѣздѣ. Частію это происходитъ отъ легкомыслія, безразсудства, но еще чаще отъ незнанія самыхъ элементарныхъ правилъ гііены. Результаты-же бывають всегда одинаково печальны: женщина или производитъ выкидышъ, или рождаетъ болѣзненнаго калѣку, или на всю жизнь разстраиваетъ собственное здоровье.

Такое важное состояніе, какъ беременность, не можетъ оставаться безъ вліянія на весь организмъ женщины, на ея здоровье, и хотя считается вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, но вызываетъ такія разстройства, которые въ другое время можно было-бы считать болѣзненными. Такими разстрой-

ствами и страданіями слѣдуетъ считать запоры, частый позывъ къ мочеиспусканію, отеки ногъ, боли въ крестцѣ, чувство тяжести во всемъ тѣлѣ, особенно при движеніи. Къ тому-же беременную часто тошнитъ, появляется рвота, которая у нѣкоторыхъ женщинъ бываетъ правильно въ опредѣленные часы, напр. утромъ сейчасъ послѣ пробужденія, или-же вслѣдъ за принятіемъ пищи, уменьшеніе аппетита, слюнотеченіе и проч. Но самыя главныя измѣненія замѣчаются въ отправленіяхъ нервной системы. У нѣкоторыхъ беременныхъ женщинъ часто бываетъ: куриная слѣпота, ослабленіе зрѣнія и слуха *). Чувствительность женщины увеличивается, измѣняется даже характеръ ея: кроткія, веселыя, добрыя и довѣрчивыя женщины, становятся раздражительными, мрачными, ревнивыми, сердитыми и подозрительными. Въ то-же время лицо дѣлается блѣднымъ, глаза окаймляются рѣзкимъ синимъ кружкомъ, являются различныя нервныя страданія.

Припадки эти рѣзче всего выражаются у особъ не вполне здоровыхъ, нервныхъ, проводящихъ жизнь въ праздности и неимѣющихъ никакого опредѣленнаго занятія. Къ концу-же третьяго мѣсяца, когда матка выходитъ изъ таза и помещается въ нижней части брюшной полости, они постепенно исчезаютъ. Характеръ женщины становится опять такимъ-же, какимъ былъ и до беременности. Впрочемъ, у женщинъ дѣятельныхъ и здоровыхъ явленія эти иногда выражаются настолько слабо, что онѣ даже и не подозреваютъ о существованіи беременности, хотя отсутствіе менструацій и кажется имъ немного страннымъ.

Видимо вѣрнымъ признакомъ беременности слѣдуетъ считать только сердцебіеніе утробнаго младенца, которое можно слышать уже съ пятаго мѣсяца. Нельзя однако этого сказать и о движеніи плода, замѣчаемыя беременными уже съ четвертаго мѣсяца, такъ какъ они не всегда доступны контролю; опытъ же убѣждаетъ, что женщины въ этомъ отношеніи часто ошибаются. Другое дѣло, если эти движе-

*) Шингельбергъ, „Руководство къ акушерству“. Казань. 1861 г., стр. 62.

ня можетъ наблюдать посторонній. Что же касается прочихъ симптомовъ, сопровождающихъ беременность, то они являются также и при нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Только къ концу плодоваго періода матка надавливаетъ на желудокъ снизу, вслѣдствіе чего повторяются прежнія разстройства, съ присоединеніемъ новыхъ явленій, зависящихъ отъ потери соковъ. Въ этотъ періодъ замѣчается учащеніе пульса, головокруженіе, звонъ въ ушахъ, сонливость, головныя и зубныя боли. Позывъ къ рвотѣ и горечь во рту тоже являются къ концу беременности. При этомъ почти всегда замѣчается перемѣна въ душевномъ настроеніи беременной; чаще всего приходится наблюдать психическое угнетеніе, которое иногда доходитъ до меланхоліи. На 7—8 мѣсяцахъ беременности кожа на лицѣ желтѣетъ и появляются пятна по всему тѣлу. Съ 8 по 9 мѣсяць черты лица выражаютъ утомленіе, походка становится невѣрной съ перевальцемъ; матка сильно подается впередъ и при стояніи или ходбѣ беременная должна значительно згибаться назадъ. Въ послѣдніе два мѣсяца беременности вѣсь тѣла женщины значительно увеличивается *). Во время беременности иногда развиваются самыя странныя вкусы, наклонности и прихоти. Встрѣчаются женщины, которыя ѣдятъ уголь, мѣль гипсъ, и т. д.; другія показываютъ удивительную жадность къ кислотамъ, незрѣлымъ плодамъ, къ веществамъ несвѣжимъ и тухлымъ. Прихоти эти могутъ до того развиться, что часто нужно опасаться за разстройство разсудка. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ странныхъ вкусовъ, источникъ которыхъ всегда заключается въ нервномъ разстройствѣ. Борелли видѣлъ женщинъ, пившихъ гнилую воду, вытекавшую изъ навозной кучи, обмакивавшихъ хлѣбъ въ свернувшуюся кровь, ѣвшихъ гнилую говядину, сыръ съ червями, наконецъ экскременты (испражненія)... Форрестъе рассказываетъ, что знаетъ женщинъ, которыя проглатывали живыхъ угрей, раковъ, еще трепещущихъ рыбъ. Одна изъ нихъ, замѣтивъ въ кухнѣ кролика, разрѣзаннаго на части,

*) Gassner, „Monatschr. Geb“.

для приготовленія фрикассе, бросилась на кровавые куски и проглотила всё въ одно мгновеніе. Тотъ же Форрестъ рассказываетъ объ одной беременной дамѣ, которая, увидавъ овечью шкуру, только что снятую, разрѣзала ее на ремешки и съѣла ее, съ шерстью, въ одинъ день. Существуетъ огромное разнообразіе прихотей, болѣе или менѣе странныхъ, болѣе или менѣе ужасныхъ, уничтожить которыя должна власть мужа, если не могли этого сдѣлать совѣты разсудка. Что касается до причудъ, которыя могутъ потрясти общественное спокойствіе, то необходимо укротить ихъ. Нѣкоторыхъ, къ счастію весьма рѣдкихъ, женщинъ маниаковъ (поврежденныхъ въ разсудкѣ), должно лишить свободы, потому что причуды доводятъ ихъ до варварства и ужаснаго звѣрства. Исторія той женщины, удовольствіе которой, во время беременности, было привлекать маленькихъ дѣтей въ погребъ и, проводовъ имъ большою булавкою вены, высасывать кровь, общеизвѣстна. Гуларъ рассказываетъ о другой женщинѣ, которая, пресытившись на пятомъ мѣсяцѣ своей беременности, во всякаго рода пищѣ, вдругъ почувствовала ужасное желаніе, ѣсть человѣческое мясо. Это побужденіе сдѣлалось до такой степени сильнымъ, что она, воспользовавшись сномъ своего мужа, задушила его. Съѣвши въ продолженіи нѣсколькихъ дней часть трупа, она посолила остальное и тщательно спрятала его. Когда эта ярость къ человѣческому мясу исчезла, несчастная созналась въ своемъ преступленіи. Къ большому счастію, это лишь исключительныя случаи; прихоти женщинъ почти всегда ограничиваются извѣстными кушаньями или плодами, цвѣтами и т. д., что легко имъ доставить. Но иногда, рядомъ съ этими естественными желаніями встрѣчаются такія необыкновенныя, такія смѣлыя, что мужъ, въ нерѣшимости, не знаетъ долженъ ли онъ согласиться или отказать. Камеріусъ часто говаривалъ: „беременность иногда заставляетъ женщинъ дѣлать престранныя вещи, благоразумно, не слишкомъ противиться ихъ желаніямъ“. Услышавъ эти слова, его жена, возвратившись однажды съ рынка съ корзиною яицъ, вошла въ кабинетъ, гдѣ онъ работалъ и принялась

рыдать. Мужъ успѣшилъ освѣдомиться о причинѣ ея слезъ. Послѣ нѣкоторой настойчивости супруга отвѣтила ему, что уже нѣсколько дней ее мучитъ сильное желаніе разбить яйца на его физиономіи. Камеріусъ, нѣжно любившей жену, спокойно взялъ нѣсколько салфетокъ и закуталъ ими свою голову. Осчастливленная исполненіемъ своей просьбы, его жена побросала ему въ лицо всѣ яйца, какія только были въ корзинкѣ. Бѣдный мужъ, замазанный съ головы до ногъ яичными желтками, заплатилъ лишь тѣмъ, что долженъ былъ идти умыться, а супруга его была излѣчена отъ своей прихоти и удвоила свою привязанность къ супругу. Одна молодая дѣвушка изъ хорошаго семейства вышла замужъ за одного чиновника, любезность и доброта котораго не находили ничего себѣ подобнаго. При первыхъ признакахъ беременности, она сдѣлалась предметомъ самыхъ нѣжныхъ заботъ; ея малѣйшія желанія тотчасъ же исполнялись; полная госпожа въ домѣ, она ни въ чемъ не знала отказа, и мужъ выражалъ покорность раба. Не смотря на счастье этого медоваго мѣсяца, молодая супруга сдѣлалась внезапно печальною, строптивою, задорною, а бѣдный супругъ умножилъ свои заботы, удвоилъ ласки, и на колѣняхъ просилъ открыть ему, что ее печалитъ. Наконецъ она открыла уста и объявила ему, что имѣетъ желаніе женщины беременной, но желаніе непреодолимое, безграничное и столь необыкновенное, что она предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ неудовлетворить его. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней самыхъ убѣдительныхъ просьбъ, она созналась, что хочетъ быть побитою!.. Но не ударами кулака или ногъ, а плетью, наказанная жестоко, до крови, чтобы уничтожить это смѣшное желаніе. Озадаченный мужъ глядѣлъ на свою жену и думалъ что она лишилась разсудка; молодая женщина, видя, что не исполняютъ ея желаніе, слегла и, можетъ быть заболѣла бы тяжкою болѣзней, еслибы приглашенный врачъ не предписалъ ей плети, какъ единственное средство. Въ *Spectateur du siecle*, было напечатано письмо о прихотяхъ, изъ котораго мы извлечемъ нѣсколько строчекъ: „Моя жена въ каждую беременность страдаетъ самыми необузданными и, къ не-

счастью, самыми раззорительными прихотями; то она желаетъ имѣть куне и пару караковыхъ лошадей, то превосходный японскій сервизъ и полную перемѣну всей мебели въ нашей квартирѣ; еслибы ея прихоти являлись еще чаще, то немногаго-бы недоставало къ моему раззоренію. Къ счастью, въ своей третьей беременности, направленіе ея фантазіи обратилось на пироги, затѣмъ на старую сафьяновую кожу, часть которой она съѣла. Въ другой разъ она встала на колѣни и оторвала своими зубами уши молочнаго поросенка, жарившагося на вертелѣ; я отъ всего сердца готовъ удовлетворять ея прихоти, въ отношеніи кушаньевъ и никогда не стану роптать, еслибы даже нужно было чтобы она питалась зеленымъ горохомъ въ апрѣлѣ, вишнями въ маѣ, или абрикосами въ іюнь; но что сокрушаетъ меня, это то, что она ѣсть гипсъ, подь предлогомъ того, что тѣмъ бѣдѣе будетъ кожа ея ребенка, и хочетъ чтобы я ѣлъ съ нею вмѣстѣ, чего я не могу для нея сдѣлать. Вчера утромъ, возвращаясь съ дачи, она увидѣла стаю воронъ, которыя съ такимъ аппетитомъ завтракали падалью, что почувствовала непреодолимое желаніе принять участіе въ этомъ полдничаньи. Она приказала кучеру остановить лошадей и убѣдительно просила его пойти и отрѣзать ей кусокъ падали, что тотъ и исполнилъ изъ угожденія ей. Пріѣхавъ домой, она съ такою жадностью кинулась на него, что казалось скорѣе, что она глотаешь цѣликомъ, чѣмъ ѣсть; ужасно было смотрѣть на это. Замѣтимъ мимоходомъ, что многія женщины выказываютъ прихоти только потому, что убѣждены, что беременная женщина должна имѣть ихъ и что прихоти неизбежны въ продолженіе беременности. У подобныхъ женщинъ это зло тотчасъ-же исчезаетъ, какъ только онѣ убѣдятся въ своемъ заблужденіи. Одна изъ знатныхъ дамъ каждый день съѣдала крысій хвостъ, предварительно маринованный въ уксусъ и посыпанный перцемъ. Можетъ быть читатели этотъ крысій хвостъ примутъ за растеніе, которое носить это имя, но они ошибаются! это былъ просто-на-просто хвостъ крысы большой породы, черной крысы, который ей подавали каждое утро и который она съѣдала почти сырой, съ масломъ.

или уксусомъ, какъ ѣдятъ прекрасный артишокъ или молодую редиску.

По мѣрѣ того, какъ женщина приближается къ концу беременности, она все болѣе и болѣе дѣлается впечатлительною и должна быть предметомъ постоянныхъ заботъ и уступчивости, какъ со стороны мужа, такъ и всѣхъ ея окружающихъ. Малѣйшая непріятность живо отражается на ней; ничтожная бездѣлица возмущаетъ и опечаливаетъ ее. Чѣмъ ближе къ разрѣшенію, тѣмъ болѣе женщина должна опасаться поврежденій и быть благоразумной, воздержанною въ своемъ поведеніи. Не только малѣйшія вишнія потрясенія и ушибы, паденіе, самыя незначительныя излишества въ питъѣ и пищѣ, быстрыя перемѣны температуры и т. д., имѣютъ вредное вліяніе на плодъ; моральныя причины еще опаснѣе: ощущеніе слишкомъ сильной радости или печали, неосуществившаяся надежда, опасенія, внезапный ужасъ, въ особенности гнѣвъ, ненависть...

Благоразуміе требуетъ, чтобы на четвертомъ или пятомъ мѣсяцѣ беременности женщина обратилась за необходимыми совѣтами къ акушеркѣ и врачу. Чрезвычайно полезно имѣть постоянную акушерку, точно также какъ и постоянного врача, именно для того, чтобы дать имъ возможность заблаговременно изучить организмъ роженицы, что весьма важно для успѣха родовъ. При первыхъ признакахъ наступленія рѣшительной минуты родовъ, должно пригласить акушерку. Дѣло акушера наступаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда роды представляютъ какую-либо опасность. Что касается мучительности родовъ, то она прямо обуславливается образомъ жизни женщины. Въ городахъ они большею частью затруднительны, мучительны и болѣзненны; въ деревняхъ и у полудикихъ народовъ онѣ совершаются легко и не нуждаются въ помощи акушера. Если роженица хорошо сложена, если ея грудь и животъ не изуродованы постояннымъ давленіемъ корсета, если, наконецъ, въ продолженіе беременности она слѣдовала гигиеническимъ совѣтамъ, то роды будутъ легки и быстры и на оборотъ, если женщина

пренебрегала въ періодъ беременности благоразуміемъ, роды всегда бываютъ мучительны и продолжительны.

Но вотъ наступаютъ роды. Это величайшая минута въ жизни женщины! Первый крикъ ребенка обозначаетъ вступленіе ее на степень матери, а вступленіе на эту степень есть, по словамъ Г-жи Агу (Даніель Стернь „Нравственные эскизы“), переворотъ въ жизни женщины, вызывающій возбужденіе всѣхъ ея жизненныхъ силъ. Первый крикъ ребенка есть оракуль, который объявляетъ ей ея собственное величіе и обязанности, налагаемыя на нее святымъ званіемъ матери. Теперь ея жизнь будетъ полнѣе, теперь въ жизни есть опредѣленная цѣль—воспитаніе ребенка, въ которомъ мать какъ-бы возрождается!“...

Между прочимъ Даніель Стернь указываетъ на одно обыкновеніе, практиковавшееся въ классической древности.

„Когда афинянка оказывалась беременною, то ея жилище украшалось статуями и картинами, представляющими самыя чистыя типы человѣческой красоты. Греки думали, что эти благородныя и пріятныя изображенія оказывали благотворное вліяніе на сформированіе будущаго новорожденнаго. Нельзя не пожалѣть, что этотъ прекрасный обычай не перешелъ къ намъ въ качествѣ искусства жить. Мы слишкомъ мало предостережены отъ безобразія. Оно окружаетъ насъ, завладѣваетъ нами; оно повсюду; мы не умѣемъ предохранить отъ него потомство и нужно бояться, что оно возшло уже въ нашу кровь вмѣстѣ съ варварскими вкусами нашихъ матерей“. Какъ-бы тамъ ни было, но фактъ на лицо: гречанки во время беременности окружали себя лишь изящными предметами, а классическая красота древнихъ грековъ общеизвѣстна.

Не будемъ, однако, удаляться въ сторону. Перейдемъ къ уходу за родильницей и новорожденнымъ.

Наружныя половыя части роженицы, раздраженныя сильнымъ расширеніемъ и треніемъ, которое онѣ испытали, должны быть обмыты и осторожно смочены тепловатымъ отваромъ проскурняка или мальвы, или настоемъ кервеля, или бутени и бѣлымъ бульономъ; затѣмъ ихъ обкладываютъ

значительнымъ количествомъ тряпокъ, чтобы истекающая влага могла всосаться.—Животъ долженъ быть стянута горячими салфетками, для того чтобы производить слегка давленіе на раздавшіяся, вслѣдствіе беременности, брюшныя стѣнки. Этотъ бандажъ нужно почаще осматривать и стягивать его, если онъ распустился, потому что при помощи этого средства женщины предупреждать разрывъ фибръ и многочисленные рубцы на кожѣ, которые лишаютъ животъ его эластической мягкости. Комната, въ которой находятся мать и новорожденный ребенокъ, должна быть просторна и часто провѣтриваема; занавѣси у кровати должны быть постоянно открыты, чтобы совершалась свободная циркуляція воздуха. Нужно избѣгать шума и слишкомъ яркаго свѣта. Въ комнатѣ должна существовать самая безукоризненная чистота. Отдѣленіе послѣда не могло совершаться безъ разрыва нѣкоторыхъ сосудовъ матки, отчего и произошло истеченіе, изъ наружныхъ дѣтородныхъ частей, крови послѣ разрѣшенія. Это истеченіе продолжается день или два, на второй или третій день оно состоитъ изъ крови въ смѣси съ красноватою жидкостью; на четвертый оно дѣлается бѣлковиднымъ и исчезаетъ на десятый или пятнадцатый день послѣ родовъ. Имя лохи; данное этому истеченію, весьма ясно выражаетъ необходимое очищеніе матки отъ обильнаго скопленія жидкостей. Если эти истеченія прекращаются, то ихъ нужно вызвать терапевтическими средствами. Если остановка лохій зависитъ отъ молочной лихорадки, то нечего опасаться, потому что онѣ возвращаются какъ только пройдетъ припадокъ лихорадки. Перемѣна бѣлья роженицы и постельныхъ простынь весьма необходима, какъ только истеченія ее замарали. Тѣло новорожденнаго ребенка покрыто кровью, воскообразными веществами и другими нечистотами (меконіумомъ), которыя должно тотчасъ-же снять. Для этого употребляютъ яичный желтокъ, смѣшанный съ небольшимъ количествомъ свѣжаго деревяннаго масла или прованскаго; этою смѣсью смазываютъ тѣло ребенка и затѣмъ вытираютъ его тонкою холстинкою. Какъ только эти вещества сняты съ кожи, обмываютъ все тѣло тепловатою водою и, вытеревъ

ее на-сухо, на ребенка надѣваютъ маленькую рубашку изъ тонкой фланели, чтобы предохранить его отъ вліянія воздуха, а головку покрываютъ чепчикомъ. Перевязанную часть пупочнаго канатика должно, въ видѣ предосторожности, посыпать порошкомъ крахмала, потомъ обернуть тонкою тряпочною и прикрѣпить къ животу. Исполнивъ все это, ребенка кладутъ подлѣ матери на постели. Ребенка нужно мыть въ водѣ, температура которой должна равняться температурѣ его тѣла. Обмываніе водкой или виномъ, пополамъ съ водою, должны быть исключены изъ употребленія; предположеніе, что это средство служить къ укрѣпленію ребенка, есть предразсудокъ кумушекъ, который можетъ имѣть пагубныя послѣдствія.

Кишечный каналъ, новорожденнаго младенца, содержитъ клейкое вещество, которое называютъ меконіумомъ, отъ котораго должно освободить первое молоко матери; если изверженіе меконіума слишкомъ долго заставляеть ждать себя, то ребенку даютъ нѣсколько ложекъ подслащенной тепловатой воды или цикорнаго сироу, съ прибавленіемъ небольшого количества миндальнаго масла, но водянистаго или серознаго молока матери почти всегда достаточно для изгнанія меконіума изъ кишечнаго канала. По этому необходимо чтобы женщина въ первые три дня сама кормила новорожденнаго грудью, во первыхъ для того чтобы произвести послабленіе на низъ ребенка, во вторыхъ для того чтобы опорожнить свои груди. Женщины отказывающіяся отъ исполненія этого священнаго материнскаго долга, должны, по истеченіи этихъ нѣсколькихъ дней кормленія грудью, покрыть свои груди смягчительными катаплазмами, возобновлять которые нужно нѣсколько разъ въ сутки. Провансальскій тростникъ славится свойствомъ уменьшать количество молока, его можно употреблять. Нужно также принять слабительное изъ солей, чтобы отвлечь приливъ соковъ отъ грудей къ пищеварительному каналу. Сѣрнокислая сода (Глауберова соль) сѣрнокислый кали или потассій, сѣрнокислая магнезія (Англійская соль) весьма употребительны въ этомъ случаѣ; онѣ, кромѣ того, служатъ къ устраненію

запора, весьма упорнаго у нѣкоторыхъ женщинъ. Всѣ возбуждающіе напитки, какъ чай изъ полыни, ромашки, вино, ликеры, должны быть строго воспрещены. Какъ только груди переполняются молокомъ, то нужно отвратить это вяжущими какао-плазмами, припарками или компрессами, намоченными настоемъ листьевъ подорожника, розы, мелиссы или медовки и маличника. Во время всего періода, такъ называемой молочной лихорадки, должно соблюдать наистрожайшую діету. По общему правилу, роженица должна пользоваться отдыхомъ до тѣхъ поръ, пока ее половые органы не придутъ въ нормальное или естественное состояніе; но отдыхъ въ постели, въ лежачемъ на спинѣ положеніи, какъ предписываютъ его, Богъ знаетъ почему, многіе врачи, не можетъ быть долго исполняемъ. Постель сдѣлалась нездоровою, вслѣдствіе испареній лохий и жара и долгое пребываніе въ ней можетъ вредно вліять на здоровье роженицы. Мнѣніе физиологовъ таково, что пребываніе отъ шести до десяти дней въ постели вполне достаточно для здоровой роженицы; на девятый день она можетъ встать, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, пройтись по комнатѣ и посидѣть въ креслѣ, затѣмъ снова лечь въ постель, какъ только ощущаетъ усталость. Съ десятаго по пятнадцатый день тоже самое. На шестнадцатый день она можетъ совершенно оставить постель и заняться хозяйствомъ, остерегаясь во всякомъ случаѣ, сквознаго вѣтра и недоброкачественности воздуха. Когда хорошая погода, тепло, то въ послѣдующіе дни, ей полезна кратковременная прогулка по саду. Наконецъ, по истеченіи двадцати пяти до тридцати дней, она можетъ возвратиться къ своей прежней жизни и безъ опасенія приступить къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ.

Первыя заботы о физическомъ воспитаніи новорожденнаго распредѣляются между матерью и кормилицей. Кормленіе новорожденнаго грудью самой матери весьма важно какъ для ребенка, такъ и для матери. Для матери оно благоприятно и полезно по той причинѣ, что ее груди сдѣлались центромъ, который привлекаетъ къ себѣ излишекъ жизненныхъ силъ, сосредоточенныхъ на маткѣ, во время беремен-

ности и родовъ. Это благотворное отвлеченіе къ грудямъ, устроенное самою природою, освобождаетъ мало по малу матку отъ излишка жизненности и возвращаетъ ее, черезъ нѣсколько дней, въ ея нормальное состояніе. Но если сосаніе ребенка не будетъ поддерживать приливъ молока къ грудямъ, то весьма естественно, что возбужденіе останется сосредоточеннымъ на половыхъ органахъ, изъ чего произтекаетъ множество разстройствъ, болѣзней, увѣчій, которыми страдаютъ матери, не желающія слѣдовать законамъ природы. Вообще мать, которая отказывается кормить своего ребенка, подвергаетъ себя серьезной опасности.

Польза, которую извлекаетъ новорожденный изъ материнскаго кормленія грудью также неоспоримо, потому что молоко матери предназначено для него самою природою, какъ первая и единственная пища. Это доказываетъ уже то, что ребенокъ весьма часто не беретъ грудь отъ чужой кормилицы и начинаетъ сосать только вслѣдствіе голода. Кромѣ того это доказывается тѣмъ, что ребенокъ, у матери имѣющей даже мало молока, дѣлается толстымъ и свѣжимъ, между тѣмъ какъ переданный кормилицѣ, изобилующей молокомъ, онъ начинаетъ худѣть и въ нѣсколько дней теряетъ свою веселость и свѣжесть.

Этихъ дѣтей Франкъ сравниваетъ съ растеніями, которыя, вырыты изъ родной почвы и пересаженныя на чужую, худо прививаются, пускаютъ лишь слабые корни, блекнутъ, увядаютъ, или перерождаются. Множество молодыхъ матерей во всѣхъ классахъ нашего общества отказываются кормить своихъ дѣтей грудью изъ боязни утратить свою свѣжесть. Эти женщины жестоко ошибаются и въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ городскихъ женщинъ, даже никогда не рожавшихъ и не кормившихъ грудью, съ поселянками, кормившихъ нѣсколькихъ ребятъ. Повинуясь законамъ природы, каждая женщина должна сама кормить своего ребенка, если это дозволяетъ ей тѣлосложеніе и состояніе здоровья. Къ сожалѣнію, нарушеніе этого закона происходитъ такъ часто, что намъ остается лишь пародировать наивный вопросъ одного изъ покорителей разложившагося Рима: „неужели

наши дамы перестали рожать дѣтей? На рукахъ не видно ребятъ, за то много котовъ и собакъ, къ которымъ онѣ чувствуютъ, очевидно, материнскую привязанность“. Въ древности существовали даже особыя законы, повелѣвавшіе матерямъ самолично кормить своихъ дѣтей, а въ послѣдующее время женщины, кормившія дѣтей, пользовались особымъ уваженіемъ въ обществѣ. Мало по малу этотъ прекрасный обычай замѣнился другимъ, далеко непохвальнымъ и вреднымъ: женщины, даже принадлежація къ небогатымъ классамъ, всѣми мѣрами стараются избѣгнуть этой священной обязанности и при малѣйшей возможности отдають дѣтей наемнымъ кормилицамъ. У насъ, въ Россіи, ограничиваются по крайней мѣрѣ тѣмъ, что приглашаютъ мамку въ домъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. во Франціи, очень распространенъ возмутительный обычай отдавать новорожденныхъ мамкамъ въ деревняхъ, такъ что въ первое время ребенокъ совершенно лишенъ материнскихъ ласкъ. Такъ поступаютъ всѣ, у кого есть средства платить кормилицѣ, отъ богатыхъ маркизовъ до простыхъ лавочницъ. Слава Богу, преступное пренебреженіе материнскими обязанностями у насъ до этого еще не дошло. Женщина, которая сама кормитъ грудью, должна тщательно наблюдать за своимъ здоровьемъ, потому что малѣйшее разстройство отражается на качествѣ и количествѣ ея молока. Она должна избѣгать вдыханія нездороваго воздуха, быстрыхъ переходовъ отъ холода къ жару и на оборотъ. Зимой она должна одѣваться потеплѣе и предохранять свои груди отъ вѣшняго холода. Лѣтомъ она должна одѣваться полегче, но и остерегаться утренней свѣжести и вечерней росы, что можетъ быть вреднымъ для ея здоровья. Наблюденія и опытность доказываютъ, ежедневными примѣрами, что хорошее и дурное качество молока зависитъ отъ діеты, которой слѣдуетъ женщина и что грудной ребенокъ бываетъ всегда жертвою проступковъ и неумѣренности своей кормилицы. Молоко исходящее изъ груди, при анализѣ, представляетъ вещества аналогичныя тѣмъ, которыя женщина употребила въ пищу. Если женщина, кормящая грудью, ѣстъ вещества

послабляющія, то ребенка слабитъ; если она пьетъ полынь, или какое бы то ни было горькое вещество, то ее молоко содержитъ горькое начало. Эти неопровержимые факты доказываютъ, что между пищею и отдѣленіемъ молока существуетъ тѣсная связь; поэтому должно быть особенно осторожнымъ въ употребленіи пищи; кормилица должна избѣгать всякой острой, соленой, вяжущей, пряной пищи, какъ и крѣпкихъ и спиртуозныхъ напитковъ. Хорошо испеченный хлѣбъ, сочно зажаренная говядина, каша, заваренная на молокѣ, съ яичнымъ желткомъ, ячною мукою и сахаромъ; свѣжая рыба и овощи; зрѣлые плоды и т. д. составляютъ самую полезную пищу для женщинъ, кормящихъ грудью; кормилица не должна давать грудь ребенку сейчасъ послѣ бды или утомительной работы. Чтобы сохранить достаточное количество и доброкачественность своего молока, женщина должна воздерживаться отъ всѣхъ сильныхъ ощущений, страстныхъ порывовъ, какъ напримѣръ ненависти, гнѣва, ревности, ужаса и т. п. Часто замѣчали, что молоко кормилицы исчезало или видоизмѣнялось, вслѣдствіе внезапнаго страха, или приступа гнѣва. Равнымъ образомъ, нужно избѣгать праздности, продолжительнаго бездѣйствія, какъ и утомленія. Весьма хорошо будетъ, если свѣтскія женщины не будутъ посѣщать вечера, балы, театры и всѣ прочія нездоровыя мѣста, гдѣ жарко, а воздухъ спертъ и испорченъ отъ испареній многолюдства. Сонъ весьма необходимъ для матери, кормящей своего ребенка; утомленная обыкновенно заботами о своемъ дѣтищѣ, она должна ложиться спать пораньше, чтобы возстановить истощенныя въ продолженіи дня силы. Мать, кормящая своего ребенка, должна соблюдать чистоту тѣла и бѣлья, которое слѣдуетъ какъ можно чаще мѣнять. Ея пищевареніе должно быть всегда правильно: запоръ или поносъ имѣютъ вредное вліяніе на ее молоко. Въ продолженіи кормленія грудью она должна отказать отъ любовныхъ наслажденій; возбужденіе происходящее отъ нихъ можетъ вызвать регулы, и, съ этой минуты женщина уже не можетъ продолжать кормить грудью ребенка, потому что ее молоко теряетъ съ каждымъ днемъ все

болѣе и болѣе въ количествѣ и качествѣ. Если женщина сильна и появленіе регулъ не имѣеть вовсе вліянія на доброкачественность и количество ея молока, то она можетъ продолжать кормленіе; въ противномъ случаѣ, ребенка слѣдуетъ передать другой кормилицѣ, или если оно уже достаточно силенъ отнять его отъ груди. Если отдѣленіе молока слишкомъ обильно, или если груди полны и припухлы, то это можно весьма просто устранить діетою приспособленною къ этому состоянію, такъ наримѣръ: растительная пища, составленная изъ цикорія, шпината и другихъ овощей, вареныхъ плодовъ, вареній и для питья отваръ пырея съ небольшимъ количествомъ селитры. Нѣсколько дней такой діеты достаточно для того, чтобы умѣрить отдѣленіе молока. Иногда совѣтуютъ дать высосать излишекъ молока изъ грудей щенку, или же вытягивать его искусственными средствами; но это приноситъ существенный вредъ, потому что производитъ дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого желаютъ: чѣмъ болѣе подвергать грудь сосанію, тѣмъ болѣе она переполняется молокомъ, потому и не слѣдуетъ исполнять этотъ совѣтъ, какъ венужный и вредный. Мѣстные вяжущія средства, прикладываемыя на груди, должны быть воспрещены, какъ весьма опасныя. Заботы, которыхъ требуетъ сосокъ кормилицы, заключаются въ слѣдующемъ: женщина, у которыхъ сосокъ еще не выдается или мало развитъ, могутъ найти средство отъ этого недостатка въ стеклянныхъ насосахъ, грудныхъ помпахъ или сосаніе молодыхъ щенятъ. Слишкомъ чувствительныя груди покрываютъ слоемъ воска. Ихъ должно обмывать смѣсью вина или водки съ железистою водою, когда они вяли и въ нихъ недостаетъ эрегтивности. Когда соски изъязвлены или получили трещины отъ сосанія ребенка, къ нимъ прикладываютъ или втираютъ миндальное масло, спускъ, свѣжее масло (всего лучше русское) также хорошо покрывать ихъ маленькою масляною тряпчочкою, чтобы предохранить отъ вліянія воздуха. Если женщина, кормящая грудью, видитъ, что количество ея молока уменьшается, то она должна обратиться къ врачу за совѣтомъ, чтобы онъ отыскалъ причину

этого и устранилъ ее. Если уменьшеніе молока происходитъ безъ всякаго разстройства въ здоровьѣ, то опять нужно прибѣгнуть къ діетѣ; пища должна быть питательная: крѣпкіе бульоны, сочныя жаркія и т. п. Прогулки, свѣжій воздухъ, различныя упражненія въ хозяйствѣ, спокойствіе душевное и легкія развлеченія дѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ хваленныя средства.

Кормленіе новорожденнаго при помощи кормилицы менѣе благопріятно, такъ какъ молоко кормилицы вообще менѣе свойственно органамъ ребенка, чѣмъ молоко его собственной матери. Кромѣ того выбрать хорошую кормилицу довольно трудно.

Выборъ кормилицы весьма важенъ, потому что отъ него зависятъ здоровье и внѣшній видъ ребенка. Этотъ выборъ требуетъ физическихъ и моральныхъ качествъ, которыя рѣдко встрѣчаются въ одномъ лицѣ; въ точности нельзя судить о кормилицѣ, пока ее не испытали, не видѣли благопріятнаго дѣйствія ея молока на ребенка. Весьма благоразумно освидѣтельствовать кормилицу при посредствѣ доктора, прежде нежели довѣрить ей своего ребенка; кормилица, страдающая какою либо накожною сыпью, болѣзною или порокомъ въ конструкціи, передаетъ непременно свой недостатокъ ребенку. Нѣкоторые врачи даже предполагали, что извѣстные недостатки всасываются съ молокомъ. Вотъ, вкратцѣ качества и условія, которыми должна обладать и въ которыхъ должна находиться хорошая кормилица. Всегда лучше, если она разрѣшилась недавно, потому что не хорошо давать новорожденному застоявшееся или старое молоко. Нужно давать преимущество брюнеткамъ и никогда не брать рыжую кормилицу, потому что кожа послѣднихъ производитъ испаренія, запахъ которыхъ отвращаетъ ребенка. Возрастъ отъ 24 до тридцати лѣтъ, темпераментъ сангвиническій или лимфатико-сангвиническій; кожа нѣжная, мягкая безъ прыщей, красноты испареній, зубы бѣлые, дыханіе свѣжее, чистое; губы красныя; лице свѣжее; грудь широкая; груди хорошо развиты, не слишкомъ большія и безъ синихъ жилокъ; сосокъ средней величины. Кормилицѣ

съ большими сосками не должно брать. Молоко должно быть бѣлаго, синеватаго цвѣта и хорошаго состава; капля взятая на ноготь, должна стекать медленно и оставлять жирный бѣлый слѣдъ; полнота умѣренная, характеръ веселый; большая привязанность къ грудному младенцу; порядокъ, чистота, опрятность, дѣятельность, хорошее поведеніе. Такихъ качествъ слѣдуетъ требовать отъ кормилицы. Наконецъ, лучшее средство чтобы узнать хорошія физическія качества кормилицы, это обратить вниманіе—здоровъ ли ея собственный ребенокъ и беретъ ли младенецъ, довѣряемый ей, съ удовольствіемъ ея грудь. Въ тѣхъ случаяхъ когда ребенокъ беретъ грудь кормилицы и оставляетъ ее, испускающая крики, опять хочетъ взять и снова оставляетъ, это служитъ явнымъ признакомъ того, что это молоко несоотвѣтствуетъ ему и тогда нужно взять другую кормилицу. Во время всего періода кормления грудью, молоко должно быть единственною пищею ребенка. Всевозможныя каши и кипяченное коровье молоко, употребленіе которыхъ предписываетъ старая рутинна, подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что молока матери недостаточно для ребенка, дѣлають дѣтей обжорливыми, переполняютъ ихъ желудокъ и производять расстройство пищеваренія. Если продолжаютъ наполнять пищевой каналъ разнаго рода взварами, то развивается воспаленіе пищевого канала и грудной ребенокъ худѣетъ, вмѣсто того чтобы поить. Много дѣтей погибаетъ вслѣдствіе этой пищи и тѣ, которые остаются въ живыхъ, представляютъ весьма часто признаки рахитизма или англійской болѣзни. Всѣ врачи одинаковаго мнѣнія что кашка должна быть исключена изъ употребленія и что ее нужно замѣнить хлѣбнымъ супомъ изъ сухарей или хлѣбныхъ корокъ, или же отъ сушеной и обращенной въ порошокъ мякиша хлѣба и то только исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда молоко кормилицы не удовлетворяетъ аппетитъ ребенка. Наконецъ образованная мать должна знать, что пока ея ребенокъ чувствуетъ себя хорошо при груди матери, не только бесполезно, но даже вредно давать ему постороннюю пищу. Иногда случается, что недостатокъ кормилицы заставляетъ прибѣ-

къ козъ, которая изъ всѣхъ животныхъ наиболее соотвѣтствуетъ этого рода кормленію. Случается, что козы, въ особенности бѣлыя, до того привязываются къ дѣтямъ, что прибѣгаютъ на ихъ крикъ и сами кладутъ свои сосцы въ ротъ ребенка, лежащаго въ колыбели. Кромѣ того существуетъ кормленіе искусственное, состоящее въ питаніи ребенка коровьимъ молокомъ, пополамъ съ какою-нибудь кашой или хлѣбомъ. Это питье слегка подслащиваютъ и даютъ ребенку при помощи соски или рожка. Молоко должно быть слегка тепловатое; его не нужно кипятить, потому что кипяченое молоко неудобоваримо. Если желудокъ ребенка хорошо перевариваетъ цѣльное молоко, то его не нужно разбавлять водою. Наконецъ, когда приближается время отнятія отъ груди, то ребенка сажаютъ на діету изъ хлѣбныхъ суповъ.

Во всякомъ же случаѣ соска и рожокъ могутъ быть употребляемы только въ крайнихъ, экстренныхъ случаяхъ, когда мать сама кормить не можетъ, а наемъ кормилицы недоступенъ родителямъ по ихъ ограниченнымъ средствамъ. Въ особенности необходимо строго наблюдать за кормилицами и няньками, имѣющими привычку тайно давать дѣтямъ соски лишь только они заплачутъ. Нерѣдко случается, что мамка прибавляетъ въ соски масть, чтобы дать ребенку продолжительный сонъ и такимъ образомъ избавиться отъ тягостей, сопряженныхъ съ постояннымъ уходомъ за ребенкомъ. Эта примѣсь дѣйствуетъ на нѣжный организмъ ребенка убійственно. Вообще же мать, виновная уже передъ своимъ ребенкомъ тѣмъ, что отказалась сама кормить его, обязана по крайней мѣрѣ смягчить свою вину неослабнымъ надзоромъ надъ кормилицей. Такая мать должна всегда помнить, что наемныя кормилицы очень часто служатъ причиною смерти несчастныхъ дѣтей.

Что касается ухода за ребенкомъ, то надзоръ самый внимательный безусловно необходимъ въ отношеніи всего, что касается до потребностей и опрятности ребенка; перемѣна бѣлья, какъ только оно замаралось, необходима. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ и крѣпнетъ, нужно понижать

тепловатую температуру, въ которой его держали въ первые дни послѣ его рожденія на свѣтъ. Въ этомъ заключается средство пріучить его прежде времени къ атмосферическимъ перемѣнамъ. Одежда ребенка должна быть теплая и достаточно широкая, для того чтобы онъ могъ выполнять безпрепятственно всѣ свои движенія. На головку нужно надѣвать маленькій чепчикъ; впоследствии, буррелè или головной кружокъ, плетенный изъ соломы, будетъ предохранять ее отъ ушибовъ. Головной уборъ долженъ быть не слишкомъ тяжелъ или стѣснителенъ. Едва вышедши изъ утробы матери, ребенокъ необходимо нуждается въ движеніяхъ, потому весьма полезно доставлять ему свободу и не связывать туго пеленками. Весьма хорошо класть его нѣсколько разъ въ день на коверъ, чтобы онъ по своему желанію могъ предаваться своимъ забавамъ. Съ той минуты, какъ ребенокъ дышетъ, освободившись отъ своихъ оболочекъ, не закутывайте его снова. Къ чему эти платочки и всевозможныя пеленки. Простой широкой бинтъ во сто разъ полезнѣе, потому что онъ не связываетъ членовъ, но онъ не долженъ быть ни тяжелымъ, ни слишкомъ теплымъ, чтобы не препятствовать доступу воздуха къ тѣлу ребенка. Положите его въ большую широкую и снабженную стѣнками колыбель, гдѣ онъ можетъ шевелиться и играть безъ всякой опасности и сколько хочетъ. Когда онъ начинаетъ крѣпнуть, то дайте ему ползать по комнатѣ, пусть онъ растягиваетъ свои маленькія члены и вы увидите, что онъ день ото дня будетъ становиться все сильнѣе и сильнѣе. Механическія средства, которыя иногда употребляютъ чтобы заставить ходить дѣтей, приносятъ существенный вредъ; если ребенокъ не можетъ ходить одинъ, это значить, что онъ не имѣетъ еще достаточно силы. Подождите еще нѣсколько мѣсяцевъ и вы увидите, что нижнія оконечности его достаточно окрѣпнуть для того чтобы поддерживать тѣло. Ребенка никогда не слѣдуетъ брать за одну руку, если вы хотите его перенести съ одного мѣста на другое, потому что это дерганье можетъ произвести вывихъ плеча. Необходимость сна въ первыхъ годахъ жизни ребенка такъ сильна, что нѣтъ никакой надобности укачи

зять его. Убаюкиванія слишкомъ продолжительныя, могутъ произвести приливъ крови къ мозгу. Если ребенокъ не спитъ и кричитъ, то это показываетъ, что ему что-либо мѣшаетъ въ колыбелькѣ, или что онъ чѣмъ-нибудь страдаетъ. Дѣтей необходимо содержать въ величайшей чистотѣ и опрятности; ихъ нужно мыть и перемѣнять ихъ бѣлье какъ можно чаще. Обмыванія весьма благопріятны и полезны для ребенка, потому что поддерживаютъ чистоту и опрятность кожи.

Считаемъ также необходимымъ указать матерямъ, что всѣ новѣйшіе гигиенисты, физиологи и врачи, въ одинъ голосъ, произнесли окончательный и безповоротный приговоръ надъ обычаемъ пеленать ребятъ. Всѣмъ извѣстный свивальникъ признанъ въ высшей степени вреднымъ для дѣтей. Многіе изъ знаменитыхъ врачей призываютъ пеленаніе до такой степени пагубнымъ, что требуютъ даже чтобы оно было запрещено закономъ. А между тѣмъ обычай пеленать и вообще кутать дѣтей, у насъ чрезвычайно распространенъ. Дѣлается это, конечно, отъ чистаго сердца и въ полной увѣренности, что отъ лишняго тепла вреда не будетъ — „паръ костей не ломитъ“; сложилась у насъ поговорка. Довольно взглянуть на закутаннаго ребенка, чтобы убѣдиться, какой истомленный видъ онъ имѣетъ: ему жарко, какъ въ банѣ, потъ крупными каплями выступилъ на его тѣльцѣ и онъ тяжело дышетъ; но зато и не кричитъ: ему теперь не до пѣсенъ, а нянь это и на руку. — „Какой смирный, какъ разопрѣть, такъ и замолчить, пока не возьмешь его перепеленывать“. А до того, что дитя становится вялымъ, что оно обезсиливаетъ отъ частаго потѣнія, кому какое дѣло! вѣдь обиліе пота считается признакомъ здоровья. Малѣйшая неосторожность при такомъ кутаньи: слишкомъ быстро распеленають ребенка, пахнетъ на мокраго комнатнымъ воздухомъ, или оставляютъ дитя полураскрытымъ, а мокрое бѣлье, быстро испаряясь, сразу остынетъ, или, наконецъ, завернуть его въ недостаточно согрѣтую пеленку, — и вотъ всѣ данныя для простуды готовы: является кашель, насморкъ, лихорадка и проч. Кутанье и постоянное простуживанье составляютъ звенья одной и той-же цѣпи. Разъ зародившаяся болѣзнь

находить благоприятныя условія для дальнѣйшаго развитія, ежедневно что-нибудь случится: то мамка схватитъ голенькаго ребенка холодными руками, то его закутаютъ, распарятъ и затѣмъ сразу остудятъ, а между тѣмъ родители удивляются незнанію доктора, неумѣющаго прописать лѣкарство, которое бы сразу вылѣчило *).

Еще вреднѣе обычай пеленать дѣтей, т. е. стягивать его такъ, чтобы онъ не могъ двинуть ни ручкой, ни ножкой. Для пеленанія употребляется свивальникъ, которымъ туго обматываютъ всего ребенка, начиная отъ грудки до ладыжекъ, причемъ ручки прижимаютъ къ бокамъ и ножки связываются вмѣстѣ. Завернутый въ видѣ муміи, ребенокъ лишень всякой возможности производить движенія членами, которые отъ неловкаго положенія и давленія нѣмѣютъ; сдавленная грудка и животъ мѣшаютъ правильному кровообращенію и личико принимаетъ багрово-синій цвѣтъ, какъ у утопленника, такъ какъ дѣлается приливъ крови къ головѣ. Горячая рубашка на умалишенномъ въ припадкѣ бѣшенства оскорбляетъ наше человѣческое достоинство, но мы совершенно равнодушно смотримъ на страданія беззащитнаго младенца, связаннаго по рукамъ и ногамъ, громко протестующаго противъ этого насилія. Большинство матерей съ безжалостною суровостью исполняютъ эту операцію, по преданію убѣжденный въ необходимости ея; вѣдь и ихъ въ былое время точно также скручивали.

Свивальникъ страшно вреденъ; съ этимъ согласны всѣ новѣйшіе ученые. Сдавливая члены ребенка, онъ производитъ онѣмѣніе, неприятную тупую боль и лишаетъ ребенка всякой возможности движенія—работы, безъ чего невозможно и правильный ростъ. Сдавливая стѣнки живота и груди, вы тѣмъ самымъ нарушаете всѣ отправленія внутреннихъ органовъ. Давленіе производимое на печень, задерживаетъ отдѣленіе желчи, вызываетъ застой крови въ печеночныхъ кровеносныхъ сосудахъ, что въ свою очередь можетъ повлечь къ серьезнымъ послѣдствіямъ (желтуха); не менѣе вреда оно

*) В. Н. Жукъ, „Мать и дитя“.

оказываетъ на желудокъ и кишки, нарушая правильность кровообращенія; дитя страдаетъ упорными рвотами, поносами, или-же постоянными коликами, вздутиемъ, запорами. Такимъ образомъ разстраивается все питаніе крошечнаго организма, дитя худѣетъ, дѣлается вялымъ, является слабость костей и мышцъ. Если къ этому прибавить еще и то, что старая грудная клѣтка не можетъ втянуть въ себя достаточно воздуха, то увидимъ, что целенанье является причиной множества болѣзней и даже чрезмѣрной смертности дѣтей *). Нѣтъ ни одного органа, ни одного члена, на которое оно не производило-бы своего зловреднаго дѣйствія. Приливы крови къ головѣ могутъ быть причиною судорогъ **), родимчика, отъ которыхъ не мало дѣтей гибнетъ преждевременно. Самый доступъ свѣжаго воздуха затруднителенъ и дитя постоянно пребываетъ въ атмосферѣ, пропитанной своими испареніями и изверженіями. Отъ этого тѣло ребенка получаетъ особенный запахъ, что, впрочемъ, многимъ матерямъ очень нравится; находясь постоянно въ одномъ положеніи, дитя отлеживаетъ себѣ спину; въ пахахъ и подъ мышкой является осмудость кожи и изъязвленія.

Итакъ, оставьте этотъ ужасный свивальникъ, принесшій человечеству столько вреда и продолжающій еще приносить его. Отрѣшитесь отъ варварскихъ привычекъ и послушайте, что говоритъ современная наука. В. Н. Жукъ рекомендуетъ вмѣсто свивальника англійскій конвертикъ. Такъ называемый англійскій конвертикъ вещь далеко не новая, онъ съ давнихъ поръ пользуется большимъ почетомъ на югѣ и на югозападѣ Россіи, равно какъ и въ Польшѣ, гдѣ, впрочемъ, его употребляютъ только болѣе достаточные классы населенія; въ собственно же русскихъ губерніяхъ и на сѣверѣ его почти не знали до послѣдняго времени. Несмотря на свою распро-

*) Ballexserd. „Abhandlung über die wichtige Frage: welches sind die Haupt-Ursachen, dass so viele Kinder sterben?“ Strassbourg. 1776 г. стр. 2.

**) Buchan. „Le conservateur de la santé des mères et des enfans“. Paris. 1804 г. стр. 127 и Goebel. „Hygiene für Frauen und Kinder“. Leipzig. 1804 г. стр. 113.

страненность въ южныхъ губерніяхъ, конвертикъ не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ вездѣ въ него кладутъ только сделанутаго ребенка, т. е. смотрятъ какъ на хорошее средство для поддержки слабыхъ членовъ младенца но не болѣе. Это намъ уже прямо показываетъ, что позаимствовавъ конвертикъ отъ кого нибудь изъ иностранцевъ—всего вѣроятнѣе у англичанъ—южно-руссы и поляки не смогли еще отказать отъ завѣщаннаго предками пеленанія и скручиванія свивальникомъ и соединили, такимъ образомъ, двѣ совершенно противоположныя вещи—свивальникъ съ тюфячкомъ, избобрѣтеннымъ съ цѣлью именно вывести изъ употребленія первый т. е. соединили этотъ остатокъ варварства съ приобрѣтеніемъ новѣйшей цивилизаціи. Конвертикъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: матрасика и наволочки. Матрасикъ имѣетъ продолговатую форму сверху закругленную; длиною, среднимъ числомъ около 1 арш., а шириною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Дѣлается онъ изъ довольно плотной матеріи, которая хорошо стирается, какъ напр. тикъ. Если средства позволяютъ, то лучше его дѣлать изъ канауса, т. е. черкесской матеріи. Внутри матрасикъ набивается волосомъ, козьимъ пухомъ или, за неимѣніемъ послѣдняго, просто ватой. Такихъ матрасиковъ надо имѣть нѣсколько, чтобы ихъ можно было, по крайней мѣрѣ, черезъ два дня провѣтривать, и запачканный—немедленно стирать. Вторую часть составляетъ наволочка или собственно конвертикъ, который формою своею напоминаетъ крестъ. Только средняя часть конвертика, съ выдающимся полукругомъ сверху, и составляетъ настоящую наволочку, въ которую, сквозь прорѣзку, сдѣланную сзади, вкладывается матрасикъ. Боковыя крылья и нижній лацканъ состоятъ изъ двойнаго тонкаго полотна или коленкору, прошитаго только въ мѣстахъ сгибовъ, чтобы тюфячекъ не выдвигался въ стороны или внизъ изъ своего помѣщенія. Длина нижняго лацкана и крыльевъ одинакова, ширина же послѣднихъ не многимъ больше ширины половины матрасика, чтобы крылья можно было соединить завязками спереди. Въмѣсто завязки можно употреблять широкіе лацканы, застегивающіеся на пуговицы. Еще лучше дѣлать крылья болѣе широкими

и собирать ихъ тремя широкими тесьмами; по желанію, такой конвертикъ можно дѣлать шире и просторнѣе, что особенно удобно, когда дитя подрастетъ. Прежде чѣмъ подожить ребенка, между матрасикомъ и внутренней стѣнкой наволочки кладется кусокъ виксатину или, что еще лучше, желтой, мягкой и прозрачной англійской клеенки для предохраненія тюфячка отъ изверженій. Не слѣдуетъ только употреблять гуттаперчевыхъ издѣлій, такъ какъ при нагрѣваніи онѣ издаютъ непріятный запахъ и парятъ, хотя по мягкости и превосходятъ виксатинъ. Безспорно лучшей подстилкой слѣдуетъ считать англійскую клеенку. Въ конвертикѣ ребенку мягко, тепло и уютно. Онъ лежитъ какъ куколка въ своемъ шелковомъ коконѣ. Ничто не мѣшаетъ ему копошиться, двигать руками, ножками, лечь то на спинку, то повернуться на одинъ или другой бочекъ. Раскрыться ему тоже невозможно; какъ ни скомкай онъ свою простынку, его все же защищаетъ отъ вѣшняго холода ткань конвертика, — смерзнуть ему невозможно въ этой мягкой трубчкѣ. Заподозрѣла мать, что дитя обмочилось — довольно приподнять верхнее крыло, просунуть руку и — сейчасъ прощупать мокрыя пеленки; развертывать всего ребенка для этого нѣтъ никакой надобности. Брать и носить тоже удобно: дитя постоянно лежитъ на матрасикѣ, который и поддерживаетъ его. Къ тому же дитя не кричитъ, не тужится, такъ какъ его ничто ни жметъ, не стѣсняетъ, — ему вполне привольно живется въ этомъ коконѣ. Ограничивая въ разумной мѣрѣ свободу движеній дитяти, конвертикъ, въ тоже время, берегаетъ время матери и облегчаетъ надзоръ.

Точно также вреденъ очень распространенный обычай укачивать дѣтей. Уже въ первые дни послѣ рожденія, ребенка таскаютъ изъ угла въ уголь, раскачиваютъ его какъ бревно и тресутъ, желая этимъ путемъ заставить его замолчать, хотя крикунъ быть можетъ только упражняетъ свои дыхательные органы. Перемѣна мѣста, непривычныя движенія развлекаютъ малютку, и онъ угомонится. Черезъ день, два, простое ношеніе уже не помогаетъ, является необходимость укачивать на рукахъ, перекидывая или наклоняя его со

стороны на сторону, пока онъ не очумѣть и не уснуть. Не пройдетъ и первой недѣли жизни дитяти, а дурная привычка уже сдѣлана: дитя хочетъ, чтобы его носили и убаюкивали на рукахъ.

Какоевліяніе на ребенка производить укачиваніе, мы можемъ судить по тѣмъ случаямъ, гдѣ дѣйствіе его проявляется очень сильно, или по аналогіи, съ взрослыми. Если у взрослога качка вызываетъ тошноту, головныя боли и головокруженія, то тѣмъ сильнѣе должна она вліять на младенца, у котораго мозгъ нѣжнѣе, впечатлительнѣе и на котораго всякое сотрясеніе дѣйствуетъ сильнѣе. Кто хоть разъ испыталъ на себѣ дѣйствіе морской болѣзни, тому нетрудно представить зло-вредное вліяніе укачиванія на организмъ ребенка. Продолжительная качка вызываетъ расстройство въ отправленіяхъ пищеварительныхъ органовъ, часто рвоту, неправильность въ распредѣленіи крови, приливы крови къ головѣ и, вслѣдствіе этого, сильное нервное возбужденіе, вызывающее мозговые припадки. Вообще за качанье нельзя привести ни одного вѣскаго довода, и наоборотъ все свидѣтельствуетъ противъ него, говоритъ В. Н. Жукъ *). Не говоря уже о вредѣ самаго качанія, объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ нимъ, оно скверно еще потому, что балуетъ дитя, вкореняя въ него дурную привычку и слишкомъ часто скрываетъ настоящую причину безпокойства дитяти. вмѣсто того, чтобы развернуть ребенка и посмотрѣть—не безпокоить ли его что нибудь,—можетъ быть, онъ требуетъ перемѣны бѣлья,—его качаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ уснетъ, т. е. не одурѣетъ совсѣмъ; такимъ образомъ вызываютъ только ненормальный сонъ. Качаніе есть изобрѣтеніе той лѣни и безпечности, при которыхъ человѣкъ безъ всякаго разбора хватается за первое попавшееся подъ руку средство для успокоенія матери, не размышляя, что въ будущемъ самъ себѣ готовить истязаніе. Заболѣетъ ребенокъ, привывшій къ укачиванію, онъ собьетъ съ ногъ всѣхъ домашнихъ, требуя чтобы его постоянно качали, или носили на рукахъ.

*) В. Н. Жукъ, „мать и дитя“.

Лучше всего ребенка съ самыхъ малыхъ лѣтъ приучать спать на кроваткѣ. Само собою понятно, что желѣзныя кровати слѣдуетъ предпочитать всякимъ другимъ, какъ по ихъ легкости, ажурности самой работы, такъ и потому, что ихъ легче содержать въ чистотѣ. Въ деревянныхъ очень легко заводятся клопы, а обиліе щелей почти лишаетъ возможности окончательно вывести это противное насѣкомое. Красотой и тонкостью составныхъ частей отличаются также буковые гнутыя кровати, но они гораздо дороже. Правда, желѣзныя часто бываютъ окрашены ядовитыми красками, но этого избѣжать нетрудно. Выбирая кровать, надо смотрѣть, чтобы она не была окрашена ни бѣлой, ни зеленой краской и чтобы поверхъ хорошо сглаженной краски былъ слой лака. Лучше всего свѣтлая окраска.

Перейдемъ теперь къ устройству дѣтской. Для нее нужно выбирать самую чистую, свѣтлую, веселую, сухую комнату съ видомъ изъ оконъ на солнечную сторону, — словомъ лучшую комнату во всей квартирѣ. А между тѣмъ у насъ сложился въ высшей степени вредный и нелѣпый обычай. Отводить лучшія комнаты для приѣма гостей, а для дѣтской назначить чуть ли не чуланъ и по возможности дальше, чтобы дѣти своимъ крикомъ не нарушали торжественности приѣмовъ и парадныхъ обѣдовъ.

Что касается содержанія дѣтской, то въ этомъ отношеніи надо соблюдать опрятность до педантизма. Надо ежемѣсячно вытирать стѣны и потолки, обметать старательно пыль, но не перегонять съ одного мѣста на другое, какъ это обыкновенно дѣлается; надо вытирать влажной тряпкой полы. Всякія ковры, занавѣски, какъ вмѣстелища пыли и сору изгоняются. Если же изъ подъ полу дуетъ, то обейте его войлокомъ, сверхъ котораго наложите клеенку, которую можно вытирать влажной тряпкой. Зимой комнаты провѣтриваются утромъ и вечеромъ. Точно также и лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ, лучше всего освѣжать воздухъ поутру, до 8-ми часовъ, пока солнце не пригрѣетъ, и вечеромъ, закрывая на весь день ставни, опускаая жалюзи или маркизы, чтобы дѣтская не слишкомъ нагрѣвалась. Окна

занавѣшиваются густой сѣткой отъ мухъ, комаровъ и частью отъ пыли. Во время сырой погоды не должно отворять оконъ, пока солнце не обогрѣетъ воздуха. Всякія нечистоты немедленно удаляются. Грязное бѣлье прячется въ особомъ помѣщеніи, виѣ дѣтской; запачканное твердыми изверженіями, чтобы оно не распространяло запаха, лучше всего хранить въ особомъ для этого устроенномъ ведрѣ для грязнаго бѣлья, наливая туда воды, чтобы нечистоты отмокли. Чего особенно надо остерегаться въ дѣтской—это сырости. Извѣстная степень влажности воздуха необходима. Безъ нея постоянно сохнетъ въ горлѣ, въ носу и организмъ теряетъ слишкомъ много жидкости; мы постоянно чувствуемъ жжение въ глоткѣ; вполне насыщенный парами воздухъ также весьма вреденъ. При высокой температурѣ, лѣтомъ, сырой воздухъ задерживаетъ испареніе воды изъ нашего тѣла,—этотъ могучій регуляторъ для пониженія внутренней температуры крови. Мы чувствуемъ крайне тяжелое состояніе, угнетеніе, истому, — особенно передъ дождемъ. Вслѣдствіе повышенія температуры крови, является ослабленіе и замедленіе кровообращенія; растительные процессы страдаютъ, особенно питаніе; поэтому въ тѣплыхъ сырыхъ квартирахъ чаще всего развивается англійская болѣзнь и золотуха. Холодный сырой воздухъ, служа хорошимъ проводникомъ, отнимаетъ больше теплоты отъ тѣла и, дѣйствуя на поверхность кожи, мѣшаетъ правильному периферическому кровообращенію; вслѣдствіе этого онъ располагаетъ къ простудамъ, катаррамъ дыхательныхъ путей, ревматизмамъ. Температура дѣтской, согласно показанію большинства авторовъ, не должна быть выше 16—17° Реомюра. Лишь очень слабенькихъ дѣтей, пока они не окрѣпнутъ, надо держать въ средѣ отъ 17 до 18° Реомюра. Но такъ какъ болѣе холодный воздухъ содержитъ въ себѣ больше кислорода, то при первой возможности, какъ только организмъ энергичнѣе начнетъ вырабатывать тепло, температуру дѣтской доводятъ до 15—16° Реомюра. Затѣмъ уже приучаютъ ребенка къ болѣе рѣзкимъ переходамъ, на 3—4° Реомюра, перенося его изъ дѣтской комнаты въ болѣе хо-

лодное помѣщеніе и одѣвая при этомъ немного теплѣе, приготавливаютъ его къ выходу на свѣжій воздухъ. Всякое покуриваніе монашками, можжевелевыми ягодами, куреніе табаку — въ дѣтской должно быть строго запрещено. Для согрѣванія дѣтскаго бѣлья, при перемѣнѣ его, никогда не слѣдуетъ держать его у огня или печки, гдѣ оно слишкомъ сильно и не равномерно нагрѣвается. Лучше всего для согрѣванія употреблять грѣлки, т. е. свинцовые сосуды, крышки которыхъ отвинчиваются, а внутрь наливается горячая вода, и затѣмъ, завинтивъ крышку, можно класть грѣлку какъ угодно. За неимѣніемъ грѣлокъ, можно съ этою цѣлью употреблять стеклянные бутылки, налитыя горячей водою. Что же касается дѣйствія свѣта, то въ этомъ отношеніи даже среди врачей распространены предразсудокъ, будто солнечный свѣтъ вредитъ маленькому ребенку. Опасеніе это могло бы имѣть основаніе, если бы природа сама не позаботилась защитить зрѣнія отъ сильнаго дѣйствія свѣтовыхъ лучей. Первымъ средствомъ охраны являются вѣки, которыя, помимо воли человѣка, закрываются, какъ только глазъ раздражается сильнымъ свѣтовымъ ощущеніемъ. Поднесите кому нибудь неожиданно свѣчу къ лицу и онъ непременно закроетъ глаза; затѣмъ уже, когда первое впечатлѣніе прошло, вѣки раскрываются при сильно сокращенной радужной оболочкѣ глаза — райкѣ, которая внутри самаго глаза регулируетъ свѣтовое ощущеніе, если оно сильно, суживая зрачекъ. Постарайтесь прослѣдить за новорожденнымъ, когда его внесутъ въ свѣтлую комнату, и вы замѣтите, какъ послѣ перваго смыканія на нѣсколько секундъ, вѣки станутъ все шире и шире раскрываться для воспріятія свѣтовыхъ ощущеній. Д—ръ Зеленскій говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти рождались въ свѣтлой комнатѣ, онъ никогда не видѣлъ болѣзни глазъ, между тѣмъ какъ золотушные воспаления глазъ, нерѣдко лишаютъ новорожденнаго зрѣнія, чаще всего развиваются у дѣтей, живущихъ въ подвалахъ, гдѣ, и безъ занавѣсокъ, свѣтъ никогда не проникаетъ. Что же касается до вечераго и ночнаго освѣщенія дѣтской, то для этой цѣли лучше употреблять стеариновую свѣчу, вставлен-

ную въ стеклянный сосудъ—такъ называемые „садовые под-свѣчники“—или закрытую стекломъ съ особымъ приборомъ, какъ у лампы. Всевозможныя лампы, привелигированныя ночники не годятся въ дѣтской. Помимо опасности отъ пожара во время взрыва или при неосторожномъ обращеніи, они, послѣ нѣкотораго времени горѣнія, всегда даютъ чадъ и копотъ. Особенно не хороши въ этомъ отношеніи всевозможныя керосиновыя лампы, лампадки, которыхъ никогда не слѣдуетъ жечь въ дѣтской, не говоря уже объ этихъ маленькихъ керосиновыхъ „коптилкахъ“, которыя введены въ моду предприимчивыми торговцами: ихъ давно бы слѣдовало изгнать изъ употребленія, несмотря на ихъ дешевизну и красоту. Кромѣ того всѣ лампы поглощаютъ очень много кислорода, способствуя быстрой порчѣ воздуха. Сальная свѣча коптитъ и требуетъ постоянного присмотра, между тѣмъ какъ пламя хорошей стеариновой свѣчи горитъ подѣ стекломъ совершенно ровно. Чтобы уборка дѣтской не была затруднительна, никогда не слѣдуетъ загромождать ее мебелью, Кровать ребенка, пеленальный столикъ, въ которомъ хранится чистое дѣтское бѣлье, или вмѣсто него, комодъ, диванъ и стулъ для матери, обтянутые темной клеенкой, если она не спитъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, вотъ и все. При этомъ кровать устанавливается изголовьемъ къ свѣту, подалеже отъ печки, и располагается такъ, чтобы къ ней можно было подойти со всѣхъ сторонъ. Остальная мебель тоже не придвигается плотно къ стѣнкамъ, иначе обмѣнъ воздуха въ комнатѣ будетъ неправильный, и сзади комода или дивана, на стѣнѣ, выступитъ сырость, покажется плѣсень. При уборкѣ вся мебель передвигается со всѣхъ мѣстъ, въ видахъ полной вентеляціи комнаты. Неисполненіе этого условія и является причиной, что въ углахъ дѣтской воздухъ застаивается и всегда имѣетъ непріятный запахъ. Всѣ остальные принадлежности дѣтской, какъ то: ванна, вторая смѣна постели и пр., должны провѣтриваться на вольномъ воздухѣ. Обои въ дѣтской никогда не должны быть яркими, потому что большинство яркихъ красокъ красныя, зеленыя, синія ядовиты, и пыль отдѣляющаяся отъ нихъ, отравляютъ

воздухъ. Кто не слыхалъ о случаяхъ отравленія мышьякомъ отъ зеленыхъ обоевъ? Лучше уже обклеивать дѣтскую свѣтло-коричневыми или сѣрыми обоями. Но самое практичное было бы, если позволяютъ средства, выкрасить дѣтскую масляной краской, тогда можно будетъ ежемѣсячно мыть стѣны. Новѣйшія наблюденія показали, что маслянная краска не уменьшаетъ пористости стѣнъ.

Когда слѣдуетъ отнимать ребенка отъ груди? Въ данномъ случаѣ нельзя составить общаго правила и нужно сообразоваться съ обстоятельствами. Если у ребенка на 10—11-мъ мѣсяцѣ жизни выросло уже 6—8 зубовъ, онъ совершенно здоровъ и легко переноситъ добавочную къ молоку пищу, то его можно отнять отъ груди. Если же дитя слабое, золотушное, зубы растутъ у него медленно, существуетъ склонность къ желудочно-кишечнымъ разстройствамъ, его кормятъ гораздо дольше. Одно только правило можно посовѣтовать: отнимать дѣтей во время наилучшаго состоянія ихъ здоровья, чтобы время отнятія не совпало съ прорѣзываніемъ зубовъ и чтобы у ребенка не было ни малѣйшаго разстройства желудочно-кишечныхъ отправления. Весьма важно, какъ для здоровья самой матери, такъ и ребенка, не отнимать его отъ груди вдругъ безъ предварительныхъ подготовленій. Ничто не можетъ быть опаснѣе, какъ остановка какой-либо функціи, находящейся въ полной дѣятельности; пагубныя послѣдствія могутъ произойти отъ этой неосторожности. Женщина, которая хочетъ отнять отъ груди ребенка, котораго кормитъ, должна начать готовить его къ этому за мѣсяць раньше. Въ первую недѣлю она даетъ ему грудь только три раза вмѣсто пяти и шести разъ въ сутки. Вторую недѣлю два раза. Третью не болѣе одного раза. На четвертую, она должна давать ему сосать грудь только одинъ разъ въ сутки и пропускать одинъ день питанія его грудью; подобнымъ образомъ нужно отучать ребенка отъ материнской груди. Съ первой недѣли отнятія отъ груди, грудное молоко, которое даютъ рѣже, замѣняютъ коровьимъ, разбавленнымъ водою и подслащеннымъ сахаромъ. Впослѣдствіи, ребенку пробуютъ давать бульонъ изъ цыпленка,

телятины, только тщательно снявъ жиръ; когда его пищеварительныя органы требуютъ болѣе существенной пищи, то ему даютъ хлѣбный супъ на молокъ или бульонъ. Мякишъ подсушеннаго хлѣба, раздавленнаго въ тряпочкѣ и затѣмъ размоченная въ молокъ, такъ чтобы составила кашка, составляетъ легкую, удобоваримую и питательную пищу для ребенка, пока онъ еще не можетъ пользоваться болѣе вещественною. Наконецъ постепенно переходя отъ одного рода пищи къ другому, доходятъ до солидныхъ веществъ: бѣлыя мяса, цыпленокъ, телятина, зрѣлые плоды, сухари и т. д. Черное мясо и всѣ возбуждающія явства должно исключить изъ его употребленія. Чистая вода самый лучший напитокъ для ребенка, къ ней прибавляютъ небольшое количество Бордо; для дѣтей золотушныхъ, слабыхъ, у которыхъ трудно варить желудокъ. Женщина, кормящая грудью, должна со своей стороны ограничить количество пищи, которое она обыкновенно употребляла и выбирать блюда менѣе питательныя и сочныя для того, чтобы уменьшить отдѣленіе молока. Она должна ѣсть много зеленыхъ овощей, печеныхъ и вареныхъ плодовъ, варенья и весьма немного мяса.

Ей нужно для питья употреблять напитки съ небольшимъ количествомъ селитры, чтобъ увеличить отдѣленіе мочи, и воду изъ чернослива или мякоти тамариндъ, чтобы не было запору. Если, несмотря на эту діету молоко все-таки приливало-бы къ грудямъ, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ слабительнымъ или потогоннымъ, смотря по тому гдѣ сосредоточилось болѣе жизненной дѣятельности въ пищеварительномъ каналѣ или внѣшнихъ покровахъ. Для слабительнаго нужно выбирать изъ сѣрно-кислой магнезій (Англійской соли) сѣрнокислой воды (Глауберова соль) и сѣрнокислаго поташу; горячаго чаю изъ бузины и бурачника, или огуречной травы, вообще бываетъ достаточно для произведенія обильныхъ потовъ. Употребленіемъ этихъ простыхъ средствъ удается мало по малу остановить отдѣленіе молока и совершенно подавить отправленіе молокоотдѣляющихъ сосудовъ.

Новорожденный почти весь день и ночь проводить во снѣ, просыпаясь только для утоленія голода, да и вообще чѣмъ моложе дитя, тѣмъ оно больше спитъ. По прошествіи первыхъ недѣль жизни, дитя начинаетъ постепенно привыкать все болѣе и болѣе бодрствовать, такъ что къ 5—6-му мѣсяцу не засыпаетъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. При этомъ такъ стараются распредѣлить его время, чтобы онъ возможно менѣе спалъ днемъ. Такъ около 8-го мѣсяца жизни дитя обыкновенно просыпается утромъ около 5—6 часовъ, играетъ въ постелькѣ, затѣмъ его носятъ на прогулку и около 10 часовъ опять укладываютъ до 12 или до 1 часу. Вторично кладутъ его спать около 3—4 часовъ до 6—7-ми вечера и затѣмъ уже въ 9 часовъ онъ ложится спать на всю ночь. Лѣтомъ дѣти укладываются спать позже, зимою раньше, въ общемъ итогѣ до году дитя проводить еще во снѣ большую часть сутокъ 14—16 часовъ. Начиная со втораго года жизни, стараются постепенно сократить продолжительность сна во время одного изъ дневныхъ промежутковъ. Дитя постепенно приучается такъ, что оно не ложится спать до 12-ти часовъ утра, спитъ 2—3 часа и затѣмъ уже „гуляетъ“ до вечера. За то вечеромъ его укладываютъ немного раньше и оно спитъ отъ 10—11 часовъ ночью; слѣдовательно до 3-го году дитя все еще спитъ половину сутокъ, 12—13 часовъ. Вообще никогда не слѣдуетъ будить ребенка насильно и тревожить его, если онъ долго спитъ. Выше мы уже говорили какъ важенъ для ребенка сонъ въ первые дни жизни. Если же необходимость заставить разбудить соннаго ребенка, то никогда не надо дѣлать этого быстро, такъ какъ сейчасъ подымется сильное сердцебіеніе и личико дитяти сразу покраснѣется. Опытъ этотъ не трудно продѣлать и надъ взрослыми,—довольно только быстро разбудить его и приложить руки къ сердцу. Отъ внезапнаго пробужденія дитя можетъ сильно испугаться. Будить дѣтей надо исподволь, осторожно, сперва тихонько заговаривая, потомъ осторожно гладить его ручку, личико и говорить громче. Не слѣдуетъ допускать ни подъ какимъ предлогомъ дѣтей спать со взрослыми или вдвоемъ въ одной постелькѣ, такъ какъ здѣсь возможно даже

невольное раздраженіе ребенка, не говоря объ отравленіи его крошечныхъ легкихъ испареніями того кто съ нимъ спитъ. Когда же дѣтей по двое кладутъ въ одну кроватку, что считается особеннымъ признакомъ ихъ любви и привязанности, тогда болѣе сильный или буйный всегда обижаетъ слабого—станетъ съ него одѣяльце, и тотъ мерзнетъ или сдвинется на край постельки. Каждый ребенокъ долженъ имѣть свою постельку, какъ бы проста она не была. Кстати здѣсь замѣтимъ и слѣдующее. Когда дитя отвыкаетъ отъ конвертика, то укладывая спать его (въ кофточкѣ), ручки всегда кладутся поверхъ одѣяла; прикрывающаго грудь до подмышекъ. При обыкновенной температурѣ дѣтской дитя не озябнетъ, межъ тѣмъ приобрѣтается хорошей навукъ, гарантирующей впоследствии отъ разныхъ дурныхъ привычекъ.

Говорить-ли намъ здѣсь о привычкахъ дѣтей. Большинство этихъ вредныхъ для ребенка и обременительныхъ для ухаживающихъ за нимъ привычекъ развивается во время недомоганія дитяти, когда близкіе не отказываютъ въ малѣйшемъ его желаніи, боясь этимъ разстроить дитя и тѣмъ еще болѣе ухудшить его состояніе. Мать сама сознаетъ, что поступила безтактно, дозволивъ ребенку заснуть на рукахъ, но затѣмъ оно уже боится лишиться его этого удовольствія—не то станетъ беспокоиться и докричится до грыжи или судорогъ. Въ дѣйствительности все это напрасные „страхи“. Если въ иныхъ случаяхъ дитя кричитъ слишкомъ долго, то отъ того только, что у матерей не хватаетъ выдержки, и онѣ попеременно то принимаютъ успокоивать его, то снова покидаютъ. Дитя какъ бы сознаетъ все причиняемое имъ безпокойство и кричитъ все громче и съ большимъ усиленіемъ. Но попробуйте только уложить его, переменить пеленки и вообще удалить все, что бы могло безпокоить дитя, и оно вскорѣ замолчитъ, убѣдившись, что на него не обращаютъ вниманія. Въ случаяхъ, гдѣ невозможно отыскать причину безпокойства дитяти, мы имѣемъ полное право предполагать начало какой нибудь болѣзни, а потому здѣсь нуженъ совѣтъ свѣдующаго челоуѣка, а не укачиванія и т. п. одуряющія средства. Другія привычки имѣютъ

чисто физиологическое основаніе, какъ напр. обыкновеніе сосать пальцы, лизать стѣны, грызть глину (особенно по деревнямъ) и вообще запикивать себѣ ротъ всякой всячиной. Разъ вы только замѣтили, что у ребенка явилась подобная привычка, смажьте ему пальчики настоемъ полыни, кваси и будьте покойны: попробовавъ горечи, онъ не станетъ вторично повторять этого опыта, если только у него есть подходящая игрушка. Точно также отъ лизанія стѣнокъ не отучите шлепками и т. п. педагогическими мѣрами. Очень часто дѣти при легкомъ катаррѣ кишекъ и желудка, подобно беременнымъ женщинамъ, чувствуютъ потребность ѣсть такія вещи, какъ мѣлъ, известь, глину. Обратитесь къ врачу, и онъ вамъ предпишетъ лѣкарство, которое замѣнитъ всѣ эти гадости и послужитъ на пользу молодому организму, быть можетъ безсознательно показывающему потребность въ соединеніяхъ извести. Такъ точно поступайте во всемъ. Разъ замѣтивъ дурную привычку, ищите прежде всего ея причины, и, устранивъ эту послѣднюю, ласково но настойчиво не допускайте до повторенія. Теперь поговоримъ объ игрушкахъ. До году дитя мало обращаетъ вниманія на качество игрушки и, научившись брать, кидаетъ часто, не умѣя еще удержать вещи въ рукѣ во время розмаха. Звукъ погремушки уже забавляетъ его, но, позвонивъ не много, оно сейчасъ же суетъ игрушку въ ротъ, желая съ ней ознакомиться. Поэтому выборъ игрушекъ въ этомъ возрастѣ долженъ быть ограниченъ. Особенно опасны хрупкіе предметы (возможность поранить ручки). Во второмъ году страсть къ разрушенію проявляется уже въ полной силѣ. Дитя не столько любитъ играть съ игрушками, сколько портить ихъ. Оно съ одинаковымъ удовольствіемъ рветъ листъ бумаги и хорошенькую картинку, ломаетъ деревянную палочку и коверкаетъ солдатика изъ papier maché. Чувство язашнаго въ немъ еле въ зародышѣ. Величина и яркость окраски вотъ что его привлекаетъ. Предложите на выборъ нѣсколько игрушекъ и вы убѣдитесь, что дитя выберетъ непременно наибольшую. Мячикъ, деревянная посуда, кубики, резиновые куклы и звѣри какъ не бьющіеся, вотъ что можно дать на второмъ году жизни.

Сколько радости въ семьѣ вызываетъ первое слово ребенка! Мать считаетъ своимъ долгомъ похвастаться этимъ передъ каждой гостей, и сколько интересныхъ разговоровъ ведется на такую скромную тѣму. Прислушайтесь къ нимъ только и вы убѣдитесь, какъ много наблюдательности въ каждой любящей матери, бабушкѣ, хотя добытые путемъ долгаго опыта выводы не расходятся дальше семейнаго кружка. Но постарайтесь только разубѣдить, что первый безсвязный лепетъ еще только игра звуковъ, безъ малѣйшаго пониманія смысла произнесеннаго, и вы сейчасъ же вооружите противъ себя весь синклитъ опытныхъ женщинъ. „Какъ можно? онъ при этомъ наморщилъ брови, задумался и съ усиленіемъ произнесъ мма-ма“. „Нѣтъ, онъ отлично понимаетъ что говорить. Онъ такой разумный!“ и тутъ же вамъ приведутъ цѣлую серію продѣлокъ умника. Начиная со второго третьяго мѣсяца жизни, дитя упражняетъ уже свой голосъ: то подтягиваетъ при пѣніи колыбельной пѣсни, то само по себѣ варьируетъ на разные лады одинъ и тотъ же звукъ, чаще всего а. Но прежде, чѣмъ произнесетъ первое слово, дитя понимаетъ уже много словъ, а если и удачно воспроизведетъ какое нибудь изъ нихъ, то его вниманіе поглощено не значеніемъ сказаннаго, его радуется новостъ открытія, одинъ звукъ. Только дальнѣйшій опытъ научаетъ его связывать со звукомъ извѣстное конкретное представленіе. Дѣти часто сами дѣлаютъ слова, и окружающіе почти всегда употребляютъ эти выраженія, объясняясь съ ребенкомъ, или же коверкаютъ по дѣтски названія разныхъ предметовъ. Отъ этого не рѣдко удается встрѣчать 3—5 лѣтнихъ дѣтей, говорящихъ такимъ ужаснымъ языкомъ, что кромѣ домашнихъ ихъ никто ни понимаетъ. Это большая ошибка. Дитя не можетъ еще произносить нѣкоторыхъ звуковъ, но вслушавшись въ нихъ, оно будетъ постепенно привыкать къ правильному выговору. Въ противномъ случаѣ теряется единственное средство контроля—слухъ. Потребность говорить развивается съ возрастомъ и тамъ, гдѣ дитя лишено общества людей съ нимъ заговаривающихъ, оно пріучается болтать языкомъ во рту, производя звукъ на подобіе тому,

какой происходит при полосканіи горла. П. Н. Жуку въ двухъ случаяхъ приходилось наблюдать подобное явленіе. Трехлѣтняя дѣвочка, не умѣвшая сказать четырехъ словъ, играя съ куклой, изумительно быстро болтала языкомъ, какъ бы наслаждаясь этими звуками. Новое указаніе, какъ важно и въ этомъ случаѣ разумное руководство.

Перейдемъ теперь къ физическимъ упражненіямъ. Намъ не трудно выразить въ нѣсколькихъ словахъ всѣ гигиеническія предписанія относительно активныхъ и пассивныхъ упражненій новорожденнаго: не насиловать ребенка и не принуждать его къ какому бы то ни было упражненію, т. е. не сажать его, пока онъ самъ не научится сидѣть, не ставить на ножки и т. д., такъ какъ всякое преждевременное упражненіе (сидѣніе) будетъ только затруднять естественныя отправленія тѣла (дыханіе) отъ сжатія грудной кѣтки вслѣдствіе податливости позвоночника. Физическія упражненія безспорно очень важны для правильнаго развитія тѣла. Однако все это имѣетъ предѣлы, пока органъ самъ по себѣ можетъ выполнить извѣстное упражненіе. Только что родившейся ребенокъ и головки поднять не можетъ. У него имѣются на лицо всѣ тѣже мышцы, что и у взрослога, но онъ еще не научился управлять ими, да и кости его еще слабы. Ножками и ручками онъ уже свободно двигаетъ—предоставьте же ему это упражненіе. Держите его такъ, чтобы онъ могъ спокойно копошиться, когда ему не спится, не стѣсняйте одеждой, и отъ времени до времени раскройте его въ теплой комнатѣ, чтобы онъ упражнялъ свои члены. Сперва онъ станетъ воорочать головкой, а потомъ попробуетъ и подымать ее. Но только не заставляйте въ это время его сидѣть на рукахъ или между подушекъ. Если бы вы его раздѣли и посмотрѣли на голенькую спинку, тогда бы вы увидѣли, какъ страшно она изгибается отъ тяжести верхней части туловища. По немногу, какъ окрѣпнетъ, онъ самъ станетъ приподниматься, помогая себѣ ручками, раза два три свалится, и наконецъ сядетъ. Посмотрите, какъ радостно сіяетъ его личико послѣ такого важнаго событія. Научитесь сидѣть посадите его на коверъ, разостланннй на полу, и

онъ самъ будетъ забавлять себя и незамѣтно для васъ станетъ ползать. Выпадетъ изъ рукъ мячикъ и покатится, захочется малышу достать его, и онъ согнетъ калачикомъ правую ногу и на четверенкахъ ползетъ за игрушкой. Нѣкоторые дѣти не умѣютъ ползать и сразу приучаются становиться на ножки и затѣмъ уже ходить. Становится дитя на ножки прежде всего придерживаясь за какой нибудь предметъ: табуретъ, диванъ; стульевъ лучше не становить въ дѣтской, въ виду возможности ушибовъ о твердые края дерева. Затѣмъ онъ научится понемногу передвигаться вользъ дивана, а тамъ пойдетъ и безъ всякой подпоры. Чѣмъ меньше будутъ помогать ему въ этомъ отношеніи, тѣмъ осмотрительнѣе, тѣмъ осторожнѣе онъ будетъ въ своихъ движеніяхъ. Каждая неловкость будетъ непременно сопровождаться паденіемъ; но этого не слѣдуетъ бояться, если только изъ дѣтской вынесено все, что можетъ повредить ребенку. Какъ общее правило надо принять, чтобы вся мебель дѣтской имѣла непременно круглые углы, лучшее предохранительное отъ опасныхъ ушибовъ.

Какъ только дитя достаточно окрѣпнетъ, научится сидѣть, его не укладываютъ уже въ конвертахъ, но въ одеждѣ его дѣлаютъ такія измѣненія, которыя бы не мѣшали его движеніямъ. Платице при этомъ всегда дѣлаютъ длиннѣе, чтобы оно закрывало ножки. Мы не споримъ, что подобный покррой можетъ быть удобенъ во время прогулокъ, когда несутъ или возятъ дитя, но при ползаніи онъ очень невыгоденъ. Предусмотрительныя няни нерѣдко завязываютъ въ это время рубашенку узломъ сзади и вся нижняя часть тѣльца ребенка остается обнаженною. Гораздо практичнѣе въ этомъ случаѣ было бы одѣвать ребенка въ кофточку поверхъ не очень длинной рубашечки, и въ тоже время защищать нижнюю часть тѣла коротенькими панталончиками для ползанія. Это тотъ же подгузникъ, но сшитый и принаровленный къ формамъ ребенка. Панталончики дѣлаются вполне свободными и всегда пристегиваются къ лифчику, чтобы не стягивать живота и не тереть ближайшихъ органовъ. Одна часть тѣла ребенка всегда остается открытой — а именно ножки.

Мы уже указывали на всю нераціональность принятаго у насъ способа одѣванія—сильно согрѣвать голову и въ тоже время давать мерзнуть ногамъ, которыя и безъ того меньше отапливаются. Постоянное охлажденіе ножекъ является одной изъ причинъ неправильности въ распредѣленіи крови, приливовъ ко внутренностямъ и головокъ. Вотъ почему раціональный уходъ за оконечностями имѣеть очень важное значеніе. Въ виду этого мы настоятельно совѣтуемъ матерямъ обратить вниманіе на содержаніе ногъ ребенка, не дозволить ему ползать, если на ножки не одѣты длинные чулки и, сверху нихъ, вязанные шерстяные башмачки. Когда же дитя начнетъ уже бѣгать и выходить на дворъ, на ноги одѣвають мягкій башмачекъ съ кожанной подошвой—защита отъ сырости. Кожанные башмачки, а тѣмъ болѣе сафьянные сапожки, которые такъ часто дарятъ любящіе родители, желая пріодѣть своего ребенка и доставить ему удовольствіе, въ первые годы дѣтства положительно вредны. Наша обувь и безъ того крайне нераціональна и уродуетъ ноги у взрослыхъ; дитя легко можетъ замочиться и когда промокшая кожа засохнетъ сдѣлается твердой, на ножкахъ сейчасъ образуются ссадины. Но и помимо этого неудобства, въ неловкой обуви дитя привыкаетъ скверно выступать, не научится ходить, а рядомъ съ неуклюжею походкой развивается деформация и другихъ частей скелета; къ пассивнымъ упражненіямъ слѣдуетъ отнести тоже ношеніе на рукахъ и прогулки. Общераспространенный обычай носить постоянно дѣтей, дѣлаетъ изъ нихъ несноснѣйшихъ существъ, которыя требуютъ, чтобы съ ними вѣчно няньчились. Причина обуславливающая происхожденіе этого обычая состоитъ въ неловкомъ положеніи, въ стѣсненіи свивальниками, которыми матери связываютъ дѣтей съ первыхъ дней жизни. Лишенное всякой возможности двигать членами, дитя устааетъ отъ неловкаго положенія, беспокоится, и его таскають изъ угла въ уголъ, лишь бы чѣмъ нибудь развлечь. При раціональной одеждѣ эти передвиженія въ первые недѣли жизни становятся излишними. Начиная со втораго мѣсяца жизни, дитя можно понемногу пріучать уже къ переменамъ темпе-

ратуры, вынося одѣтаго въ другую болѣе холодную комнату; но для этого нѣтъ надобности каждый разъ термометромъ опредѣлять температуру этой комнаты, какъ это совѣтуютъ слишкомъ точные гигиенисты. Простой смыслъ, при пониманіи натуры ребенка, будетъ лучшимъ указателемъ, какъ долго его можно здѣсь держать. Приучая такимъ образомъ дитя постепенно приворавливаться къ новой средѣ, когда онъ достаточно окрѣпнетъ, его выносятъ и на свѣжій воздухъ. Лѣтомъ это дѣлается на шестой недѣлѣ, весной и осенью гораздо позже. Когда же дитя достаточно окрѣпнетъ, умѣетъ хорошо сидѣть, тогда во время прогулокъ лучше всего усаживать его въ телѣжку. Лучшими слѣдуетъ считать 3-хъ колесныя повозки на рессорахъ, въ которыхъ сотрясеніе экипажа значительно умѣряется упругостью рессоръ. Укладывая дѣтей въ обыкновенныя телѣжки, поставленныя непосредственно на осяхъ, на дно корзинки кладутъ подушку. Колеса всѣхъ дѣтскихъ экипажей, для устранения стука, обтягиваются кромкой. Во время прогулокъ въ экипажахъ, маленькихъ дѣтей надо непременно держать на колѣняхъ для ослабленія толчковъ.

Къ сожалѣнію, указанныя выше правила соблюдаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно первые годы ребенка проходятъ среди обстановки въ высшей степени антигигиенической. Матери недостаточно опытны, недостаточно образованы; няньки еще того хуже. Всякому извѣстно, какъ трудно подыскать хорошую няню, а между тѣмъ какъ часто въ жизни приходится довѣрять надзоръ надъ ребенкомъ постороннему лицу. И въ самомъ дѣлѣ, сколько физическихъ и нравственныхъ уродствъ обязаны своимъ происхожденіемъ только невнимательности и непониманію со стороны няни. Пройдя, среди того класса людей, которые идутъ въ услуженіе, нерѣдко встрѣчаются женщины любящія, способныя привязаться къ ребенку, но громадное большинство ихъ полно предрасудковъ и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ уходѣ за дѣтьми.

Въ выборѣ няни необходимо побольше обращать вниманія на ея физическія и нравственныя особенности: здоровье,

любовь къ опрятности, мягкость въ обращеніи и пр., столь необходимыя при воспитаніи дѣтей, не заботясь о томъ, умѣетъ ли она ходить за ребенкомъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя она почерпнула изъ жизни не болѣе какъ предразсудки и чѣмъ меньше она ихъ знаетъ, чѣмъ моложе няня, тѣмъ легче будетъ матери приучить ее къ выполненію разумныхъ требованій гигиены. Пожилыя женщины, не смотря на свою опытность, зачастую отличаются упрямствомъ, не легко поддаются совѣтомъ матери и изподтишка всегда поступаютъ такъ, какъ имъ нравится. Хорошо еще, если въ матери сильно чувство долга и она по мѣрѣ силъ и возможности старается исполнить свои материнскія обязанности, но какъ часто мы видимъ, что мать предпочитаетъ гостинную дѣтской, проводитъ время въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и видитъ дѣтей лишь нѣсколько минутъ въ теченіе дня. Такія безпутныя матери обращаютъ вниманіе лишь на то, чтобы ребята выносились въ гостинную изящно принаряженными. Несчастныхъ малышей наряжаютъ въ кружева, дорогія костюмы, изящную обувь, крайне неудобную и вредную въ гигиеническомъ отношеніи. Къ дѣтямъ примѣняется система вишняго, мишурнаго блеска. Дѣти дѣлаются игрушками, куклами, которыми мать и ея пріятельницы забавляются въ коротенькихъ антрактахъ между параднымъ обѣдомъ и баломъ. Мы постоянно видимъ, какъ крошечныя дѣти гуляютъ на бульварахъ въ довольно холодное и сырое время полуобнаженными, съ голенькими колѣнями. И сколько мретъ дѣтей вслѣдствіе того, что ихъ дѣлаютъ ряженными куклами, выставляемыми на показъ! Какъ преступны матери, убивающія такимъ образомъ дѣтей!..

Равнодушно слушая провѣтъя
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей.
Изъ-за нихъ вы слышите-ли, братья,
Тихій плачь и жалобы дѣтей?..

Трудно представить себѣ что либо болѣе возмутительное и преступное, какъ равнодушіе общества къ участи дѣтей. Еще труднѣе объяснить себѣ, какимъ образомъ это равнодушіе уживается на ряду съ проявленіемъ высокой гуман-

ности, филантропіи и истинно - христіанской любви, составляющих одну изъ характерныхъ чертъ русскаго человѣка въ частности и русскаго общества—вообще. Припомните, какое сильное впечатлѣніе производила на наше общество война. Старый и малый, бѣдный и богатый, знатность въ шитомъ мундирѣ и простота въ армякѣ наперерывъ спѣшили облегчить участь ея жертвъ. Масса женщинъ всѣхъ слоевъ общества посвятила себя уходу за ранеными; лазареты всегда были переполнены добровольными сестрами милосердія и сидѣлками; пожертвованіе во всѣхъ видахъ не преставали поступать въ кассу „Краснаго Креста“. Словомъ общество проявило неистощимый запасъ гуманности и въ тоже время это общество оставалось и остается совершенно равнодушнымъ при видѣ того, какъ ежечасно, ежеминутно, изъ года въ годъ, безъ конца и предѣла гибнуть десятки тысячъ дѣтей; оно это гуманное общество даже не замѣчаетъ страданія и гибели дѣтей, даже не даетъ себѣ труда призадуматься надъ участію погибающихъ въ дѣтствѣ силъ.

Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если объяснимъ эту странную непослѣдовательность, это противорѣчіе тѣмъ обстоятельствомъ, что наше общество живетъ первыми впечатлѣніями, эффектами, импульсивно. Количество людей, убитыхъ и искалѣченныхъ въ сраженіи, легко поддается исчисленію и, когда исчисленіе сдѣлано, передъ обществомъ сразу является фактъ, поражающій своею грандіозностью и своимъ роковымъ значеніемъ. Что-же касается дѣтей, то гибель ихъ сдѣлалась настолько обыденнымъ явленіемъ, что общество привыкло и примирилось съ нимъ. А между тѣмъ статистическія данныя о гибели дѣтей представляютъ такой ужасающій фактъ, что въ сравненіи съ нимъ блѣднѣютъ ужасы самой войны. Достаточно констатировать общее явленіе, что повсемѣстно въ Европѣ наибольшая смертность поражаетъ дѣтей вообще и незаконнорожденныхъ въ особенности; этихъ послѣднихъ судьба преслѣдуетъ еще въ утробѣ матери до рожденія, такъ какъ большинство матерей въ извѣстномъ положеніи думаетъ не о томъ, какъ-бы сохранить дитя,

а о томъ, какъ-бы отъ него избавиться. Наблюденія надъ смертностью дѣтей показали, что изъ общей суммы рождающихся до 12-тилѣтняго возраста умираетъ три четверти дѣтей. Смертность въ этомъ ужасающемъ размѣрѣ составляетъ общій и постоянно дѣйствующій законъ. На 100 рождающихся умираетъ 75! Такого громаднаго процента смертности не даетъ самая ужасная война. Каждая эпидемія дѣтскихъ болѣзней несравненно губительнѣе какой-нибудь плевненской атаки. А сколько гибнетъ дѣтей не отъ болѣзней, а отъ ненормальныхъ условій частной жизни общества.

Дѣти гибнутъ всюду, во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ слояхъ общества. Гибнетъ подростящее поколѣнiе аристократическихъ семействъ; погибаютъ дѣти богатыхъ торговаго и промышленныхъ классовъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и дѣти семействъ, принадлежащихъ къ такъ называемому среднему сословію; гибнутъ они въ ужасающемъ числѣ въ хижинахъ бѣдняковъ, въ мастерскихъ, въ пріютахъ, на фабрикахъ и заводахъ; однимъ словомъ роковая судьба преслѣдуетъ несчастныхъ дѣтей всюду и всегда съ замѣчательною жестокостью и упорствомъ. До 12-ти лѣтняго возраста ихъ уничтожаетъ смертность отъ болѣзненности; затѣмъ подростящее поколѣнiе, оставшееся въ живыхъ, гибнетъ отъ непосильныхъ физическихъ трудовъ, безсовѣстной, безчеловѣчной эксплуатаціи ихъ молодыхъ силъ въ мастерскихъ, на фабрикахъ и заводахъ, отъ нищеты, разврата, пороковъ и преступленій. Мастерскія, фабрики и заводы дѣйствуютъ на дѣтей такъ губительно, что ихъ не преувеличивая можно назвать колоссальными дѣтскими могилами.

Ислѣдованіе вопроса о смертности дѣтей, произведенное Парижской Медицинской Академіей, привело къ слѣдующимъ выводамъ:

1) „Крайняя бѣдность и очень часто развратъ являются во многихъ случаяхъ причиной врожденной слабости дѣтей, лишая ихъ попеченія и соответствующаго ухода“. И дѣйствительно, наибольшая смертность дѣтей падаетъ на 1-ый мѣсяць (10 %). На 2-омъ мѣсяцѣ смертность дѣлается значительно меньше. Вообще въ первомъ году жизни гибнетъ

больше $\frac{1}{4}$ всѣхъ родившихся. Относительно-же врожденной слабости даннаго, собраннаго Московскимъ Воспитательнымъ домомъ, показываютъ, что въ то время, какъ изъ очень слабыхъ дѣтей (недоносковъ и проч.) умирало болѣе $\frac{3}{5}$, слабыхъ почти $\frac{1}{3}$, сильныхъ только $\frac{1}{6}$ часть. Все это показываетъ намъ, какое огромное вліяніе имѣютъ на здоровье дѣтей условія, среди которыхъ развиваются дѣти въ утробѣ матери.

2) Большое число незаконнорожденныхъ вездѣ повышаетъ общую смертность дѣтей, такъ какъ незаконнорожденныя дѣти во всѣхъ странахъ умираютъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ законнорожденныя. Наиболѣе всего ихъ умираетъ въ воспитательныхъ домахъ. Теперь смертность ихъ доходитъ на первомъ году жизни до 50—75 $\%$, между тѣмъ какъ прежде доходило до 90 $\%$ и даже до поголовнаго истребленія (100 $\%$ —Иркутскъ).

3) „Лишеніе новорожденнаго материнской груди, иногда неизбежное, но очень часто произвольное и ничѣмъ неоправданное“. Въ то время, какъ изъ выкормленныхъ материнскою грудью умерло только 8, 28 $\%$, изъ вскормленныхъ кормилицами у себя дома 18 $\%$, т. е. слишкомъ два раза болѣе.

4) „Незнаніе простѣйшихъ средствъ вскармливанія и физическаго воспитанія дѣтей въ первомъ году жизни, а также всякаго рода предрасудки, вытекающіе изъ этого незнанія“. По этому медицинская академія указываетъ на необходимость распространять принципы и правила гігіены вообще и воспитанія грудныхъ дѣтей въ особенности, а нѣмецкіе гігіенисты настояли на томъ, чтобы гігіеническія свѣдѣнія сообщались дѣвушкамъ въ школахъ (что уже введено въ школахъ Бельгіи, и въ некоторыхъ во Франціи).

5) „Злоупотребленія къ несчастію слишкомъ часто встрѣчающіяся, искусственнымъ вскармливаніемъ, которое всегда уступаетъ естественному и дѣлается часто опаснымъ, благодаря затрудненіямъ, представляющимъ при его примѣненіи“. Изъ вскормленныхъ грудью умерло 15 $\%$, изъ вскормленныхъ рожкомъ 85 $\%$, т. е. почти въ шесть разъ больше.

6) „Преждевременное подкармливаніе, которое не должно смѣшивать съ искусственнымъ вскармливаніемъ, хотя они почти всегда тѣсно соединены другъ съ другомъ“.

7) „Отсутствіе необходимыхъ гигиеническихъ попеченій и, въ частности простуда, которой подвергаются дѣти во время разныхъ путешествій, которыя они должны совершать (крещеніе въ церкви).“

8 и 9) „Отсутствіе врачебной помощи во время заболѣваній дѣтей и отсутствіе правильного надзора, въ особенности врачебнаго, за всѣмъ касающимся найма кормилицы и ухода за груднымъ ребенкомъ“. Далѣе идетъ перечисленіе причинъ, имѣющихъ чисто мѣстный характеръ, и между ними указано: 13 „Несвоевременное привитіе оспы, одинаково примѣнимое и къ намъ“.

Понятно, что чѣмъ больше только что показанныхъ условий дѣйствуетъ въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше тамъ смертность дѣтей. Бѣдность и неразвитіе здѣсь играютъ громадную роль. Вообще въ городахъ смертность значительно больше, чѣмъ въ деревняхъ. Время года тоже не остается безъ вліянія. Наибольше грудныхъ дѣтей умираетъ въ лѣтнее время, во время жаровъ, вслѣдствіе расстройства пищеварительныхъ органовъ; у дѣтей ранняго возраста (до 1-го мѣсяца) наибольше умершихъ приходится на январь—дѣйствіе холода.

Далѣе, разсматривая болѣзни, отъ которыхъ болѣе всего умираютъ даже на 1-мъ году жизни, мы видимъ, что изъ всего числа смертныхъ случаевъ громадный процентъ (40,89) падаетъ на расстройство пищеварительныхъ органовъ и $\frac{1}{5}$ (21,01%) умерла отъ болѣзней дыхательнаго аппарата. Въ теченіи 2-го года жизни замѣчено совершенно обратное: въ то время какъ болѣзни пищеварительнаго органа давали только 9,06% всей смертности, отъ страданій дыхательныхъ органовъ гибло 36,54%. Цифры эти слишкомъ ясно говорятъ за себя. Если въ теченіи перваго года жизни дыхательный аппаратъ защищенъ отъ зловредныхъ вліяній, то за то кишечникъ болѣе всего страдаетъ отъ несоотвѣтствующей пищи. А слѣдовательно тѣмъ дѣтямъ, которымъ при снос-

номъ питаніи удастся избѣгнуть смерти на первомъ году, во второмъ грозитъ новая опасность, вызванная невѣжествомъ и небреженіемъ родителей. Какъ практическій выводъ изъ этого для уменьшенія смертности на первомъ году является требованіе: улучшить питаніе дѣтей, которое въ первые мѣсяцы жизни является особенно важнымъ. Такимъ образомъ говоритъ Ясоби, подтверждая требованіе, высказанное нами раньше, въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ не можетъ быть вскармливаетъ грудью въ теченіи всего нормальнаго періода кормленія, все же можно очень много выиграть, если только удастся настоять, чтобы мать кормила его грудью, хотя бы и ограниченное время, только два мѣсяца. Въ жизни встрѣтятся очень мало матерей, которыя окажутся неспособными кормить своего ребенка въ теченіи указанного короткаго срока, и ни одну изъ подобныхъ матерей нельзя освободить отъ обвиненія въ томъ, что они сами причинили болѣзнь или смерть своего ребенка; если только они отказалась кормить своего малютку даже въ теченіи первыхъ опасныхъ мѣсяцевъ жизни.

Перейдемъ теперь къ воспитанію нравственному. Рамбоссонъ *) положительно утверждаетъ, что первоначальное воспитаніе должно начинаться съ самого того дня, какъ дитя является на свѣтъ, собственно говоря даже раньше, когда оно зачато въ утробѣ матери. Послѣ зачатія ребенка ему передаются впечатлѣнія отъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ, совершающихся съ матерью. Пища, принимаемая ею и идущая въ кровь, питаетъ также и ребенка; равнымъ образомъ всѣ впечатлѣнія, получаемыя матерью извнѣ, вліяютъ также на ея плодъ. Какъ только дитя увидитъ свѣтъ, все окружающее начинаетъ производить на него впечатлѣніе, въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ. Взгляните черезъ нѣсколько недѣль на это слабое существо, лежащее на рукахъ кормилицы, посмотрите на него съ привѣтливою улыбкою и вы увидите, что лицо его оживится и просіяетъ; онъ отвѣтитъ граціозною улыбкою на вашу ласку; все существо его про-

*) Ж. Рамбоссонъ, „материнское воспитаніе“.

нивается удовольствіемъ. Это мимолетное, можно сказать, магнетическое вліяніе, дѣлаетъ его счастливымъ; можно съ увѣренностью сказать, что такое вліяніе, часто повторенное, дѣлаетъ дитя добрымъ. И на оборотъ, взгляните на ребенка сурово и непривѣтливо: его взглядъ помрачится, черты лица непріятно передернутся и изъ глазъ польются слезы. Все его маленькое существо, болѣзненно пораженное сосредоточится и спрячется само въ себя. Подобное явленіе, постоянно или часто повторяемое, сдѣлаетъ ребенка неуклюжимъ, скрытнымъ, эгоистичнымъ и злымъ. Бываютъ люди, которые съ перваго же взгляда дѣлаются симпатичными; кажется, будто давно ихъ знаешь. Обращеніе ихъ открытое, привѣтливое, доброе и услужливое; словно ихъ озаряетъ божественный лучъ доброты, они проникнуты желаніемъ всѣмъ угождать. Будьте увѣрены, что эти люди, съ самаго ранняго дѣтства, были окружены нѣжною материнскою заботливостью, привѣтливыми, симпатичными и добрыми людьми, которые пробудили въ нихъ зародыши подобныхъ же чувствъ, развившихся съ годами и слѣвавшихся неразрывною частью ихъ существа. Одно присутствіе такихъ людей дѣйствуетъ живительно на всякаго. И на оборотъ, бываютъ люди въ сущности, можетъ быть и очень добрые, но которые съ перваго раза не вселяютъ симпатіи: ихъ взглядъ не идетъ отъ сердца и не затрагиваетъ сердца; ихъ обращеніе не привлекаетъ и не располагаетъ къ себѣ. Они вселяютъ холодность, а иногда даже отвращеніе. Будьте увѣрены, что привѣтливыя улыбки не услаждали ихъ молодости. Непривѣтливость, суровое обращеніе, постоянное порицаніе, подавили все то, что слѣдовало поощрять. И если такіе люди еще въ сущности добры, то они могли бы быть далеко лучшими, если бы росли при болѣе благопріятной обстановкѣ. Въ молодости каждое впечатлѣніе воспринимается всею душою и тѣломъ ребенка. Трудно себѣ представить, даже тому кто изучалъ этотъ предметъ, всю неизмѣримую важность первоначальнаго ухода за ребенкомъ, въ особенности материнскаго. Ласки, взгляды и улыбки матери имѣютъ благотворное вліяніе на ребенка; это вліяніе проникаетъ,

пробуждаетъ и оживляетъ все существо нѣжнаго ребенка. Напротивъ, поцѣлуи взгляды и улыбки наемной кормилицы сухи и жестки; онѣ не облегчаютъ дѣтскія горести, не передаютъ ребенку умъ и любовь, не создаютъ для него той задушевной обстановки, которую можетъ дать только одна мать. Чужіе ласки и поцѣлуи скорѣе мѣшаютъ развитію прекрасныхъ зародышей, вложенныхъ природою въ сердца ребенка. Они могутъ быть выращены только материнскими попеченіями. Чтобы понять всю необъятность вліянія, которое мать можетъ имѣть на свое дитя, стоитъ только вспомнить, что эти слабыя созданія способны подвергаться нервнымъ болѣзнямъ единственно подражая припадкамъ этихъ недуговъ, или даже просто видя ихъ у другихъ; въ этомъ отношеніи мы могли бы привести факты, столь же любопытные, какъ и поучительные. А если уже физиологическое вліяніе такъ могущественно, что можетъ возбуждать и дѣйствовать однимъ присутствіемъ, на совершенно посторонній организмъ, то какое же великое вліяніе должна имѣть мать на свое дитя *). Бездна фактовъ подтверждаетъ нашъ взглядъ на это дѣло: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на дѣтяхъ отражается вся окружающая ихъ обстановка, и что онѣ усваиваютъ себѣ манеры, вида и привычки лицъ, съ которыми находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Стоитъ только внимательно взглядываться, и ежеминутно можно наблюдать дѣйствія посторонняго вліянія на дѣтей. Итакъ все насъ убѣждаетъ въ томъ, что чрезвычайно важно, чтобы всѣ лица и предметы, окружающіе ребенка были какъ можно безукоризненнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Первоначальное воспитаніе отчасти производится совершенно безъ посторонняго вмѣшательства, такъ какъ дитя, ни добровольно, ни по принужденію, не можетъ еще сосредоточить надолго свое вниманіе на одномъ предметѣ. Но съ того момента, когда такое вниманіе начнетъ обнаруживаться, т. е. когда ребенку будетъ два или три года, а можетъ быть и раньше, тогда должно

*) Объясненіе этихъ любопытныхъ вліяній, читатели найдутъ въ сочиненіи Ж. Рамбоссона: „Законы жизни и искусство продолжать свои дни“.

начаться методическое воспитаніе. Этотъ моментъ самый драгоцѣнный, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый опасный, относительно физическаго и духовнаго развитія ребенка. На основаніи законовъ, связывающихъ душу съ тѣломъ, слѣдуетъ что инстинкты, мысли, чувства, словомъ вся душа отражается въ тѣлѣ. Впечатлѣнія, произведенныя въ тѣлѣ инстинктами, мыслями и чувствами, не скоро изглаживаются; они тѣмъ глубже вкореняются, чѣмъ чаще повторяются. Современемъ, они совершенно завладѣваютъ всей душой, подчиняютъ ее себѣ, увлекаютъ и навязываютъ ей, иногда послѣ нѣкоторой борьбы, тѣ инстинкты, мысли и чувства выраженіемъ которыхъ они слѣжатъ и которыя получили начало изъ той же души. Такимъ образомъ слагаются привычки и характеръ человѣка. Всѣ люди компетентныя въ дѣлѣ воспитанія, всѣ, изучавшіе развитіе человѣка, совершенно согласны, въ этомъ случаѣ съ наукою, и единогласно признаютъ, что именно тогда, когда ребенокъ не усвоилъ себѣ какихъ либо физическихъ, нравственныхъ, или умственныхъ привычекъ, именно въ то время надо класть начало тѣмъ впечатлѣніямъ которыя должны со временемъ развиться и окрѣпнуть. А потому, первоначальное образованіе и воспитаніе, по извѣстному методу, должно начинаться уже на второмъ или на третьемъ году жизни ребенка. Это первоначальное воспитаніе должно продолжаться до 7-ми, или 10-ти лѣтняго возраста, смотря по обстоятельствамъ. Очевидно, что опредѣленнаго срока нельзя постановить для всѣхъ случаевъ; но вообще, первое воспитаніе можетъ начаться тогда, когда у ребенка начнетъ работать умъ; а этотъ моментъ всегда является раньше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. „Этотъ ранній возрастъ говоритъ Фенелонъ, который обыкновенно поручаютъ женщинамъ неопытнымъ, и иногда даже женщинамъ испорченной нравственности, именно и есть возрастъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній“ *). Знаменитый прелатъ не останавливается на этомъ: „Даже раньше того времени, когда дѣти начинаютъ внятно говорить, можно начать уже ихъ

*) Education des filles, гл. III.

подготавливать къ ученью. Нѣкоторымъ покажется, что я преувеличиваю; но чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, стоитъ только заняться наблюденіями надъ тѣмъ, что дѣлаютъ дѣти, еще не умѣющіе говорить“. Затѣмъ онъ приводитъ убѣдительнѣйшія доказательства въ подтвержденіе своего взгляда и продолжаетъ: „Будьте увѣрены, что дѣти въ этомъ возрастѣ больше смыслятъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Стоитъ только припомнить, какъ отрадны и живы воспоминанія о любимыхъ въ дѣтствѣ предметахъ для людей пожилыхъ“*). И такъ, нравственные привычки приобрѣтаются, въ тоже время и также легко, какъ и умственные привычки. Всѣмъ извѣстно, что отъ привычекъ, усвоенныхъ въ зрѣломъ возрастѣ, еще можно современемъ избавиться, но отъ дѣтскихъ привычекъ почти невозможно, только можно бороться противъ нихъ, но склонность къ нимъ остается на всегда. Всѣ извѣстные факты подтѣверждаютъ слѣдующее наблюденіе: казалось бы, что съ годами должны забываться отдаленнѣйшія воспоминанія ранняго дѣтства, въ дѣйствительности же это не такъ: человѣкъ впавшій, вслѣдствіе старости, снова въ состояніе дѣтскаго возраста, можетъ забыть случившіяся съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько недѣль, нѣсколько дней тому назадъ, даже наканунѣ, но онъ отлично помнитъ то, что съ нимъ было въ дѣтствѣ, когда ему было всего три, четыре или пять лѣтъ. Такую то силу имѣютъ привычки нашей первой молодости. Въ этомъ возрастѣ все пускаетъ глубокіе и неразрушимые корни, столь же прочные, какъ весь организмъ человѣка. А потому, тотъ кто не пользуется этимъ возрастомъ для общенія человѣку всего хорошаго, истиннаго, прекраснаго и добраго, тотъ совершаетъ большое преступленіе. Самою главною помѣхою въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія служило отсутствіе метода, вслѣдствіе чего встрѣчались почти неодолимая затрудненія при воспитаніи дѣтей самаго нѣжнаго возраста, и часто вмѣсто правильнаго развитія всѣхъ способностей, достигали самыхъ печальныхъ и неотрадныхъ

*) Education des filles ch. III.

результатовъ, т. е. заглушали въ ребенкѣ всѣ дарованія въ зародышѣ. Оно и понятно; какъ мы, только что, видѣли, первая молодость именно потому только пригодна для первоначальнаго развитія способностей, что мозгъ и весь организмъ ребенка, въ это время, еще чрезвычайно нѣжны и впечатлительны. Но эти качества подвергаютъ ребенка большой опасности, если онъ попадетъ въ неопытныя руки. Очевидно, что если будетъ упущена изъ виду цѣль первоначальнаго воспитанія, заключающаяся въ развитіи и укрѣпленіи умственныхъ способностей, и на оборотъ, если ребенка будутъ утомлять чрезмѣрною утомительною и непосильною работою, однимъ словомъ, если будутъ придерживаться неправильнаго метода, тогда всѣ части организма и неразрывно связанныя съ ними умственныя и душевныя способности сдѣлаются вялыми, какъ бы надломленными; ихъ развитіе остановится на долгое время, а иногда на всегда. Существующіе, въ настоящее время, методы воспитанія дѣтей, во всѣхъ отношеніяхъ никуда негодны; они начинаютъ съ самою трудною и, очевидно, непосильною для дѣтскаго возраста, а именно, съ чтенія и письма, и то еще по совершенно неправильному способу. Преимущественно въ раннемъ возрастѣ необходимо, чтобы всѣ части организма и умственныя способности развивались безъ принужденія и безъ утомленія, совершенно естественнымъ, незамѣтнымъ образомъ. Но на дѣлѣ выходитъ далеко не такъ; существующія до настоящаго времени системы воспитанія идутъ наперекоръ всѣмъ указаніямъ природы, всѣмъ физиологическимъ и психологическимъ законамъ, и, вслѣдствіе этого, подвергаютъ величайшей опасности не только самую раннюю молодость, но и болѣе зрѣлое дѣтство. Едва только дитя начнетъ говорить, какъ у него является неисчерпаемый источникъ вопросовъ обо всемъ его окружающемъ. Растенія, цвѣты, плоды, животныя, звѣзды, дождь, снѣгъ и даже инструменты и машины, — однимъ словомъ, всѣ явленія природы, всѣ разнообразныя предметы, попадающіеся ему на глаза, заинтересовываютъ и возбуждаютъ его любопытство, составляя безконечную тѣму для разгово-

ровъ и вопросовъ. Это то и есть первое указаніе природы, первое проявленіе умственныхъ способностей, требующихъ развитія. Но вмѣсто того, чтобы поощрять и воспользоваться этими первыми порывами ребенка, что дѣлаютъ обыкновенно? Въ началѣ ему отвѣчаютъ на вопросы неопредѣленно и безъ разъясненій, а вскорѣ затѣмъ теряютъ терпѣніе и отгоняютъ его отъ себя; ему говорятъ, что онъ слишкомъ любопытенъ, что онъ надоѣдаетъ, что онъ узнаетъ объ этихъ вещахъ позже, когда будетъ постарше и когда его отдадутъ въ школу. Тогда ребенокъ, естественнымъ стремленіямъ котораго постоянно противоудѣствуютъ, теряетъ привычку наблюдать, и перестаетъ вовсе спрашивать или дѣлаетъ это очень рѣдко; съ этихъ поръ его больше ничего не поражаетъ; онъ дѣлается равнодушнымъ ко всему, что затрогивало его любопытство и возбуждало умственную дѣятельность; его способности вянуть и гаснуть. Не поощряя душевныя влеченія ребенка, родители останавливаютъ развитіе его способностей и заглушаютъ всѣ проявленія естественныхъ законовъ; мало того съ возрастомъ ребенка, они начинаютъ прямо дѣйствовать противъ этихъ влеченій — и противъ этихъ законовъ. Въ извѣстное время, бѣднаго ребенка посылаютъ въ школу, гдѣ его, безъ приготовленія, безъ первоначальнаго развитія, прямо ставятъ къ доскѣ, на которой нарисованы буквы и другіе условные знаки, ничего не говорящіе ни его головѣ, ни его сердцу; ребенка принуждаютъ заучивать то, къ чему онъ имѣетъ непреодолимое отвращеніе. Силою и наказаніями ребенка заставляютъ затвердить названія буквъ, связать ихъ вмѣстѣ, сложить нѣсколько словъ, и прочесть нѣсколько фразъ, которыхъ онъ не понимаетъ. Такое обученіе пріучаетъ ребенка довольствоваться словами, не вникая въ ихъ смыслъ, и окончательно убиваетъ въ немъ всякую охоту къ серьезному труду и къ изслѣдованіямъ; однимъ словомъ, этимъ способомъ задерживается логическое развитіе его умственныхъ способностей. Тоже самое, что дѣлали съ его душевными и умственными способностями, дѣлаютъ теперь съ его сердцемъ, чувствами, нравственными качествами и съ характеромъ;

все разрушается и заглушается; человекъ обезображиваютъ, вмѣсто того чтобы образовывать. Роленьъ выражается такъ: „Природа наградила дѣтей любопытствомъ, удивительною способностью усваивать себѣ бездну вещей, — о которыхъ имъ приходится слышать, и природною склонностію копировать взрослыхъ людей, подражать ихъ привычкамъ и рѣчамъ. Откладывая развитіе этихъ молодыхъ умовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заглушаютъ эти прекрасныя качества, которыми природа ихъ наградила при рожденіи. А такъ какъ ребенокъ не можетъ находиться въ бездѣйствіи, то тѣже качества, которыя были предназначены къ добру, направляются ко злу“ *). Итакъ современное воспитаніе нисколько не пользуется содѣйствіемъ законовъ природы для развитія ребенка, но, напротивъ, мѣшаетъ имъ гдѣ могутъ; да и не только мѣшаетъ, но даже дѣйствуетъ прямо противъ ихъ указаній. Изъ этого слѣдуетъ, что надо поступать совершенно иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ: вмѣсто того чтобы заглушать и удерживать склонности и заявленія умственныхъ способностей ребенка, надо ихъ поощрять и направлять.

Въ то время, когда дитя начнетъ едва лепетать и со вниманіемъ останавливать свои взгляды на окружающихъ предметахъ, начинаетъ также работать его умъ. Дитя спрашиваетъ обо всемъ, все его интересуется; оно хочетъ все знать и все рассмотреть. Растенія, животныя, метеоры, звѣзды—все его поражаетъ; оно спрашиваетъ то объ одномъ, то объ другомъ по порядку воспринимаемыхъ впечатлѣній. Эти склонности надо поощрять и давать ребенку требуемыя объясненія, излагая ихъ въ понятной для него формѣ. Именно въ этомъ заключается первѣйшее и прочѣйшее основаніе материнскаго воспитанія. Ребенокъ видитъ предметы, наблюдаетъ за ними и спрашиваетъ объ нихъ. Если его будутъ при этомъ руководить, поощрять и отвѣчать на его вопросы просто и ясно, то онъ усвоитъ себѣ бездну полезныхъ и необходимыхъ въ практической жизни свѣдѣній. Но, что самое главное, этимъ способомъ быстро развиваются его умствен-

*) *Traité des études*, кн. 1-ая, глава 1-ая.

ныя способности; ребенокъ приучается къ толковому наблюдению, къ правильному мышлению и къ самостоятельному мнѣнію; все это совершается безъ всякаго принужденія, единственно вслѣдствіе удовлетворенія необходимой потребности, вытекающей изъ развитія матеріальной и духовной жизни. Невозможно желать лучшаго упражненія и полезнѣйшей гимнастики для ума ребенка. Онъ наблюдаетъ, сравниваетъ и разсуждаетъ, имѣя всѣ средства для этихъ упражненій подъ руками. Посредствомъ прогулокъ и приспособленныхъ для этой цѣли моделей, можно расширить кругъ его наблюдательности на всѣ полезные предметы. Цѣлесообразность такихъ уроковъ, повторяемыхъ ежедневно, очевидна. Ребенокъ, разспрашивающій насъ обо всемъ, что его интересуеть, обо всемъ, что его поражаетъ, конечно, въ короткое время пріобрѣтетъ множество очень элементарныхъ и очень ясныхъ понятій по всѣмъ отраслямъ наукъ, потому что предметомъ изученія всѣхъ наукъ служить ничто иное, какъ совершающіяся вокругъ насъ явленія природы и всѣ предметы, существующіе на землѣ. Впрочемъ, всѣ эти свѣденія, какъ-бы ясны они не были для ребенка, умѣстятся въ его головѣ безъ всякой системы и порядка, если мы ограничимся одними прямыми отвѣтами на его вопросы. А потому слѣдуетъ почаще возвращаться съ ребенкомъ къ однимъ и тѣмъ-же предметамъ, дающимъ пищу его наблюдательности; но какъ собрать ихъ всѣ въ одно мѣсто, тѣмъ болѣе, что явленія природы весьма скоропроходящи, и уловить удобные моменты для ихъ созерцанія чрезвычайно трудно! Да и кромѣ того всѣ предметы и различныя явленія природы перемѣшаны и перепутаны между собою, представляясь намъ безъ всякой послѣдовательности и въ безпорядкѣ. А между тѣмъ, крайне необходимы всѣ свѣдѣнія, которыми обогащается умъ ребенка, сообщать ему въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности. Очевидно, что слѣдуетъ отыскать какое-нибудь средство, чтобъ соединить въ одно мѣсто и привести въ извѣстный порядокъ всѣ различныя предметы, чудеса и явленія природы, представляющіяся нашимъ глазамъ случайно и мимолетно. Рамбоссонъ реко-

междуется рисованіе, этотъ языкъ природы, который дитя сразу понимаетъ, никогда не изучавши его. Покажите ребенку рисунокъ дерева, цвѣтка или животнаго, онъ тотчасъ же узнаетъ эти предметы, какъ-будто видитъ ихъ въ дѣйствительности; созерцаніе ихъ доставляетъ ему необыкновенное удовольствіе, вслѣдствіе сравненія дѣйствительнаго предмета съ изображеніемъ. Итакъ, при помощи рисунковъ, мы можемъ владѣть всею міромъ, и, имѣя подъ рукою нѣсколько иллюстрированныхъ книгъ, можемъ воспроизводить, по своему желанію, все чудеса и явленія природы. Слѣдовательно, нужно себѣ составить коллекцію гравюръ, расположенныхъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ; сюда войдетъ коллекція важнѣйшихъ породъ деревьевъ и цвѣтовъ, полезнѣйшихъ животныхъ, важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ научныхъ явленій, — однимъ словомъ, составителю маленькій курсъ въ картинахъ по части естественныхъ наукъ. Во все времена люди сознавали великое значеніе для воспитанія наблюденіе надъ природою во всехъ ея проявленіяхъ, посредствомъ-ли рисунковъ, или другими способами. Гораций уже писалъ: „скорѣе при помощи глазъ, чѣмъ ушей, достигается умственное совершенство“.

Въ наше время гравюры получили такое распроетраненіе, что можно подумать, что нечего больше желать въ этомъ отношеніи; но, къ несчастію, на дѣлѣ выходитъ иначе: недостаточно еще имѣть орудіе въ рукахъ, надо умѣть разумно съ нимъ обращаться. Во всехъ, даже удобнѣйшихъ, опытахъ этого рода, сдѣланныхъ до настоящаго времени, въ особенности относительно примѣненія этого метода къ самому раннему возрасту, еще бездна пробѣловъ и недостатковъ. Когда ребенокъ начнетъ сосредоточивать свои мысли, тогда можно ему показать первый листъ его учебной книги; это для него можетъ быть и урокомъ, и развлеченіемъ, и наградою. — Первый листъ, равно какъ второй, третій и послѣдующіе, должны представлять предметы въ большомъ видѣ. При видѣ этихъ картинокъ, ребенокъ придетъ въ неописанный восторгъ и залепечетъ своимъ дѣтскимъ жаргономъ, начнетъ рассказывать и спрашивать. Его хвалятъ за ска-

занное вѣрно, поправляютъ ошибки и разъясняютъ то, что онъ способенъ понять. Одинъ и тотъ-же рисунокъ можетъ служить для нѣсколькихъ бесѣдъ, и не слѣдуетъ переходить къ другому, прежде чѣмъ ребенокъ не вполне усвоилъ себѣ смыслъ и значеніе предыдущаго. Заставляя ребенка прослѣдить по этимъ рисункамъ всѣ естественныя явленія, связанныя съ разсматриваемымъ предметомъ, подмѣченныя имъ въ дѣйствительности, вы не только приведете въ порядокъ мысли ребенка, но и заставите его упражняться въ самыхъ пріятныхъ для него сравненіяхъ и сближеніяхъ; а великое значеніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія не требуютъ доказательствъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ можно сначала заставлять разсматривать и изучать предметы на рисункахъ, а затѣмъ уже заняться наблюденіями надъ дѣйствительными предметами, если къ тому представится возможность. Такой порядокъ также полезенъ, какъ и первый. Аналогія и сравненіе дѣйствительности съ изображеніемъ, имѣющіе мѣсто при этихъ занятіяхъ, возбуждаютъ любознательность ребенка, интересуютъ его въ высшей степени, и безъ всякаго утомленія упражняютъ всѣ его способности и силы. Когда, такимъ образомъ, будетъ объяснена цѣлая коллекція гравюръ, нужно ее снова пройти сначала одинъ, два, три раза и больше, подобно тому, какъ ученики нашихъ гимназій повторяютъ свои учебники. Съ каждымъ разомъ ребенокъ, приобрьтая все болѣе познаній, будетъ задавать учителю и болѣе разумные вопросы, тогда уже можно давать и объясненія гораздо обстоятельнѣе. Такимъ образомъ, умъ ребенка будетъ развиваться прогрессивно, безъ большихъ усилій и трудовъ. Равнымъ образомъ, надо запастись рисунками по части искусствъ, различныхъ ремеслъ и главнѣйшихъ отраслей промышленности, занимающихся обработкою растений, животныхъ продуктовъ и т. п. Этимъ способомъ ребенокъ пройдетъ сжатый курсъ искусствъ и ремеслъ, дополняя его свѣдѣніями, приобрьтаемыми во время прогулокъ, которыя надо всегда предпринимать съ полезною цѣлью. На обработанномъ полѣ, въ мастерскихъ, на заводахъ, онъ объяснитъ то, что изучилъ по рисункамъ

Надо остерегаться утомлять вниманіе ребенка. Только при этомъ условіи преподаваніе можетъ идти успѣшно. По той же причинѣ не слѣдуетъ заботиться объ устраненіи обыденныхъ случайностей и мелочныхъ отвлеченій, находящихся хотя сколько нибудь въ связи съ воспитаніемъ ребенка. Весьма естественно, что онъ постарается запомнить все видѣнное, все случившееся въ его присутствіи, имѣющее какое либо отношеніе или аналогично съ тѣмъ, что представляетъ ему рисунокъ, находящійся передъ его глазами. Не надо мѣшать его дѣтской болтовнѣ; напротивъ, наставникъ долженъ его поощрять къ тому, рассказывая что нибудь забавное, и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное. При такихъ условіяхъ урокъ можетъ продолжаться до безконечности, нисколько не утомляя вниманія ребенка; рисунки служатъ въ то же время темою для пріятнаго разговора и для серьезнаго урока. Такимъ образомъ, умъ и сердце ребенка развиваются съ изумительною легкостью: „чѣмъ меньше, — говоритъ Фенелонъ — будетъ дѣйствительныхъ уроковъ, тѣмъ лучше; въ веселыхъ разговорахъ можно передать ребенку гораздо больше полезныхъ свѣдѣній, чѣмъ во время самыхъ уроковъ“ *). Такимъ образомъ, развивая и укрѣпляя умственные способности ребенка (главнѣйшая цѣль, которую никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду), ему въ то же время сообщаются вѣрныя, ясныя и точныя понятія обо всемъ окружающемъ и интересующемъ его, обо всѣхъ вещахъ, могущихъ ему быть полезными, и съ которыми ему приходится безпрестанно сталкиваться. Другое преимущество, неразрывно связанное съ этою методою, заключается въ томъ, что употребляя въ разговорѣ съ ребенкомъ ясныя и правильныя выраженія, его легче выучивать родному языку, чѣмъ это достигается въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для того, чтобы дитя вѣрно выговаривало слова, нужно только правильно выражаться въ его присутствіи; онъ по необходимости будетъ повторять то, что слышитъ. Такимъ образомъ, въ самое короткое время ученикъ пріобрѣтетъ

*) Education des filles, т. V.

бездну полезныхъ свѣдѣній, которыя ему легко будетъ передать изустно. Когда онъ начнетъ писать, то гравюры, изъ которыхъ онъ почерпнулъ свои первыя научныя понятія, послужатъ ему темою для письменныхъ разсказовъ и описаній; изучивши хорошо предметы, ему не трудно будетъ излагать свои знанія на бумагѣ и онъ будетъ безъ утомленія переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, не затрудняясь никогда въ прѣисканіи словъ для своихъ мыслей, и наоборотъ. Эти уроки получаютъ особенную занимательность и поучительность, если въ нихъ участвуютъ вмѣстѣ нѣсколько дѣтей—каждый объясняетъ картинку въ свою очередь, безъ всякаго стѣсненія, по своему, въ свойственныхъ каждому выраженіяхъ и оборотахъ; способнѣйшій изъ дѣтей можетъ играть роль репетитора относительно другихъ.

Далѣе Рамбосинъ указываетъ на тѣ неоцѣненные услуги, которыя можетъ оказать при воспитаніи ребенка исторія, отчасти по своей занимательности, отчасти потому, что она представляетъ еще примѣръ всѣхъ добродѣтелей, правила общежитія для всѣхъ возрастовъ и для цѣлей жизни. Удачно выбранныя примѣры дѣйствуютъ успѣшнѣе всякихъ нравочученій, преимущественно въ дѣтскомъ возрастѣ. „Ничто не проникаетъ такъ легко и глубоко въ душу, какъ вліяніе примѣра“; *) исторія въ картинахъ можетъ воспроизвести образы великихъ людей всѣхъ временъ и сохранить память о ихъ жизни и дѣяніяхъ; дитя можетъ проникнуться ихъ духомъ, освоиться съ ихъ мыслями, съ ихъ чувствами и образомъ дѣйствій; однимъ словомъ, ребенокъ можетъ самъ подняться до того нравственнаго величія, которымъ отличались знаменитыя историческія личности. Изученіе исторіи по картинамъ очень нравится дѣтямъ; они слушаютъ и смотрятъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Ихъ умъ развивается съ удивительною легкостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигается двойная воспитательная цѣль: сообщается ребенку полезныя свѣдѣнія и въ тоже время представляются ему достойные подражанія примѣры.

*) Локкъ. „Мысли о воспитаніи“.

Если вы хотите развить въ ребенкѣ инстинктивное чувство прекраснаго, то окружите его одними безукоризненно-хорошими предметами, и научите его цѣнить ихъ по достоинству. Понятіе о красотѣ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, легко передается ребенку при помощи системы Рамбоссона, такъ какъ предлагаемыя имъ коллекціи гравюръ должны представлять какъ идеи, такъ и формы; эти-то коллекціи постоянно находятся передъ глазами ребенка. А извѣстно, что обычная обстановка, производить на насъ нечувствительное, но постоянное и могущественное дѣйствіе. „Очень важно, говорить Монтено *), если дитя съ самой ранней молодости постоянно видитъ передъ собою прекрасные и высокохудожественные образцы искусствъ; этимъ обстоятельствомъ объясняютъ врожденную способность итальянцевъ быстро схватывать красоты живописи“.

Наблюдая затѣмъ, чтобы ребенокъ дѣлалъ все надлежащимъ образомъ и доставляя ему случаи правильно развивать свои наклонности, легко достигнуть того, что ребенокъ будетъ обладать сильвымъ и вѣрнымъ голосомъ, правильнымъ слухомъ, хорошимъ почеркомъ и точнымъ глазомѣромъ.

Рисованіе, письмо и чтеніе надо преподавать одновременно. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ развиваетъ свою руку и глазъ, чертя линіи и фигуры на доскѣ, раздѣляя ихъ на равныя и пропорціональныя части, надо обращать его вниманіе на тѣ простыя составныя части, изъ которыхъ формируются всѣ буквы; учась писать буквы, онъ въ тоже время учится ихъ называть и составлять изъ нихъ слова, такъ что когда онъ дойдетъ до того, что будетъ умѣть написать всѣ буквы, то съумѣетъ также не только ихъ называть, но также связать въ слоги и читать цѣлыя слова. Ребенокъ будетъ вѣрно выговаривать слова, если съ нимъ постоянно будутъ говорить правильно. Правописанію онъ обучается также практически, записывая на доскѣ названія окружающихъ его предметовъ и тѣ явленія, которыя происходятъ на его гла-

*) Revue des deux Mondes.

захъ. Эти занятія должны производиться въ извѣстномъ прогрессивномъ порядкѣ; тогда въ очень короткое время и безъ малѣйшаго напряженія, ребенокъ будетъ въ состояннн описать и даже дѣлать небольшія сочиненія почти вовсе безъ орфографическихъ и синтаксическихъ ошибокъ, не заглянувъ еще въ учебникъ грамматики. Онъ самъ составитъ для себя грамматику, такъ сказать практическую, переписывая упражненія, сдѣланныя на доскѣ, въ особую тетрадь, которую онъ самъ сохраняетъ и иногда пересматриваетъ.

Счисленію онъ выучивается шутя и будетъ рѣшать даже легкія задачи, не умѣя еще написать цифры. Словомъ, весь методъ Рамбоссона проникнуть одной идеей, соединяющей, поддерживающей и связывающей всѣ отдѣльныя части. Исходною точною воспитанія служатъ естественныя склонности ребенка и первоначальныя указанія самой природы; онъ постоянно имѣются въ виду, при чисто практическомъ направленнн преподаванія, основанномъ на дѣйствительности, но не на отвлеченныхъ и условныхъ принципахъ. По такому способу воспитаніе превращается въ необходимое удовлетвореніе требованій естественной склонности всѣхъ способностей человека. Развитие ребенка подвигается впередъ безъ утомленія, безъ насилія и безъ принужденія, подобно росту цвѣтка, разумно воздѣлываемаго, отъ котораго удаляютъ все для него вредное и, напротивъ, окружаютъ всѣмъ, что можетъ способствовать его процвѣтанію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наибольшіе успѣхи въ дѣлѣ воспитанія достигаются тогда, когда руководить непосредственно сама мать. Въ послѣднее время у насъ образовалось множество весьма дѣльныхъ и разумныхъ наставницъ, но еще больше остается наставницъ, которыя уродуютъ, коверкаютъ характеръ ребенка. Большинство этихъ боннъ и гувернантокъ или сами еще нуждаются въ образованнн, или испорчены на столько, что поручать имъ ребенка болѣе чѣмъ опасно. Кромѣ того, самое важное въ дѣлѣ воспитанія, это умѣнье привязать къ себѣ ребенка и въ свою очередь чувствовать къ нему привязанность, любить ребенка и самое дѣло, а что можетъ быть выше и чище привязан-

ности и любви матери? несчастливъ тотъ ребенокъ, который, едва появившись на свѣтъ Божій, поручается наемной мамкѣ, затѣмъ переходитъ на попеченіе наемной няньки, чтобы черезъ нѣсколько времени поступить въ распоряженіе наемной же бонны! Истинная наставница ребенка, назначенная къ тому самою природою, его мать; къ ея обязанностямъ принадлежитъ правильное развитіе всѣхъ способностей ребенка, первоначальное воспитаніе должно производиться въ средѣ семейства. Впрочемъ, о значеніи матери, какъ воспитательницы мы уже говорили въ первой главѣ нашей книгѣ и потому мы ограничимся здѣсь словами знаменитой женщины*): „если бы женщина послушала голосъ природы, то ея истиннымъ призваніемъ сдѣлалось бы усовершенствованіе человѣческаго рода“.

Въ заключеніе приведемъ выдержку изъ одного циркуляра французскаго министра народнаго просвѣщенія трактующаго о важности первоначальнаго воспитанія. Министръ находитъ, что въ этомъ отношеніи нельзя терять ни одной минуты; въ народѣ характеры измельчали, умы сообразились съ истиннаго пути, семейныя связи ослабли, а потому необходимо немедленно приняться за возстановленіе единственной непобѣдимой силы, силы ума и нравственности. Къ этому министръ добавляетъ: „мы не упустимъ изъ виду, что мать есть первая и лучшая наставница своихъ дѣтей, что только она способна вселить въ дѣтяхъ благородныя чувства и возвышенныя идеи, что правила нравственности, преподаваемые въ школахъ, не производятъ на насъ ни малѣйшаго дѣйствія, если мы не прониклись насквозь вліяніемъ первыхъ уроковъ и первыхъ материнскихъ ласкъ, что сила каждаго отдѣльнаго гражданина и всего общества беретъ свое начало въ первоначальномъ воспитаніи“.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

*) Г-жа Неккеръ-де-Сосюръ.